ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

и

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ

въ Зап. Европѣ и Сѣв.-Америк. Соедин. Штатахъ.

Томъ третій.

РЕДАКЦІЯ

Є. Смирнова.

Изданіе Н. ГЛАГОЛЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

2075

535
36

Типо-литографія Б. М. Вольфа. Разъѣзжая, 15.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Данія. Очеркъ *Е. Линдена.* стр.

Глава I: Эволюція политическаго строя.—Конституція. . . . 3
„ II: Народно-хозяйственная жизнь 9
„ III: Политическія партіи 18

Испанія. Очеркъ *А. Винарделъ-Ройча.*

Глава I: Конституція 31
„ II: Политическія партіи 38
„ III: Заключеніе 48

Италія. Очеркъ *Л. Шейниса.*

Глава I: Объединеніе Италіи 53
„ II: Соціально-экономическая жизнь.—Сѣверъ и Югъ . 63
„ III: Конституція и власть короля 74
„ IV: Парламентъ 81
„ V: Избирательная система и выборы 88
„ VI: Политическія партіи 101

Португалія. Очеркъ *К. де-Карвалло.*

Глава I: Государственный строй 117
„ II: Политическія партіи 122

Сѣв.-Америк. Соед. Штаты. Очеркъ *И. Гурвича.*

Введеніе 131
Глава I: Колоніальный періодъ.—Новая Англія 137
„ II: Отпаденіе колоній отъ Англіи 139
„ III: Образованіе федераціи 145
„ IV: Федеральная конституція 154
„ V: Верховный Судъ 159
„ VI: Ростъ централизаціи. 164
„ VII: Борьба за всеобщее избирательное право. 169
„ VIII: Политическія партіи. 174
„ IX: Партійная система и законодательныя учрежденія . 183
„ X: Реакція противъ демократіи 189
„ XI: Реакція противъ либерализма 199
„ XII: Партіи реформы 206
„ XIII: Новѣйшія демократическія реформы 222
„ XIV: Референдумъ и инициатива 230

Швейцарія. Очеркъ *М. Панина.* стр.

Введеніе 239
Глава I: Очеркъ экономической жизни 243
„ II: Развитіе конституціонныхъ формъ 255
„ III: Политическія партіи 282

Приложеніе:

Основы избирательнаго права въ Европѣ и Америкѣ. Очеркъ *В. Водовозова.*

Глава I: Основанія избирательнаго права 313
„ II: Избиратели 320
„ III: Организація избирательнаго права 339
„ IV: Внѣшняя организація выборовъ 351
„ V: Агитація при выборахъ 365

Дейнцеръ.

ДАНІЯ.

I.

Эволюція политическаго строя.—Конституція.

Конецъ восемнадцатаго вѣка, конецъ сороковыхъ, конецъ шестидесятыхъ и начало семидесятыхъ годовъ девятнадцатаго вѣка, точно вѣхи, отмѣчаютъ поворотные пункты въ эволюціи государственнаго и политическаго строя Даніи, хронологически почти совпадая съ величайшими событіями, повлекшими за собою коренное переустройство политическаго уклада всѣхъ передовыхъ государствъ Европы. Но это хронологическое совпаденіе и одинъ и тотъ же историческій смыслъ не помѣшали тому, что группировка и политическая окраска боровшихся общественныхъ классовъ отличалась въ Даніи большою національною своеобразностью.

Конецъ восемнадцатаго вѣка застаетъ въ Даніи, какъ, и повсюду въ Европѣ, крупное дворянство вооруженнымъ сильною политическою властью, дававшей возможность экономической эксплоатаціи широкихъ слоевъ населенія. Датское дворянство обладало обширными земельными владѣніями и усердно занималось сельскимъ хозяйствомъ и охотою, продукты которыхъ экспортировались за границу. Но не большіе размѣры Даніи не давали возможности датскому дворянству широко развернуться, такъ какъ маленькая и бѣдная страна не могла играть крупной исторической роли и не могла даже обезпечить многочисленному дворянству привольной и широкой жизни. Въ далекомъ историческомъ прошломъ датское дворянство удовлетворяло свое честолюбіе и свои широкія потребности тѣмъ, что постоянно предпринимало смѣлыя колонизаторскія затѣи, стараясь расширить свою власть и свой рынокъ сбыта далеко за тѣсные предѣлы датскаго королевства. Достаточно вспомнить знаменитыхъ датскихъ викинговъ, чтобы составить себѣ общее представ-

леніе о смѣлости и удачности колонизаторскихъ затѣй древняго датскаго дворянства. Но датское королевство было слишкомъ мало и малолюдно, чтобы оно въ состояніи было развить и поддержать широкую колонизаторскую дѣятельность, и, дѣйствительно, въ скоромъ времени завязанныя Даніей торговыя сношенія съ широко разбросанными географическими пунктами постепенно переходятъ въ руки болѣе сильныхъ и крупныхъ государствъ. Датское дворянство вынуждено было сузить свою жизнь по тому тѣсному масштабу, который могла позволить маленькая и бѣдная страна. Къ концу восемнадцатаго вѣка широкіе заморскіе планы датскаго дворянства уже давнымъ давно отошли въ область исторіи, но память о нихъ и гордыя традиціи продолжали еще кружить головы и мѣшали примириться со скромною ролью и жизнью крупныхъ аграріевъ маленькой страны. А между тѣмъ рессурсы для широкой жизни все убывали. Дворяне продолжали жить въ роскошныхъ замкахъ, продолжали щедро меценатствовать, культивируя вокругъ себя утонченную умственную жизнь, держа обширную свиту слугъ и постоянно разъѣзжая по всему свѣту. Доставшееся отъ предковъ солидное наслѣдство быстро таяло, а доходы съ помѣстій были слишкомъ скромны для того, чтобы поддержать подобную роскошную жизнь. Но надвигавшіяся историческія событія все урѣзывали и эти доходы, опиравшіеся на несправедливыя привилегіи и на суровое закрѣпощеніе крестьянъ.

Конецъ восемнадцатаго вѣка прежде всего нанесъ крупному дворянству чувствительный ударъ отмѣной (1788 г.) крѣпостного права. Въ рукахъ дворянства продолжали еще оставаться крупныя помѣстья и цѣлый рядъ привилегій, но оно было озлоблено прогрессирующимъ процессомъ своего разоренія и ревниво слѣдило за ростомъ и укрѣпленіемъ королевской власти, оттѣснявшей дворянство отъ непосреднаго руководительства ходомъ государственной жизни. Эта-то непріязнь между дворянствомъ и королевской властью и придала своеобразный историческій характеръ группировкѣ въ Даніи общественныхъ силъ на рубежѣ восемнадцатаго и девятнадцатаго вѣка. Крѣпнувшая королевская власть искала и нашла себѣ поддержку у тогда, правда, еще чрезвычайно слабой, датской буржуазіи, тогда какъ крупное дворянство боролось съ абсолютизмомъ, не желая совсѣмъ утратить свою былую политическую власть. Рядъ неудачныхъ войнъ, вдохновителемъ и руководителемъ которыхъ было дворянство, окончательно лишилъ крупныхъ дворянъ поддержки населенія, и въ началѣ девятнадцатаго вѣка пали гордыя

политическія прерогативы и притязанія дворянства, и въ Даніи воцарился такъ называемый просвѣщенный абсолютизмъ, получившій здѣсь, быть можетъ, наиболѣе классически-завершенный характеръ. Дворянство принуждено было покориться; крестьянство, только недавно освобожденное отъ долгаго и суроваго крѣпостного права, было слишкомъ забито, бѣдно, невѣжественно, чтобы играть какую-нибудь политическую роль, а немногочисленная буржуазія шла рука объ руку съ абсолютизмомъ и, что чрезвычайно своеобразно, абсолютизмъ именно изъ среды буржуазіи бралъ крупныхъ сановниковъ и чиновниковъ, и даже въ арміи большинство наиболѣе важныхъ мѣстъ было занято представителями буржуазіи.

Такимъ образомъ, тогда не было общественнаго класса, интересы котораго толкали бы его на борьбу съ абсолютизмомъ во имя большей политической свободы, причемъ и этотъ абсолютизмъ обнаружилъ извѣстную политическую терпимость. Царствованіе Фридриха VI (1808—1839 гг.) было эрой просвѣщеннаго абсолютизма, который, подчиняясь „духу времени“, сдѣлалъ лишь очень жалкіе и робкіе шаги по направленію къ организаціи народнаго представительства. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было согласіе допустить извѣстную гласность въ дѣлахъ государственныхъ финансовъ (1813 г.). До сихъ поръ государственный бюджетъ не только ничѣмъ не контролировался, но даже не опубликовывался. Но насколько тогда еще не было сильнаго общественнаго класса, который энергично выдвигалъ бы политическія реформы, объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что лишь черезъ 22 года эта скромная реформа была дѣйствительно приведена въ исполненіе,—только въ 1835 г. начинаетъ въ Даніи публиковаться государственный бюджетъ. Недаромъ первый робкій шагъ отъ патріархальнаго государственнаго строя былъ сдѣланъ въ области финансовой. Датская буржуазія въ эту эпоху была крайне малочисленна и слаба, промышленность была въ зачаточномъ состояніи, страна жила лишь экспортомъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и пушного звѣря, вслѣдствіе чего,—въ особенности, если мы вспомнимъ указанныя историческія условія—буржуазія была вѣрнымъ слугою просвѣщеннаго абсолютизма. Но несчастныя войны, которыя вела Данія, разорили ее, окончательно расшатавъ ея финансы, и въ тотъ же 1813 годъ, когда, какъ мы видѣли, Фридрихъ VI далъ обѣщаніе опубликовывать государственный бюджетъ, цѣнность бумажныхъ денегъ, вслѣдствіе финансоваго разоренія страны, пала до одной четверти номинальной стоимости. Это финансово-

разореніе обусловило первое проявленіе неудовольствія между абсолютизмомъ и буржуазіей, которая начала поговаривать о необходимости установленія контроля надъ государственнымъ бюджетомъ, найдя себѣ поддержку въ извѣстныхъ слояхъ аристократіи. Но лишь къ концу тридцатыхъ годовъ слѣдуетъ отнести первое появленіе извѣстной политической группировки недовольныхъ элементовъ, настаивавшихъ на введеніи умѣренной конституціи. Эта первая политическая группировка была очень пестра по своему классовому составу, охвативъ и либеральную буржуазію, и часть аристократіи, и представителей такъ называемыхъ либеральныхъ профессій.

Къ этому времени въ Даніи уже были практически осуществлены кое-какія, очень скромныя, попытки ограниченія абсолютизма народнымъ представительствомъ. И опять-таки сдѣлано это было, главнымъ образомъ, все въ той же сферѣ государственныхъ финансовъ, которые отдавались на обсужденіе особыхъ совѣщательныхъ собраній.

Бурный сорокъ восьмой годъ, вызвавшій ломку стараго государственнаго строя во всѣхъ передовыхъ странахъ Европы, засталъ въ Даніи проектъ конституціи, составленный и оставленный безъ опубликованія Христіаномъ VIII, умершимъ какъ разъ въ 1848 г. Наслѣдовавшій ему Фридрихъ VII (1848—1863 гг.), при помощи либеральнаго министерства, опубликовалъ въ 1848 г. рядъ либеральныхъ реформъ, а въ слѣдующемъ 1849 г. провозгласилъ конституцію. По этой конституціи въ Даніи учреждались двѣ палаты, составившія вмѣстѣ сеймъ и избираемыя лишь слоями населенія, обладающими опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ. Конституція гарантировала свободу вѣры, печати, собраній [1]).

Эта конституція была провозглашена подъ давленіемъ уже значительно болѣе разросшейся общественной оппозиціи и при значительно болѣе окрѣпшей классовой группировкѣ. Либеральное теченіе, въ тридцатыхъ годахъ имѣвшее не особенно многочисленныхъ представителей лишь въ Копенгагенѣ, къ 1848 г. уже значительно разрослось, и къ нему примкнули сознательные слои крестьянства, поддерживавшіе требованіе о введеніи конституціи и вмѣстѣ съ тѣмъ выдвинувшіе и свое требованіе аграрныхъ реформъ.

Какъ и повсюду послѣ бурнаго 1848 г., въ Даніи начала все смѣлѣе и явственнѣе сказываться реакція. Въ пяти-

[1]) По этой конституціи учреждались двѣ палаты: нижняя палата или палата депутатовъ (Folkething) и верхняя (Landething). Первая избиралась всеобщимъ голосованіемъ, съ незначительнымъ цензомъ, вторая—болѣе ограниченнымъ кругомъ лицъ съ высокимъ имущественнымъ цензомъ.

десятыхъ годахъ конституція 1849 г. была пересмотрѣна королемъ и опубликована вновь съ значительно урѣзанными правами и полномочіями сейма. Но уже функціонировавшій сеймъ и сильно разросшаяся либеральная партія объявили эту новую урѣзанную конституцію незаконной и отказались ей подчиняться, открывъ противъ нея кампанію въ печати и собраніяхъ. Королевская власть, въ свою очередь, стала преслѣдовать печать и рѣшила еще сократить права сейма, отведя ему лишь роль чисто совѣщательнаго учрежденія, исключая, впрочемъ, вопросъ о введеніи новыхъ налоговъ, по отношенію къ которому сеймъ сохранялъ свой рѣшающій голосъ (1854 г.). Началась упорная борьба между народнымъ представительствомъ и правительствомъ. Обѣ стороны пошли на уступки, и въ 1855 г. правительство вновь возвратило сейму его права, но вмѣстѣ съ тѣмъ основало верховный государственный совѣтъ, состоящій изъ 35 избираемыхъ населеніемъ и 12 назначаемыхъ королемъ членовъ. Безконечныя войны, которыя вела въ это время Данія изъ-за Шлезвига и Голштиніи, отвлекали силы и вниманіе отъ переустройства внутренней жизни, къ тому же и либеральная партія, увлеченная національными задачами, въ эти тяжелые годы датской исторіи больше занималась вопросами внѣшней, чѣмъ внутренней политики. Только что упомянутая нами конституція 1855 г., явившаяся компромиссомъ между правительствомъ и либеральной партіей, уже съ самаго начала никого не удовлетворила, и представительныя учрежденія датскихъ герцогствъ прямо отказались принять ее, и она была введена въ силу вопреки ихъ протесту.

Либеральная партія, какъ мы уже замѣтили, была увлечена національными задачами и поглощена вопросомъ о томъ, будутъ ли Голштинія и Шлезвигъ нѣмецкими или датскими. Войны эти, какъ извѣстно, кончились крайне неблагопріятно для Даніи, лишившейся трехъ герцогствъ. Окончаніе этихъ изнурительныхъ войнъ вновь поставило на очередь историческаго дня вопросы преобразованія государственной жизни. Наряду съ пестрой по своему общественному составу либеральной партіей теперь уже появляется, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ развитія политическаго сознанія среди датскихъ крестьянъ, болѣе однородная демократическая партія, извѣстная подъ именемъ „друзей крестьянъ“. Партія эта выставила требованіе очищенія конституціи 1849 г. отъ всѣхъ позднѣйшихъ реакціонныхъ измѣненій и добавленій.

Правительство пошло отчасти навстрѣчу этому требованію и предложило новую конституцію, опирающуюся на палату депутатовъ („фолькетингъ“), избираемый народомъ, при-

чемъ имущественный цензъ долженъ былъ быть ничтоженъ, и сенатъ („ландстингъ"), состоящій изъ 66 членовъ, изъ которыхъ 12 назначались королемъ, а 54 избирались слоями населенія, удовлетворяющими довольно высокому имущественному цензу. Эта конституція встрѣтила ожесточенную оппозицію со стороны нижней палаты сейма, что вновь породило длительный конфликтъ между правительствомъ и народнымъ представительствомъ. Потянулись длинные годы настойчивой оппозиціи рейхстага, либеральное большинство котораго неизмѣнно отказывало утверждать бюджетъ, надѣясь этимъ парализовать всякую дѣятельность правительства, но датское правительство, какъ мы увидимъ ниже, нашло конституціонный выходъ изъ своего затруднительнаго положенія и, пользуясь 25 статьей конституціи—о ней ниже—проводило „временный" бюджетъ безъ утвержденія палаты.

Во всякомъ случаѣ, несмотря на оппозицію, конституція 1866 г., представляющая собою въ значительной степени возвращеніе къ конституціи 1849 г., уже больше не измѣнялась, и она продолжаетъ дѣйствовать и понынѣ.

По этой конституціи, королемъ назначаются министры, которые всѣ вмѣстѣ составляютъ государственный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ короля. Въ этомъ государственномъ совѣтѣ должны обсуждаться „важнѣйшія" дѣла, причемъ практикой выработанные регламенты,—а въ непредвидѣнныхъ случаяхъ королевскія резолюціи,—опредѣляютъ, какія именно дѣла должны рѣшаться въ государственномъ совѣтѣ.

Наряду съ государственнымъ совѣтомъ существуетъ совѣтъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ министра-президента. Совѣтъ министровъ разсматриваетъ дѣла, передаваемыя ему государственнымъ совѣтомъ, какъ не представляющія особенной государственной важности, причемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ король опредѣляетъ, должно ли быть постановленіе совѣта министровъ по данному дѣлу признано окончательнымъ, или же оно подлежитъ санкціи государственнаго совѣта. Министры отвѣтственны передъ королемъ и передъ „фолькетингомъ". Они могутъ состоять членами фолькетинга и ландетинга, но, даже не состоя членомъ этихъ представительныхъ учрежденій, министры, согласно конституціи 1866 г., всегда имѣютъ въ нихъ неограниченное право голоса. Наконецъ, при третьемъ чтеніи какого-нибудь законопроекта они имѣютъ право предлагать тѣ или иныя поправки, право, котораго всѣ члены палаты лишены. Министры отвѣтственны передъ сеймомъ [1]), и каждый членъ

[1]) Сеймомъ или рейхстагомъ называются обѣ палаты, вмѣстѣ взятыя.

рейхстага имѣетъ право интерпеллировать министра, причемъ интерпелляція, по датской конституціи, можетъ представлять или „мотивировку порядка дня“, т. е. непосредственно опираться на вопросы, стоящіе на очереди дня, или же быть „абстрактной резолюціей“, т. е. не быть связанной съ порядкомъ дня; въ послѣднемъ случаѣ соотвѣтствующее заявленіе должно быть письменно сдѣлано президенту палаты, который и ставитъ на голосованіе, безъ дискуссіи, вопросъ, выслушать ли интерпелляцію или нѣтъ. Ландстингъ и фолькетингъ сохраняютъ право обращаться непосредственно къ королю съ порицательными или одобрительными адресами. Юридически министры отвѣтственны передъ фолькетингомъ, который при судебныхъ обвиненіяхъ министра выступаетъ, истцомъ, тогда какъ ландстингъ получаетъ представительство въ судѣ, какъ составная часть судебной власти. Король имѣетъ право помиловать осужденнаго министра, но только получивъ на это предварительное согласіе фолькетинга.

Фолькетингъ избирается всеобщею подачею голосовъ, причемъ особенностью датской конституціи является лишь сравнительно поздній возрастъ (30 лѣтъ), дающій избирательное право, и отсутствіе перебаллотировокъ, — выбраннымъ считается получившій простое большинство голосовъ. Это послѣднее обстоятельство, какъ увидимъ ниже, повело къ усиленнымъ попыткамъ партійныхъ коалицій во время выборовъ [1]).

Таковы тѣ внѣшнія законодательныя рамки, въ которыхъ протекаетъ политическая жизнь Даніи. Прежде чѣмъ перейти къ общей характеристикѣ этой жизни, мы должны сказать нѣсколько словъ объ экономическомъ положеніи страны, что поможетъ намъ выяснить внутреннюю пружину политическихъ группировокъ.

II.

Народно-хозяйственная жизнь.

Какъ мы видѣли въ началѣ этого очерка, смѣлыя попытки датчанъ завести колоніи и обширную міровую торговлю потерпѣли неудачу, и Даніи пришлось довольствоваться тѣми тѣсными географическими предѣлами, которые отпустила ей природа.

Населенная бѣдными крестьянами, освобожденными отъ крѣпостной зависимости лишь къ концу восемнадцатаго вѣка, лишенная большихъ городовъ, кромѣ Копенгагена, бѣдная

[1]) О примѣняющейся въ нѣкоторыхъ округахъ системѣ пропорціональнаго представительства см. т. II настоящаго изданія, стр. 315.

капиталами и горными богатствами, богатая лѣсами, пушнымъ звѣремъ и плодородной землей, Данія конца восемнадцатаго вѣка сдѣлалась исключительно сельско-хозяйственною страною. Датское правительство дѣлало попытки искусственно насадить и возрастить крупную промышленность, но эти попытки не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ продукты этой искусственной промышленности были слишкомъ дороги и плохи для того, чтобы завоевать внѣшніе рынки, а крайняя бѣдность населенія и примитивность его запросовъ, удовлетворявшихся собственнымъ трудомъ, открывало слишкомъ скудный внутренній рынокъ, чтобы, опираясь на него, могла развиться промышленность. Датское сельское хозяйство и вообще эксплоатація природныхъ богатствъ лѣсовъ, напротивъ того, имѣли превосходный обширный рынокъ въ Англіи, куда уже очень давно и въ сравнительно большомъ количествѣ Данія начала вывозить сельско-хозяйственные продукты, лѣсъ, мѣха.

Медленно и туго, постоянно опираясь на развивавшееся сельское хозяйство, датская промышленность все-таки развивалась, населеніе возрастало, росли города, расширялся внутренній рынокъ. Въ 1840 г. Копенгагенъ насчитывалъ уже 123.123 жителя, а въ другихъ городахъ въ общей сложности было 143.699 жителей.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, подъ напоромъ развивающейся крупной промышленности, былъ отмѣненъ цеховой строй, и крупной промышленности былъ расчищенъ путь отмѣною цѣлаго ряда остатковъ феодальной эпохи. Не дѣлая блестящихъ успѣховъ, датская промышленность прочно развивалась, опираясь на растущій внутренній рынокъ, представляемый крестьянами, вывозившими свои продукты въ Англію и тамъ ихъ сбывавшими по высокимъ цѣнамъ. Но съ семидесятыхъ годовъ экономическое положеніе датскаго крестьянина сразу и сильно ухудшилось, такъ какъ у него появился грозный конкурентъ въ лицѣ американскаго фермера, начавшаго заваливать всѣ рынки, а въ томъ числѣ и англійскій, крайне дешевыми сельско-хозяйственными продуктами. Подъ вліяніемъ сильной конкуренціи Америки, цѣны на сельско хозяйственные продукты очень быстро и очень сильно понизились, и датскіе крестьяне очутились въ очень тяжеломъ положеніи, будучи не въ состояніи конкурировать со своимъ могучимъ заатлантическимъ конкурентомъ.

Но датское крестьянство сумѣло успѣшно приспособиться къ новымъ условіямъ мірового рынка и успѣло использовать къ своей выгодѣ новую экономическую конъюнктуру, и этимъ оно въ значительной степени было обязано датскимъ народ-

нымъ университетамъ. Народные университеты, какъ извѣстно, появились въ Даніи раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и здѣсь они получили чрезвычайно широкое и своеобразное развитіе. Прежде всего университеты эти вначалѣ строились въ деревняхъ, и многіе лекторы и организаторы ихъ вышли изъ крестьянъ. Уже съ самаго начала эти университеты стремились сблизить интеллигенцію съ крестьянами и демократизировать науку. Университетское движеніе широкою волною разлилось по деревенской Даніи, и очень скоро народные университеты сдѣлались успѣшными разсадниками какъ общаго, такъ и спеціальнаго сельско-хозяйственнаго образованія среди крестьянъ. По единогласному свидѣтельству всѣхъ наблюдателей датской жизни, народные университеты очень сильно содѣйствовали подъему интеллектуальнаго уровня и сельско-хозяйственной техники датскихъ крестьянъ. И только благодаря сравнительно высокому состоянію перваго и второй датскому крестьянству удалось успѣшно справиться съ тяжелымъ сельско-хозяйственнымъ кризисомъ, надвинувшимся въ семидесятыхъ годахъ подъ вліяніемъ заатлантической конкуренціи.

Видя, что дальнѣйшій усиленный вывозъ хлѣба становится невыгоднымъ въ виду стремительнаго паденія хлѣбныхъ цѣнъ, датское крестьянство постепенно передвинуло центръ тяжести своего сельско-хозяйственнаго производства отъ зерновой культуры къ культурѣ животноводства и его продуктовъ. И этотъ переходъ отъ зерновой къ скотоводческой культурѣ не только помогъ датскому крестьянству справиться съ тяжелымъ хозяйственнымъ кризисомъ, но и положилъ начало блестящему развитію датскаго скотоводческаго и молочнаго хозяйства, являющагося въ настоящее время главнѣйшею отраслью датскаго національнаго хозяйства. И эта сознательная смѣна одной сельско-хозяйственной культуры на другую, сообразно съ измѣнившейся экономической конъюнктурой, могла быть совершена только благодаря сравнительно высокой интеллигентности датскаго крестьянина, воспитанной въ значительной долѣ подъ вліяніемъ многочисленныхъ и уже десятками лѣтъ существующихъ датскихъ народныхъ университетовъ.

Что же касается до блестящаго матеріальнаго успѣха этого перехода отъ одной сельско-хозяйственной культуры къ другой, то успѣхъ этотъ, главнымъ образомъ, обусловливался широкимъ примѣненіемъ кооперативнаго начала, получившаго особенно прочное развитіе въ молочномъ дѣлѣ. Мелкіе датскіе крестьяне объединили свое хозяйство на кооперативныхъ началахъ, что дало имъ возможность съ

одной стороны общими усиліями пріобрѣсти дорогія усовершенствованныя машины, а съ другой — сохранить все усердіе, внимательность и трудолюбіе хозяина-собственника. Эти союзы мелкихъ датскихъ крестьянъ, такимъ образомъ, объединили въ себѣ экономически-выгодныя стороны и крупнаго и мелкаго хозяйства, т. е. и высокую технику, обусловленную дорогими машинами, и обширность производства, обусловленную кооперацiей многихъ хозяйствъ, и, наконецъ, трудолюбіе и внимательность собственника а не наемнаго управляющаго и работника. Какъ быстро развивался въ Даніи экспортъ молочныхъ и мясныхъ продуктовъ, производимыхъ по преимуществу средними и мелкими ассоціированными крестьянами, объ этомъ свидѣтельствуютъ хотя бы слѣдующія данныя. Въ 1881 г. изъ Даніи вывозилось 18 — 19 милліоновъ фунтовъ масла, а въ 1890 г. уже—70,5 милліона фунтовъ. Въ 60-хъ годахъ Данія вывозила 40—50.000 свиней и 10 мил. фунтовъ свиного мяса, въ 1883 г.—351.000 свиней и 14 мил. фун. свиного мяса, въ 1892 г.—185.830 свиней и 78,6 милл. мяса.

Чрезвычайно любопытно, что въ числѣ крестьянъ, стоящихъ во главѣ кооперативныхъ обществъ и сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, огромный процентъ занимаютъ бывшіе ученики народныхъ университетовъ. Именно они первыми вступили на тотъ путь, который вывелъ датскаго крестьянина изъ тяжелаго сельско-хозяйственнаго кризиса 80-хъ годовъ на широкую дорогу экономическаго преуспѣянія.

Въ новѣйшее время датскія сельско-хозяйственныя производительныя кооперацiи стали вступать въ непосредственныя сношенія съ англійскими рабочими потребительными кооперацiями; нѣкоторыя же англійскія промышленныя производительныя кооперацiи тоже вступили въ оживленное мѣновое сношеніе съ этими датскими кооперацiями, положивъ этимъ начало чрезвычайно любопытнымъ интернацiональнымъ мѣновымъ сношеніямъ между кооперативными производительными и потребительными обществами.

Нѣкоторые слишкомъ торопливые люди поспѣшили увидѣть въ той эволюцiи, которую продѣлалъ датскій крестьянинъ, на томъ пути, на который онъ теперь вступилъ, окончательное разрѣшеніе соціальнаго вопроса въ сельскомъ хозяйствѣ. Это, конечно, преувеличеніе. Датскія кооперативныя товарищества не разрѣшили соціальнаго вопроса, не устранили существованія сельско-хозяйственнаго пролетаріата и даже не объединили экономически маломощные слои населенія. Они явились лишь очень удобной и выгодной формой организацiи мелкихъ, но экономически крѣпкихъ слоевъ

деревенскаго населенія. Они каждому воздали по капиталамъ его.

Насколько расширилось сельско-хозяйственное производство Даніи и выросъ ея сельско-хозяйственный экспортъ, видно хотя бы изъ того, что въ 1829 г. общій вывозъ всѣхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ равнялся приблизительно 20 милл. кронъ, а въ 1889 г., несмотря на то, что за этотъ періодъ Данія лишилась своихъ трехъ герцогствъ, общій вывозъ поднялся до 94 милл. кронъ. Появленіе обширнаго слоя зажиточныхъ крестьянъ и помѣщиковъ не могло не послужить и къ развитію датской промышленности, получившей крѣпкій и растущій внутренній рынокъ. Датская крупная промышленность дѣлала хотя и не особенно быстрые, но прочные успѣхи, число фабрикъ и заводовъ и число рабочихъ на нихъ возрастало, росли большіе города, и городское населеніе стало представлять все растущій процентъ всего населенія Въ сороковыхъ годахъ, въ городахъ Даніи жило въ общемъ 266.822 души, а въ девяностыхъ годахъ уже — 738.250 душъ. Такимъ образомъ, за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ населеніе городовъ почти утроилось, тогда какъ населеніе деревень и селъ увеличилось лишь съ 1.289.075 до 2.172.380. Передъ нами, слѣдовательно, тотъ же процессъ индустріализаціи страны,—идущій только болѣе медленнымъ темпомъ, — который совершился или совершается во всѣхъ европейскихъ государствахъ.

Наибольшее развитіе получила въ Даніи текстильная и сахарная промышленность, главнѣйшими предметами вывоза служатъ издѣлія изъ дерева и камня, пиво, мука и т. д. Въ общемъ, въ 1903 году Данія ввезла различныхъ продуктовъ на 447 милл. кронъ и вывезла на 3.52.5 милл. кронъ, т. е. цѣнность ввоза превысила цѣнность вывоза на 94,5 мил. кр. Расчленяя вывозъ 1903 г. по отдѣльнымъ статьямъ, мы увидимъ, что Данія въ 1903 г. вывезла 24.500 лошадей, 63.000 штукъ рогатаго скота, 175 мил. фунт. свиного мяса и 25,5 мил. фунт. говядины, 188 мил. фунт. масла и нѣсколько десятковъ милліоновъ яицъ.

Эти бѣглыя и пестрыя данныя позволяютъ охарактеризовать Данію въ хозяйственномъ отношеніи, какъ страну по преимуществу сельско-хозяйственную, экспортъ которой состоитъ почти исключительно изъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ; крупная же промышленность развивается, почти исключительно опираясь на внутренній рынокъ, и потому не можетъ такъ быстро расширять размѣры своего производства, какъ это наблюдается въ другихъ странахъ, работающихъ на широкій міровой рынокъ.

Таковы тѣ хозяйственныя условія, въ рамкахъ которыхъ протекаетъ политическая жизнь Даніи. Эти хозяйственныя условія, въ новѣйшемъ фазисѣ своего развитія вызвавшія, какъ мы видѣли, ростъ крупной промышленности и большихъ городовъ, выдвинули тѣмъ самымъ новый политическій факторъ—рабочее движеніе, подъ воздѣйствіемъ котораго, какъ мы увидимъ ниже, политическая группировка партій получила иной характеръ.

Въ шестидесятыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка, съ одной стороны послѣ законодательной ликвидаціи послѣднихъ остатковъ цехового строя (1862 г.), а съ другой—послѣ окончанія изнурительныхъ и несчастныхъ для Даніи войнъ, датская промышленность начала развиваться болѣе быстрымъ темпомъ, и тогда же начали появляться первые симптомы болѣе или менѣе организованнаго рабочаго движенія. Если въ пятидесятыхъ годахъ всѣ попытки молодого врача, Фр. Дрейера вызвать въ Даніи рабочее движеніе не привели ни къ чему, и его горячая проповѣдь не находила ни слушателей, ни читателей, то къ концу шестидесятыхъ годовъ датскіе рабочіе уже сами, такъ сказать, изнутри себя, выдвинули требованіе на талантливаго и энергичнаго вожака, который сумѣлъ бы ярко и сильно выразить, въ ясныхъ призывныхъ пароляхъ и лозунгахъ, то, что безсознательно уже бродило въ рабочей массѣ.

И когда въ семидесятомъ году явился подобный руководитель въ лицѣ французскаго уроженца, лейтенанта Луи Піо, то рабочая масса встрѣтила его съ распростертыми объятіями. Луи Піо былъ большимъ энтузіастомъ, человѣкомъ большого организаторскаго и ораторскаго таланта, который умѣлъ увлекать массу и имѣлъ, что ей сказать. Но наряду съ этими блестящими качествами онъ былъ человѣкъ слабохарактерный, невыдержанный и, благодаря этимъ чертамъ, онъ впослѣдствіи самъ расшаталъ начатое имъ дѣло. Но въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ развернулъ широкую и кипучую дѣятельность, увѣнчавшуюся очень быстро огромными успѣхами. Уже въ 1871 г. онъ сталъ выпускать „Соціалистическіе листки“ („Socialistiche Blade“), а затѣмъ въ томъ же году принялся за изданіе еженедѣльной рабочей газеты „Sozialisten“, преобразованной въ слѣдующемъ году въ ежедневное изданіе. Датскіе рабочіе съ наивною и восторженною вѣрою относились къ Піо, видя въ немъ Мессію, пришедшаго возвѣстить имъ новую счастливую жизнь. Горячая проповѣдь энтузіаста Піо волновала ихъ, вселяя въ нихъ увѣренность, что все то, что онъ имъ говорилъ, скоро исполнится. Изъ Копенгагена, какъ изъ

центра, рабочее движеніе распространялось по всей Даніи, охватывая все болѣе широкіе слои.

Буржуазное общество и его печать съ самаго начала отнеслись враждебно къ этому новому движенію, и вліятельный органъ фонъ Плуга „Отечество“ открылъ яростную кампанію противъ Піо и его дѣятельности.

Въ маѣ 1872 г. произошла въ Даніи крупная стачка каменщиковъ, и 5 мая было назначено по этому поводу большое собраніе рабочихъ. Піо въ своемъ органѣ поспѣшилъ отозваться на эту стачку зажигательной и рѣзкой статьей, въ которой датское правительство увидѣло призывъ къ насилію. Собраніе было запрещено; рабочіе постановили все-таки собраться. Но наканунѣ всѣ вожаки движенія, и въ ихъ числѣ Піо, были арестованы и черезъ нѣсколько времени приговорены къ долгимъ годамъ тюремнаго заключенія за призывъ къ насилію. Собраніе же рабочихъ было разогнано полиціей. Черезъ годъ было закрыто, властью полиціи, датское отдѣленіе „Интернаціонала“.

Но эти преслѣдованія не остановили, а лишь закалили датское рабочее движеніе. Оно быстро разросталось, хотя и было лишено своихъ талантливѣйшихъ вождей. Число членовъ возрастало, и организація улучшалась; ежедневный органъ аккуратно продолжалъ выходить. Въ 1875 г. Піо и другіе вожаки были освобождены отъ тюремнаго заключенія, но они вышли оттуда разбитыми и усталыми, и тотъ самый Піо, къ которому со слѣпою безграничною вѣрою и надеждою относились рабочіе, принялъ предложенный ему датскою полиціей подкупъ: за извѣстную сумму денегъ онъ согласился уѣхать въ Америку и не возвращаться въ Данію; то же самое сдѣлалъ и другой вожакъ — Гелеферъ.

Датское рабочее движеніе было еще слишкомъ юно, оно еще не успѣло стать на собственныя ноги и слишкомъ тѣсно еще зависѣло отъ личности вожаковъ, чтобы оно могло легко вынести такой тяжелый ударъ. Со времени подкупа Піо и Гелефера датское рабочее движеніе начало сильно падать, охваченное безвѣріемъ и апатіей. Большинство союзовъ было распущено, собранія были рѣдки, отличались малолюдствомъ и вялостью, органъ продолжалъ выходить, но число подписчиковъ въ самое короткое время упало съ 7.000 до 2.000. Для всѣхъ было ясно, что волны рабочаго движенія такъ высоко прилили подъ вліяніемъ притягательной силы блестящихъ личныхъ талантовъ вожаковъ, и что движеніе быстро пошло на убыль, какъ только эти вожаки не только исчезли, но и потеряли нравственную обаятельность.

Органъ датской рабочей партіи, однако, тогда же писалъ,

что насъ „обманули личности, но не принципы; принципы остались"—и звалъ на серьезную организаціонную работу. Лишь въ восьмидесятыхъ годахъ начинается новый приливъ рабочаго движенія, на этотъ разъ безъ фейерверка зажигательныхъ рѣчей талантливыхъ вожаковъ, но прочно и твердо.

Въ настоящее время политическая организація датскихъ рабочихъ („Соціалъ-демократическій союзъ") насчитываетъ 200 отдѣленій съ приблизительно 28.000 членовъ, что, если принять во вниманіе небольшіе размѣры страны и преобладающую роль сельскаго хозяйства, является очень крупною величиною.

Прежде чѣмъ перейти къ политическому представительству рабочаго движенія въ палатѣ депутатовъ, мы должны остановиться еще на профессіональномъ движеніи среди датскихъ рабочихъ, которое во всемъ ходѣ своего развитія было тѣсно связано со всѣмъ рабочимъ движеніемъ.

Еще конституція 1849 г. гарантировала датскимъ рабочимъ право собраній и союзовъ, но практически этимъ правомъ рабочіе начали пользоваться лишь въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ, когда началось политическое движеніе. Въ 1871 г., однако, удалось основать всего лишь три профессіональныхъ союза, которые вмѣстѣ насчитывали 359 членовъ; въ слѣдующемъ году число союзовъ возросло до 4, а число членовъ до 1,002; затѣмъ профессіональное движеніе выражалось въ слѣдующихъ цифрахъ: 1873 г.—было основано 11 союзовъ съ 1.153 членами; 1874 г—7 союзовъ съ 368 членами; 1875 г.—4 союза съ 229 членами; 1876 г.—1 союзъ съ 50 членами и въ 1877 г.—1 союзъ съ 28 членами. Какъ мы видимъ, до конца семидесятыхъ годовъ профессіональное движеніе развивалось очень туго, а въ концѣ семидесятыхъ годовъ, послѣ упомянутаго нами подкупа Піо, не только дальнѣйшій ростъ движенія пріостановился, но и уже существовавшіе союзы начали быстро распускаться. Лишь съ восьмидесятыхъ годовъ начинаетъ быстро разростаться профессіональное движеніе, и въ періодъ съ 1885 г. до настоящаго времени въ Даніи было основано 1.080 новыхъ профессіональныхъ союзовъ.

Вначалѣ всѣ эти синдикаты вели обособленное, разрозненное существованіе, но съ конца восьмидесятыхъ годовъ они начали объединяться въ союзы мѣстные и по профессіямъ. Въ 1897 г. на конгрессѣ въ Стокгольмѣ было рѣшено объединить эти синдикаты въ одинъ національный профессіональный союзъ. Въ слѣдующемъ же году состоялся съѣздъ 405 делегатовъ, представителей 70.000 рабочихъ, который и основалъ „Центральный союзъ датскихъ синдикатовъ", объ-

Вилаверде.

Библиотека ООН
Академия Наук СССР

Академія Н

единившій въ себѣ большинство синдицированныхъ рабочихъ. Внѣ этого центральнаго союза осталось двѣнадцать синдикатовъ съ 5.310 членами и, кромѣ того, 11 профессіональныхъ союзовъ съ 9.904 членами, объединявшихъ приказчиковъ, фармацевтовъ, прислугу и т. д. Въ общемъ, по развитію профессіональныхъ союзовъ Данія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Достаточно сказать, что въ этой маленькой странѣ, число жителей которой не превышаетъ числа жителей Парижа, насчитывается 96.295 организованныхъ въ союзы рабочихъ, что составляетъ три четверти (76%) всѣхъ взрослыхъ датскихъ рабочихъ (работницъ организовано болѣе одной пятой—21%). Въ отдѣльныхъ же отрасляхъ промышленности процентъ организованныхъ достигаетъ 95—96 всего числа рабочихъ.

Широкій успѣхъ датскихъ профессіональныхъ союзовъ побудилъ датскихъ фабрикантовъ основать свой профессіональный союзъ (1899 г.). Съ самаго начала между этими двумя организаціями установились враждебныя отношенія, и уже въ маѣ 1899 г. союзъ фабрикантовъ, въ виду мѣстной стачки небольшого числа столяровъ, постановилъ расчитать всѣхъ столяровъ, пока устроившіе стачку не откажутся отъ своихъ требованій. Переговоры между союзомъ рабочихъ и союзомъ фабрикантовъ еще больше обострили конфликтъ, и, въ концѣ концовъ, союзъ фабрикантовъ, устроилъ грандіозный локаутъ, выбросивъ на улицу въ общей сложности 40.000 человѣкъ. Борьба длилась больше четырехъ мѣсяцевъ и кончилась третейскимъ судомъ. За эти четыре мѣсяца датскіе профессіональные союзы должны были истратить на поддержку безработныхъ 3.152.100 марокъ.

Въ области соціальныхъ реформъ датскіе профессіональные союзы добились осязательныхъ результатовъ. Для этого достаточно сравнить условія труда въ Даніи начала семидесятыхъ годовъ, когда профессіональные союзы не играли еще никакой роли, съ современными условіями труда. Въ 1872 г. средняя заработная плата равнялась 2,28 кронамъ въ день, 47% рабочихъ зарабатывало 2 или даже меньше кроны, 63% 2,50 кронъ въ день. Въ 1884 г. средній заработокъ уже поднялся на 14%, а въ 1899 г. на 60%, достигнувъ въ среднемъ 3,60 кронъ въ день. Лишь 5% всѣхъ рабочихъ получаетъ теперь 2,50, или меньше, кроны, 52% отъ 2,50 до 3,50 кронъ и 43% выше 3,50 кронъ. Въ общемъ, по сравненію съ 1872 г., датскіе рабочіе въ настоящее время получаютъ заработной платы на 40 милл. кронъ больше въ годъ. Въ то же время длина рабочаго дня уменьшилась: въ 1872 г. въ среднемъ рабочій день равнялся 11,7 час., а те-

перь 70,7% всѣхъ рабочихъ работаютъ 10 часовъ, 15,5% болѣе 10 часовъ, и 13,8% менѣе 10 часовъ.

Заработная же плата рабочихъ, работающихъ въ государственныхъ предпріятіяхъ, увеличилась въ общемъ на 800.000 кронъ въ годъ.

Профессіональные союзы добились далѣе субсидіи государства въ 1 милл. кронъ въ пользу больничныхъ рабочихъ кассъ и $2^1/_2$ милл. кронъ въ пользу кассы для престарѣлыхъ. Было далѣе проведено обязательное страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, было признано государствомъ существованіе третейскаго учрежденія для разбора конфликтовъ между фабрикантами и рабочими. Такимъ образомъ, профессіональное рабочее движеніе, въ тѣсномъ союзѣ съ политическимъ движеніемъ, добилось цѣлаго ряда важныхъ соціальныхъ реформъ.

Широкое развитіе получила и рабочая пресса, что, какъ извѣстно, служитъ вѣрнымъ показателемъ зрѣлости движенія. Какъ мы выше видѣли, уже съ 1872 г. началъ издаваться ежедневный органъ рабочей партіи. Къ 1896 г. въ Даніи уже насчитывалось 6 ежедневныхъ и 3 еженедѣльныхъ партійныхъ газеты, не считая спеціальныхъ листковъ, издаваемыхъ различными профессіональными союзами. Въ настоящее время издается 13 ежедневныхъ и 3 еженедѣльныхъ органа. Число абонентовъ, въ особенности на центральный органъ, сильно растетъ. Издающійся въ Копенгагенѣ центральный ежедневный органъ „Соціалъ-Демократъ“ расходился въ 1885 г. въ 20.000 экз., въ 1896 г.—30.000 экз. и теперь въ 41.000 экз. Если мы вспомнимъ, что во всей Даніи насчитываютъ всего 100 тысячъ взрослыхъ рабочихъ, и что кромѣ центральнаго органа существуютъ еще 15 партійныхъ органовъ, то тиражъ въ 41 тысячу долженъ быть признанъ очень высокимъ.

III.

Политическія партіи.

Мы обрисовали въ общихъ чертахъ тѣ основные условія и факторы, подъ воздѣйствіемъ которыхъ сложилась политическая жизнь Даніи. По существу, условія эти нисколько не отличаются отъ всѣхъ тѣхъ условій, которыя въ болѣе или менѣе развитомъ видѣ мы находимъ во всѣхъ европейскихъ странахъ. Но отчасти географическія условія, отчасти историческія судьбы, а главнымъ образомъ соціальные факторы придали имъ очень своеобразный характеръ, безъ об-

щаго уясненія котораго невозможно понять политической жизни страны. Это въ особенности приходится сказать о многочисленномъ классѣ мелкихъ датскихъ крестьянъ. Мелкій датскій крестьянинъ очень сильно отличается отъ того типа мелкаго крестьянина, который мы привыкли видѣть во всѣхъ европейскихъ странахъ, а въ особенности во Франціи. Французскій мелкій, но при этомъ крѣпкій, крестьянинъ отличается крайнимъ индивидуализмомъ, ограниченностью своего кругозора, ненавистью къ новшествамъ и своими реакціонными стремленіями. Въ несравненно меньшей степени встрѣчаются подобнаго рода черты въ датскомъ мелкомъ крестьянинѣ, и если мы вспомнимъ сказанное выше объ эволюціи датскаго сельскаго хозяйства, то убѣдимся, что этимъ чертамъ не откуда было взяться у датскаго крестьянина. Если онѣ ему и достались, какъ историческое наслѣдіе, то новыя времена и новыя условія должны были ихъ вытравить. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли что въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ датскіе крестьяне вышли изъ тяжелаго сельско-хозяйственнаго положенія только благодаря тому, что перешли отъ зерновой культуры къ скотоводству и, въ особенности, усовершенствованному молочному хозяйству. А этотъ переходъ могъ быть совершенъ только благодаря тому, что мелкіе датскіе крестьяне объединились въ кооперації, что дало имъ возможность въ складчину пріобрѣсти сложныя и дорогія машины.

Перебирая тѣ факторы, которые вывели датскаго крестьянина изъ тяжелаго матеріальнаго положенія и обезпечили ему сравнительное благосостояніе, мы видимъ, что факторы эти были не индивидуалистическаго, а соціальнаго характера. Кооперація, сыгравшая такую крупную роль въ дѣлѣ упроченія матеріальнаго положенія датскаго крестьянина, не могла, конечно, содѣйствовать развитію узкаго индивидуализма, а тѣ техническія усовершенствованія и та коренная ломка всего традиціоннаго хозяйства, которыя пережилъ датскій крестьянинъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, и которыя содѣйствовали развитію его благосостоянія, не могли, конечно, воспитать въ немъ ненависть къ новшествамъ. Наконецъ, датскій крестьянинъ принужденъ былъ работать на широкій міровой рынокъ, принужденъ былъ постоянно приспособлять свое хозяйство къ капризнымъ запросамъ избалованнаго англійскаго рынка, причемъ въ молочномъ хозяйствѣ роль стихійныхъ безсознательныхъ силъ природы была несравненно скромнѣе, чѣмъ въ зерновомъ хозяйствѣ, и благопріятный результатъ несравненно больше зависѣлъ отъ человѣка и машинъ, чѣмъ отъ земли и погоды. Наконецъ,

широко развитые и десятки лѣтъ существующіе народные деревенскіе университеты уже дѣлали свое дѣло.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ пестрыхъ факторовъ датское мелкое и среднее крестьянство, въ отличіе отъ крестьянства другихъ странъ, не могло послужить надежнымъ оплотомъ реакціи или даже консерватизма.

Что же касается другихъ общественныхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилась политическая жизнь страны—аграріи, буржуазіи, рабочій классъ,—то они ничѣмъ не отличаются отъ соотвѣтствующихъ элементовъ другихъ европейскихъ странъ. Намъ нѣтъ, поэтому, надобности останавливаться на ихъ характеристикѣ, и мы можемъ прямо перейти къ общему очерку политической жизни Даніи. Какъ мы уже выше видѣли, конституція 1866 г., представляющая немного видоизмѣненную конституцію 1849 г., сначала была рѣшительно отвергнута палатою депутатовъ, но, несмотря на это, она все таки введена была въ силу. Но въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ между правительствомъ и народнымъ представительствомъ шла упорная борьба, въ которой оппозиція выдвинула рядъ демократическихъ и анти-милитаристскихъ требованій. Политическія партіи были представлены двумя крупными партіями—консервативной, составленной изъ помѣщиковъ, крупной буржуазіи и чиновничества, и демократической, въ которую вошли незначительные элементы буржуазіи и, главнымъ образомъ, крестьянство. Отъ этихъ двухъ центральныхъ партій отвѣтвились влѣво и вправо небольшія политическія группы имѣвшія значеніе лишь при голосованіи, когда исходъ голосованія зависѣлъ отъ нѣсколькихъ лишнихъ голосовъ. Демократическая оппозиціонная партія быстро росла и, стремясь парализовать дѣятельность консервативнаго министерства, она стала голосовать противъ утвержденія бюджета. Въ 1870 г. ей удалось получить большинство голосовъ, и бюджетъ не былъ утвержденъ, такъ что министерство должно было выйти въ отставку. Въ 1873 г. большинство снова оказалось на сторонѣ демократической партіи, и 55 голосами противъ 34 оно выразило недовѣріе министерству, что повлекло за собою распущеніе палаты. Въ это время политическія группировки представлялись въ слѣдующемъ видѣ: демократическая партія (лѣвая)—49 членовъ, консервативная (національ-либеральная)—15 членовъ, консервативная (безъ подзаголовка)—15 членовъ и умѣренная группа—9 членовъ.

Съ этихъ поръ потянулся рядъ лѣтъ обостренной борьбы между правительствомъ, распускавшимъ палату, и палатой, отказывавшейся утвердить бюджетъ. Правительство рѣшило крутыми мѣрами подавить оппозицію. Въ 1875 г. было сфор-

мировано реакціонное министерство Эструпа, которое заявило, что, несмотря ни на какія вотумы недовѣрія, оно въ отставку не выйдетъ, что же касается до неутвержденія палатой бюджета, то министерство обойдется и безъ этого утвержденія, опираясь на 25-ую статью конституціи, гласящую, что „въ случаѣ крайней необходимости король можетъ издавать временные законы“, и въ видѣ этого временнаго закона и будетъ опубликовываться бюджетъ. Это было нарушеніемъ конституціи, но несмотря на это, палата оказалась обезоруженной, такъ какъ она могла обжаловать дѣйствіе министерства только въ сенатъ (ландстингъ); но сенатъ тогда состоялъ изъ приверженцевъ реакціоннаго министерства, и исходъ этого обжалованія былъ заранѣе извѣстенъ.

Однако, палата депутатовъ не сложила оружіе. Послѣ короткаго перемирія она въ 1884 г. возобновила борьбу съ еще большею страстностью и силою. Лѣвая демократическая партія, получившая въ палатѣ большинство, подъ предводительствомъ своего талантливаго вожака Берга, рѣшила парализовать всякую дальнѣйшую дѣятельность министерства до тѣхъ поръ, пока король не согласится назначить министерство сообразно съ составомъ палаты, а не въ оппозицію къ нему. Министерство Эструпа, игнорируя постановленіе палаты, продолжало управлять страною безъ ея помощи путемъ „временныхъ законовъ“, утверждаемыхъ лишь сенатомъ.

Сильное броженіе и недовольство изъ стѣнъ парламента перебросилось въ народную массу. Тогда правительство, пользуясь своимъ послушнымъ орудіемъ—сенатомъ, провело временный законъ (1885 г.), расширившій власть полиціи и ограничившій свободу собраній и свободу печати. Вождь оппозиціи, уже упомянутый нами Бергъ, былъ заключенъ въ тюрьму за „призывъ къ возмущенію“.

Опираясь на исключительные законы и пренебрежительно относясь къ парламенту, реакціонное министерство не только рѣшительно отказывалось провести требуемыя послѣднимъ реформы, но спѣшило использовать свое исключительное положеніе власти, не зависящей отъ парламента, чтобы увеличить военные расходы.

Въ концѣ концовъ, министерство побѣдило, чему оно не мало было обязано начавшимся серьезнымъ раздоромъ въ либеральной партіи, повлекшимъ за собою ея расколъ. Прежде всего либеральная партія въ 1884 г. развѣтвилась на двѣ самостоятельныя фракціи — „лѣвую датскую“, подъ предводительствомъ неутомимаго Берга, и „лѣвую литературную“, подъ предводительствомъ Херуне и Брандеса. Черезъ четыре

года произошелъ второй, еще болѣе серьезный расколъ. Часть лѣвой, утомленная борьбою съ министерствомъ, тяжелой атмосферой внѣ парламентарскаго управленія и режимомъ исключительныхъ законовъ, настаивала на необходимости пойти на примиреніе и путемъ компромисса установить modus vivendi съ правительствомъ. Другая же фракція, во главѣ съ Бергомъ, настаивала на необходимости продолжать обструкцію и заставить министерство считаться съ парламентомъ. Однако это обструкціонное теченіе находило себѣ все меньше сторонниковъ, къ тому же въ 1891 г. умеръ и вожакъ этого теченія—Бергъ. Во время выборовъ слѣдующаго года (1892 г.) большинство перешло къ умѣренной оппортунистской группѣ. Послѣдняя получила 38 голосовъ, министерская партія—32, а обструкціонистская лѣвая лишь 28. Благодаря этому оппортунистскому и реакціонному большинству, бюджетъ и военные законы на этотъ разъ прошли, и это примирило правительство съ народнымъ представительствомъ. Боевое министерство Эструпа, выполнивъ съ полнымъ успѣхомъ свою реакціонную миссію и заставивъ парламентъ подчиниться неконституціонному министерству, вышло въ отставку. Исключительные законы и временныя правила были отмѣнены, а парламентъ началъ снова правильно функціонировать. Министерство, смѣнившее въ 1894 г. реакціонное министерство Эструпа, находилось подъ сильнымъ вліяніемъ лѣвой партіи, хотя по своему составу было министерствомъ консервативнымъ. Осуществленъ былъ рядъ соціальныхъ реформъ,—установлена пенсія для стариковъ и старухъ свыше 60 лѣтъ, проведенъ законъ о вознагражденіи предпринимателями рабочихъ за увѣчья и пораненья, воспрещена была работа малолѣтнихъ на фабрикахъ моложе 12-ти лѣтъ (вмѣсто 10-ти).

Выборы 1901 г. привели въ палату депутатовъ 76 членовъ лѣвой, 14 соціалъ-демократовъ, 16 умѣренныхъ и всего 8 членовъ правой. Въ виду этого консервативное министерство было замѣнено либеральнымъ, въ которомъ были представлены всѣ оттѣнки лѣвыхъ партій, кромѣ соціалъ-демократіи. Лидеромъ этого министерства явился проф. Дейнцеръ, человѣкъ безъ опредѣленной политической физіономіи. Но это либеральное министерство далеко не оправдало возлагавшихся на него надеждъ; оно оказалось болѣе покладистымъ по отношенію къ консерваторамъ, чѣмъ даже предшествовавшее ему консервативное министерство. Дебютировало оно утвержденіемъ обширныхъ расходовъ на приданое двумъ датскимъ принцессамъ, между тѣмъ какъ до тѣхъ поръ лѣвая изъ принципіальныхъ основаній въ теченіе ряда лѣтъ отказывалась утвердить эти издержки. Но либеральное министерство утвер-

дило и всѣ требованія относительно усиленія милитаризма, одобряло всѣ направленныя въ эту сторону мѣры, между тѣмъ какъ до тѣхъ поръ борьба съ милитаризмомъ составляла существенную часть программы лѣвыхъ партій. Въ область же соціальной политики либеральное министерство провело лишь мѣропріятія, выгодныя помѣщикамъ и крупнымъ крестьянамъ. Земля была въ значительной мѣрѣ освобождена отъ прежнихъ налоговъ, которые были переложены на движимое имущество и доходы. Косвенные налоги, тяжело ложащіеся на неимущіе слои населенія, не были отмѣнены, но зато была построена цѣлая система реформы налоговъ, лежащихъ на крупномъ землевладѣніи.

Реформа избирательнаго муниципальнаго права, обѣщанная партіей лѣвыхъ, не только не была проведена, но даже встрѣтила оппозицію со стороны либеральнаго министерства; всѣ попытки соціалъ-демократической партіи провести рядъ скромныхъ соціальныхъ реформъ не нашли поддержку въ министерствѣ, тогда какъ при консервативномъ министерствѣ подобныя реформы были успѣшно проведены.

Все это очень скоро остудило тѣ теплыя чувства, съ которыми былъ встрѣченъ переходъ власти отъ консервативнаго министерства къ либеральному. Очень скоро для всѣхъ стало ясно, что это либеральное министерство сдѣлалось послушнымъ орудіемъ въ рукахъ помѣщиковъ и крупныхъ крестьянъ.

Такова была общая политика палаты депутатовъ. Мы остановились на главнѣйшихъ этапахъ взаимоотношеній между правительствомъ и народнымъ представительствомъ, упомянувъ и о главнѣйшихъ смѣнахъ министерства. Теперь намъ остается, въ заключеніе, остановиться на междупартійной борьбѣ. Мы уже видѣли, что первые долгіе годы датской парламентской жизни были цѣликомъ заполнены упорной борьбою правительства со строптивою палатою. Эта борьба отвлекала всѣ силы парламентскихъ дѣятелей, поглощала все ихъ вниманіе, всѣ ихъ интересы и въ концѣ концовъ привела къ такому обостренію отношеній, что министерство цѣлый десятокъ лѣтъ правило страною съ помощью исключительныхъ законовъ и полицейскихъ репрессалій. Фактически палата была устранена отъ непосредственнаго вліянія на ходъ политическихъ дѣлъ. На карту было поставлено дальнѣйшее существованіе конституціи, основные законы которой явно нарушались боевымъ министерствомъ. Въ это горячее и обостренное время лѣвымъ партіямъ было не до подведенія взаимныхъ счетовъ. Ихъ объединила въ одно согласное цѣлое если не общность цѣли и программы—чего у нихъ, конечно, не было,—то общность врага. Необходимо было замирить

всякую внутреннюю борьбу и мобилизировать всѣ силы для того, чтобы отстоять самое существованіе конституціи. И въ большей или меньшей степени лѣвымъ партіямъ удалось достигнуть этого временнаго объединенія на полѣ битвы съ однимъ и тѣмъ же ближайшимъ врагомъ.

Первый представитель соціалъ-демократической партіи попалъ въ палату депутатовъ какъ разъ въ то время (въ 1884 г.), когда разгоралась борьба между реакціоннымъ министерствомъ и народнымъ представительствомъ. Слѣдующіе выборы приводили въ палату все растущее число соціалъ-демократическихъ представителей. Въ 1884 г. ихъ было два, въ 1892 г.—4, въ 1895—8, въ 1898—12, въ 1901 г.—14 и въ 1903 г.—16. Атмосфера общей борьбы всей лѣвой партіи за охрану конституціи уже съ самаго начала заставила соціалъ-демократическихъ депутатовъ горячо примкнуть къ ней и на время оставить партійное размежеваніе. При выборахъ въ палату всѣ лѣвыя партіи дружно поддерживали другъ друга, что имѣло тѣмъ большее значеніе, что въ Даніи, въ отличіе отъ другихъ государствъ, исходъ голосованія зависитъ не отъ абсолютнаго, а отъ относительнаго числа поданныхъ голосовъ, вслѣдствіе чего кандидаты правой проходили только благодаря дробленію голосовъ лѣвой между различными фракціями. Чтобы устранить это явленіе, всѣ лѣвыя партіи рѣшили поддерживать при выборахъ другъ друга. Каждая изъ партій и фракцій лѣвой выставляла своихъ кандидатовъ лишь въ опредѣленныхъ мѣстахъ, во всѣхъ же остальныхъ она поддерживала своими голосами либеральнаго, демократическаго или соціально-демократическаго кандидата. Раздробленіе голосовъ, благодаря этому, было устранено, и лѣвымъ партіямъ удалось обезпечить себѣ въ палатѣ большинство.

Этотъ избирательный союзъ существовалъ, однако, только до тѣхъ поръ, пока существовалъ общій врагъ, попиравшій конституцію. Но какъ только боевое министерство Эструпа вышло въ отставку, какъ только были отмѣнены исключительные законы и политическая жизнь снова вошла въ обычное парламентское русло, а затѣмъ у власти очутилась либеральная партія, какъ коалиція лѣвыхъ партій сама собою распалась, и начался періодъ размежеванія политическихъ программъ обособленія составныхъ частей временной коалиціи. Этому процессу распаденія и размежеванія не мало содѣйствовало и разочарованіе крайнихъ элементовъ въ либеральной партіи, которая, будучи въ оппозиціи, обѣщала рядъ самыхъ прогрессивныхъ реформъ, а очутившись у власти, недружелюбно стала относиться ко всякимъ прогрессивнымъ

нововведеніямъ. Съ другой же стороны, ростъ соціалъ-демократической партіи начиналъ внушать серьезныя опасенія и демократическимъ и либеральной партіи. Ростъ этотъ, какъ мы уже отчасти видѣли, былъ очень значителенъ. Объ этомъ свидѣтельствовало растущее число голосовъ, подаваемыхъ за соціалъ-демократическихъ кандидатовъ. Въ 1872 г. эта партія получила всего 268 голосовъ, 1884—уже 6.800, въ 1892—20.094, въ 1901—42.972, а въ 1904—уже 55.479 голосовъ.

Въ общемъ, на послѣднихъ выборахъ соціалъ-демократія получила 20% всѣхъ поданныхъ голосовъ. Не ограничиваясь одною палатою депутатовъ, эта партія принимала дѣятельное участіе въ выборахъ въ городское и коммунальное управленіе. Условія при этомъ для нея были очень неблагопріятны, такъ какъ въ Даніи до сихъ поръ дѣйствуетъ устарѣлое городское и коммунальное избирательное право. Въ Копенгагенѣ установленъ для выборовъ имущественный цензъ въ 1.000 кронъ, но за то здѣсь дѣйствуетъ одноклассная избирательная система. Въ провинціи же, хотя всякій платящій налоги гражданинъ, достигшій 25 лѣтъ, располагаетъ избирательнымъ правомъ, но зато здѣсь дѣйствуетъ двухклассовая избирательная система; пятая, наиболѣе богатая часть избирателей голосуетъ вмѣстѣ со всѣми избирателями, но затѣмъ вторичнымъ голосованіемъ она уже одна избираетъ часть представителей въ городское и коммунальное самоуправленіе. Въ деревняхъ богатымъ избирателямъ заранѣе обезпечено большинство, такъ какъ здѣсь имъ принадлежитъ право выбора „большой половины“ (т. е. напр. изъ 7—4, изъ 9—5 и т. д.). Но, несмотря на эти неблагопріятныя условія, соціалъ-демократія имѣетъ въ Даніи 360 представителей въ коммунальномъ и городскомъ самоуправленіи. Въ 1904 г. послѣ консерватора Боруна въ бургомистры Копенгагена былъ избранъ соціалъ-демократъ Іенсенъ, прошедшій благодаря тому, что за него голосовали и либералы. Наконецъ, и въ сенатѣ соціалъ-демократы располагаютъ 2 представителями.

Этотъ-то ростъ соціалъ-демократіи все болѣе передвигалъ и либеральную и демократическую партію вправо, сближая ее съ консерваторами и отдаляя отъ своихъ прежнихъ товарищей по оружію. Распаденіе вышеупомянутой избирательной коалиціи всѣхъ лѣвыхъ партій при этихъ условіяхъ неминуемо должно было совершиться, и оно не заставило себя долго ждать. Оно совершилось на послѣднихъ выборахъ (1904 г.), когда соціалъ-демократы выставили своихъ кандидатовъ не только въ отведенныхъ имъ округахъ, но и въ другихъ округахъ наряду съ либеральными или демократическими кандидатами. Это породило очень обостренныя

отношенія между либеральной и соціалъ-демократической партіей, и въ настоящее время объ избирательной коалиціи ихъ не можетъ быть рѣчи, если, конечно, опять не наступятъ исключительныя условія.

Составъ депутатовъ въ датской палатѣ до послѣднихъ выборовъ былъ таковъ:

Радикаловъ (или лѣвой реформистской) . . .	78
Умѣренныхъ	14
Соціалъ-демократовъ	14
Консерваторовъ	8

Послѣ выборовъ 1904 г. палата состоитъ изъ:

Радикаловъ	72
Умѣренныхъ	14
Соціалъ-демократовъ	16
Консерваторовъ	12

Нельзя сказать, чтобы политическія группировки датскихъ партій отличались большою опредѣленностью и стойкостью. Характерно уже то, что онѣ очень часто мѣняютъ свои названія, точно въ поискахъ за точнымъ самоопредѣленіемъ. Это въ особенности приходится сказать о демократической партіи.

Въ настоящее время Данія переживаетъ періодъ образованія болѣе устойчивыхъ политическихъ группировокъ. Попытка датскихъ интеллигентовъ, во главѣ съ литераторами и учеными, образовать особую интеллигентскую политическую партію, которая бы стояла надъ партіями или точнѣе надъ классами, отказалась бы отъ преслѣдованія какихъ бы то ни было классовыхъ цѣлей и экономическихъ интересовъ, не имѣла никакого успѣха, и датская политическая жизнь именно теперь переживаетъ періодъ кристаллизаціи первоначальныхъ туманностей обще-демократическихъ фразъ и лозунговъ въ болѣе опредѣленныя общественныя и классовыя программы. Классовое содержаніе политическихъ партій начало теперь все болѣе выясняться, и датскія политическія партіи, которыя въ теченіе долгаго времени невольно вынуждены были въ общественномъ смыслѣ оставаться импотентными, теперь съ растущей энергіей приступаютъ къ сознательному политическому представительству классовыхъ интересовъ. Съ одной стороны, группируются въ партіи крупные крестьяне, помѣщики и отчасти буржуазія, пополняя партію умѣренныхъ и консерваторовъ, съ другой стороны, мелкіе и отчасти средніе крестьяне, т. наз. либеральныя профессіи

образуютъ радикальную партію, и, наконецъ, рабочіе, промышленные и сельско-хозяйственные образуютъ соціалъ-демократическую партію.

Въ настоящее время въ палатѣ исходъ всѣхъ дебатовъ цѣликомъ зависитъ отъ радикаловъ, располагающихъ 72 голосами, т. е. на долю всѣхъ остальныхъ партій, вмѣстѣ взятыхъ, приходится всего 42 голоса (въ датской палатѣ депутатовъ 114 членовъ). Это радикальное большинство всецѣло стоитъ на стражѣ интересовъ крупнаго и мелкаго землевладѣнія Новѣйшія соціально-политическія мѣропріятія, прошедшія черезъ палату, всѣ направлены на переложеніе налоговой тяжести съ сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственнаго населенія на плечи промышленности и городского населенія. Благодаря подавляющему большинству, которымъ располагаетъ радикальная партія, всѣ эти законы прошли очень быстро, и нѣкоторые изъ нихъ,—напр. введеніе подоходнаго налога,—явились безусловно желательными съ широкодемократической точки зрѣнія. Но наряду съ этимъ радикальная партія провела рядъ законовъ, соотвѣтствующихъ лишь интересамъ крупныхъ и среднихъ крестьянъ и идущихъ въ разрѣзъ съ интересами малоимущихъ и совсѣмъ неимущихъ слоевъ сельскаго и городского населенія.

Во время послѣднихъ выборовъ правая выдвинула, какъ „гвоздь“ своей минимальной программы, борьбу со стоящимъ на очереди закономъ о введеніи гражданскаго брака, что привлекло къ ней симпатіи извѣстной части крестьянства, въ общемъ недружелюбно относящагося къ этому законопроекту, и затѣмъ борьбу съ стремленіемъ радикальнаго большинства переложить налоговое бремя съ плечъ сельскаго на плечи городского населенія.

Лѣвая (радикальная) партія въ своемъ избирательномъ манифестѣ лишь обѣщала оставаться конституціонной партіей и охранять конституцію отъ покушеній консерваторовъ.

Небольшая группа „умѣренныхъ“ ведетъ довольно неопредѣленное политическое существованіе и раньше, или позже она будетъ по частямъ впитана двумя борющимися партіями, между которыми она, повидимому, думаетъ служить буфферомъ. Еще недавно группа эта называлась „лѣвой умѣренной“, теперь же она сочла нужнымъ избавиться отъ опредѣленнаго прилагательнаго и называетъ себя просто „группой умѣренныхъ“, все болѣе тяготѣя къ радикаламъ.

Е. Линденъ.

ИСПАНІЯ.

I.

Конституція.

Во время несчастной испанско-американской войны лордъ Сольсбери какъ-то сказалъ, что испанская нація, нѣкогда столь славная, принадлежитъ теперь къ числу разлагающихся и умирающихъ націй. Такое мнѣніе, вообще, весьма распространено въ Европѣ, но оно не совсѣмъ соотвѣтствуетъ истинѣ.

Да, Испанія переживаетъ очень острый кризисъ, въ особенности въ послѣдніе года; она, конечно, не можетъ быть поставлена рядомъ съ передовыми демократическими странами Европы. Но не слѣдуетъ преувеличивать. Если Испанія и отстала отъ нѣкоторыхъ другихъ странъ и въ отношеніи общекультурнаго творчества, и въ соціально-политическомъ отношеніи, то въ нѣдрахъ испанскаго народа несомнѣнно вырабатываются новыя спеціальныя силы, которыя пока еще не имѣли возможности отлиться въ опредѣленныя и сильныя соціально-политическія теченія, но которыя уже противустоятъ господствующей въ Испаніи реакціи и рано или поздно сблизятъ нашу страну съ международной демократіей. Классовая борьба въ Испаніи еще недостаточно выяснилась, въ особенности для иностранныхъ наблюдателей, потому что она скрыта старыми формами политическихъ отношеній. Но пусть пройдетъ тотъ острый кризисъ, который Испанія сейчасъ переживаетъ, и предъ глазами Европы встанутъ силы, которыя сейчасъ находятся подъ спудомъ, постепенно складываясь и созрѣвая.

Испанія управляется конституціонной монархіей, въ которой верховная власть принадлежитъ наслѣдственному королю (Бурбонско-австрійская династія), исполнительная власть—назначаемому королемъ отвѣтственному министерству, а законодательная—палатѣ депутатовъ и сенату, вмѣ-

стѣ составляющимъ кортесы. Въ общемъ, это та же представительная система, которая существуетъ и во всѣхъ другихъ конституціонныхъ странахъ Европы.

Нынѣ дѣйствующая испанская конституція, окончательно принятая 30 іюня 1876 года, была, такъ сказать, первымъ законодательнымъ актомъ, освятившимъ возстановленіе старой бурбонской династіи, низложенной революціей 1868 г. И въ то же время она является какъ бы посмертнымъ актомъ этой революціи, ибо, несмотря на реакціонныя тенденціи бывшей умѣренной республиканской партіи, превратившейся въ ярую защитницу реставраціи, новая конституція не мало позаимствовала у болѣе демократической конституціи 1869 года. Да и не могло быть иначе, если вспомнить, что Испанія сильно измѣнилась за эти бурные годы, протекшіе со времени революціоннаго подъема, снесшаго почти сгнившія учрежденія стараго вѣковаго режима и принесшаго съ собою стремленіе къ свободѣ и соціальной справедливости, давно уже одушевлявшее нѣкоторые классы населенія свободныхъ европейскихъ странъ.

И тѣ самыя умѣренныя эпохи царствованія Изабеллы II, которыя, своей сектантской нетерпимостью и упорствомъ, своимъ жестокимъ преслѣдованіемъ всего, что рѣшалось выступать въ Испаніи въ пользу освободительныхъ или даже робко либеральныхъ идей, ускорили низложеніе династіи; тѣ, что съ самаго провозглашенія регентства Маріи-Христины не переставали служить опорой королевѣ, которая, бывъ идоломъ народа въ дни гражданской войны, бросилась потомъ въ объятія военной диктатуры и всесильной реакціи,—тѣ самые вынуждены были, во время пронунціаментовъ Сагунто, утвердившаго реставрацію, преклонить головы предъ совершившимся въ теченіе революціоннаго междуцарствія (1868—1876 г.г.) прогрессомъ, принять и даже совѣтовать отреченіе королевы, вновь получившей власть при ея сынѣ, Альфонсѣ, и принять участіе въ выработкѣ новаго конституціоннаго соглашенія 30 іюня 1876 года, соглашенія, которое было значительной уступкой требованіямъ времени.

Главнымъ, чтобы не сказать единственнымъ авторомъ этого соглашенія, которое явилось компромиссомъ между революціонными требованіями 1868 года и консервативно-либеральными тенденціями реставраціи 1876 года, былъ несомнѣнно Кановасъ дель Кастильо, энергичный государственный дѣятель, главный вдохновитель новаго царствованія, а послѣ смерти Альфонса XII—дѣйствительный воспитатель Альфонса XIII и совѣтникъ всего печальнаго періода послѣдняго регентства. Его энергіи, его несомнѣннымъ спо-

Сильвела.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР

собностямъ государственнаго дѣятеля, сохранившимся въ немъ нѣкоторымъ либеральнымъ воспоминаніямъ революціи 1852 года, которой онъ былъ, вмѣстѣ съ генераломъ О'Доннелемъ, однимъ изъ иниціаторовъ, а—главное—его парламентской ловкости обязана въ Испаніи конституція 1876 года и полное исчезновеніе старой умѣренной партіи, преемницы прежнихъ реакціонныхъ партій, которая въ теченіе четверти вѣка служила несокрушимымъ оплотомъ противъ всѣхъ стремленій къ свободѣ.

Въ общемъ, конституція 1876 года, въ выработкѣ которой нѣкоторое участіе принимали и участники революціи 1868 года, какъ Кастеляръ, Сагаста, Монтеро Ріосъ, которымъ удалось проникнуть въ учредительное собраніе, значительно уступаетъ, конечно, своей предшественницѣ 1869 года, но и въ ней, однако, сохранились нѣкоторые либеральные пункты. Вотъ основныя свободы, провозглашаемыя этой конституціею:

I. Суверенитетъ народа, представляемый парламентомъ или к о р т е с а м и (палата депутатовъ и сенатъ).

II. Право быть избраннымъ членомъ парламента, начиная съ 25-ти-лѣтняго возраста (возрастъ гражданскаго совершеннолѣтія въ Испаніи для всѣхъ гражданъ, не лишенныхъ по суду гражданскихъ правъ). Впослѣдствіи, въ 1890 году, установлено было активное всеобщее избирательное право для всѣхъ гражданъ, начиная съ того же возраста, при условіи пользованія всѣми гражданскими правами.

III. Такъ называемыя индивидуальныя права: a) свободное выраженіе идей и мнѣній путемъ слова или печати, безъ какой бы то ни было предварительной цензуры; b) свобода собраній; c) свобода ассоціацій; d) право петицій, индивидуальныхъ или коллективныхъ, королю, парламенту или другимъ представителямъ власти.

IV. Свобода религіи, съ тѣмъ ограниченіемъ, что право публичнаго богослуженія признается лишь за католической религіею, считающейся государственною.

V. Свобода передвиженія и право заниматься какой угодно профессіей, съ соблюденіемъ законовъ для тѣхъ профессій, для которыхъ требуются государственные дипломы.

VI. Право основывать учебныя и воспитательныя заведенія, съ соблюденіемъ существующихъ законовъ.

Что касается правъ парламента, то они тождественны съ правами, которыми они пользуются во всѣхъ дѣйствительно парламентскихъ странахъ. Верховная власть принадлежитъ королю, личность котораго священна и неприкосновенна. Всѣ законы, обсуждаемые и голосуемые парламентомъ, поступа-

ютъ къ королю, который ихъ санкціонируетъ и издаетъ. Онъ имѣетъ право, по своей волѣ (фактически, по предложенію отвѣтственнаго министерства), распускать оба законодательныя учрежденія. Онъ назначаетъ пожизненныхъ сенаторовъ, число которыхъ не можетъ превышать одной трети общаго числа членовъ верхней палаты. Онъ назначаетъ въ началѣ каждой сессіи президента и вице-президентовъ сената; палата же депутатовъ выбираетъ ихъ сама.

Въ испанскомъ избирательномъ законѣ 20 іюня 1890 года нужно отмѣтить нѣкоторыя особенности, не встрѣчающіяся въ избирательныхъ законахъ другихъ конституціонныхъ странъ или встрѣчающіяся въ другомъ видѣ. Такъ, законъ этотъ, признавъ всеобщее избирательное право въ его чистомъ видѣ, даетъ нѣкоторымъ университетамъ, экономическимъ обществамъ и оффиціально организованнымъ торговымъ, промышленнымъ и сельскохозяйственнымъ палатамъ право посылать своихъ представителей въ палату депутатовъ. Составители закона сознавали, что такое представительство, являясь представительствомъ групповыхъ интересовъ, фактически нарушаетъ положенный въ основу закона принципъ „единства національнаго представительства“, и потому поспѣшили заявить,—что является простой легальной фикціей,—что депутаты, назначаемые этими спеціальными избирательными группами, „представляютъ, какъ только они избраны, каждый въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ— всю націю“ (ст. 21).

Другой особенностью этого закона является его ст. 115-я, которая гласитъ, что конгрессъ (палата депутатовъ) объявляетъ депутатами тѣхъ кандидатовъ, которые, хотя и не будучи избраны ни въ одномъ округѣ, требуютъ своего допущенія на томъ основаніи, что на общихъ выборахъ получили въ различныхъ избирательныхъ округахъ, въ общемъ, не меньше 10.000 голосовъ. Эта особенность имѣетъ иногда большое практическое значеніе. Нерѣдко случается, что очень цѣнные кандидаты—въ особенности кандидаты оппозиціи— не могутъ пройти въ какомъ-нибудь опредѣленномъ округѣ либо потому, что они въ самомъ дѣлѣ лояльно побиты другими кандидатами, либо являются жертвами избирательнаго мошенничества, либо, наконецъ, потому, что правительство, всегда оказывающее большое давленіе на выборы, находитъ болѣе или менѣе удобное средство, чтобы провалить непріятную кандидатуру или добиться ея инвалидаціи конгрессомъ. Поэтому видные представители оппозиціи, чтобы обезпечить свои выборы, выставляютъ свою кандидатуру въ нѣсколькихъ округахъ, гдѣ они разсчитываютъ навѣрное собрать,

въ общемъ, нужные 10.000 голосовъ. Мы могли бы, напр., напомнить, что даже такой вліятельный вождь федералистовъ-республиканцевъ, какъ Пи-и-Маргалль, пользовавшійся несомнѣнно большимъ вліяніемъ среди нѣкоторыхъ слоевъ избирательныхъ массъ, тѣмъ не менѣе терпѣлъ пораженіе въ отдѣльныхъ округахъ и проникалъ въ парламентъ лишь благодаря интересующей насъ особенности испанскаго избирательнаго закона. То же самое можно было бы сказать и по отношенію къ нѣкоторымъ другимъ виднымъ политическимъ дѣятелямъ, принадлежавшимъ къ оппозиціи.

Личность депутатовъ и сенаторовъ признается конституціею неприкосновенной; народные представители не могутъ привлекаться къ судебной отвѣтственности за мнѣнія, высказываемыя ими въ парламентѣ. Они не могутъ привлекаться къ судебной отвѣтственности или подвергаться аресту и по другимъ поводамъ безъ спеціальнаго разрѣшенія палатъ, членами которыхъ они являются, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда полицейская власть застаетъ ихъ на мѣстѣ преступленія (flagrante delicto). Во всякомъ случаѣ, они подсудны лишь верховному суду. На практикѣ, однако, парламентъ, никогда такого разрѣшенія не даетъ, и совсѣмъ недавно еще (октябрь 1904 г.) правительство, требовавшее судебнаго преслѣдованія нѣкоторыхъ депутатовъ, вынуждено было, подъ энергичнымъ давленіемъ всей оппозиціи, взять свое требованіе назадъ.

Рядомъ съ общимъ народнымъ представительствомъ въ кортесахъ, конституція признаетъ другое, болѣе ограниченное представительство, которое въ Испаніи, въ виду этнографическаго характера и особенностей большинства областей и сорока девяти провинцій, на которыя дѣлится страна, имѣетъ довольно важное значеніе. Мы имѣемъ въ виду провинціальные совѣты (Diputaciones provinciales) и муниципальные совѣты (Ayuntamientos). Какъ и во Франціи и въ другихъ странахъ, эти учрежденія имѣютъ въ сферѣ своей компетенціи лишь дѣла, касающіяся данной провинціи или коммуны, причемъ губернаторъ, въ качествѣ представителя исполнительной власти, можетъ отмѣнить ихъ постановленія каждый разъ, когда они, по его мнѣнію, противорѣчатъ существующимъ законамъ. Рѣшающимъ голосомъ пользуется въ такихъ случаяхъ, по жалобѣ муниципальныхъ и провинціальныхъ совѣтовъ, Государственный Совѣтъ.

Судебная администрація представлена верховнымъ судомъ, засѣдающимъ въ Мадридѣ; окружными судами, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей для уголовныхъ дѣлъ, въ главныхъ городахъ провинцій; судебными слѣдователями

въ главныхъ городахъ провинцій и кантоновъ (partidos judiciales), производящими слѣдствія по дѣламъ, направляемыхъ въ окружные суды, и мировыми судьями (juez municipal) для мелкихъ мѣстныхъ дѣлъ.

15-ая ст. конституціи освящаетъ право собраній, заявляя дословно, что всѣ испанцы имѣютъ право собираться на мирныя собранія. Указывая на мирный характеръ собраній, законодатель, видимо, желалъ предупредить возможность такихъ манифестацій, которыя, по своей цѣли или формѣ, могутъ представлять болѣе или менѣе бурный характеръ или даже только характеръ пропаганды противъ существующихъ учрежденій. Таково несомнѣнно было желаніе господствующихъ партій. Но это желаніе дать ограничительный или даже произвольный смыслъ тексту конституціи встрѣчаетъ противовѣсъ въ прочно установившихся нравахъ, и формальное право дополняется въ этомъ отношеніи такой широкой фактической свободой, какую можно видѣть лишь въ Англіи, гдѣ граждане пользуются наиболѣе широкимъ правомъ собраній и демонстрацій. Даже въ республиканской Франціи, сохранившей въ этомъ отношеніи почти цѣликомъ порядки старыхъ режимовъ, ни одно правительство не допустило бы такихъ собраній подъ открытымъ небомъ, съ явно враждебнымъ правительству и господствующимъ учрежденіямъ характеромъ, какія можно весьма часто видѣть въ Испаніи, въ особенности въ большихъ городахъ, гдѣ доминируютъ демократическіе элементы. Правда, отъ времени до времени правительство прибѣгаетъ къ репрессаліямъ противъ слишкомъ рѣзко и шумно протестующей противъ него толпы, но такіе случаи, нужно правду сказать, рѣдки, и они имѣютъ мѣсто обыкновенно лишь при крайне реакціонныхъ министерствахъ (какимъ является находящееся сейчасъ у власти министерство Мауры). Въ общемъ, повторяемъ, свобода собраній и манифестацій уже вошла, несмотря на всѣ препятствія, въ политическіе нравы Испаніи.

Говоря о законахъ, дополняющихъ провозглашенныя конституціею свободы, мы не должны упустить изъ виду,—и это особенно важно для Испаніи,—признаніе обязательности гражданскаго брака и законности его съ точки зрѣнія наслѣдственныхъ и другихъ гражданскихъ правъ. Признаніе свободы религіи—правда, при сохраненіи государственнаго характера за католической религіей,—и обязательность гражданскаго брака,—вотъ два завоеванія, постепенно и съ большимъ трудомъ вырванныя у реакціи либеральной партіей въ теченіе періода, послѣдовавшаго за реставраціей монархіи. Законъ о гражданскомъ бракѣ, изданный нѣсколько лѣтъ

тому назадъ, является, собственно говоря, единственнымъ крупнымъ актомъ либеральныхъ министерствъ, бывшихъ въ разное время у власти. Его авторъ, Монтеръ Ріосъ, пріобрѣлъ, благодаря ему, огромную популярность, которую онъ, впрочемъ, потерялъ впослѣдствіи, когда рѣшился подписаться подъ парижскимъ трактатомъ, окончательно лишившимъ Испанію Филиппинскихъ острововъ.

Но если популярность бывшаго президента испанскаго сената раздѣлила судьбу утерянаго навсегда архипелага, то законъ о гражданскомъ бракѣ остался, а это имѣетъ большое значеніе, когда рѣчь идетъ объ Испаніи, насчетъ которой до настоящаго времени распространяется столько нелѣпыхъ легендъ. Съ легкой руки нѣкоторыхъ фантастическихъ писателей, Испанію до сихъ поръ представляютъ себѣ, въ отношеніи религіозныхъ вопросовъ, приблизительно такою-же, какою она была во времена инквизиціи, наводненною монахами и монахинями, съ монастырями чуть не на каждомъ перекресткѣ улицъ, гдѣ каждый день раздаютъ остатки супа бѣднымъ студентамъ, какъ во время Сервантеса, съ безпрерывными религіозными процессіями. Все это старые предразсудки, давно потерявшіе всякое основаніе!

Наконецъ, мы считаемъ нужнымъ остановиться еще на одномъ учрежденіи. Когда республиканцы были вынуждены въ 1873 году—при крайне невыгодныхъ для нихъ условіяхъ [1])—сдѣлать опытъ основанія республики среди другихъ проектовъ, которымъ не суждено было осуществиться, былъ и проектъ созданія министерства труда, задачей котораго было бы привлечь народныя массы къ республиканской формѣ правленія путемъ хотя бы нѣкотораго облегченія ихъ положенія. Но испанская республика, которая, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтила на своемъ пути рядъ помѣхъ, затрудненій и заговоровъ, просуществовала очень недолго. Проектъ созданія министерства труда былъ забытъ. Снова вспомнили о немъ въ послѣдніе годы несовершеннолѣтія теперешняго короля, когда монархія опять вынуждена была попытаться привлечь къ себѣ народныя массы, истощенныя нищетой, возмущенныя разростающимся господствомъ клерикализма, (въ это время происходили шумныя манифестаціи по поводу постановки извѣстной „антиклерикальной“ драмы Переца Гальдоса, „Электра“) и призвала къ власти либеральную партію. Послѣдняя опять выдвинула проектъ

[1]) Обыкновенно забываютъ, что республиканская форма правленія, послѣ отреченія короля Андрея, принята была 11 февраля 1873 года парламентомъ, въ которомъ большинство принадлежало монархистамъ.

созданія министерства труда, но онъ показался слишкомъ смѣлымъ, да и само либеральное министерство недолго продержалось у власти. Въ видѣ суррогата министерства труда создань былъ впослѣдствіи „Институтъ соціальныхъ реформъ", членами котораго правительство назначило людей, пользующихся нѣкоторой популярностью въ народныхъ массахъ, и который имѣетъ задачей подготовлять проекты реформъ въ соціальной области. Интересно отмѣтить, что господствующія партіи вынуждены были назначить президентомъ института виднаго члена республиканской партіи, Азкарате, сознавая, что въ ихъ средѣ нѣтъ ни одного человѣка, который пользовался бы хоть нѣкоторымъ довѣріемъ рабочихъ и крестьянъ. Сказаннымъ мы и ограничимъ наше краткое изложеніе государственнаго строя Испаніи, предоставляя себѣ ниже указать, какъ нѣкоторыя свободы, формально устанавливаемыя конституціею, осуществляются или попираются въ дѣйствительности.

II.

Политическія партіи.

Присматриваясь къ существующимъ въ настоящее время въ Испаніи политическимъ партіямъ, необходимо прежде всего отмѣтить, что почти всѣ онѣ переживаютъ болѣе или менѣе острые кризисы. Почти всѣ онѣ дѣлаютъ теперь необычайныя условія, чтобы возстановить свои силы и реорганизоваться. И такой кризисъ переживаютъ даже и передовыя партіи, которыя, имѣя передъ собою реакціонное правительство и вынужденныя бороться съ нимъ, казалось бы, имѣютъ достаточно общихъ интересовъ, чтобы оказывать другъ другу взаимную поддержку. Эту дезорганизацію партій вызвала монархическая реставрація, которая снесла устарѣвшія программы прежнихъ группировокъ, внеся въ нихъ расколъ и разъединеніе. Въ этой общей дезорганизаціи уцѣлѣли лишь нѣкоторыя дѣятельныя группы, но и онѣ подрываются честолюбіемъ однихъ, завистью и интригами другихъ, и сейчасъ нельзя еще предвидѣть моментъ, когда между всѣми прогрессивными элементами установится необходимый союзъ.

Среди этого общаго разложенія политическихъ партій, которое, быть можетъ, было полезно, потому что оно содѣйствовало пробужденію народа, явно желавшаго преобразованій,—возникали время отъ времени новыя группы, изъ которыхъ однѣ такъ же скоро исчезли, какъ внезапно нарождались, а другія ведутъ безпощадную агитацію, свидѣтельствующую лишь объ ихъ полномъ безсиліи.

A tout seigneur tout honneur. Вотъ прежде всего консервативная или, какъ она сама себя называетъ, либерально-консервативная партія, которыя въ настоящее время находится у власти. Кого представляетъ она? Каковы ея стремленія? эта партія была совсѣмъ или почти уничтожена револьверомъ Анджіолилло. Ея основатель и главный вождь, Кановасъ дель Кастильо, убитый фанатикомъ-анархистомъ въ 1897 году, одинъ далъ ей жизнь и значеніе своимъ личнымъ престижемъ „великаго человѣка“ реставраціи и охранителя династіи. Либерально-консервативная партія никогда не имѣла вполнѣ опредѣленной программы именно по той причинѣ, что она была слишкомъ личная партія. Крупная фигура управлявшаго ею вожака отодвигала на задній планъ все остальное. Въ послѣдовательныхъ программахъ, которыя выставлялъ этотъ ловкій государственный дѣятель, можно было прослѣдить смѣсь различныхъ теченій: немного либерализма à la Тьеръ, немного эклектизма á la Гизо. И именно поэтому партія выбрала кличку либерально-консервативной: либеральной она являлась постольку, поскольку она старалась, чтобы ее не смѣшивали съ прежней прогрессистской партіей; консервативной—постольку, поскольку она не хотѣла, чтобы ее отожествляли со старой умѣренной партіей, отъ которой оставались лишь слабые слѣды.

Четыре факта отмѣтили собою управленіе государствомъ либерально-консервативной партіи съ Кановасомъ дель Кастильо во главѣ: окончательное устраненіе съ политической арены умѣренной партіи, которая одно время явно стремилась къ возстановленію абсолютистскихъ порядковъ и которая въ 1868 году вызвала низложеніе Изабеллы II; выработка и опубликованіе разсмотрѣнной нами выше конституціи 1876 года; возстановленіе мира послѣ гражданской войны, вызванной партіею претендента Донъ-Карлоса; наконецъ, подготовка и осуществленіе пресловутаго соглашенія, послѣ смерти короля Альфонса XII (25 ноября 1885 г.), съ вождемъ смѣшанно-либеральной партіи, Сагастой, соглашенія, на основаніи котораго оба вождя должны были поочередно получать власть въ свои руки, дабы, какъ говорили они, лучше обезпечить спокойствіе націи во время предстоявшаго регенства.

Нужно замѣтить, что этотъ договоръ соблюдался довольно добросовѣстно, и регентство, можно сказать, обязано своимъ спасеніемъ именно этому соглашенію, которое въ сущности противорѣчило истинному парламентаризму, но считалось въ то время необходимымъ для успѣшной борьбы съ разростающимся республиканскимъ движеніемъ и для

поддержанія монархическаго режима. Это, впрочемъ, не помѣшало тому, что въ первые годы регентства нѣсколько разъ вспыхивали революціонныя движенія. Но въ общемъ приходится сказать, что соглашеніе между партіями Кановаса дель Кастильо и Сагасты спасло монархію отъ вѣрнаго паденія и сблизило нейтральные и пассивные элементы населенія съ новымъ царствованіемъ.

Но смерть Кановаса дель Кастильо вызвала сильное разстройство въ рядахъ консервативной партіи. Больше того, это было началомъ разложенія и смерти самой партіи, чему немало способствовала и смерть маршала Мартинеса Кампоса, который былъ до тѣхъ поръ правой рукой и главной опорой династіи, имъ возстановленной во время пронунціаменто въ Сагунто. Послѣ смерти Кановаса шефомъ партіи былъ избранъ Сильвела. Но человѣкъ безъ темперамента, онъ нѣкоторое время спустя долженъ былъ подать въ отставку и совсѣмъ отказаться отъ активной политической роли. И консервативная партія, которая своими ошибками и вмѣстѣ съ либеральной партіей, привела къ несчастной войнѣ съ Сѣв.-Американскими Соед. Штатами, очутилась послѣ исчезновенія ея обоихъ вожаковъ, Кановаса и Сильвелы, безъ предводителя и безо всякаго престижа въ странѣ, дѣйствуетъ ощупью, подъ властнымъ вліяніемъ событій, ею же вызываемыхъ и каждый разъ застающихъ ее въ расплохъ. При такихъ то обстоятельствахъ теперешній президентъ совѣта, Маура, овладѣлъ властью при вынужденномъ согласіи разсѣянныхъ силъ прежней партіи, ищущихъ человѣка, способнаго вновь собрать ихъ и руководить ими. И вотъ почему, за отсутствіемъ болѣе подходящаго человѣка и лишь благодаря тому, что онъ случайно очутился во главѣ министерства, Маура, бывшій либералъ, а нынѣ склоняющійся къ реакціи, сталъ руководителемъ либерально-консервативной партіи.

Но этотъ случайный руководитель не могъ удержать партію отъ дальнѣйшаго разложенія. Занявъ мѣсто прежней умѣренной партіи, исчезновенію которой она содѣйствовала, либерально-консервативная партія, видимо, должна будетъ, въ свою, очередь уступить это мѣсто другой группировкѣ входящихъ въ нее общественно-политическихъ силъ.

Не въ лучшемъ положеніи находится сейчасъ и либеральная (или смѣшанно-либеральная) партія, неоспоримымъ шефомъ которой былъ до самой своей смерти Сагаста. Несмотря на то, что она постоянно усиливалась до нѣкоторой степени смягчить слишкомъ реакціонныя тенденціи консервативной партіи, что ея наиболѣе видные представители, какъ Монтеро Ріосъ, Вега Армизо, Алонсо Марти-

несъ, Моретъ, Лопесъ Домингесъ, явно стремились сдѣлать болѣе либеральной конституцію 1876 года; что благодаря ей введенъ былъ гражданскій бракъ въ Испаніи,—эта партія надолго глубоко скомпрометировала себя тѣмъ, что своей непредусмотрительностью и стремленіемъ во что бы то ни стало отстаивать интересы династіи она привела къ войнѣ съ Америкой и къ полной потерѣ всѣхъ колоніальныхъ владѣній страны. Въ настоящее время имѣется въ Испаніи не мало вернувшихся изъ колоній несчастныхъ, которые вмѣстѣ съ ихъ разоренными семействами никогда не простятъ либераламъ за все то, что имъ, по винѣ этой партіи, пришлось перенести.

Либеральная партія, какъ и консервативная, тоже блуждаетъ въ поискахъ за вождемъ и программой. Пока Сагаста былъ живъ, онъ всѣми одинаково считался незамѣнимымъ. Онъ одинъ могъ удерживать въ рамкахъ одной партіи входившіе въ нее разнородные элементы. Съ его смертью началось распаденіе. Съ одной стороны, отдѣлились болѣе старые либералы, изъ которыхъ часть слѣдуетъ за Монтеро Ріосомъ, другая—за Вегой Армизо, бывшими министрами юстиціи и иностранныхъ дѣлъ. Болѣе молодые либералы подраздѣляются, въ свою очередь, на двѣ фракціи, которыя инспирируются Моретомъ и Каналехасомъ. Правда, была сдѣлана попытка возсоединить всѣ эти различныя по своимъ тенденціямъ группы подъ общимъ руководствомъ Монтеро Ріоса, который оффиціально былъ провозглашенъ шефомъ партіи. Но въ дѣйствительности старая фракція топчется на одномъ мѣстѣ безъ какой бы то ни было опредѣленной программы; сторонники Морета ведутъ и въ парламентѣ, и въ странѣ совершенно самостоятельную политику, нерѣдко явно склоняясь въ сторону реакціонеровъ; Каналехасъ же со своей группой, въ которой однимъ изъ видныхъ членовъ является маршалъ Лопезъ Домингесъ, дѣйствуетъ также независимо, выставляя болѣе или менѣе демократическую программу и то голосуя въ палатѣ депутатовъ заодно съ либералами-монархистами, то выступая противъ нихъ. Повидимому, и въ этой партіи должна постепенно образоваться новая группировка общественныхъ элементовъ, болѣе однородныхъ, группировка, ближе соотвѣтствующая общественно-политическимъ отношеніямъ страны.

Но какова можетъ быть эта группировка? Группа Каналехаса явно стремится къ возстановленію основныхъ принциповъ конституціи 1869 года и къ проведенію нѣкоторыхъ наиболѣе неотложныхъ соціальныхъ реформъ. Такимъ образомъ эта группа какъ бы является ядромъ будущей ради-

кальной партіи. Раньше или позже она должна будетъ формально отдѣлиться отъ той части либеральной партіи, вождями которой выступаютъ Монтеро Ріосъ и Моретъ, въ области религіознаго и соціальнаго вопроса не идущіе дальше банальныхъ фразъ прежней прогрессистской партіи. Образованіе радикальной реформаторской партіи является тѣмъ болѣе необходимымъ, что это было бы единственнымъ средствомъ поддержать пошатнувшееся зданіе монархіи, противъ которой поднимается въ общемъ тоже ослабляемая внутренними раздорами, но все же волнующаяся и крѣпнущая республиканская партія.

На ряду съ либерально-консервативной и либеральной партіями, другія монархическія фракціи не имѣютъ почти никакого политическаго вліянія.

Что касается одной изъ нихъ, именно той, которая имѣетъ своимъ вождемъ теперешняго президента палаты депутатовъ, Ромеро Робледо, то она является не больше какъ декоративной фигурой, сохраняющейся лишь изъ чувства преданности къ личности своего главы. Робледо отдѣлился нѣкогда отъ партіи Кановаса и былъ ярымъ соперникомъ Сильвелы. Но Кановасъ умеръ, Сильвела отказался отъ политической дѣятельности,—и группа Робледо потеряла всякій raison d'être. Она держится лишь личнымъ вліяніемъ составляющихъ ее нѣсколькихъ депутатовъ въ ихъ избирательныхъ округахъ. Голосуетъ она преимущественно заодно съ консерваторами.

Существуетъ еще, сверхъ того, карлистская партія, которая насчитываетъ въ парламентѣ полдюжины представителей. Она называется по имени своего вождя, донъ Карлоса, стараго претендента на испанскій престолъ. Ея вліяніе тѣмъ болѣе незначительно, что, какъ говорятъ, донъ Карлосъ спокойно живетъ въ своей резиденціи, въ Венеціи, гдѣ получаетъ нѣсколько милліоновъ въ годъ отъ царствующей династіи, чтобы не вызывать новыхъ гражданскихъ войнъ. Сынъ претендента, нынѣ генералъ въ русской арміи, считается карлистами слишкомъ либеральнымъ, что немало содѣйствуетъ обостренію и безъ того раздражающихъ партію разногласій. Въ общемъ, можно сказать, что партія карлистовъ находится въ состояніи полнаго разложенія. Наиболѣе видные ея представители отказались отъ непосредственной борьбы, а тѣ, что остались, являются въ сущности клерикалами самаго реакціоннаго пошиба, идеаломъ которыхъ было бы возстановленіе инквизиціи съ полнымъ господствомъ католической церкви и публичными ауто-да-фе. Послѣдніе сторонники карлизма сосредоточены въ провинціи Басковъ, которая всегда была ихъ главнымъ полемъ дѣятельности, и

въ Каталоніи, причемъ въ послѣдней большинство ихъ вошли въ ряды каталонистской партіи.

Каталонистская партія является не политической партіей въ собственномъ смыслѣ партіи, а группировкой сторонниковъ идеи, которая могла бы имѣть большое значеніе, но получила съ первыхъ же шаговъ своего развитія ложное направленіе. Это теченіе могло бы съ самаго начала стать мощной партіей, если бы вмѣсто того, чтобы выставить въ качествѣ своего знамени самую разнохарактерную программу,—установленное въ Манрезѣ соглашеніе,—которую могутъ принять самыя разнородныя партіи, отъ карлистовъ реакціонеровъ, до передовыхъ буржуазныхъ демократовъ,—если бы его иниціаторы, говоримъ мы, выставили своимъ главнымъ требованіемъ административную и хозяйственную децентрализацію не только для Каталоніи, но и для другихъ областей, входящихъ въ составъ страны, съ республиканской формой правленія и безъ всякаго ущерба для національнаго единства. Правда, въ такомъ видѣ партія стала бы почти тождественной съ федералистической партіей, которая, съ Пи и-Маргаллемъ во главѣ, не переставала съ 1868 года требовать непосредственной областной автономіи для всѣхъ старыхъ провинцій, съ республиканской формой правленія. Но вмѣсто этого, каталонисты открыли доступъ въ свои ряды самымъ разнороднымъ элементамъ, и теперь они, въ сущности, сами не знаютъ, гдѣ ихъ враги, хотя и тѣ, и другіе одинаково требуютъ полной автономіи для Каталоніи.

Каталонисты до такой степени раздѣлены, что между различными ихъ фракціями нерѣдко нельзя найти ничего общаго. Есть непримиримые каталонисты, не допускающіе никакого отклоненія отъ Манрезскаго соглашенія; каталонисты-режіоналисты, которые легко могли бы согласиться съ правительствомъ, если бы послѣднее пожелало даровать нѣкоторыя привилегіи или осуществить извѣстную децентрализацію въ каталонской провинціи; каталонисты-реформаторы, которые требуютъ пересмотра Манрезскаго соглашенія и очищенія его отъ всего, что въ немъ есть чисто мѣстнаго и реакціоннаго, приближаясь, такимъ образомъ, къ республиканцамъ-федералистамъ; каталонисты-націоналисты, которые, не рѣшаясь открыто требовать отдѣленія или полной независимости Каталоніи, въ дѣйствительности являются, однако, сторонниками именно такого полнаго отдѣленія своей провинціи отъ остальной Испаніи; наконецъ, каталонисты-аннексіонисты, т. е. тѣ, которые убѣждены, что Испаніи уже не возродиться къ новой жизни, а Каталонія не въ состоя-

ніи жить совершенно самостоятельной жизнью, и потому желали бы присоединенія этой провинціи къ Франціи. И при такихъ глубокихъ раздѣленіяхъ во всей партіи нѣтъ ни одной достаточно сильной и достаточно авторитетной личности, которая могла бы даже только попытаться реорганизовать партію и придать ей хоть немного единства. Такимъ образомъ, каталонизмъ, если и останется, какъ выраженіе областного стремленія, какъ живой протестъ противъ всепоглощающаго унитаризма, который превращаетъ столицу Испаніи въ піявку, высасывающую всѣ жизненные соки изъ провинцій, то онъ умираетъ, какъ борющаяся политическая партія, и всѣ попытки возродить его должны привести къ полной неудачѣ.

Противъ всѣхъ перечисленныхъ фракцій монархическаго большинства стоятъ двѣ революціонныя партіи—республиканская и соціалистическая, изъ которыхъ первая рекрутируетъ своихъ активныхъ членовъ, преимущественно, среди интеллигентныхъ слоевъ населенія, вторая пользуется вліяніемъ въ широкихъ слояхъ рабочаго класса, дѣля это вліяніе съ такъ называемыми „либералами“ (анархистами), отъ всякой солидарности съ которыми она, впрочемъ, всегда категорически отказывается.

Республиканская партія, подобно другимъ политическимъ партіямъ въ Испаніи, тякже пережила со времени монархической реставраціи рядъ расколовъ. Въ настоящее время, подъ давленіемъ разростающейся реакціи, она формально объединена. Въ ней намѣчается два теченія, отличающіяся другъ отъ друга опредѣленными стремленіями. Одно изъ нихъ, рядомъ съ болѣе или менѣе децентрализаторскими тенденціями, признаетъ необходимость полнаго, нерушимаго единства испанской націи; другое требуетъ областной автономіи, чтобы отъ нея перейти постепенно къ федераціи испанской, а затѣмъ, вмѣстѣ съ Португаліей, къ иберійской федераціи.

Первую фракцію образуютъ, не сливаясь вмѣстѣ, бывшіе сторонники Кастеляра (поссибилистская партія), Руиза Зорильи (прогрессивная республиканская партія) и Сальмерона (централистическая партія). Это фракція наиболѣе многочисленная и политически наиболѣе вліятельная. Фракція федералистовъ имѣетъ болѣе опредѣленную буржуазно-демократическую программу съ нѣкоторой примѣсью соціализма. Она могла бы играть, среди всеобщаго кризиса, переживаемаго политическими партіями въ Испаніи, болѣе вліятельную роль, но со смерти ея выдающагося вождя, Пи и-Маргалля, она не можетъ найти всѣми признаваемаго руководителя.

А въ Испаніи политическія партіи носятъ настолько личный характеръ, такъ привыкли дѣйствовать подъ тѣснымъ руководствомъ своихъ руководителей, что отсутствіе такого шефа сильно отражается на положеніи партіи. И тѣмъ не менѣе именно благодаря своей программѣ фракція федералистовъ продолжаетъ существовать, какъ опредѣленное теченіе, и даже расширяетъ кругъ своихъ сторонниковъ.

Нельзя того же сказать о республиканцахъ-унитаристахъ, т. е. высказывающихся противъ принципа федеративнаго устройства [1]). У нихъ никогда не было опредѣленной, общей для всѣхъ программы. Здѣсь было и правительственное, во многихъ отношеніяхъ консервативное теченіе стараго поссибилизма Кастеляра, проповѣдывавшаго присоединеніе къ монархическому принципу для укрѣпленія республиканской партіи; есть и государственный радикализмъ Руиза Зорильи, не рѣшающагося открыто выставить ни необходимость полной административной децентрализаціи, ни отдѣленія церкви отъ государства, которое испанскіе нео-республиканцы, кромѣ федералистовъ, почти совсѣмъ забыли; есть и неопредѣленная смѣсь старыхъ и современныхъ требованій буржуазной демократіи. Эти разнообразныя теченія, часто противорѣчащія другъ другу, странно уживаются рядомъ или, точнѣе, н е й т р а л и з у ю т ъ другъ друга, выставляя лишь одинъ общій имъ всѣмъ пунктъ – стремленіе во чтобы то ни стало завоевать республиканскій режимъ, хотя бы на слѣдующій же день послѣ осуществленія этого стремленія партія должна была расколоться на рядъ враждебныхъ группъ. Но такое отсутствіе принципіальнаго единства и общей положительной программы фатально отразилось на партіи, осудивъ ее почти на полную бездѣятельность, которая и замѣчается со времени реставраціи почти до нашихъ дней, если не считать нѣкоторыхъ революціонныхъ попытокъ Руиза Зорильи.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ самое послѣднее время наблюдается нѣкоторое оживленіе въ рядахъ республиканской партіи. Открытыя реакціонныя поползновенія правительства, несомнѣнное вліяніе королевы-матери, явной сторонницы клерикаловъ, на молодого короля, не имѣющаго силы освободиться отъ ея продолжающейся опеки, непрестанныя провокаціи монархистовъ въ парламентѣ постепенно привели различныя республиканскія фракціи къ сознанію необходимости противопоставить расширяющейся, если не крѣпнущей реакціи объединенныя республиканскія силы. Такъ была

---

[1]) О федеративномъ строѣ см. въ очеркахъ о Сѣв.-Америк. Соединенныхъ Штатахъ и Швейцаріи.

создана въ мартѣ 1903 года коалиція республиканцевъ, извѣстная подъ названіемъ „Партіи республиканскаго единенія“, шефомъ которой избранъ былъ бывшій президентъ республики, Николай Сальмеронъ. Во главѣ партіи находятся видные представители всѣхъ прежнихъ фракцій, которыя постоянно толкаются на путь рѣшительныхъ дѣйствій буржуазно-республиканской молодежью, рвущейся къ возобновленію прежнихъ революціонныхъ попытокъ. Сальмеронъ человѣкъ нерѣшительный и осторожный, сдерживаетъ ихъ порывы, но врядъ-ли ему удастся долго удержать ихъ въ повиновеніи, тѣмъ болѣе, что Маура, повидимому рѣшился энергично бороться съ вновь возсоединившейся партіей.

Среди партій, рѣзко противустоящихъ въ Испаніи современному государственному и общественному строю, нужно отмѣтить рабочую партію (оффиціальное ея названіе „Испанская рабочая соціалистическая партія“). Ей пришлось долго бороться, прежде чѣмъ ей удалось окончательно отмежеваться отъ анархистовъ, пользовавшихся большимъ вліяніемъ среди рабочихъ массъ. Она основалась на конгрессѣ, состоявшемся въ 1882 году въ Барселонѣ. Въ настоящее время она насчитываетъ 125 политическихъ группъ, къ которымъ принадлежатъ 10.500 правильно уплачивающихъ свои взносы членовъ (въ 1902 году существовало лишь 82 политическія группы съ 8.000 чел.). Въ послѣдніе годы среди вновь присоединяющихся къ партіи членовъ можно отмѣтить довольно большое число крестьянъ, которые, разочаровавшись во всѣхъ буржуазныхъ партіяхъ, легко воспринимаютъ соціалистическую программу.

Рядомъ съ политическими группами главную силу соціалистической партіи составляетъ „Всеобщій союзъ синдикатовъ“, который, вообще, является наиболѣе могущественной народной организаціею въ Испаніи. Основанный и руководимый соціалистами, „Всеобщій союзъ синдикатовъ“ насчитывалъ въ 1900 году 69 синдикатовъ съ 14.737 чел., въ 1902 году—251 синдикатъ и 40.087 членовъ, а въ настоящее время (1904 годъ)—352 синдиката и 56.900 членовъ.

Пресса партіи насчитываетъ 13 періодическихъ изданій съ общимъ годовымъ тиражемъ въ 1.560.000 экземпляровъ. Центральнымъ органомъ партіи является выходящая въ Мадридѣ еженедѣльная газета „El Socialista“, редакторомъ которой состоитъ Пабло Иглезіасъ, по ремеслу наборщикъ, главный организаторъ и лучшій ораторъ партіи.

Испанскимъ соціалистамъ до настоящаго времени приходится еще нерѣдко вступать въ борьбу съ анархистами, продолжающими пользоваться вліяніемъ въ рабочей средѣ,

особенно въ нѣкоторыхъ городахъ, что вызываетъ недовольство нѣкоторыхъ революціонныхъ сферъ, думающихъ, что каждое народное движеніе можетъ превратиться въ революцію, которая снесетъ существующій режимъ и замѣнитъ его демократической республикой. Особенное недовольство вызвало отношеніе Иглезіаса и его партіи къ извѣстной стачкѣ въ Барселонѣ въ 1902 году. [1]) Нѣкоторые публицисты дѣлаютъ изъ этого выводъ, что испанскіе соціалисты выступаютъ противъ идеи всеобщей стачки. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Иглезіасъ и его партія дѣйствительно рѣзко высказались противъ барселонской стачки и напрягли всѣ свои силы, чтобы ее пріостановить, лишь по той причинѣ, что при данныхъ условіяхъ стачка могла привести только къ полному пораженію рабочихъ. Факты вполнѣ подтвердили ихъ мнѣніе. Но когда нѣсколько времени спустя вспыхнула въ Бильбао всеобщая стачка, имѣвшая цѣлью добиться сокращенія рабочаго дня и повышенія заработной платы, а также протестовать противъ законодательныхъ помѣхъ къ дальнѣйшей экономической организаціи пролетаріата, то рабочая партія самымъ энергичнымъ образомъ поддержала ее,—и стачка, дѣйствительно, кончилась побѣдой рабочихъ.

Что касается избирательныхъ силъ рабочей партіи, то въ виду причинъ, которыя отчасти были уже указаны выше, отчасти же будутъ отмѣчены ниже, онѣ не особенно значительны. Вотъ данныя о ростѣ числа голосовъ, полученныхъ партіей на общихъ законодательныхъ выборахъ за послѣднія одиннадцать лѣтъ:

Въ	1893	г.	партія	получила	7.000 голосовъ.
„	1896	„	„	„	14.000 „
„	1898	„	„	„	20.000 „
„	1899	„	„	„	23.000 „
„	1901	„	„	„	25.400 „
„	1904	„	„	„	29.000 „

Несмотря, однако, на непрерывный ростъ голосовъ, партія до сихъ поръ не имѣетъ ни одного представителя въ парламентѣ. Что это объясняется не слабымъ вліяніемъ партіи, а избирательными нравами, показываетъ тотъ фактъ, что муниципальные выборы, гдѣ давленіе администраціи проявляется въ меньшихъ размѣрахъ, постоянно доставляютъ

---

[1]) Это недовольство нашло себѣ выраженіе и въ русской литературѣ. См., напр., „Очеркъ исторіи Европы нашихъ дней“, стр. 797 (приложеніе къ 3-му изданію книги Ш. Сеньобоса „Политическая исторія современной Европы“).

соціалистамъ довольно значительные успѣхи. Такъ, рабочая партія имѣетъ 50 своихъ совѣтниковъ въ 22 муниципалитетахъ; кромѣ того, въ 30 коммунахъ насчитываются 502 соціалистическихъ совѣтника, поддерживающихъ почти всю программу рабочей партіи.

Наконецъ, въ упомянутомъ выше „Институтѣ соціальныхъ реформъ" партія имѣетъ шесть представителей, непосредственно избранныхъ рабочими синдикатами.

III.

Заключеніе.

Изъ сказаннаго въ предыдущихъ главахъ явствуетъ, что современная Испанія во многихъ отношеніяхъ отличается отъ той Испаніи, которую нѣкогда знала Европа. Во всѣхъ ея партіяхъ, за исключеніемъ лишь правительственной, есть не мало элементовъ, кои каждый въ своей области стараются европеизировать страну, которая въ теченіе долгихъ вѣковъ и до самаго послѣдняго времени порабощена была клерикальнымъ владычествомъ, подрывавшимъ въ народѣ самыя элементарныя стремленія къ самодѣятельности и самостоятельности и пріучавшимъ его жить или, вѣрнѣе, прозябать подъ ферулой начальства.

Правда, возрожденіе страны идетъ слишкомъ медленно; но не надо забывать, что оно встрѣчаетъ трудно устранимыя матеріальныя препятствія. Всѣ, кто хоть немного наблюдалъ испанскій народъ знаетъ, какъ сильно въ немъ стремленіе къ просвѣщенію. Но господствующія партіи упорно отказываютъ ему въ этомъ, и въ то время какъ на всѣ отрасли народнаго просвѣщенія бюджетъ отпускаетъ едва 40 милліоновъ, отталкивая народныхъ учителей, которые буквально умираютъ съ голоду, страна отдаетъ около 60 милліоновъ на содержаніе католической церкви, около 10 милл. на королевскій дворъ и сотни милліоновъ на никому ненужные, въ особенности послѣ потери почти всѣхъ колоній, войско и флотъ. Всѣ эти непроизводительные расходы ложатся тяжкимъ бременемъ на страну, едва насчитывающую 18 милліоновъ жителей, истощенную долгами, раззоряемую въ международныхъ торговыхъ сношеніяхъ въ виду обезцѣненія испанскихъ денежныхъ знаковъ, эксплуатируемую и внутренними, и иностранными капиталами, высасывающими изъ обнищавшаго народа послѣдніе соки.

Отдѣльныя области страны, въ особенности тѣ, которыя

Ди-Рудини.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР

обладаютъ естественными богатствами и достигли наибольшей степени промышленнаго и общественнаго развитія, требуютъ извѣстной автономіи въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, въ которыя центральная власть ни въ какомъ случаѣ не должна была бы вмѣшиваться. Правительство не только подавляетъ крутыми мѣрами движеніе, которое оно объявляетъ дѣломъ злоумышленниковъ, хотя въ немъ лежитъ, быть можетъ, единственный залогъ промышленнаго и общественнаго прогресса страны, но готовится провести въ парламентѣ, при поддержкѣ покорно повинующагося ему парламентскаго большинства, новый законопроектъ о мѣстныхъ учрежденіяхъ, который является новой помѣхой развитію коммунальнаго и областного самоуправленія.

Больше того. Основныя политическія свободы, провозглашенныя конституціею и признаваемыя органическими законами, и въ томъ числѣ всеобщее избирательное право, произвольно попираются всѣми министерствами—реакціонными и даже только консервативными. Въ Испаніи правительство,— и это характерная черта современнаго испанскаго парламентаризма, покоящагося на соглашеніи, заключенномъ послѣ смерти Альфонса XII между Кановасомъ и Сагастой,—правительство всегда торжествуетъ на выборахъ, и оппозиція, за исключеніемъ очень рѣдкихъ случаевъ, объясняющихся исключительными обстоятельствами, постоянно имѣетъ одно и то же число депутатскихъ полномочій—именно то число, какое необходимо правительству для его постыдной игры. Династическая оппозиція (анти-министерскіе монархисты) никогда не получаетъ больше ста полномочій. Если республиканцы насчитываютъ въ настоящее время свыше 30 мандатовъ, то это объясняется только тѣмъ, что тогдашнему премьеру Маурѣ на послѣднихъ выборахъ нужно было показать видъ, что онъ сдерживаетъ давленіе администраціи, произволъ которой сказывается съ совершенно нескрываемой безцеремонностью на всѣхъ законодательныхъ выборахъ.

Этотъ фальсифицированный парламентаризмъ закрываетъ для оппозиціи пути легальнаго осуществленія своихъ стремленій. Поэтому народныя партіи возлагаютъ всѣ надежды лишь на революціонный образъ дѣйствій.

Нынѣшнее министерство въ настоящее время представляетъ наиболѣе клерикальную фракцію консервативной партіи, своими постоянными провокаціями еще болѣе усиливаетъ революціонныя стремленія оппозиціонныхъ партій. Среди его провокацій не послѣднее мѣсто занимаетъ новый конкордатъ, который оно рѣшило заключить съ Ватиканомъ и по которому всѣ религіозныя конгрегаціи (т. е. по оффи-

ціальнымъ даннымъ около ста тысячъ монаховъ и монахинь) получаютъ право существованія въ Испаніи, тогда какъ прежній конкордатъ признавалъ это право только за тремя конгрегаціями. Около двухъ третей іезуитовъ, изгнанныхъ изъ Франціи, уже наводнили Испанію. Такими средствами реакціонеры думаютъ бороться съ демократическими стремленіями, все болѣе утверждающимися въ странѣ. Но результаты такой политики какъ разъ противоположны тѣмъ, на которые разсчитываетъ правительство.

Столкновеніе неизбѣжно. Произойдетъ-ли оно въ формѣ насильственной революціи или мирнаго переворота,—трудно, конечно, предсказать. Но въ нѣдрахъ народа накопляется постепенно слишкомъ много прогрессивныхъ силъ, революціонныя традиціи слишкомъ глубоки, чтобы реакція могла безнаказанно долго еще продолжать торжествовать.

Артуро Винардель-Ройчъ.

ИТАЛІЯ.

Объединеніе Италіи.

Въ началѣ 1848 года, наканунѣ мартовскихъ дней, когда вся Италія собиралась съ силами, чтобы свергнуть ненавистное иго чужеземцевъ и привести къ концу дѣло своего объединенія, Герценъ, воздававшій безконечную благодарность судьбѣ за то, что онъ попалъ въ Италію „въ такую торжественную минуту ея жизни“, спрашивалъ: „Какъ это случилось, что страна, потерявшая три вѣка тому назадъ свое политическое существованіе, униженная всевозможными униженіями, завоеванная, раздѣленная иноплеменниками, полтора вѣка разоряемая и, наконецъ, совсѣмъ сошедшая съ арены народовъ, какъ дѣятельная мощь, вліяющая сила, страна, воспитанная іезуитами, отставшая, обойденная, облѣнившаяся,—вдругъ является съ энергіей и силой, съ притязаніемъ на политическую независимость и гражданскія права, съ притязаніемъ на новое участіе въ европейской жизни?“

Это пробужденіе, il Risorgimento, было по-истинѣ изумительно, но всего удивительнѣе была та энергія, съ которою стремилось къ объединенію населеніе этой издавна раздробленной и безпрестанно дробившейся территоріи, окровавленной вѣковыми междоусобіями и семейными ссорами; всего удивительнѣе было горячее стремленіе собрать въ одно политическое цѣлое эти разрозненныя части Апеннинскаго полуострова, рѣзко отличающіяся одна отъ другой какъ по своей природѣ, такъ и по характеру населенія. Еще до сихъ поръ, несмотря на болѣе чѣмъ сорокалѣтнее существованіе объединеннаго Итальянскаго королевства, весьма замѣтно даетъ себя чувствовать, какъ мы это увидимъ дальше, глубокая разница между сѣверной Италіей и южной Италіей. Мало того, разсматриваемый каждый въ отдѣльности, сѣверъ и югъ далеко не представляли изъ себя однороднаго цѣлаго.

Въ своихъ письмахъ знаменитый русскій „туристъ по-неволѣ“ отмѣчаетъ эту „рѣзкость предѣловъ и опредѣленность характеровъ“, какъ одну изъ главныхъ особенностей Италіи: „Федеральность“, говоритъ онъ, „въ самой землѣ, въ самой природѣ итальянской. Какая огромная разница въ характерѣ Піемонта и Генуи, Піемонта и Ломбардіи; Тоскана нисколько не похожа ни на сѣверную Италію, ни на южную, переѣздъ изъ Ливурно въ Чивита-Веккію не меньше рѣзокъ, какъ переѣздъ изъ Терначины въ Фонди“.

Какимъ-же образомъ, несмотря на столь рѣзкія противоположности, несмотря на обособленность отдѣльныхъ территорій и долго царившія между ними распри, національный инстинктъ все-таки поставилъ на очередь и въ концѣ концовъ благополучно рѣшилъ задачу объединенія Италіи?

Историки, склонные преувеличивать роль „героевъ“ въ политической жизни народовъ, полагаютъ, что начало этому объединенію положилъ не кто иной какъ Наполеонъ I. Безспорно, что Италія занимала выдающееся мѣсто въ политическихъ замыслахъ Наполеона. Его итальянское происхожденіе, историческое прошлое страны, послужившей колыбелью цезаризма, и, наконецъ, враждебная политика Франціи по отношенію къ Австріи—все это побуждало властолюбиваго полководца относиться съ особеннымъ вниманіемъ къ Апеннинскому полуострову. Но никакъ нельзя согласиться съ тѣми историками, которые утверждаютъ, будто Наполеонъ намѣренно поощрялъ въ Италіи развитіе національнаго духа, и готовы поэтому видѣть въ немъ „основателя современной Италіи“ [1]). Пора покончить съ этой легендой, совершенно искажающей какъ значеніе того національнаго движенія, которое создало объединенную Италію, такъ и смыслъ всей наполеоновской политики.

Правда, въ своихъ мемуарахъ, составленныхъ на островѣ св. Елены, Наполеонъ весьма опредѣленно высказывается относительно будущихъ судебъ Италіи, считая ея объединеніе неизбѣжнымъ, такъ какъ „все это большое населеніе, исповѣдующее одну религію, пользующееся выгодами одинаковаго, очень умѣреннаго климата, имѣющее общій языкъ и литературу, должно,—взаимно вліяя одной своей составной частью на другую,—въ концѣ концовъ слиться, какъ это произошло съ различными британскими королевствами, съ различными провинціями Испаніи или Франціи, и какъ это, можетъ-быть

---

[1]) Это мнѣніе защищаетъ, между прочимъ, и Bolton King, авторъ обстоятельнаго двухтомнаго изслѣдованія: „A History of Italian unity, being a political history of Italy from 1814 to 1871“ (Лондонъ, 1899).

случиться когда-нибудь съ нѣмецкими государствами". Но историческую истину слѣдуетъ искать не въ этихъ мемуарахъ, писанныхъ въ назиданіе потомству, а въ реальномъ отношеніи Наполеона къ національнымъ интересамъ Италіи. Въ дѣйствительности Наполеонъ былъ весьма далекъ отъ какого-бы то ни было сознательнаго подготовленія Италіи къ объединенію. Онъ только весьма искусно пользовался, для осуществленія своихъ честолюбивыхъ замысловъ, симпатіями населенія сѣверной Италіи къ революціонной Франціи, создавшей Цизальпійскую и Лигурійскую республики.

Не слѣдуетъ забывать, что на первыхъ порахъ существованія Французской республики ея завоевательная политика шла бокъ-о-бокъ съ революціонно-демократической пропагандой, направленной противъ ненавистнаго стараго режима, противъ феодальныхъ правъ и аристократическихъ привилегій; директорія сулила свободу, провозглашала „права человѣка и гражданина", вводила повсюду новую систему управленія, основанную на принципѣ народнаго верховенства. Бонапартъ сумѣлъ ловко использовать то глубокое сочувствіе, которое эта политика встрѣчала въ тяготившейся старыми порядками итальянской буржуазіи: въ напыщенной прокламаціи, изданной во время основанія Цизальпійской республики, онъ заявлялъ, что „директорія Французской республики даруетъ цизальпійскому народу свою собственную конституцію, плодъ просвѣщенія самой образованной націи въ Европѣ". Исходя изъ тѣхъ-же соображеній, онъ впослѣдствіи, уже будучи первымъ консуломъ, переименовалъ Цизальпійскую республику въ республику Итальянскую—наименованіе, за которымъ какъ бы скрывалась надежда на будущее національное единство, хотя въ то же время Бонапартъ постарался создать для себя въ этой республикѣ такое-же положеніе, какое доставилъ ему во Франціи переворотъ 18 брюмера, и въ началѣ 1802 года, вмѣсто „плода просвѣщенія самой образованной націи въ Европѣ", цизальпійскимъ депутатамъ была навязана уже новая конституція, списанная съ консульской конституціи VIII года, причемъ Наполеонъ великодушно принялъ въ свои руки высшую правительственную власть. Впослѣдствіи эта республика подверглась новымъ перемѣнамъ, соотвѣтствовавшимъ опять-таки государственному устройству вновь образовавшейся французской монархіи: Итальянская республика была преобразована въ Итальянское королевство, и Наполеонъ возложилъ на свою голову желѣзную ломбардскую корону.

Такова была простая и грубая развязка политики, все

искусство которой состояло въ ловкихъ заигрываніяхъ съ національнымъ духомъ. Высокопарныя рѣчи о „благосостояніи и независимости республики", которыми Наполеонъ еще такъ недавно тѣшилъ сердца цизальпійскихъ уполномоченныхъ, уступили мѣсто заявленіямъ болѣе искреннимъ и откровеннымъ, вродѣ того, съ какимъ императоръ обратился къ своему брату Іосифу Бонапарту, которому онъ предоставилъ Неаполитанское королевство: „Ты никогда не найдешь для себя опоры въ общественномъ мнѣніи; прикажи разстрѣливать лаццарони безъ всякаго къ нимъ состраданія; только благотворнымъ страхомъ ты будешь въ состояніи импонировать итальянскому населенію. Обложи страну контрибуціей въ тридцать милліоновъ. Любовь народа не пріобрѣтается ласками".

Не ограничиваясь основаніемъ вассальныхъ государствъ, которыя онъ раздавалъ членамъ своего дома, Наполеонъ прямо включалъ различныя итальянскія области въ составъ Французской имперіи. Такимъ образомъ „нѣсколько милліоновъ итальянцевъ были импровизированы французами: сначала жители Піемонта и Генуи, затѣмъ тосканцы и, наконецъ, сами римляне. Искусственныя границы разъединили населеніе, которое, въ силу географическаго положенія, общности происхожденія, языка, воспоминаній, призвано было образовать единую націю" [1]). Прибавьте къ этому, что, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ французской Италіи, управленіе которой находилось всецѣло въ рукахъ французскихъ чиновниковъ, наполеоновскій режимъ безжалостно попиралъ всѣ національныя права, и вы поймете, что итальянской буржуазіи пришлось скоро раскаяться въ увлеченіи, съ которымъ она опрометчиво бросилась въ объятія Наполеона, ожидая отъ него возстановленія независимости Италіи. Несмотря на судебныя и административныя реформы, на упраздненіе привилегій дворянства и духовенства, уничтоженіе феодальныхъ повинностей, обогащеніе національной собственности конфискованными имѣніями монастырей и цѣлый рядъ другихъ мѣропріятій, которыми Италія обязана была французскому владычеству, это послѣднее не могло не вызвать оппозиціи, такъ какъ въ сущности оно представляло только новую форму рабства, а итальянскій народъ жаждалъ прежде всего національной независимости.

Это прекрасно понимали и соединившіяся противъ Наполеона правительства: стараясь привлечь на свою сторону населеніе Италіи, они взывали именно къ его національному

[1]) J. de Crozals. „L'Unite italienne", стр. 6.

инстинкту. „Хотите вы быть итальянцами?“ вопрошалъ въ изданной въ 1813 году прокламаціи австрійскій эрцгерцогъ Іоаннъ, „присоедините ваши силы, руки и сердца къ смѣлому войску императора Франца. Въ настоящую минуту онъ направляетъ въ Италію могущественную армію. Если Богъ благословитъ его добродѣтельныя усилія, то Италія снова станетъ счастлива и снова пріобрѣтетъ уваженіе Европы“. Представитель англійскаго правительства, лордъ Вилліямъ Бентинкъ съ не меньшимъ пафосомъ восклицалъ: „Мужайтесь, итальянцы! Мы идемъ избавить васъ отъ желѣзнаго ига Наполеона!.. Долой колебанія; будьте итальянцами! Мы не зовемъ васъ за предѣлы вашей страны, но хотимъ, чтобы вы вступили въ свои права и были свободны“.

Европейская коалиція не замедлила, однако, сбросить маску либерализма: вѣнскій конгрессъ положилъ начало жестокой реакціи, которая была направлена къ реставраціи не только прежнихъ „легитимныхъ“ династій, но и стараго порядка. Какъ съ горечью говорилъ, тридцать лѣтъ спустя, Пеллегрино Росси, „конгрессъ совершенно не хотѣлъ считаться со священнымъ и безсмертнымъ принципомъ національности; онъ не признавалъ, презиралъ и затаптывалъ все: исторію, географію, языкъ, нравы, обычаи, традиціи. Онъ приказалъ итальянцамъ стать австрійцами... И эти мудрецы воображали, что ихъ твореніе будетъ крѣпко и прочно! У государственныхъ людей есть, значитъ, тоже свои химеры!“

Итальянцы, обрадовавшіеся было паденію Наполеона, очутились, послѣ конгресса 1814—1815 года, подъ игомъ Австріи. Вѣнское правительство открыто объявило войну всякимъ стремленіямъ къ національному единству и къ конституціонной свободѣ. Стараясь искоренить революціонные и либеральные элементы, оно упразднило французскія учрежденія, предоставлявшія народу извѣстную долю участія въ государственной жизни и въ отправленіи правосудія; повсюду были заведены австрійскіе порядки и учрежденія, управленіе и судопроизводство было ввѣрено австрійскимъ чиновникамъ, и вся общественная жизнь—опутана сложной сѣтью шпіонства, полицейскаго надзора и безпощадной цензуры.

Пользуясь какъ своимъ преобладающимъ положеніемъ на Апеннинскомъ полуостровѣ, такъ и своими династическими родственными связями, австрійское правительство старательно насаждало абсолютизмъ не въ одномъ только Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, но и въ другихъ итальянскихъ государствахъ. Эта ретроградная политика встрѣчала, къ тому же, самое широкое сочувствіе и содѣйствіе со стороны при-

дворной камарильи и духовенства, жаждавшихъ вновь водворить на землѣ „потерянный рай“ своихъ чудовищныхъ привилегій. Въ Сардиніи-Піемонтѣ этимъ горячимъ приверженцамъ стараго режима удалось склонить Виктора Эммануила I къ изданію эдикта, коимъ просто-на-просто уничтожались всѣ введенные французами законы и учрежденія и предписывалось соблюдать „королевскія учрежденія 1770 года безъ всякаго соображенія съ другими какими-либо законами!“ Такимъ образомъ возстановлялись заповѣдныя имѣнія и майораты, возстановлялись разнаго рода феодальныя права, отлученія отъ церкви, монастыри и цехи, возстановлялись исключительные суды съ колесованіемъ и четвертованіемъ, снова лишались гражданскихъ правъ не-католики и т. д., и т. д. Выходило такъ, что король и въ самомъ дѣлѣ былъ правъ, когда онъ въ шутку говорилъ, что все время французскаго владычества онъ проспалъ въ Сардиніи: новые порядки казались ему только сновидѣніемъ, старый режимъ — дѣйствительностью.

Съ наступленіемъ реставраціи воскресъ и авторитетъ римской іерархіи. Революція и наполеоновское владычество, казалось, нанесли было папству смертельный ударъ. Послѣдніе остатки постоянно дробимой Церковной Области вошли, въ 1809 году, въ составъ Французской имперіи, самъ папа былъ удаленъ изъ Рима и содержался въ плѣну у Наполеона, церковныя имущества были отчуждены и присоединены къ государственнымъ землямъ, религіозность населенія была расшатана французскимъ вольнодумствомъ XVIII столѣтія,— римско-католическая церковь повсюду находилась въ глубокомъ упадкѣ, и авторитетъ ея, казалось, погибъ безвозвратно.

Но съ общей перемѣной порядка вещей, съ литературной и религіозной реакціей, возникшей вслѣдъ за уничтоженіемъ французской республики, совершился быстрый и рѣзкій поворотъ въ пользу Рима. Почувствовавшее за собою прежнее могущество, папство въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ предъявляло самыя широкія территоріальныя требованія, а внутри возстановляло старыя учрежденія со всѣми присвоенными имъ правами и привилегіями, возстановляло инквизицію и конгрегацію индекса запрещенныхъ книгъ, духовные ордена, монастыри и т. п.

Политическій и религіозный обскурантизмъ торжествовалъ побѣду, но торжеству этому не суждено было долго длиться,—реакція несла въ самой себѣ ферменты разложенія. Между тѣмъ какъ реакціонеры, задавшись цѣлью упрочить положеніе абсолютизма, настойчиво старались вернуть Италію къ общественнымъ отношеніямъ, существовавшимъ до

Великой Революціи, уже начиналось то броженіе, которое должно было привести къ цѣлому ряду революціонныхъ движеній. охватившихъ, въ 1820 и 1821 годахъ, почти одновременно, Пиренейскій полуостровъ, Неаполь, Сицилію и Піемонтъ.

Броженіе это, принявшее литературно-соціальную окраску въ Ломбардіи, гдѣ оно не выходило за предѣлы пассивнаго недовольства, на югѣ Италіи получило, напротивъ, очень скоро самое широкое распространеніе въ обездоленныхъ народныхъ массахъ, у которыхъ, при всей ихъ политической незрѣлости (весьма невыгодно отразившейся и на успѣхѣ революціоннаго движенія) было, однако, слишкомъ много причинъ для возстанія.

Въ королевствѣ обѣихъ Сицилій, управлявшемся въ духѣ абсолютизма по австрійскому образцу, деспотизмъ правительства, возстановленіе исключительныхъ судовъ съ произвольнымъ и полнымъ пристрастія вмѣшательствомъ короля, заключеніе конкордата съ папой и связанная съ этимъ отмѣна всѣхъ церковныхъ реформъ, введенныхъ французами, постоянное, обидное для національной гордости, пребываніе австрійской оккупаціонной арміи,—все это создавало благопріятную почву для волненій. Но наиболѣе могущественнымъ факторомъ разложенія существующаго порядка вещей являлись причины экономическаго характера: обезземеленіе крестьянства, юридически свободнаго, но фактически находившагося подъ тяжелымъ игомъ землевладѣльческихъ классовъ, слабое развитіе индустріи, голодные годы, періодически обострявшіе уже выдвигавшіеся на сцену аграрный и рабочій вопросы, многочисленныя злоупотребленія въ финансовомъ управленіи и ложившіеся на населеніе непосильнымъ бременемъ налоги. Эти обстоятельства создавали до того сгущенную атмосферу недовольства, что даже такой, по выраженію Гервинуса, „снисходительный критикъ неаполитанскихъ дѣлъ“, какъ графъ Орловъ, уже въ 1818 году заявлялъ, „что, судя по расположенію умовъ, эти элементы безпокойствъ должны принести великое зло“.

Въ крайностяхъ реакціи и въ неурядицѣ, созданной ея режимомъ, черпала свою главную силу и значеніе могущественная тайная организація карбонаріевъ, старавшаяся возбуждать и поддерживать въ обществѣ и въ арміи стремленія къ гражданской свободѣ и къ улучшенію народнаго благосостоянія, а главнымъ образомъ къ національной независимости.

При такомъ положеніи дѣлъ вспыхнувшая въ Испаніи, въ началѣ 1820 года, военная революція не замедлила

найти себѣ откликъ въ Неаполѣ, гдѣ инсургентамъ вскорѣ удалось провозгласить испанскую конституцію. Но тутъ-же обнаружилась и вся политическая несостоятельность заговорщеской организаціи карбонаріевъ. Напоминавшіе нѣчто въ родѣ тайнаго духовнаго ордена, карбонаріи не имѣли, въ сущности, никакой опредѣленной программы: не говоря уже о туманности ихъ соціальныхъ идеаловъ, члены союза имѣли довольно смутныя представленія о конституціонной свободѣ и народномъ представительствѣ; даже среди наиболѣе развитыхъ салернскихъ карбонаріевъ никто не имѣлъ вполнѣ яснаго понятія о требуемой ими испанской конституціи. Продолжительное господство чужеземцевъ и связанное съ нимъ недостаточное развитіе политической жизни сдѣлали то, что стремленіе къ расширенію гражданскихъ правъ далеко не такъ сильно занимало умы, какъ стремленіе къ національной независимости.

Успѣхъ революціоннаго движенія, выразившійся въ провозглашеніи конституціи въ Неаполѣ, не могъ не обезпокоить австрійскаго правительства, не безъ основанія боявшагося распространенія національнаго броженія на его собственныя владѣнія въ Италіи. Не ограничиваясь самыми суровыми мѣрами „охраны“, австрійскій государственный канцлеръ прибѣгъ къ вмѣшательству союзныхъ державъ „противъ тираническаго владычества мятежа и порока“. На конгрессѣ въ Троппау Австрія, Пруссія и Россія провозгласили право вмѣшательства въ дѣла чужого государства съ цѣлью охраненія Европы отъ „преступной заразы“ революціи. Въ силу этого принципа Австрія призвана была охранять внутренній порядокъ въ Италіи хотя бы путемъ оккупаціи Неаполитанскаго королевства своими войсками. Съ другой стороны, союзнымъ державамъ легко удалось склонить неаполитанскаго короля къ отмѣнѣ конституціи, которой онъ присягнулъ два раза: „чтобы поддержать и усилить монархическую власть“, замѣчаетъ по этому поводу Веберъ, „державы, не колеблясь, прибѣгали къ клятвопреступленію, т. е. къ такому средству, въ которомъ никто не могъ бы отыскать гуманныхъ принциповъ тѣхъ союзныхъ договоровъ, которые обѣщали подчинить политику нравственнымъ принципамъ и создать золотой вѣкъ справедливости“.

Союзные монархи прекрасно сознавали всю важность переживаемаго момента: революціонная волна, поднявшая населеніе южно-романскихъ странъ на борьбу съ абсолютизмомъ, шла дальше,—совершился политическій переворотъ и въ Піемонтѣ. Но тутъ опять-таки лишній разъ сказалась разрозненность Италіи: піемонтская либерально-патріотическая

партія, вербовавшая своихъ членовъ преимущественно среди знатной молодежи и офицерства, находилась въ дѣйствительности въ гораздо болѣе близкихъ сношеніяхъ со своими единомышленниками во Франціи, чѣмъ съ сектами карбонаріевъ средней и южной Италіи. Отсутствіе постоянныхъ и прочныхъ связей между различными элементами революціоннаго движенія, отсутствіе одного общаго плана дѣйствій и достаточно широкой организаціи этого движенія, носившаго, главнымъ образомъ, заговорщескій характеръ, — все это и было причиною того, что австрійскому правительству сравнительно легко удалось подавить итальянскую революцію. Началась самая жестокая репрессалія, но идея независимости Италіи пустила въ націи уже слишкомъ глубокіе корни, чтобы утратить свою живучесть, а мстительная политика вѣнскаго правительства могла только усугубить ненависть къ чужеземному игу.

При такихъ условіяхъ неудивительно, что уже нѣсколько лѣтъ спустя іюльская революція нашла себѣ откликъ и въ Италіи, гдѣ въ различныхъ городахъ вспыхнули народныя возстанія, имѣвшія впрочемъ, весьма непродолжительный успѣхъ. Гораздо болѣе серьезный и рѣшающій характеръ приняли волненія, вызванныя революціей 1848 года. Когда, послѣ провозглашенія республики въ Парижѣ, революціонный духъ охватилъ даже австрійскую столицу, служившую до тѣхъ поръ оплотомъ абсолютизма, въ Италіи вспыхнуло дѣйствительно широкое національное движеніе. Возстаніе въ Миланѣ послужило сигналомъ, на который не замедлили откликнуться Венеція, Піемонтъ, Неаполь, Флоренція и Римъ, и если Италія и не вышла побѣдительницей изъ этой національной борьбы съ австрійскимъ гнетомъ, то во всякомъ случаѣ вопросъ объ ея независимости былъ теперь поставленъ на ближайшую очередь

Война за освобожденіе выдвинула на первый планъ Піемонтъ, который сталъ какъ бы въ центрѣ національнаго движенія. Эта центральная роль должна была остаться за королевствомъ Сардиніи и въ дальнѣйшемъ, уже хотя бы потому, что, несмотря на торжествовавшую вокругъ него повсюду реакцію, оно отказалось отъ реакціонной политики и сумѣло сохранить непоколебимую вѣрность дѣлу свободы. Когда, послѣ битвы при Новарѣ, Австрія предъявила молодому Виктору Эммануилу требованіе уничтожить данную его отцомъ, Карломъ Альбертомъ, конституцію, обѣщая за это самыя легкія условія мира, король безусловно отвергъ это предложеніе. Этотъ шагъ имѣлъ тѣмъ болѣе важное значеніе для будущихъ судебъ Піемонта, что до тѣхъ поръ на-

роду приходилось считаться съ правительствами, нисколько не стѣснявшимися измѣнить дѣлу Италіи и свободы. Впослѣдствіи, дипломатическіе успѣхи Кавура еще болѣе усилили престижъ Савойскаго дома и содѣйствовали какъ политической гегемоніи Піемонта, такъ и рѣшительному перевѣсу партіи умѣренныхъ, которая подчиняла національное движеніе интересамъ савойской династіи надъ республиканской партіей, руководимой Маццини. Такъ называемая партія дѣйствія, группировавшаяся вокругъ Гарибальди и считавшая папство самымъ важнымъ препятствіемъ для осуществленія національнаго единства, требовала, правда, рѣшительнаго наступленія на Римъ, но она оказывалась не въ силахъ создать достаточный противовѣсъ осторожной и медлительной политикѣ Кавура, и Гарибальди не разъ приходилось идти на уступки.

Событія, впрочемъ, не замедлили опередить планы Кавура. Ближайшей цѣлью сардинскаго премьера было созданіе такого итальянскаго королевства, которое обнимало бы всю территорію, лежащую къ сѣверу отъ рѣки По, и могло бы явиться достаточно стойкой преградой между Австріей и областями, состоявшими нѣкогда въ вассальныхъ отношеніяхъ къ ней: такимъ образомъ былъ бы заложенъ прочный фундаментъ для установленія, въ будущемъ, полной національной независимости. Но кампанія 1859 года, окончившаяся завоеваніемъ Ломбардіи, оставила, однако, венеціанскую область въ рукахъ Австріи и тѣмъ самымъ сдѣлала вопросъ о независимости Италіи неотложнымъ. Съ другой стороны, рѣшительный образъ дѣйствій населенія герцогствъ средней Италіи дѣлалъ уже весьма затруднительнымъ чужое вмѣшательство для возстановленія ихъ павшихъ правительствъ. Вопросъ о союзѣ съ Піемонтомъ, поставленный на голосованіе, въ мартѣ 1860 года, въ Пармѣ, Моданѣ, въ Романьи (гдѣ незадолго передъ этимъ была ниспровергнута папская власть) и въ Тосканѣ, подавляющимъ большинствомъ голосовъ былъ рѣшенъ утвердительно и папѣ не оставалось другого утѣшенія, какъ только отлучить отъ церкви всѣхъ участниковъ этого „святотатства“, что не помѣшало ему, къ тому же, лишиться власти надъ Умбріей и Мархіей. Вскорѣ послѣ этого была ниспровергнута и власть бурбонскаго дома какъ въ Сициліи, такъ и въ Неаполѣ, и 17 марта 1861 года былъ изданъ законъ, провозглашавшій образованіе Итальянскаго королевства, обнимавшаго уже всю Италію, за исключеніемъ Рима и Венеціи (послѣдняя была присоединена въ 1866 году). Преемственность между бывшимъ Сардинскимъ королевствомъ и но-

вымъ государствомъ была сохранена не только съ династической точки зрѣнія, но и въ политическомъ отношеніи: въ основу новаго государственнаго механизма была положена піемонтская конституція 1848 года.

Тѣмъ не менѣе дѣло объединенія Италіи не могло считаться вполнѣ законченнымъ, пока Римъ находился во власти папы. Даже Кавуръ, ратуя до послѣднихъ своихъ минутъ за дорогой его сердцу принципъ libera chiesa in libero stato (свободная церковь въ свободномъ государствѣ) и стремясь обезпечить за церковью полную независимость, полагалъ, однако, что съ уничтоженіемъ свѣтской власти папы церковь только лучше будетъ исполнять свою задачу. Но неприкосновенность папской власти особенно ревниво охраняла клерикальная партія во Франціи, усматривавшая въ попыткахъ Гарибальди овладѣть Римомъ „оскорбленіе чести и достоинства Франціи“, и только седанская катастрофа предоставила Италіи въ этомъ отношеніи полную свободу дѣйствій: 20 сентября 1871 г. національная армія вступила въ Римъ, и объединеніе Италіи было, наконецъ, завершено.

II.

Соціально-экономическая жизнь: Сѣверъ и Югъ.

Если бы жизнь страны опредѣлялась исключительно политическими формами, то можно было бы только удивляться тѣмъ кореннымъ различіямъ, какія обнаруживаются между Италіей и другими болѣе или менѣе родственными ей, по государственному строю, конституціонными монархіями.

Въ дѣйствительности, всѣ особенности политической жизни Италіи представляли бы для читателя непонятную загадку, если бы отъ исторіи объединенія мы непосредственно перешли къ функціонированію гоударственнаго механизма объединеннаго королевства, не остановившись предварительно на соціально-экономическихъ условіяхъ современной Италіи. Безъ знакомства съ этими условіями было бы, напримѣръ, совершенно немыслимо уяснить себѣ причины того рѣзкаго контраста, который замѣчается между долголѣтнимъ политическимъ индиферентизмомъ народныхъ массъ и совершеннымъ упадкомъ старой радикальной партіи, съ одной стороны, и чрезвычайно быстрымъ ростомъ соціалистической партіи, съ другой; было бы немыслимо понять, какимъ образомъ, несмотря на этотъ индиферентизмъ и вопреки отсутствію въ Италіи всеобщаго избира-

тельнаго права, партія, которая организовалась не далѣе какъ въ 1892 году, могла такъ быстро завоевать до того значительное мѣсто въ политической жизни, что на законодательныхъ выборахъ 1900 года она уже получила 215.841 голосъ (при общемъ числѣ избирателей въ 1.310.480) и послала въ палату 32-хъ депутатовъ.

Безъ знакомства съ главными особенностями народнохозяйственной жизни Италіи, оставалась бы, наконецъ, непонятною и та глубокая пропасть, которая раздѣляетъ въ политическомъ отношеніи сѣверную и южную Италію—сѣверную, гдѣ сосредоточиваются наиболѣе передовые и наиболѣе сознательные элементы населенія, и южную, гдѣ политическая отсталость народныхъ массъ лишаетъ избирательное право всякаго серьезнаго значенія, превращая выборы въ жалкую комедію правительственнаго давленія, подкуповъ, интригъ и пр., и гдѣ, благодаря этому, въ роли „народныхъ представителей“ выступаютъ завзятые реакціонеры-владѣльцы латифундій, а то и просто авантюристы и аферисты, образующіе тамъ цѣлыя „организаціи“—маффію въ Сициліи и каморру въ Неаполѣ.

„Al Risorgimento politico dovrà tener dietro il Risorgimento economico della nazione“,— за политическимъ возрожденіемъ должно будетъ послѣдовать экономическое возрожденіе націи,—такъ говорилъ Викторъ-Эммануилъ II, но экономическое возрожденіе не декретируется волею королей, и дальнѣйшей эволюціи итальянскаго государства еще долго суждено было не оправдывать королевскаго пророчества. Напротивъ, не говоря уже объ ежегодныхъ дефицитахъ, повторявшихся на первыхъ порахъ существованія королевства вплоть до 1875 года, великодержавная политика (politica grande), на которую Италія обрекла себя, войдя въ тройственный союзъ, и связанныя съ этой политикой тяжелыя военныя обязательства вновь повели къ хроническимъ дефицитамъ, которые въ концѣ концовъ увеличили государственный долгъ почти на 4 милліарда лиръ.

Огромныя военныя издержки [1]) ложатся на населеніе непосильнымъ бременемъ, въ конецъ истощая народныя силы, и вопросъ о сокращеніи контингента арміи представляется въ Италіи особенно жгучимъ и тѣмъ болѣе настойчиво требу-

[1]) Военный и морской бюджетъ Италіи въ среднемъ превышаютъ 370 милліоновъ лиръ. Чтобы оцѣнить эту цифру по достоинству, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ то же время на нужды народнаго просвѣщенія Италія расходуетъ ежегодно не больше 40—45 милліоновъ, а бюджетъ общаго министерства земледѣлія, торговли и промышленности представленъ скромной цифрой въ 12 милліоновъ.

Джолитти.

ющимъ разрѣшенія, что крайне нераціональная итальянская система обложенія (косвенные налоги, увеличивающіе во много разъ стоимость самыхъ необходимыхъ предметовъ потребленія, высокія городскія пошлины на съѣстные припасы и т. д.) обрушивается всей своей тяжестью на наиболѣе многочисленные и наиболѣе бѣдные классы населенія.

По вычисленіямъ Кановаи [1]), общая сумма взимаемыхъ съ населенія Италіи налоговъ составляетъ 1.259 милліоновъ лиръ, что даетъ въ среднемъ 40,64 лиры на человѣка. Взятая сама по себѣ эта цифра не представляется чрезмѣрно высокою: она даже ниже соотвѣтственныхъ цифръ, касающихся Франціи (75,18) и Англіи (53,70), но если принять во вниманіе имущественное состояніе населенія, опредѣляемое всего въ 54 милліарда, то станетъ яснымъ, что Италія несетъ гораздо болѣе тяжелое налоговое бремя (2,33% всего состоянія страны), чѣмъ другія европейскія государства.

Военный и морской бюджетъ поглощаютъ ежегодно 0,70% общаго состоянія, а государственный долгъ (13 милліардовъ) составляетъ 24,07% этого состоянія. Причитающіеся съ этого государственнаго долга проценты составляютъ 703 милліона въ годъ, т. е. 1,30% доходовъ населенія. Въ общемъ налоги поглощаютъ 17,31% доходовъ, при чемъ 5,14% идутъ на военныя издержки и 9,67% на погашеніе государственнаго долга.

Съ соціально-экономической точки зрѣнія, итальянская дѣйствительность представляется слишкомъ сложною, чтобы ее можно было насильно втиснуть въ узкія рамки одной общей характеристики. Было время, когда на Италію смотрѣли, какъ на исключительно земледѣльческую страну и когда, ссылаясь на нѣкоторыя природныя ея особенности и, главнымъ образомъ, на отсутствіе каменнаго угля, за нею даже отрицали возможность развитія индустріи. Но съ тѣхъ поръ какъ прогрессъ электротехники позволилъ замѣнить черный уголь „бѣлымъ“ и „зеленымъ“ углемъ, примѣръ Швейцаріи показалъ, что недостатокъ топлива не составляетъ серьезнаго препятствія для успѣшнаго развитія промышленности тамъ, гдѣ можно пользоваться двигательной силой горныхъ потоковъ и текущихъ водъ вообще, а въ этомъ отношеніи сѣверная Италія одарена весьма богато.

Можно, конечно, сослаться,—какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Верони [2]), на то, что по переписи 1881 года на земле-

[1]) Tito Canovai. „L'Italia presente e i suoi problemi morali, politici economici, finanziari.“ Римъ, 1898.

[2]) Veroni. „La sociologie et les conditions politiques de l'Italie“ („Revue internationale de sociologie,“ 1901).

дѣльческіе промыслы приходилось 8.173.382 человѣка, т. е. 376,53 на тысячу человѣкъ населенія, тогда какъ число лицъ занятыхъ въ промышленности не превышало 183,83 на тысячу населенія. Но не говоря уже о томъ, что за послѣднія двадцать лѣтъ это отношеніе должно было значительно измѣниться [1]), нельзя не считаться съ фактами другого рода.

Во-первыхъ, относительно земледѣлія необходимо имѣть въ виду, что расширеніе всемірнаго рынка для хлѣба, созданное австралійской и американской конкуренціей, вызвало въ Италіи сокращеніе производства зерна почти на $^1/_5$ (42 милліона гектолитровъ въ 1899 г. вмѣсто 51 милліона, составлявшаго среднюю цифру за періодъ отъ 1870 до 1875 года). Въ связи съ огромными покровительственными пошлинами на ввозимый хлѣбъ, это уменьшеніе собственнаго производства, являющагося уже недостаточнымъ для покрытія потребностей населенія ведетъ къ тому парадоксально-трагическому положенію, что въ этой якобы „исключительно земледѣльческой“ странѣ существуетъ въ хроническомъ состояніи „хлѣбный вопросъ“, отъ времени до времени обостряющійся въ видѣ кризисовъ и „хлѣбныхъ бунтовъ“.

Правда, параллельно съ сокращеніемъ площади хлѣбныхъ посѣвовъ шло расширеніе виноградныхъ плантацій (площадь которыхъ, занимавшая въ 1878 году 1.870.109 гектаровъ, въ настоящее время достигаетъ $3^1/_2$ милліоновъ гектаровъ), но эта замѣна далеко не представляетъ достаточной компенсаціи, во-первыхъ, потому, что продуктивность виноградниковъ не возросла въ одинаковой мѣрѣ съ расширеніемъ ихъ площади (за тотъ-же періодъ времени она увеличилась только съ 27 до 32 милліоновъ гектолитровъ) и, во-вторыхъ, потому что таможенная война съ Франціей закрывъ для итальянскихъ винъ французскій рынокъ, вызвала кризисъ и въ этой отрасли добывающей промышленности.

Этому упадку земледѣлія какъ нельзя болѣе способствуетъ

---

[1]) Итальянская статистика, къ сожалѣнію, далеко еще не разработана: народныя переписи должны производиться только каждыя 10 лѣтъ, да и то въ 1891 году перепись не была сдѣлана экономіи ради. Данныя, касающіяся послѣдней переписи 1901 года, еще не всѣ опубликованы, вышедшіе до сихъ поръ два тома не содержатъ распредѣленія населенія по занятіямъ. По переписи 1881 года на земледѣльческіе промыслы приходилось 8.173.382 человѣка, а промышленныхъ рабочихъ 4.185.461.

Что касается промышленной статистики, то въ Италіи нѣтъ изданія, которое обнимало бы всю страну въ ея совокупности, а издаются статистическіе сборники (Statistica industriale) по областямъ—до сихъ поръ вышло два такихъ тома: „Піемонтъ“ (въ 1892 году) и „Ломбардія“ (въ 1900 году). Намъ пришлось поэтому пользоваться отдѣльными монографіями и журнальными статьями.

существованіе обширныхъ зонъ латифундій—въ особенности изобилующихъ на югѣ, въ Калабріи и Сициліи—съ характернымъ для ихъ владѣльцевъ абсентеизмомъ, въ силу котораго активная роль въ веденіи хозяйства большей частью предоставляется посредникамъ-спекуляторамъ. Съ другой стороны, если въ нѣкоторыхъ частяхъ Піемонта еще довольно стойко держится мелкое земледѣліе, а преобладающая въ Тосканѣ и отчасти также въ Романьи и Умбріи аренда земли исполу (mezzadria) дѣлаетъ крестьянъ этихъ областей заинтересованными въ хорошемъ ходѣ хозяйства, то совершенно иное наблюдается въ большинствѣ другихъ провинцій, гдѣ обезземеленіе крестьянства создаетъ довольно многочисленный земледѣльческій пролетаріатъ. Небезынтересно отмѣтить, что за періодъ времени отъ 1884 до 1895 года фискъ наложилъ за недоимки 164.000 запрещеній на недвижимую собственность, причемъ эти запрещенія касались, конечно, главнымъ образомъ, мелкихъ землевладѣльцевъ. Такъ, за одинъ 1895 годъ было наложено свыше 11.000 запрещеній, а между тѣмъ общая сумма соотвѣтственныхъ недоимокъ не превышала 1.175.485 лиръ, т. е., иными словами, дѣло шло о недоимкахъ, составлявшихъ въ среднемъ около 130 лиръ съ плательщика.

Какъ ни ограниченны жизненныя потребности итальянскихъ рабочихъ-земледѣльцевъ, часто питающихся одной полентой, земледѣльческая промышленность оказывается, однако, не въ состояніи обезпечить этому классу населенія средства существованія. На ряду съ болѣе счастливымъ меньшинствомъ рабочихъ obligati, то есть нанимаемыхъ на цѣлый годъ и получающихъ не болѣе 500 лиръ въ годъ (половину натурой), огромныя массы disobligati—поденщиковъ принуждены довольствоваться болѣе или менѣе случайнымъ заработкомъ, получая обыкновенно не болѣе 1 лиры 70 чентез. въ день лѣтомъ и 1 лиры зимою (женщины зарабатываютъ отъ 60 чентез. до 1 лиры въ день). Но многіе рабочіе, не находя на родинѣ даже и такого скуднаго заработка, либо эмигрируютъ въ Америку, либо уходятъ на временный промыселъ въ Швейцарію, Францію, Австро-Венгрію и т. д. Число постоянныхъ эмигрантовъ, не превышавшее 75.000 въ годъ отъ 1884 до 1886 года, въ концѣ 80-хъ годовъ достигло 150.000, а въ настоящее время доходитъ до 275.000. Временная эмиграція въ 1902 году насчитывала 250.000 человѣкъ. Интересно отмѣтить, что главнымъ ядромъ постоянной эмиграціи служитъ населеніе южныхъ земледѣльческихъ областей, тогда какъ на временный отхожій промыселъ идутъ почти исключительно рабочіе изъ сѣверной Италіи—Піемонта,

Ломбардіи и др. Это доказываетъ, что въ свою очередь фабричная промышленность, сосредоточивающаяся въ этихъ сѣверныхъ провинціяхъ, пока еще не въ состояніи вполнѣ обезпечить средства существованія рабочимъ массамъ.

Несомнѣнно, однако, что одновременно и параллельно съ упадкомъ земледѣлія обрабатывающая промышленность, напротивъ, быстро двигалась впередъ. Въ этомъ отношеніи интересно указать хотя-бы ростъ ввоза каменнаго угля: тогда какъ въ 1888 году количество ввезеннаго угля не превышало 1.320.245 тоннъ, въ 1899 году было ввезено 4.859.556 тоннъ, причемъ на потребности транспорта (желѣзныя дороги и пароходы) приходилось не болѣе $^1/_4$ этого запаса, все остальное шло на промышленныя нужды. Слѣдуетъ, къ тому же, имѣть въ виду, что помимо каменнаго угля обрабатывающая промышленность все шире и шире пользуется еще моторною силою текущихъ водъ и водопадовъ, дающихъ въ настоящее время около 500.000 лошадиныхъ силъ.

Развитіе промышленности даетъ себя чувствовать особенно замѣтно въ важнѣйшихъ ея отрасляхъ—въ прядильномъ и ткацкомъ производствѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ постоянное увеличеніе ввоза сырыхъ продуктовъ, идущее рука объ руку съ уменьшеніемъ ввоза пряжи и тканей и даже съ увеличеніемъ вывоза послѣднихъ. Въ 1878 году Италія еще ввозила пеньковыхъ и льняныхъ тканей на сумму 13.000.000 лиръ, тогда какъ въ 1899 году этотъ ввозъ сводится къ ничтожной цифрѣ въ 297.410 лиръ. За тотъ же періодъ времени вывозъ шерстяныхъ тканей увеличился съ 4.300.000 до 10.900.256 лиръ.

	Года.	Хлопчатая бумага.			Ленъ.		Шерсть.	
		сырье.	нитки.	ткани.	сырье.	нитки.	сырье.	ткани.
Ввозъ въ центнерахъ.	1871	272.000	85.000	100.000	5.000	43.000	43.000	42.000
	1897	1.202.000	9.000	20.000	227.000	47.000	108.000	27.000
Вывозъ въ центнерахъ.	1871	167.000	235	1.500	492.000	1.600	16.000	2 000
	1897	42.000	36.000	58.000	615.000	28.000	19.000	3.700

Но было бы совершенно ошибочно думать, что эти параллельно идущіе въ Италіи процессы—упадокъ земледѣлія и развитіе индустріи—представляютъ общую для всей страны черту экономической жизни. Даже при самомъ поверхностномъ наблюденіи не трудно замѣтить ту рѣзкую грань, которая отдѣляетъ въ области народно-хозяйственной жизни сѣверную Италію, гдѣ быстро развивается капиталистическое производство, отъ южной, еще до сихъ поръ сохраняющей примитивныя экономическія формы. Путешественникъ, пріѣзжающій изъ Ломбардіи или Тосканы въ Базиликату или Калабрію, „испытываетъ впечатлѣніе, словно его вернули къ давно отжившей эпохѣ и заставили перейти изъ современной страны въ область, которая почти не измѣнилась со времени среднихъ вѣковъ“ (Жюль Гей). Что это впечатлѣніе вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, подтверждаютъ и итальянскіе изслѣдователи. „Южная часть Италіи“,—говоритъ Морпурго,—„обнимающая болѣе половины территоріи всего полуострова и болѣе $^2/_5$ всего населенія, до сихъ поръ еще терпитъ печальнѣйшія послѣдствія отжившихъ экономическихъ условій. Несмотря на живость обитателей, въ южной и островной Италіи всякая индустрія развивается съ чрезвычайнымъ трудомъ“[1]). По мнѣнію другого изслѣдователя итальянской жизни, Ничефоро, сѣверная Италія является страною современной цивилизаціи, тогда какъ южная представляетъ „моральную и соціальную структуру, напоминающую первобытныя времена“ [2]).

Политическое объединеніе Италіи должно было только усугубить эту рѣзкую экономическую разницу между сѣверомъ и югомъ. Даже Неаполь, игравшій нѣкогда роль крупнаго экономическаго центра для всей южной Италіи, утратилъ это значеніе съ тѣхъ поръ, какъ уничтоженіе внутреннихъ таможенъ и развитіе желѣзнодорожной сѣти расширили рынокъ сбыта для фабричной промышленности сѣверныхъ провинцій.

Къ тому же, распредѣленіе большихъ городовъ представляетъ чрезвычайно интересныя данныя для сравнительной оцѣнки культурности сѣвера и юга. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 16-ти главныхъ городовъ областей 9 насчитываютъ свыше 100.000 жителей и 7 менѣе 100.000.

---

[1]) Morpurgo. „Studi di economia nazionale italiana„ (Annali di statistica, III).

[2]) Niceforo. „Italiani del Nord et Italiani del Sud.“ Туринъ, 1901.

По переписи 1901 года:

Неаполь . .	563.540	Бари	77.478
Миланъ . .	491.460	Перуджія . .	61.385
Римъ . .	462.783	Анкона . . .	56.835
Туринъ . .	335.656	Кальяри . .	53.747
Палермо . .	309.694	Катанцаро .	31.824
Генуя . . .	234.710	Аквила . . .	21.188
Флоренція .	205.589	Потенца . .	16.186
Болонія . .	152.009		
Венеція . .	151.840		

Въ первой категоріи только два города—Неаполь и Палермо—принадлежатъ южной Италіи, всѣ остальные—сѣверной и средней. Напротивъ, во второй группѣ мы не находимъ ни одного сѣвернаго города и только 2 города средней Италіи, всѣ остальные относятся къ южной Италіи.

Въ южной Италіи жители большихъ городовъ (свыше 100.000) составляютъ 6,3% всего населенія, тогда какъ въ сѣверной и средней Италіи это отношеніе достигаетъ 12,1%, т. е. въ 2 раза больше.

Но экономическая отсталость юга выступитъ передъ нами еще болѣе рѣзко, если мы обратимъ вниманіе хотя-бы на слѣдующія данныя, касающіяся относительнаго числа лицъ, занятыхъ въ фабричной промышленности. На 100 жителей такихъ лицъ насчитывается:

Въ Ломбардіи	(сѣв.)	. . .	41,53
„ Піемонтѣ	(сѣв.)	. . .	24,60
„ Лигуріи	(сѣв.)	. . . .	14,80
„ Венеціи	(сѣв.)	. . . .	13,14
„ Тосканѣ	(сред.)	. . . .	10,74
„ Маркіи	(сред.)	. . . .	10,34
„ Кампаніи	(южн.)	. . . .	10,12
„ Эмиліи	(сред.)	. . . .	5,41
„ Лаціумѣ	(сред.)	. . . .	5,22
„ Умбріи	(сред.)	. . . .	4,34
„ Калабріи	(южн.)	. . .	3,44
„ Сициліи	(южн.)	. . .	2,43
„ Апуліи	(южн.)	. . .	1,48
„ Сардиніи	(южн.)	. . .	0,95
„ Абруццо	(южн.)	. . . .	0,61
„ Базиликатѣ	(южн.)	. . . .	0,23

Тогда какъ число паровыхъ котловъ, которыми располагаетъ одна только Ломбардія, составляетъ 13.629 лошадиныхъ силъ, въ Абруццо насчитывается только 77, въ Кампаніи 4.382, въ Апуліи 1.578, въ Базиликатѣ 177 и въ Калабріи 317 лошадиныхъ силъ.

На 10.000 жителей приходится:

	Паровыхъ котловъ		Гидравлическихъ силъ
	Число	Въ лошадиныхъ силахъ	
Въ сѣверной Италіи	2,6	28	37,0
„ средней „	1,4	12	8,0
„ южной „	0,6	8	9,0
„ Сициліи	0,7	10	0,4
„ Сардиніи	0,8	—	0,6

Общепринятая характеристика сѣверной Италіи, какъ страны фабрично-промышленной, и южной Италіи, какъ страны земледѣльческой, нуждается въ весьма существенной поправкѣ. Дѣло въ томъ, что даже и въ развитіи сельскаго хозяйства югъ значительно отстаетъ отъ сѣвера: въ Ломбардіи, которая по справедливости считается житницей Италіи, культура достигаетъ высшей степени интенсивности, тогда какъ на югѣ обширныя пространства остаются невоздѣланными или слабо воздѣланными. Въ сѣверной и средней Италіи сельское хозяйство приспособляется къ новымъ экономическимъ условіямъ и, вынужденное сократить производство пшеницы, обращается къ культурѣ „промышленныхъ“ растеній (свекловица, тутовое дерево, ленъ), разводитъ фрукты и т. п., тогда какъ во многихъ мѣстностяхъ юга съ упадкомъ земледѣлія обширныя пространства превращаются въ пастбища.

Въ этой экономической отсталости южной Италіи многіе ея жители винятъ прежде всего политическія условія, созданныя объединеніемъ и способствующія развитію благосостоянія сѣверныхъ провинцій на счетъ юга. Южная Италія, какъ увѣряютъ ея представители въ палатѣ депутатовъ, получаетъ отъ государства меньше выгодъ, чѣмъ сѣверная. По показаніямъ Видари [1]), сѣверная Италія, владѣя 48% національнаго богатства, платитъ только 40% налоговъ, тогда такъ остальная часть страны, владѣя 52% общаго состоянія, платитъ 60% (причемъ средняя Италія владѣетъ 25% и платитъ 28%, а южная часть владѣетъ 27% и платитъ 32%). Но приведенныя нами выше данныя, свидѣтель-

[1]) Ercole Vidari. „La presente vita italiana politicae sociale,“ 1899.

ствующія о несравненно большей производительности труда въ сѣверныхъ провинціяхъ, чѣмъ на югѣ—и притомъ не только въ фабричной промышленности, но и въ области сельскаго хозяйства—совершенно противорѣчатъ представленію о земледѣльческихъ южныхъ провинціяхъ, какъ о своего рода источникѣ, питающемъ всю остальную Италію. Въ дѣйствительности, причины оскудѣнія юга лежатъ вовсе не въ неравномъ обложеніи: онѣ кроются гораздо глубже въ цѣломъ рядѣ экономическихъ и историческихъ, а отчасти и антропологическихъ условій, на значеніи которыхъ останавливаются многіе итальянскіе изслѣдователи (Ничефоро, Серджи, Ренда и др.).

Если, къ тому же, принять во вниманіе среднюю цифру обложенія, то, по вычисленіямъ Ничефоро, дѣло представляется въ такомъ видѣ: на каждаго человѣка приходится, въ среднемъ, налоговъ:

Въ сѣверной Италіи	37,68	лиръ
„ средней „	40,24	„
„ южной „	24,25	„
„ Сициліи „	21,86	„
„ Сардиніи „	20,23	„

Такимъ образомъ, если взять общую среднюю цифру для южной Италіи и острововъ, то окажется, что эта цифра равняется 22,11 л., т. е. на 15,57 л. меньше, чѣмъ въ сѣверной Италіи и на 18,13 л. меньше, чѣмъ въ средней Италіи. Взиманіе налоговъ не встрѣчаетъ въ болѣе богатой сѣверной Италіи тѣхъ затрудненій и недочетовъ, на какіе оно наталкивается на югѣ и на островахъ. Такъ, напримѣръ, въ 1897 году на 10.000 жителей приходилось запрещеній, наложенныхъ за недоимки:

Въ сѣверной Италіи	14,63
„ средней „	24,50
„ южной „	39,66
„ Сициліи „	64,69
„ Сардиніи „	52,70

Итакъ, несмотря на свое политическое объединеніе, Италія въ соціально-экономическомъ отношеніи далеко не представляетъ однороднаго цѣлаго, и эта ея особенность въ свою очередь отражается и на ея политической жизни. Въ постоянныхъ столкновеніяхъ враждебныхъ между собою мѣстныхъ интересовъ итальянская политика выродилась въ истинную вакханалію интригъ и происковъ, гдѣ разнузданные инстинкты алчной буржуазіи даютъ себѣ полную волю, черпая въ желѣзнодорожныхъ концессіяхъ, въ доведенномъ

до крайности аграрномъ протекціонизмѣ, а то и просто въ мутной водѣ банковыхъ операцій (дѣло Римскаго банка) средства для осуществленія дорогого сердцу буржуазіи завѣта „enrichissez-vous!“ Отсюда то отсутствіе вполнѣ опредѣлившихся политическихъ теченій, та расплывчатость или даже полное отсутствіе политическихъ программъ, тѣ постоянные компромиссы между людьми, принадлежащими къ различнымъ „партіямъ“,—отсюда всѣ тѣ особенности, съ которыми намъ придется встрѣтиться въ дальнѣйшемъ.

Но за послѣдніе годы, съ усиленіемъ роста соціалистической партіи, среди этого хаоса личныхъ интересовъ, котерій и combinazioni начинаютъ выражаться новыя тенденціи. И если представители рабочаго класса пока еще недостаточно многочисленны въ парламентѣ, чтобы политическая жизнь могла явиться отраженіемъ все болѣе и болѣе обостряющейся классовой борьбы, то они во всякомъ случаѣ успѣли уже вывести страну изъ того политическаго застоя, въ которомъ она находилась до сихъ поръ. Именно представители соціалистической партіи явились иниціаторами и руководителями того могущественнаго оппозиціоннаго движенія, которое объединило въ борьбѣ съ правительственнымъ произволомъ различныя фракціи лѣвой и привело на законодательныхъ выборахъ 1900 года къ блестящей побѣдѣ нарождающейся демократіи надъ реакціей.

Быстрый ростъ пролетаріата, все глубже и глубже проникающее въ рабочія массы классовое самосознаніе, постоянно расширяющаяся организація не только промышленнаго, но и земледѣльческаго пролетаріата [1]), повидимому, призваны кореннымъ образомъ измѣнить политическую жизнь Италіи. Но эту эволюцію пока еще сильно тормозятъ отсталость и косность населенія южной Италіи, гдѣ трудящіеся классы еще не созрѣли для сознательной и упорной борьбы за свои права и интересы. Отсюда тотъ кажущійся на первый взглядъ непонятнымъ и парадоксальнымъ фактъ, что нужда и голодъ, свирѣпствующіе главнымъ образомъ на югѣ и юго-западѣ, вызываютъ, однако, волненія, принимающія гораздо болѣе угрожающій характеръ среди рабочаго населенія сѣверныхъ городовъ, чѣмъ въ южныхъ провинціяхъ. Когда въ маѣ 1898 года хлѣбныя волненія чрезвычайно обострились, возстаніе нигдѣ не приняло такого серь-

---

[1]) Организація земледѣльческаго пролетаріата, начало которой было положено только послѣ конгресса соціалистовъ въ Болоньѣ (1897 г.), въ настоящее время уже группируетъ болѣе 250.000 человѣкъ въ такъ называемыхъ „лигахъ сопротивленія“.

езнаго характера, какъ въ Миланѣ, гдѣ населеніе въ теченіе 4-хъ дней ожесточенно сражалось съ арміей. „Волненіе“, замѣчаетъ по этому поводу французскій буржуазный публицистъ, „достигло своей кульминаціонной точки въ Миланѣ, въ этомъ большомъ и богатомъ городѣ, который, однако, не страдалъ, какъ деревни, отъ экономическаго кризиса“ [1]).

Въ томъ же смыслѣ говорятъ и данныя, касающіяся распредѣленія стачекъ въ различныхъ частяхъ Италіи. За 16-ти лѣтній періодъ времени отъ 1879 года по 1894 годъ [2]) насчитывается:

Въ сѣверной	Италіи	711	стачекъ
„ средней	„	415	„
„ южной	„	242	„

Въ теченіе 1895 года въ верхней и средней Италіи произошло 100 стачекъ съ общимъ числомъ 14.777 участниковъ, а въ южной Италіи (включая сюда оба острова Сардинію и Сицилію) всего 26 стачекъ съ 4.530 участниками.

Помимо того пассивнаго сопротивленія, которое процессъ цѣлесообразнаго развитія политической жизни встрѣчаетъ въ экономической отсталости и политической незрѣлости населенія южной Италіи, этотъ процессъ наталкивается на препятствія другого рода, вытекающія изъ самаго характера государственнаго строя Италіи. Этотъ государственный механизмъ, какъ мы увидимъ, во многихъ своихъ частяхъ слишкомъ устарѣлъ, слишкомъ мало гармонируетъ съ современными демократическими идеалами, чтобы онъ могъ приспособиться къ новымъ условіямъ жизни безъ болѣе или менѣе бурныхъ столкновеній между доживающими свой вѣкъ элементами прошлаго и нарождающимся будущимъ.

III.

Конституція и власть короля.

Изъ предпосланнаго нами бѣглаго историческаго очерка образованія Итальянскаго королевства не трудно видѣть, что какъ исходнымъ пунктомъ, такъ и конечной цѣлью борьбы со старымъ порядкомъ въ Италіи были не столько опредѣленные демократическіе и соціальные идеалы, сколько стремленіе къ низверженію ненавистнаго ига чужеземцевъ и осу-

---

[1]) Alcide Ebray. „La crise italienne et la loi de sûretè publique“ („Revue des deux Mondes“, 15 марта 1900 года, стр. 412).

[2]) F. Virgilii. „Lo sciopero nella vita moderna.“ Туринъ 1897.

ществленіе національнаго единства. Эта доминирующая черта революціоннаго движенія, въ связи съ отсутствіемъ политической жизни въ порабощенныхъ дотолѣ итальянскихъ провинціяхъ и разнородностью отдѣльныхъ частей новаго объединеннаго королевства, должна была неминуемо отразиться какъ на общей структурѣ этого новаго государственнаго организма, такъ и на его дальнѣйшихъ судьбахъ.

Между южной Италіей, гдѣ господствовалъ по преимуществу монархическій режимъ, и сѣверной Италіей, гдѣ республиканскія тенденціи издавна находили осуществленіе въ строѣ независимыхъ городскихъ общинъ и отдѣльныхъ республикъ, не было даже тѣхъ политическихъ связей, которыя существовали, напримѣръ, между нѣмецкими государствами не только въ силу общности ихъ историческаго развитія, но и благодаря экономическимъ интересамъ, до извѣстной степени объединявшимъ отдѣльныя части союзной территоріи еще до образованія Германской имперіи.

По отношенію къ Италіи не можетъ быть и рѣчи о политическихъ традиціяхъ, въ родѣ тѣхъ, которыя, напримѣръ, играютъ такую крупную роль въ государственномъ механизмѣ Англіи или даже—хотя и въ гораздо меньшей мѣрѣ—Франціи. Итальянская конституція представляетъ собою просто-на-просто „статутъ“, данный сардинскимъ королемъ Карломъ Альбертомъ 4 марта 1848 года. Этотъ актъ былъ положенъ въ основу государственнаго строя новаго королевства, не будучи даже подвергнутъ никакимъ измѣненіямъ, хотя первая-же его статья находится въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ современной дѣйствительностью. Статья эта гласитъ: „католическая религія представляетъ единственную государственную религію; другіе существующіе въ настоящее время культы—терпимы (tollerati) сообразно законамъ“. На основаніи этой статьи можно было бы думать, что въ Италіи существуетъ государственная религія, которая пользуется привилегированнымъ положеніемъ по отношенію къ другимъ вѣроисповѣданіямъ. А между тѣмъ въ итальянскомъ законодательствѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на какія бы то ни было привилегіи католической религіи и, какъ во всѣхъ другихъ государствахъ, признающихъ свободу совѣсти, фактъ исповѣданія той или иной вѣры нисколько, конечно, не отражается на гражданскихъ и политическихъ правахъ личности. Правда, законъ 13 мая 1871 года предоставляетъ папскому престолу рядъ весьма вѣскихъ прерогативъ (особа папы признается священной и неприкосновенной, содержаніе папскаго престола обезпечивается рентою въ 3.250.000 лиръ, уплачиваемою ежегодно изъ государ-

ственной казны, за папою признается полная свобода сношеній съ епископами и со всѣмъ католическимъ міромъ, безъ всякаго вмѣшательства правительства и т. п.), но въ то же время этотъ законъ обезпечиваетъ гражданамъ полную свободу обсужденія религіозныхъ вопросовъ. Къ тому же, законъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, въ дѣйствительности имѣлъ въ виду не столько интересы католической церкви, собственно говоря, сколько соображенія международнаго характера. Дѣло въ томъ, что въ Италіи вопросъ объ отношеніяхъ между государствомъ и церковью значительно осложнялся пребываніемъ папы въ Римѣ: фактъ присоединенія территоріи бывшей папской области легко могъ возбудить въ другихъ католическихъ государствахъ опасенія относительно возможной зависимости главы римской церкви отъ итальянскаго правительства: законъ 13 мая 1871 года и долженъ былъ прежде всего устранить эти опасенія, откуда и присвоенное ему названіе *закона гарантій*.

Но если устарѣлая 1-я статья итальянской конституціи въ дѣйствительности остается только мертвой буквой, то, къ сожалѣнію, далеко нельзя сказать того же самаго о нѣкоторыхъ другихъ частяхъ этой конституціи, не менѣе устарѣлыхъ по своему духу и весьма мало соотвѣтствующихъ современной демократической концепціи государства.

Власть и прерогативы короля опредѣляются, главнымъ образомъ, слѣдующими статьями конституціи:

Ст. 3. Законодательная власть принадлежитъ сообща королю и двумъ палатамъ: сенату и палатѣ депутатовъ.

Ст. 4. Особа короля священна и неприкосновенна.

Ст. 5. Одному только королю принадлежитъ исполнительная власть. Онъ—глава государства, онъ командуетъ всѣми военными силами, сухопутными и морскими, объявляетъ войну, заключаетъ миръ, союзы и торговые договоры, доводя ихъ до свѣдѣнія палатъ въ той мѣрѣ, въ какой это допускаютъ интересы и безопасность государства. Договоры, способные повлечь за собою финансовыя тягости или измѣненіе территоріи государства, имѣютъ силу только по одобреніи палатъ.

Ст. 6. Король назначаетъ всѣхъ должностныхъ лицъ; онъ издаетъ декреты и регламенты, необходимые для исполненія законовъ, не пріостанавливая дѣйствія этихъ законовъ (суспензація) и не избавляя никого (диспензація) отъ ихъ исполненія.

Ст. 7. Только король санкціонируетъ законы и опубликовываетъ ихъ.

Ст. 8. Король можетъ миловать и уменьшать наказанія.

Ст. 9. Король созываетъ ежегодно обѣ палаты; онъ можетъ какъ отсрочить парламентскую сессію, такъ и распу-

стить палату депутатовъ, но въ этомъ послѣднемъ случаѣ она созываетъ новую палату не позже, чѣмъ черезъ четыре мѣсяцъ.

Ст. 10. Законодательная инициатива принадлежитъ королю и каждой изъ обѣихъ палатъ. Однако, каждый законъ устанавливающій какой-нибудь налогъ или утверждающій государственные счеты, долженъ быть сначала представленъ палатѣ депутатовъ.

Мы не станемъ останавливаться на 3-й статьѣ, которая является только мало-опредѣленнымъ выраженіемъ общаго конституціоннымъ монархіямъ принципа, соотвѣтствующаго извѣстной англійской формулѣ the King in Parliament. Устарѣлая формулировка слѣдующей статьи нуждается въ кое-какихъ разъясненіяхъ: какъ замѣчаетъ Орландо [1]), „квалификація священная утратила въ современномъ государственномъ правѣ всякій смыслъ и основаніе; она заключаетъ въ себѣ религіозный элементъ, который можно поставить въ связь со старыми теократическими принципами, но который не имѣетъ raison d'être въ современномъ государствѣ". Что же касается второго члена формулы, неприкосновенности, то ее нужно понимать не столько въ буквальномъ смыслѣ, сколько въ смыслѣ безотвѣтственности короля. Нужно-ли говорить, что въ Италіи, какъ и въ другихъ конституціонныхъ монархіяхъ, этотъ принципъ безотвѣтственности главы государства не имѣетъ ничего общаго съ безотвѣтственностью абсолютныхъ правителей: тогда какъ эти послѣдніе стоятъ выше закона, являясь сами по себѣ единственнымъ источникомъ законодательной власти, конституціонные монархи, лишенные возможности издавать или измѣнять законы самолично, тѣмъ самымъ подчиняются законамъ, что прекрасно выражено въ формулѣ rex debet esse sub lege. И этотъ принципъ торжественно подтверждается формальностью присяги: при вступленіи на престолъ король, въ присутствіи палатъ, приноситъ присягу въ вѣрномъ соблюденіи статута (ст. 22).

Слѣдуетъ, къ тому же, замѣтить, что принципъ безотвѣтственности главы государства влечетъ за собою, какъ логическое и необходимое слѣдствіе, отвѣтственность министровъ. И дѣйствительно, по 67 ст. итальянской конституціи, „министры—отвѣтственны; законы и правительственные акты имѣютъ силу лишь въ томъ случаѣ, если они скрѣплены подписью одного изъ министровъ". Въ этомъ отношеніи итальянское государственное право нисколько не разнится отъ

---

[1]) V. E. Orlando. „Principes de droit public et constitutionnel" (переводъ съ итал.). Парижъ, 1902.

французскаго, гдѣ безотвѣтственность президента республики также связана съ министерской отвѣтственностью и гдѣ также каждый актъ правительства долженъ быть подписанъ однимъ изъ министровъ.

Но по отношенію къ дѣятельности законодательныхъ палатъ итальянская конституція предоставляетъ королю гораздо болѣе широкія права, чѣмъ тѣ, которыми пользуется президентъ французской республики.

Въ Италіи, правда, король обязанъ ежегодно созывать палаты, но, пользуясь предоставленнымъ ему правомъ отсрочки уже начатой сессіи, онъ можетъ весьма активнымъ образомъ вліять на ходъ законодательныхъ работъ не только въ силу самаго матеріальнаго факта отсрочки, но, главнымъ образомъ, въ силу связанныхъ съ этимъ фактомъ юридическихъ послѣдствій [1]). Дѣло въ томъ, что въ Италіи отсрочка, какъ и закрытіе сессіи, дѣлаетъ недѣйствительною всю уже начатую, но не доведенную до конца, парламентскую работу: такъ, напримѣръ, всѣ законопроекты должны быть вновь представлены на разсмотрѣніе обѣихъ палатъ даже въ томъ случаѣ, если они уже были приняты одною изъ нихъ; такимъ образомъ королевская власть находитъ въ отсрочкѣ сессій удобнѣйшее средство для болѣе или менѣе продолжительнаго устраненія нежелательныхъ для нея законопроектовъ. Съ другой стороны, та же отсрочка можетъ служить въ рукахъ короля орудіемъ для избѣжанія дѣйствія 56-й ст. конституціи, по которой „законопроектъ, отвергнутый одною изъ трехъ законодательныхъ властей, не можетъ быть вновь представленъ на обсужденіе въ теченіе той же сессіи“: настойчиво желая провести предложенный ею и непринятый одною изъ палатъ законопроектъ, королевская власть можетъ прибѣгнуть къ отсрочкѣ сессіи и такимъ путемъ добиться вторичнаго разсмотрѣнія этого законопроекта.

Конституція, какъ мы видѣли, предоставляетъ королю право не только отсрочить уже начатую парламентскую сессію, но и распустить палату депутатовъ. Республиканскія конституціи обыкновенно обставляютъ осуществленіе этой прерогативы опредѣленными гарантіями. Итальянская конституція не обставляетъ этотъ критическій моментъ политической жизни такими серьезными гарантіями: она только обязываетъ короля созвать новую палату не позже чѣмъ черезъ четыре мѣсяца и, хотя нѣкоторые итальянскіе теоретики конституціоннаго права, какъ напримѣръ, Орландо,

---

[1]) Miceli. „La chiusura del sessione parlamentare e suoi effetti giuridici.“ Перуза, 1895.

усматриваютъ въ этомъ требованіи „достаточную гарантію противъ возможныхъ злоупотребленій правомъ распускать палату“, нетрудно видѣть, однако, что болѣе развитое политическое сознаніе республиканскихъ странъ этой единственной гарантіей не удовлетворилось.

Предоставленное королю, и только ему одному, право санкціи законовъ можетъ, на первый взглядъ, казаться не менѣе важною и опасною для народнаго представительства прерогативою, но въ дѣйствительности оно имѣетъ такъ же мало значенія, какъ и законодательное veto, предоставленное англійскому королю: „эта прерогатива должна была остаться мертвой буквой въ силу самихъ принциповъ парламентскаго режима“ (Эсменъ). Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли выше, что отсрочка парламентской сессіи даетъ королю возможность провалить нежелательный для него законопроектъ; съ другой стороны, при разногласіи съ палатою, онъ можетъ распустить послѣднюю. Королю, слѣдовательно, и незачѣмъ прибѣгать къ такому крайнему и рѣзкому средству, какъ отказъ въ санкціи, и дѣйствительно за все время функціонированія итальянскаго парламента еще ни разу не было подобнаго случая.

Таковы, въ главныхъ ихъ чертахъ, законодательныя функціи королевской власти. Что касается ея роли, какъ главы исполнительной власти, то здѣсь умѣстно остановиться прежде всего на функціяхъ короля въ сношеніяхъ съ иностранными державами. Какъ мы уже видѣли, конституція предоставляетъ королю право объявлять войну. Это—опять-таки одна изъ наиболѣе серьезныхъ и опасныхъ прерогативъ верховной власти, и республиканскія конституціи требуютъ въ данномъ случаѣ предварительнаго контроля парламента. Но если право объявленія войны и принадлежитъ въ Италіи королю, то не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду, что по французской пословицѣ, l'argent, c'est le nerf de la guerre и что, когда правительство обращается къ парламенту за необходимыми для войны денежными средствами, народные представители имѣютъ возможность высказаться относительно умѣстности этой войны и разсмотрѣть, въ случаѣ надобности, не падаетъ-ли отвѣтственность за войну на исполнительную власть.

Относительно всякаго рода договоровъ, заключаемыхъ королемъ, конституція устанавливаетъ для парламента двоякаго рода гарантію: во-первыхъ, она обязываетъ короля доводить ихъ до свѣдѣнія палатъ, по крайней мѣрѣ, поскольку это допускаютъ интересы и безопасность государства—гарантія, правда, косвенная и весьма недостаточная, такъ какъ

отъ осужденія парламента уже заключенный договоръ все-таки не теряетъ, конечно, своей силы; во-вторыхъ, договоры, влекущіе за собою финансовыя тягости или измѣненіе территоріи, входятъ въ силу только по одобреніи палатъ: здѣсь, слѣдовательно, парламентъ уже пользуется правомъ прямого предварительнаго контроля.

Намъ остается упомянуть еще объ одной прерогативѣ королевской власти, прерогативѣ, смыслъ и значеніе которой недостаточно опредѣлены конституціей и которая поэтому не разъ вела къ пагубнымъ злоупотребленіямъ. Согласно 6 ст. конституціи, король „издаетъ декреты и регламенты, необходимые для исполненія законовъ“. Въ дѣйствительности, однако, это такъ называемое „право ордоннанса“ толкуется гораздо шире; его границы опредѣляются путемъ исключенія, т. е. указаніемъ на тѣ акты, которые могутъ быть только предметомъ закона, а не ордоннанса. Сюда относятся, между прочимъ, постановленія, способныя нанести ущербъ извѣстнымъ правамъ гражданской свободы, обезпеченнымъ конституціей, постановленія, затрагивающія государственные финансы и т. п.

Къ праву ордоннанса тѣсно примыкаетъ и исключительное право временнаго ограниченія гражданской свободы [1]) въ тѣ критическіе моменты, когда правительство выдвигаетъ на сцену принципъ salus publica suprema lex. Если большинство теоретиковъ конституціоннаго права и согласны въ томъ, что въ случаяхъ особенной опасности исполнительная власть можетъ принять чрезвычайныя мѣры охраны, связанныя съ временнымъ ограниченіемъ правъ гражданской свободы [2]), то нужно имѣть въ виду, что далеко не во

---

[1]) Статутъ гарантируетъ личную свободу и неприкосновенность жилища въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „никто не можетъ быть арестованъ или подвергнутъ судебному преслѣдованію, кромѣ какъ въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ, и въ формѣ, предписанной закономъ“ (ст. 26); „обыскъ на дому не можетъ быть произведенъ иначе, какъ въ силу закона и въ формѣ, имъ предписанной“ (ст. 27). Что касается свободы печати, то конституція признаетъ ее, ограничивая только ея „злоупотребленія“ ссылкою на спеціальные законы (ст. 28). Свободу союзовъ итальянскій статутъ обходитъ полнымъ молчаніемъ, а свободу собраній признаетъ въ ст. 32, формулированной чрезвычайно неудачно и противорѣчиво: „признается право собираться мирно и безъ оружія, сообразно съ законами, регулирующими это право въ общихъ интересахъ. Это постановленіе непримѣнимо къ собраніямъ въ публичныхъ мѣстахъ или въ мѣстахъ, открытыхъ для публики, каковыя собранія остаются подчиненными законамъ полиціи“.

[2]) Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что швейцарская конституція вовсе не допускаетъ пріостановки дѣйствія статей, гарантирующихъ права гражданской свободы.

Филиппо Турати.

всѣхъ конституціонныхъ государствахъ эти мѣры выражаются, какъ въ Италіи, въ установленіи такъ называемаго осаднаго положенія, состоящаго въ передачѣ общихъ административныхъ функцій военнымъ властямъ и въ замѣнѣ дѣятельности общихъ судовъ юрисдикціей военныхъ судовъ. Послѣдняя мѣра въ особенности внушаетъ такъ мало довѣрія, въ смыслѣ достаточности гарантій правильнаго отправленія правосудія, что во многихъ государствахъ замѣна общихъ судовъ военными безусловно не допускается. Мало того, во многихъ странахъ принятіе чрезвычайныхъ мѣръ допускается не иначе какъ по постановленію законодательной власти. Въ Италіи же такія мѣры могутъ быть приняты по постановленію правительственной власти, но какъ только миновала угрожавшая общественному порядку опасность, дѣло должно быть представлено парламенту, который входитъ въ обсужденіе законности и умѣстности принятыхъ мѣръ и, смотря по обстоятельствамъ, либо возбуждаетъ вопросъ объ отвѣтственности министровъ, либо одобряетъ образъ дѣйствій правительства. Надо сказать, что исполнительная власть злоупотребляла этимъ правомъ, не только когда его примѣненіе могло еще найти нѣкоторое оправданіе въ неупроченности государственнаго порядка, но и весьма недавно, послѣ весеннихъ событій 1898 года, когда военные суды такъ неистово „усмиряли“ республиканцевъ и соціалистовъ. А между тѣмъ даже такой умѣренный политикъ, какъ профессоръ Орландо, полагая, что свобода собраній, союзовъ и печати и, въ крайнемъ случаѣ, личная свобода могутъ быть ограничены, признаетъ однако, что „фактъ замѣны обыкновенныхъ судовъ военными составляетъ беззаконіе, хотя этотъ фактъ и былъ одобренъ кассаціонной палатой“. Тотъ же авторъ находитъ, что въ подобныхъ случаяхъ правительство не должно удовлетворяться простымъ ordre du jour, снимающимъ съ министерства его политическую отвѣтственность, и что при первой же возможности декрету, устанавливающему чрезвычайныя мѣры охраны, должна быть придана форма закона: измѣненія,—хотя бы даже и временныя,—государственнаго права должны производиться не иначе, какъ съ согласія парламента.

IV.

Парламентъ.

Хотя законодательная власть, согласно конституціи, и принадлежитъ сообща королю и обѣимъ палатамъ, сенатъ далеко не пользуется, однако, въ механизмѣ государствен-

ной жизни одинаковымъ значеніемъ съ палатою депутатовъ. Начать съ того, что и сама конституція, предоставляя право законодательной инициативы какъ королю, такъ и каждой изъ обѣихъ камеръ, тѣмъ не менѣе требуетъ, чтобы все, что касается государственныхъ финансовъ, подвергалось прежде всего обсужденію палаты депутатовъ: сенатъ лишенъ, слѣдовательно, права инициативы по вопросамъ обложенія, государственнаго бюджета и т. п. Правда, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ функціи сената нисколько не уже функцій палаты. Мало того, ему даже предоставлена судебная роль, которая не входитъ въ компетенцію палаты: въ извѣстныхъ случаяхъ (государственная измѣна, судъ надъ министрами по обвиненію палаты депутатовъ, преступленія сенаторовъ) сенатъ образуетъ верховный судъ.

И тѣмъ не менѣе сенатъ въ политическомъ отношеніи имѣетъ гораздо меньшее значеніе, пользуется несравненно меньшимъ авторитетомъ, чѣмъ палата депутатовъ. То же явленіе наблюдается даже въ такихъ странахъ, какъ Франція, гдѣ сенатъ, не исходя изъ всеобщаго и прямого избирательнаго права, такъ или иначе представляетъ все-таки выборное учрежденіе. Въ Италіи же политическое значеніе сената должно быть тѣмъ болѣе ограничено, что выборное начало въ немъ не играетъ никакой роли. Какъ остроумно замѣчаетъ членъ государственнаго совѣта Бруніальти [1]), „сенатъ итальянскаго королевства—учрежденіе, принадлежащее отжившей эпохѣ, не потому только, что онъ засѣдаетъ близъ развалинъ Рима цезарей и состоитъ преимущественно изъ людей иного времени, но главнымъ образомъ потому, что по вербовкѣ своихъ членовъ онъ принадлежитъ гораздо болѣе исторіи и археологіи, чѣмъ политикѣ“. Въ самомъ дѣлѣ, итальянскій сенатъ состоитъ исключительно изъ пожизненныхъ членовъ, назначаемыхъ королемъ въ неопредѣленномъ числѣ. Въ этомъ отношеніи королевской власти предоставлены, слѣдовательно, самыя широкія полномочія. Единственныя постановленія, которыми статутъ 1848 года ограничиваетъ ея произволъ, состоятъ въ томъ, что сенаторы должны имѣть, по крайней мѣрѣ, сорокъ лѣтъ отроду и принадлежать къ одной изъ слѣдующихъ категорій: 1) архіепископы и епископы, 2) президентъ палаты депутатовъ, 3) депутаты, находящіеся уже шесть лѣтъ въ этомъ званіи, 4) министры, 5) посланники, 6) высшіе члены судебной іерархіи, 7) генеральскіе чины сухопутныхъ и морскихъ войскъ, 8) члены государственнаго совѣта, 9) прези-

[1]) Bruni alti. „Le Sénat italien“ („Revue du droit public,“ т. VI, 1896)

денты провинціальныхъ совѣтовъ, 10) префекты, 11) члены академіи наукъ, 12) члены высшаго совѣта народнаго просвѣщенія, 13) лица, которыя своей службой или выдающимися заслугами прославили отечество и, наконецъ, 14) послѣдняя категорія, спеціально имѣющая въ виду денежную аристократію—лица, платящія въ теченіе трехъ лѣтъ ежегодно, по крайней мѣрѣ, 3.000 лиръ прямыхъ налоговъ [1]). Если къ этому прибавить, что принцы королевскаго дома, по достиженіи 21 года, входятъ въ составъ сената, гдѣ они пользуются правомъ рѣшающаго голоса, начиная съ 25-ти лѣтняго возраста, то уже изъ одного этого перечня будетъ слишкомъ очевидно, что говорить объ итальянскомъ сенатѣ, какъ объ органѣ народнаго представительства, не приходится.

Въ системѣ „категорій“ нѣкоторые усматриваютъ, правда, „представительство интересовъ“, но не трудно видѣть, что категоріи, установленныя въ 1848 году для сената небольшого королевства Сардиніи, разумѣется, весьма мало соотвѣтствуютъ современной итальянской дѣйствительности съ присущей ей группировкой общественныхъ силъ. Если въ сенатѣ представлены чьи-либо интересы, то уже во всякомъ случаѣ не интересы народныхъ массъ, а тѣхъ крупныхъ собственниковъ, передъ коими статутъ Карла Альберта великодушно открываетъ двери верхней палаты, ставя этихъ пропріетеровъ на одну и ту же доску съ гражданами, „прославившими отечество“. Къ тому же, сенатъ въ дѣйствительности чрезвычайно рѣдко пополняется лицами этой категоріи „знаменитостей“, тогда какъ за періодъ времени отъ 1848 до 1894 года было назначено 270 сенаторовъ на правахъ плательщиковъ 3.000 лиръ налога, причемъ правительство, разумѣется, не „считалось даже съ тѣмъ, были ли эти крупныя состоянія нажиты при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, въ биржевыхъ спекуляціяхъ или въ подозрительныхъ операціяхъ анонимныхъ обществъ“ (Бруніальти).

Другой особенностью сената, также весьма умаляющею его значеніе, является то обстоятельство, что король въ правѣ назначать сенаторовъ въ неопредѣленномъ числѣ. Злоупотребленія этимъ правомъ, начавшіяся при министерствѣ Криспи въ 1890 году, когда было назначено 75 сенаторовъ, и продолжавшіяся при Джіолитти, назначившаго въ теченіе октября и ноября 1892 года 86 сенаторовъ (и среди нихъ

[1]) Статутъ устанавливаетъ, собственно говоря, 21 категорію, но для краткости мы, по возможности, подводили болѣе или менѣе близкія категоріи подъ одну рубрику.

сомнительной репутаціи директора римскаго банка), вызвали въ сенатѣ реакцію: въ отместку исполнительной власти, сенатъ отказался утвердить назначеніе нѣсколькихъ сенаторовъ, причемъ не пощадилъ и такихъ, назначеніе которыхъ состоялось вполнѣ правильно. Такимъ образомъ, произволъ и злоупотребленія правительства вызвали въ свою очередь со стороны сената явное нарушеніе конституціи. Послѣдняя, правда, признаетъ каждую изъ палатъ „компетентною судить о состоятельности правъ своихъ новыхъ членовъ", но по отношенію къ сенату контроль этотъ выражается только въ томъ, что декретъ назначенія сенатора долженъ указывать категорію, изъ которой онъ берется, а сенатъ назначаетъ спеціальную комиссію для провѣрки дѣйствительно ли новый сенаторъ удовлетворяетъ требованіямъ, предъявляемымъ конституціей.

Разница въ характерѣ обѣихъ законодательныхъ палатъ сказывается, между прочимъ, даже и въ томъ фактѣ, что конституція предоставляетъ депутатамъ выбирать изъ своей же среды, на каждую законодательную сессію, президента и вице-президентовъ палаты, тогда какъ президентъ и вице-президенты сената назначаются королемъ.

Вообще говоря, въ противоположность палатѣ депутатовъ, которая—по крайней мѣрѣ, въ теоріи—призвана осуществить принципъ народнаго представительства (хотя на практикѣ этому осуществленію пока значительно мѣшаетъ, какъ мы увидимъ функціонирующая въ Италіи избирательная система и недостаточно еще развитое въ народныхъ массахъ политическое и классовое самосознаніе),—въ противоположность палатѣ, сенатъ представляетъ учрежденіе, которое, можно сказать. органически связано съ короною и потому обречено на роль тѣмъ болѣе скромную, чѣмъ болѣе даютъ себя чувствовать демократическія тенденціи современнаго государства. Это прекрасно понималъ и Кавуръ, когда онъ еще въ 1848 году заявлялъ: „Камера, назначаемая исполнительною властью изъ установленныхъ закономъ категорій, никогда не въ состояніи будетъ оказывать вліяніе, способное составить противовѣсъ дѣйствію палаты народныхъ представителей. Общественное мнѣніе всегда готово будетъ видѣть въ лицахъ, призванныхъ войти въ составъ такой камеры, делегатовъ правительства и носителей его рѣшеній. На членовъ этой палаты никогда не будутъ смотрѣть, какъ на дѣйствительно независимыхъ людей, и никогда они не будутъ пользоваться большимъ авторитетомъ".

Помимо законодательной функціи, парламенту предоста-

влена другая весьма важная функція, состоящая въ контролѣ дѣйствій всѣхъ административныхъ органовъ.

Во-первыхъ, парламенту—и, главнымъ образомъ, палатѣ депутатовъ—принадлежитъ общій финансовый контроль надъ государственными доходами и расходами, выражающійся въ утвержденіи годичнаго бюджета. Правительство вноситъ ежегодно на обсужденіе палаты депутатовъ смѣту расходовъ по различнымъ административнымъ вѣдомствамъ и роспись государственныхъ доходовъ, и собственно говоря, только утвержденіе бюджета даетъ исполнительной власти право взимать установленные налоги. Что же касается новыхъ налоговъ, то, согласно 30 ст. конституціи, „ни одинъ налогъ не можетъ быть установленъ и взимаемъ безъ предварительнаго согласія палатъ и санкціи короля“. Тѣмъ не менѣе, на практикѣ, министръ финансовъ, внося законопроектъ, измѣняющій или создающій новые косвенные налоги, нерѣдко одновременно съ этимъ дѣлаетъ распоряженіе о немедленномъ же взиманіи этихъ налоговъ [1]).

Помимо этого общаго и періодическаго контроля, касающагося спеціально области финансовъ, контрольная функція парламента выражается еще въ предоставленномъ каждому его члену правѣ либо обратиться къ правительству съ простымъ запросомъ, въ отвѣтъ на который компетентный въ этомъ случаѣ министръ даетъ свои разъясненія, либо внести интерпелляцію. Цѣль этой послѣдней уже не просто вызвать министра на разъясненія, а подвергнуть его образъ дѣйствій (или дѣйствія подвѣдомственныхъ ему административныхъ органовъ) болѣе или менѣе обстоятельному обсужденію, по окончаніи котораго палата должна будетъ выразить такъ или иначе свое отношеніе къ министерству, одобряя или, наоборотъ, порицая его поведеніе.

Вообще говоря, это право интерпелляціи представляетъ одну изъ наиболѣе важныхъ особенностей парламентскаго режима: оно даетъ парламенту возможность постояннаго вмѣшательства въ политику правительства и позволяетъ поддерживать необходимую гармонію между этимъ послѣднимъ и парламентскимъ большинствомъ. Принципъ министерской отвѣтственности, составляющій своего рода коррективъ по отношенію къ безотвѣтственности короля, обязываетъ министерство выйти въ отставку, послѣ того какъ палата выразила ему свое недовѣріе. Этотъ неблагопріятный

---

[1]) Мѣра эта, извѣстная въ Италіи подъ именемъ il catenaccio, недавно введена и во Франціи (законъ 13 декабря 1897 года), но здѣсь взысканныя суммы возвращаются изъ казны, если законопроектъ оказывается отвергнутымъ.

для министерства вотумъ долженъ, къ тому же, служить для главы государства показателемъ господствующаго въ парламентѣ теченія, съ которымъ необходимо прежде всего считаться для удовлетворительнаго разрѣшенія министерскаго кризиса.

Но въ Италіи, гдѣ политическая жизнь еще не успѣла укрѣпить за парламентомъ достаточную независимость и силу, значеніе парламентскаго режима проявляется чрезвычайно слабо въ эти рѣшительные моменты паденія министерства и образованія новаго кабинета. Здѣсь, напротивъ, отсутствіе прочно установившихся политическихъ традицій дало возможность обнаружиться такимъ пріемамъ, которые идутъ въ разрѣзъ съ основными принципами парламентскаго режима. За послѣднее десятилѣтіе вошло, напримѣръ, чуть ли не въ обычай, что министерство, такъ сказать, бѣжитъ передъ опасностью и выходитъ въ отставку, едва только произошло какое нибудь исключительное событіе, достаточно взволновавшее общественное мнѣніе, чтобы можно было ожидать соотвѣтствующей реперкуссіи въ палатѣ депутатовъ. Совершенно несогласная съ характеромъ парламентскаго режима, эта тактика была, однако, пущена въ ходъ министерствомъ Джіолитти въ 1893 году по случаю краха Римскаго банка, министерствомъ Криспи въ 1896 году послѣ разгрома итальянскихъ войскъ при Адуѣ, министерствомъ Рудини послѣ майскихъ волненій 1898 года и генераломъ Пеллу послѣ неудавшейся борьбы—помощью цѣлаго ряда нарушеній конституцій—съ обструкціей въ палатѣ депутатовъ.

Съ другой стороны въ противоположность обычному ходу вещей въ странахъ съ парламентскимъ режимомъ министерскіе кризисы въ Италіи очень часто заканчиваются частичными, „внутренними“ перемѣнами въ составѣ кабинета при остающемся на своемъ посту премьерѣ, что опять таки совершенно лишаетъ эти кризисы свойственнаго имъ вообще значенія регулятора политической жизни, такъ какъ именно премьеръ и является выразителемъ общаго направленія политики кабинета министровъ. Такое подновленіе министерства позволяетъ первому министру держаться облюбованной итальянскими государственными людьми политики трансформизма, политики безпринципнаго и безплоднаго шатанія отъ лѣвой къ правой и наоборотъ, политики, которая опирается на зыбкую почву быстро смѣняющихъ одна другую коалицій и верхомъ государственной мудрости считаетъ пресловутыя combinazioni.

Къ этой въ высшей степени характерной для Италіи политической концепціи, проявлявшейся уже во времена Ка-

вура, возведенной впослѣдствіи въ своего рода систему Депретисомъ мы еще вернемся, когда у насъ будетъ рѣчь о политическихъ партіяхъ. Здѣсь достаточно будетъ сказать, что, какъ и всѣ другія сейчасъ отмѣченныя особенности итальянской политики, она весьма серьезно подрываетъ значеніе парламентаризма.

Подводя итогъ тому, что было нами сказано о государственномъ строѣ Итальянскаго королевства, мы видимъ, что итальянская конституція, не обезпечивая за парламентомъ той независимости, какою онъ пользуется, напримѣръ, въ республиканской Франціи или въ монархической Англіи, не заключаетъ, однако, такихъ опасныхъ для парламентскаго режима статей, какъ знаменитый § 14 австрійской конституціи, предоставляющій—въ промежутки между парламентскими сессіями — законодательную власть правительству, разъ это послѣднее усматриваетъ въ это время „крайнюю необходимость“ въ изданіи того или иного законодательнаго акта.

Но писанная конституція сама по себѣ далеко еще не даетъ полной характеристики политической жизни націи. Существуетъ глубокая разница между парламентскимъ режимомъ тѣхъ странъ, гдѣ конституціонная практика является плодомъ сознательной борьбы нѣсколькихъ поколѣній за расширеніе гражданскихъ правъ, и парламентскимъ режимомъ въ Италіи, въ которой борьба за національныя права такъ долго отодвигала на задній планъ демократическіе идеалы. Въ Италіи конституціонныя идеи не проникли еще достаточно глубоко въ народное сознаніе, чтобы неприкосновенность парламентскаго механизма была гарантирована отъ всякихъ посягательствъ правительства. И въ противоположность Англіи, гдѣ личность монарха такъ мало отражается на внутренней политикѣ страны, мы замѣчаемъ въ Италіи самый рѣзкій контрастъ между двумя послѣдовательными царствованіями: вѣрность конституціи и воздержаніе отъ личнаго вмѣшательства, характеризовавшія пассивную политику Виктора-Эммануила, при его преемникѣ уступаютъ мѣсто произволу и стремленію поработить парламентъ. Начинается цѣлый рядъ злоупотребленій изданіемъ декретовъ, имѣющихъ силу закона: сначала дѣло ограничивается областью финансовъ (il catenaccio), но затѣмъ, ожесточенно преслѣдуя нарождающуюся соціалистскую оппозицію, правительство прибѣгаетъ къ чрезвычайному ограниченію политической свободы, декретируетъ осадное положеніе и т. д. Не

удовлетворяясь временнымъ закономъ о чрезвычайныхъ мѣрахъ охраны „общественной безопасности“, который удалось провести послѣ майскихъ волненій 1898 года и который долженъ былъ оставаться въ силѣ только до конца іюня 1899 года, министерство генерала Пеллу вноситъ въ февралѣ 1899 года рядъ законопроектовъ, направленныхъ къ ограниченію свободы собраній и союзовъ, свободы печати и права забастовки, а когда крайняя лѣвая, въ отвѣтъ на эти покушенія на политическую свободу, прибѣгаетъ къ единственно возможному средству борьбы—къ обструкціи, правительство не стѣсняется посягнуть на автономію палаты депутатовъ, навязывая этой послѣдней измѣненія ея внутренняго регламента; затѣмъ оно распускаетъ палату, и декреты Пеллу получаютъ силу закона [1]).

Послѣдовавшіе вскорѣ послѣ этого (въ 1900 году) законодательные выборы наглядно показали, однако, что при всей недостаточности политическаго развитія народныхъ массъ политика правительственнаго произвола можетъ уже встрѣтить дружный отпоръ—фактъ тѣмъ болѣе знаменательный, что въ дѣлѣ давленія на избирателей и „подготовки“ выборовъ итальянское правительство, какъ мы увидимъ дальше, нажило весьма основательный опытъ.

V.

Избирательная система и выборы.

Въ теченіе долгихъ лѣтъ итальянская избирательная система покоилась на старомъ піемонтскомъ законѣ, опиравшемся почти исключительно на имущественный цензъ. Ревниво охраняемый консерваторами, этотъ законъ держался вплоть до 1882 года, когда представителямъ новыхъ демократическихъ тенденцій удалось, наконецъ, взять верхъ и добиться болѣе широкаго распространенія избирательнаго права, причемъ на ряду съ имущественнымъ цензомъ было предоставлено весьма значительное мѣсто образовательному цензу.

Такимъ образомъ, по дѣйствующему въ настоящее время закону, существуютъ двѣ категоріи избирателей: 1) избиратели, права которыхъ основываются на имущественномъ цензѣ (elettori per censo)—сюда относятся лица, платящія еже-

[1]) Эти декреты давали полиціи право запрещать сходки и собранія, подвергали уголовной отвѣтственности за стачку рабочихъ и служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ про газовомъ и электрическомъ освѣщеніи и т. п.

годно по крайней мѣрѣ 19,80 лиръ прямыхъ государственныхъ и провинціальныхъ налоговъ; лица, платящія за земельные участки не менѣе 500 лиръ аренды въ годъ, или поземельный налогъ, по крайней мѣрѣ, въ 80 лиръ, и, наконецъ, лица, платящія за наемъ помѣщенія для жилища, торговаго или промышленнаго заведенія отъ 150 до 400 лиръ (смотря по численности населенія данной мѣстности); 2) избиратели, права которыхъ опираются на образовательный цензъ (elettori per capacità). Минимальное требованіе, предъявляемое къ этимъ избирателямъ, сводится къ успѣшно пройденнымъ испытаніямъ по предметамъ, указаннымъ въ законѣ объ обязательномъ начальномъ образованіи. Избирательный законъ отмѣчаетъ также 11 категорій, считающихся равносильными этимъ испытаніямъ: сюда относятся, между прочимъ, лица, находившіяся въ теченіе двухъ лѣтъ на военной службѣ и съ успѣхомъ посѣщавшія полковую школу, и кромѣ того всѣ тѣ граждане, которые въ состояніи собственноручно написать въ присутствіи нотаріуса просьбу о внесеніи ихъ въ избирательные списки.

Изъ общаго числа 2.120.185 законныхъ избирателей, внесенныхъ въ списки передъ выборами 1895 года, 1.635.352, т. е. 77,13%, были вписаны по образовательному цензу и 484.833, т. е. всего 22,87%, по имущественному.

Годы составленія избирательныхъ списковъ.	Населеніе.	ЧИСЛО ИЗБИРАТЕЛЕЙ.			
		Абсолютное.	На 100 жителей.	Временно лишенныхъ избирательнаго права.	Всего.
1865 [1]	25.964.450	504.263	1,97		
1866 [1]		498.208	1,92		
1870	26.801.154	530.018	1,98		
1874	27.215.771	571.939	2,10		
1876	27.547.465	605.007	2,20		
1879	28.045.008	621.896	2,22		
1882	28.553.990	2.017.829	7,07	94.734	2.112.563
1883	28.742.714	2.353.223	8,19	75.757	2.428.980
1885	29.120.162	2.420.327	8,31	60.570	2.480.897
1889	29.875.058	2.677.051	8,96	79.296	2.756.347
1890	30.063.782	2.752.658	9,16	73.397	2.826.055
1892	30.441.224	2.934.445	9,64	71.900	3.006.345
1895	31.007.399	2.120.185	6,84	39.029	2.159.214
1896	31.196.126	2.120.909	6,80	?	?
1898	31.573.581	2.247.031	7,12	26.056	2.273.087
1899	31.762.310	2.248.509	7,08	?	?

[1]) Безъ Римской провинціи.

Уже изъ этихъ данныхъ нетрудно видѣть, какой радикальный переворотъ долженъ былъ внести въ избирательную систему законъ 1882 года, впервые предоставившій широкое мѣсто образовательному цензу. И дѣйствительно, достаточно бросить взглядъ на приводимую нами ниже таблицу (стр. 92), чтобы замѣтить, что этотъ законъ болѣе чѣмъ утроилъ число избирателей. Тогда какъ до введенія закона 1882 года число избирателей не превышало 621.896, въ 1882 году оно сразу уже достигаетъ 2.017.829 и затѣмъ постоянно увеличивается вплоть до 1892 года, когда оно доходитъ почти до 3-хъ милліоновъ. Но этотъ быстрый и постоянный ростъ избирательнаго корпуса, совершавшійся главнымъ образомъ на счетъ интеллигентныхъ элементовъ населенія и усиливавшій политическое вліяніе оппозиціонныхъ партій, не замедлилъ вызвать серьезныя опасенія со стороны правительства. Не стѣснявшееся прибѣгать къ самымъ грубымъ нарушеніямъ закона тамъ, гдѣ дѣло шло объ охраненіи его кровныхъ интересовъ, правительство короля Гумберта, съ Криспи во главѣ, сумѣло уменьшить число избирателей почти на цѣлый милліонъ. Подъ предлогомъ допущенныхъ будто бы раньше злоупотребленій при составленіи избирательныхъ списковъ, Криспи удалось добиться отъ парламента закона о пересмотрѣ этихъ списковъ. Пересмотръ былъ, разумѣется, главнымъ образомъ направленъ противъ категоріи избирателей per capacità. О чрезмѣрномъ рвеніи, съ какимъ онъ былъ сдѣланъ, можно судить хотя бы потому, что изъ числа избирателей оказались исключенными, яко бы за отсутствіемъ надлежащаго образовательнаго ценза, между прочимъ, нѣкоторые члены судебной магистратуры, журналисты, пользующіеся большой извѣстностью, писатели и т. п. Въ результатѣ такой безпощадной травли „опасныхъ“ элементовъ оказалось, что въ 1897 году число законныхъ избирателей уже было сведено къ 2.120.909.

Въ странахъ, гдѣ дѣло народнаго просвѣщенія организовано очень широко, избирательная система въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ Италіи, была бы почти равносильна всеобщему избирательному праву, такъ какъ эта система въ сущности исключаетъ изъ числа избирателей только безграмотныхъ. Но въ Италіи дѣло обстоитъ совершенно иначе: несмотря на проведенный уже много лѣтъ тому назадъ (въ 1877 году) законъ объ обязательномъ даровомъ начальномъ образованіи, число безграмотныхъ еще весьма значительно. Такъ, по оффиціальнымъ даннымъ, приведеннымъ въ избирательной статистикѣ 1900 года, на 100 новобран-

цевъ приходилось въ среднемъ 37,43 безграмотныхъ, но это процентное отношеніе подвержено очень значительнымъ колебаніямъ въ различныхъ провинціяхъ, и если въ провинціи Комо, напримѣръ, оно падаетъ до 9,72%, то во многихъ другихъ провинціяхъ (въ особенности на югѣ) оно превышаетъ 50% (57,14% въ Потенцѣ, 65,56% въ Кальяри, 67,87% въ Беневенто).

Избиратели должны быть не моложе 21 года и пользоваться гражданскими и политическими правами. Женщины, какъ политически неправоспособныя, исключаются изъ права выборовъ. Временно исключаются низшіе военные чины (солдаты и унтеръ-офицеры), пока они состоятъ на дѣйствительной службѣ. Исключаются также—помимо лицъ, временно или навсегда лишенныхъ юридической правоспособности—лица, подлежащія уголовному или исправительному наказанію за такіе проступки, какъ мошенничество, кража, подлогъ и т. п. Временному исключенію подлежатъ лица, осужденныя за бродяжничество, нищенство, банкротство, а также и пользующіяся общественной благотворительностью. Въ общемъ число избирателей, временно лишенныхъ права голоса, можетъ такимъ образомъ достигать очень значительной величины, какъ это видно изъ приложенной выше таблицы.

Въ виду весьма крупнаго процента безграмотныхъ среди населенія многихъ провинцій, съ одной стороны, и сейчасъ указанныхъ ограниченій, съ другой, процентное отношеніе лицъ, имѣющихъ право голоса, является въ сущности крайне слабымъ. Такъ напримѣръ, при выборахъ 1900 года общее число избирателей равнялось 2.248.509, а между тѣмъ къ 30 іюня 1899 года населеніе Италіи опредѣлялось въ 31.762.310 человѣкъ, что даетъ всего 7,08 избирателей на 100 жителей. Если же принять во вниманіе только число мужчинъ старше 21 года, то процентное отношеніе числа избирателей составитъ 27,91%.

Но еще болѣе достойно быть отмѣченнымъ то обстоятельство, что далеко не всѣ избиратели пользуются предоставленнымъ имъ правомъ. За періодъ времени отъ 1861 до 1879 года лица, участвовавшія въ законодательныхъ выборахъ, составляли отъ 45,47% до 59,44% общаго числа избирателей. Немедленно по обнародованіи закона 1882 года это отношеніе поднялось до 60,65%, но впослѣдствіи снова нѣсколько понизилось и на выборахъ 1900 года не превышало 58,28%. Такимъ образомъ, на болѣе чѣмъ 31-милліонное населеніе приходилось всего 2.248.509 избирателей, а фактически участвовали въ выборахъ только 1.310.480 человѣкъ (см. таблицу на стр. 92).

Годы.	Число имѣющихъ право голоса	Число голосовавшихъ.	
		абсолютное.	на 100 избирателей.
1861	418.696	239.583	57,22
1865 [1])	504.263	271.923	53,92
1867 [2])	498.208	258.243	51,83
1870	530.018	240.974	45,47
1874	571.939	318 517	55,69
1876	605.007	358.258	59,22
1879	621.896	369.627	59,44
1882	2.017.829	1.223.851	60,65
1886	2.420.327	1.415.801	58,50
1890	2.752.658	1.477.173	53,66
1892	2.934.445	1.639.298	55,86
1895	2.120.185	1.251 366	59,02
1897	2.120.909	1.241.486	58,54
1900	2.248.509	1 310.480	58,28

Чѣмъ же объясняется политическій индиферентизмъ, заставляющій воздерживаться отъ участія въ выборахъ чуть-ли не половину избирательнаго корпуса? Клерикальные органы печати обыкновенно не безъ гордости подчеркиваютъ этотъ абсентеизмъ, относя всю массу воздерживающихся къ католической партіи, которой „ватиканскій узникъ“ вмѣняетъ въ прямую обязанность систематическое уклоненіе отъ всякаго участія въ политической жизни государства. Но дѣйствительность далеко не соотвѣтствуетъ такому оптимистическому представленію клерикаловъ о тѣхъ силахъ, которыми они располагаютъ въ странѣ. Не говоря уже о томъ, что во

[1]) Безъ Венеціанской и Римской провинцій.
[2]) Безъ Римской провинціи.

многихъ избирательныхъ округахъ католики вовсе не такъ ужъ свято повинуются папскому non expedit, необходимо имѣть въ виду цѣлый рядъ другихъ причинъ, благопріятствующихъ индиферентизму избирателей. Съ одной стороны, отсутствіе сколько-нибудь прочныхъ политическихъ традицій и политическаго воспитанія народныхъ массъ даетъ правительству возможность оказывать самое активное давленіе на избирателей и, обезпечивая успѣхъ кандидатовъ, располагающихъ большими денежными средствами и правительственной поддержкой, тѣмъ самымъ удаляетъ отъ избирательныхъ урнъ болѣе развитыхъ и сознательныхъ избирателей, считающихъ всякую борьбу съ такими кандидатами заранѣе обреченной на неудачу. До послѣдняго времени, сама недостаточность организаціи передовыхъ партій какъ нельзя болѣе благопріятствовала такому пессимизму. Но уже на послѣднихъ законодательныхъ выборахъ, положеніе дѣлъ значительно измѣнилось, и можно думать, что по мѣрѣ того, какъ будетъ крѣпнуть и расширяться организація оппозиціонныхъ элементовъ и, главнымъ образомъ, рабочаго класса, контингентъ воздерживающихся отъ участія въ выборахъ будетъ все болѣе и болѣе уменьшаться.

На первый взглядъ могло бы казаться, что процентъ воздерживающихся долженъ быть особенно значителенъ въ южныхъ провинціяхъ, менѣе развитое населеніе которыхъ, повидимому, мало способно постичь значеніе избирательнаго права. Но въ дѣйствительности оказывается, что эти провинціи даютъ относительно весьма высокій процентъ участія въ выборахъ. Такъ напр., въ выборахъ 1897 года, въ которыхъ въ среднемъ участвовало 58,54% записанныхъ избирателей, самое активное участіе принимали избиратели Апуліи, гдѣ процентъ использовавшихъ свое право голоса достигъ 72,62, между тѣмъ какъ Лигурія дала минимальный процентъ участія въ выборахъ (46,90% въ среднемъ).

Этотъ парадоксальный фактъ станетъ для насъ вполнѣ понятнымъ, если мы припомнимъ, что на югѣ рабочія массы находятся въ гораздо большей экономической зависимости отъ землевладѣльцевъ и предпринимателей, чѣмъ въ сѣверныхъ провинціяхъ, гдѣ классовое самосознаніе пролетаріата достигло уже значительнаго развитія. Владѣльцамъ латифундій, дѣйствующимъ заодно съ агентами самого правительства, тѣмъ легче — путемъ подкуповъ, угрозъ или соблазнительныхъ обѣщаній—привлечь къ избирательнымъ урнамъ многочисленныя толпы сельскихъ избирателей, что у этихъ послѣднихъ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій. Къ тому же, на югѣ принципіальные вопросы

общей политики не играютъ, можно сказать никакой роли въ выборахъ: тутъ напротивъ, все сводится къ мелкимъ личнымъ интересамъ, къ личному или мѣстному эгоизму. Напрасно стали бы мы здѣсь искать въ широковѣщательныхъ избирательныхъ афишахъ сколько-нибудь опредѣленной политической программы, сколько-нибудь серьезнаго отношенія къ стоящимъ на очереди вопросамъ соціально-экономической жизни,—все это уступаетъ мѣсто невѣроятному самохвальству и наивности, прекраснымъ образчикомъ которой могутъ служить хотя бы слѣдующія заключительныя строки воззванія одного кандидата: „Матери, дочери, женщины! Если избиратели не будутъ голосовать за меня, вы откажете имъ въ вашихъ улыбкахъ и въ вашихъ поцѣлуяхъ“.

Законъ предусматриваетъ и караетъ троякаго рода проступки, касающіеся нарушенія надлежащаго пользованія избирательнымъ правомъ: 1) проступки при составленіи избирательныхъ списковъ, 2) проступки при самихъ выборахъ (подкупъ, давленіе, злоупотребленіе властью, насиліе, помѣхи, причиненныя при выполненіи различныхъ электоральныхъ операцій и т. д.) и 3) проступки при провозглашеніи результата выборовъ.

Что составленіе избирательныхъ списковъ, представляя только подготовительную стадію выборовъ, тѣмъ не менѣе играетъ огромную роль, какъ своего рода санкція предписанныхъ закономъ постановленій объ избирательной правоспособности доказываетъ хотя бы упомянутая нами выше исторія знаменитаго „пересмотра“ этихъ списковъ во времена Криспи. Законъ обставляетъ поэтому составленіе избирательныхъ списковъ болѣе или менѣе серьезными гарантіями, выражающимися, между прочимъ, въ совмѣстномъ участіи въ этомъ дѣлѣ какъ административной и судебной власти, такъ и выборныхъ лицъ. Сначала операція эта не выходитъ изъ предѣловъ данной общины, мѣстныя власти которой поставлены въ наиболѣе благопріятныя условія для контроля правъ того или иного гражданина: 15 го декабря каждаго года мэръ (sindaco) приглашаетъ всѣхъ гражданъ, считающихъ себя въ правѣ быть призванными къ участію въ выборахъ, представить ему просьбу о внесеніи ихъ въ избирательные списки, съ приложеніемъ къ этой просьбѣ оправдательныхъ документовъ. Послѣ этого особая коммунальная комиссія, состоящая изъ мэра и 4-хъ (а въ болѣе населенныхъ общинахъ изъ 6-ти) членовъ, подвергаетъ избирательные списки первому пересмотру. Комиссія, о которой идетъ рѣчь, избирается муниципальнымъ совѣтомъ, причемъ въ ней можетъ быть представлено и меньшинство

совѣта, такъ какъ каждый членъ муниципалитета подаетъ голосъ только за одного кандидата. Эта комиссія должна составить три списка: одинъ изъ нихъ заключаетъ имена всѣхъ гражданъ, которыхъ комиссія предлагаетъ вписать въ избиратели,—по ихъ ли собственному, достаточно мотивированному заявленію или по иниціативѣ самой комиссіи; второй списокъ касается исключенія избирателей умершихъ или потерявшихъ свое право голоса (утрата юридической правоспособности и т. п.); наконецъ, въ третьемъ спискѣ комиссія перечисляетъ всѣхъ гражданъ, просьбы которыхъ о внесеніи ихъ въ число избирателей были ею отвергнуты. Эти три списка должны быть опубликованы не позже 15-го февраля, а жалобы на допущенныя въ нихъ неправильности могутъ быть представляемы со дня обнародованія списковъ до конца февраля.

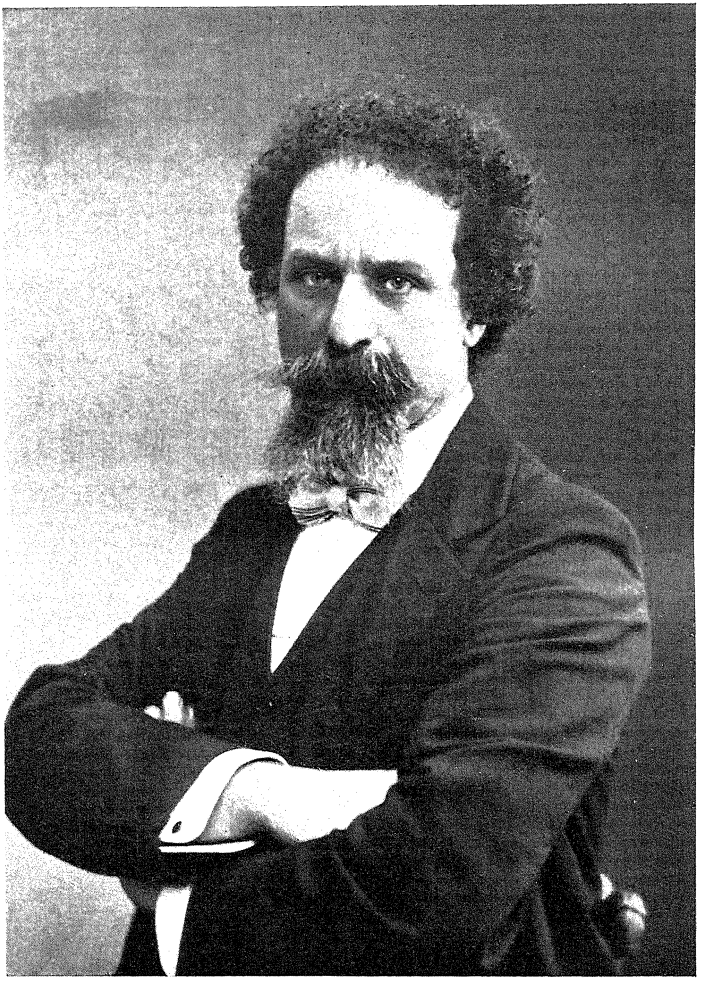
Послѣ этого подготовительнаго фазиса, провѣрка списковъ поручается провинціальной избирательной комиссіи, состоящей изъ предсѣдателя трибунала, совѣтника префектуры, назначаемаго префектомъ, и изъ трехъ членовъ, выбранныхъ провинціальнымъ совѣтомъ по той же системѣ ограниченнаго голосованія (каждый голосующій выбираетъ одного только кандидата). Эта комиссія не только даетъ свое заключеніе по жалобамъ на дѣйствія муниципальной комиссіи, но имѣетъ право подвергать пересмотру всѣ предложенія, исходящія изъ этой послѣдней, какъ относительно внесенія въ списки, такъ и объ исключеніи изъ числа избирателей. Рѣшающій голосъ принадлежитъ, слѣдовательно, провинціальной комиссіи; утвержденные ею (не позже 31 мая) списки и считаются законными въ теченіе года, если только—по жалобѣ того или иного гражданина, хотя бы даже лично не заинтересованнаго въ дѣлѣ—судебная власть не найдетъ нужнымъ внести какую-нибудь поправку. Избиратели, обжаловавшіе постановленія провинціальной комиссіи, сохраняютъ впредь до рѣшенія судебной палаты право голоса, если они были внесены въ списокъ прошлаго года и исключены въ текущемъ году.

Не менѣе серьезными гарантіями итальянскій избирательный законъ обставляетъ и самые выборы: принципъ тайнаго голосованія, проводимый этимъ закономъ, казалось бы, долженъ обезпечить классамъ, находящимся въ экономической зависимости, возможность свободнаго выраженія своихъ политическихъ убѣжденій. Но въ дѣйствительности, какъ говорятъ итальянцы fatta la legge trovato l'inganno—на каждый законъ есть обходъ. Несмотря на всѣ предосторожности, предусмотрѣнныя закономъ, правительственные

чиновники и агенты вліятельныхъ кандидатовъ, подкупающіе или терроризирующіе избирателей, находятъ все-таки возможность контролировать этихъ послѣднихъ путемъ различныхъ ухищреній.

Чтобы обезпечить тайну голосованія, законъ устанавливаетъ такой порядокъ: избиратель получаетъ отъ предсѣдателя бюро бюллетень (со штемпелемъ бюро); на этомъ бюллетенѣ избиратель долженъ написать имя выбираемаго имъ кандидата, причемъ для этой операціи въ углу зала, гдѣ происходитъ голосованіе, стоитъ особый столъ, отгороженный ширмою, такъ что избиратель можетъ написать имя того или иного кандидата ни для кого незамѣтнымъ образомъ. Но тутъ то и проявляется изобрѣтательность электоральныхъ агентовъ: подкупая избирателя, они вручаютъ ему листокъ пропускной бумаги, который онъ долженъ приложить къ свѣже-заполненному бюллетеню, такъ чтобы на пропускной бумагѣ сохранился отпечатокъ написаннаго имени кандидата и только по представленіи этого „оправдательнаго документа“ избиратель получаетъ обѣщанную сумму: еще болѣе вѣрный и часто практикуемый на югѣ способъ состоитъ въ слѣдующемъ: одинъ изъ избирателей опускаетъ въ урну фиктивный бюллетень, который не пойдетъ въ счетъ, и передаетъ затѣмъ подкупившему его агенту свой законный бюллетень—агентъ пишетъ имя своего кандидата на этомъ бюллетенѣ и вручаетъ его слѣдующему избирателю, который долженъ опустить этотъ бюллетень въ урну и въ свою очередь передать агенту свой собственный чистый бюллетень, полученный отъ предсѣдателя бюро и т. д.

Чтобы понять все значеніе, какое пріобрѣтаютъ подкупъ и всякаго рода обманныя дѣйствія во многихъ сельскихъ избирательныхъ округахъ южной Италіи, нужно имѣть въ виду, что помимо болѣе или менѣе искусныхъ махинацій электоральныхъ агентовъ избирателямъ приходится еще считаться съ членами бюро голосованія. Вѣдь всѣмъ порядкомъ голосованія заправляетъ именно это бюро: на его обязанности лежитъ соблюденіе предписаній, касающихся своевременнаго открытія голосованія, провѣрка личности избирателя, подсчетъ голосовъ, разрѣшеніе могущихъ возникнуть сомнѣній въ дѣйствительности того или иного бюллетеня и пр. Понятно что при этихъ условіяхъ правильность выборовъ въ весьма значительной мѣрѣ зависитъ отъ большей или меньшей безпристрастности бюро Единственная гарантія, которую устанавливаетъ въ этомъ отношеніи законъ, сводится къ тому, что въ составѣ бюро можетъ быть



Энрико Ферри.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР

представлено и меньшинство избирателей: въ самомъ дѣлѣ, бюро состоитъ изъ пяти выборныхъ членовъ, но каждый избиратель голосуетъ только за три имени, предоставляя выборъ двухъ другихъ кандидатовъ меньшинству. Эта гарантія, которую едва-ли можно признать достаточной даже въ теоріи, на практикѣ часто сводится къ нулю, въ особенности если одна изъ борющихся партій располагаетъ слишкомъ большимъ перевѣсомъ силъ: избирателямъ, принадлежащимъ къ этой партіи, стоитъ только раздѣлиться на двѣ группы, изъ которыхъ каждая голосуетъ за своихъ кандидатовъ въ члены бюро, и такимъ образомъ это послѣднее будетъ состоять исключительно изъ „своихъ“ людей, а тогда оно можетъ безпрепятственно дѣйствовать въ пользу угоднаго ему кандидата. Избирателямъ, правда, предоставлено право наблюдать за ходомъ голосованія, но и здѣсь опять-таки находчивымъ людямъ не трудно устроиться: достаточно затѣять въ залѣ, гдѣ происходитъ голосованіе, какой-нибудь скандалъ, и тогда заранѣе вымуштрованные избиратели пользуются этимъ случаемъ, чтобы предложить предсѣдателю бюро удалить публику. Въ южныхъ избирательныхъ округахъ произвольныя и незаконныя дѣйствія бюро составляютъ до того обычное явленіе, что существуютъ даже особые термины для обозначенія такихъ непредусмотрѣнныхъ, конечно, закономъ актовъ, какъ подмѣна всего содержимаго избирательной урны—bloccо, или только извѣстной части бюллетеней—pastetta.

При такихъ условіяхъ правительству, конечно, нетрудно оказать давленіе на избирателей, и до послѣдняго времени ему большею частью удавалось обезпечить себѣ парламентское большинство. Нужно сказать, что итальянскіе государственные люди выработали весьма искусные пріемы давленія на законодательные выборы: не говоря объ активномъ вмѣшательствѣ правительства въ ходъ избирательной кампаніи черезъ посредство префектовъ и синдиковъ, министерство обыкновенно очень ловко пользуется событіями при назначеніи времени выборовъ. Одинъ изъ обычныхъ пріемовъ состоитъ въ оттягиваніи срока выборовъ, чтобы „подготовить“ соотвѣтственнымъ образомъ народныя массы, терроризировать администрацію, очистить ее отъ „неблагонадежныхъ“ элементовъ и организовать оффиціальныя кандидатуры. Но не менѣе опасенъ и другой пріемъ, являющійся прямой противоположностью первому: для того, чтобы лишить оппозиціонныя партіи возможности, путемъ устной и печатной пропаганды, привлечь на свою сторону новые элементы, правительство можетъ, напротивъ, устроить, вы-

боры почти непосредственно послѣ того, какъ распущена палата. Оно разсчитываетъ тогда, главнымъ образомъ, на неподготовленность общественнаго мнѣнія, благодаря которой избирателямъ трудно будетъ разобраться въ истинномъ положеніи дѣлъ, такъ что при нѣкоторомъ давленіи можно будетъ тѣмъ легче склонить ихъ на сторону правительственныхъ кандидатовъ.

Такого рода соображенія руководили министерствомъ генерала Пеллу при законодательныхъ выборахъ 1900 года, когда палата была распущена 18 мая, а выборы назначены на 3 іюня, т. е. чрезъ двѣ недѣли, и когда правительство возлагало самыя широкія надежды на практикуемую имъ политику запугиванія передовыхъ элементовъ населенія. Расчетъ оказался, однако, на этотъ разъ совершенно невѣрнымъ; антиконституціонный образъ дѣйствія правительства только способствовалъ объединенію на перебаллотировкахъ оппозиціонныхъ партій—радикаловъ, республиканцевъ и соціалистовъ, которые въ общемъ получили 445.694 голоса, что вмѣстѣ съ 303.891 голосомъ, полученнымъ конституціонной оппозиціей, давало 749.585 голосовъ, тогда какъ кандидаты министерства получили всего 611.425 голосовъ. Интересно отмѣтить, что изъ трехъ крайнихъ оппозиціонныхъ партій наибольшее число голосовъ—215.841—получили соціалисты, радикалы 110.208 и республиканцы 119.645, а между тѣмъ не далѣе какъ въ 1895 году общее число голосовъ, полученныхъ 154 кандидатами соціалистами не превышало 82.523.

Тогда какъ въ палатѣ, избранной въ 1897 году, крайняя лѣвая насчитывала только 67 депутатовъ, изъ коихъ 19 соціалистовъ, 23 республиканца и 25 радикаловъ, на выборахъ 1900 года число депутатовъ крайней лѣвой возросло до 94-хъ, и изъ нихъ 32 соціалиста, 29 республиканцевъ и 33 радикала.

Мало того, если принять во вниманіе существующее раздѣленіе страны на избирательные округа, то окажется, что крайнія оппозиціонныя партіи не представлены въ палатѣ такъ широко, какъ это должно было бы имѣть мѣсто при пропорціональномъ представительствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вся Италія раздѣлена на 508 избирательныхъ округовъ, изъ которыхъ каждый посылаетъ въ палату одного депутата. Принципіально каждый избирательный округъ долженъ обнимать населеніе въ 50.000 душъ. Осуществляется-ли это правило на практикѣ? Уже по переписи 1881 года приходилось въ среднемъ на избирательный округъ 56.995 человѣкъ, а въ настоящее время, когда населеніе страны, по переписи 1901

года, достигаетъ 32.475.253 душъ (вмѣсто 28.953.480 въ 1881 году), приходится въ среднемъ 63.927 человѣкъ. Но эта средняя цифра не даетъ никакого представленія о тѣхъ колебаніяхъ, которыя замѣчаются въ этомъ отношеніи въ дѣйствительности. Достаточно будетъ сказать, что изъ 69 провинцій только 10 болѣе или менѣе приближаются къ законной цифрѣ и что въ настоящее время имѣется 125 округовъ съ населеніемъ отъ 60.000 до 70.000 душъ и 6 округовъ, гдѣ населеніе даже превышаетъ эту послѣднюю цифру. Нужно-ли говорить, что эти округа съ значительно увеличившейся плотностью населенія относятся къ сѣвернымъ фабрично-промышленнымъ провинціямъ? Такимъ образомъ въ Италіи, какъ и въ Германіи, неравномѣрное распредѣленіе избирательныхъ округовъ, неправильность котораго все болѣе и болѣе усиливается по мѣрѣ роста населенія въ промышленныхъ центрахъ, ведетъ къ искаженію, при выборахъ, дѣйствительнаго соотношенія общественныхъ силъ, давая своего рода избирательную привилегію отсталымъ земледѣльческимъ областямъ на счетъ прогрессирующихъ промышленныхъ округовъ.

Насколько пропорціональное представительство должно было бы измѣнить существующее соотношеніе парламентскихъ партій, видно хотя бы изъ того, что пропорціональность выборовъ дала бы крайней лѣвой, вмѣсто полученныхъ ею въ 1900 году 94 мѣста, 166 мѣстъ, тогда какъ министерскіе кандидаты получили бы не 292 мѣста, а только 228, и кандидаты конституціонной оппозиціи не 77, а 154 мѣста.

Нельзя не отмѣтить слѣдующую интересную особенность выборовъ 1900 года: изъ 111 избирательныхъ округовъ, обнимающихъ 69 главныхъ городовъ провинціи, только 43 округа послали въ палату министерскихъ депутатовъ, тогда какъ остальные 68 округовъ избрали оппозиціонныхъ кандидатовъ (26 конституціонной оппозиціи, 19 соціалистовъ, 12 республиканцевъ и 2 радикала). Избирательная агитація правительства имѣла, слѣдовательно, успѣхъ главнымъ образомъ въ сельскихъ округахъ, что только лишній разъ подтверждаетъ сказанное нами раньше о политической отсталости сельскаго населенія, для котораго пользованіе избирательнымъ правомъ далеко еще не является способомъ независимаго выраженія опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій. Напротивъ, наиболѣе чувствительное пораженіе правительство потерпѣло въ промышленныхъ городахъ сѣверной Италіи. Такъ, напр., Миланъ, состоящій изъ 6-ти избирательныхъ округовъ, не послалъ въ палату ни одного пра-

вительственнаго депутата, а предоставилъ 3 мѣста соціалистамъ и 3 республиканцамъ. Даже Туринъ (5 избирательныхъ округовъ)—колыбель итальянской монархіи и савойской династіи—очутился всецѣло въ рукахъ республиканцевъ и соціалистовъ.

Что это распредѣленіе правительственныхъ депутатовъ и депутатовъ оппозиціи представляетъ далеко не случайное явленіе, а стоитъ въ непосредственной связи съ тѣми рѣзкими соціально-экономическими контрастами, которые мы прослѣдили выше между сѣверной и южной Италіей, доказываютъ хотя бы слѣдующія цифры, заимствованныя нами у Фокарди [1]) и относящіяся къ распредѣленію депутатовъ различныхъ партій, послѣ законодательныхъ выборовъ 1895 года.

Если, пользуясь этими данными, вычислить, напримѣръ, процентное отношеніе правительственныхъ депутатовъ къ общему числу депутатовъ, то получится такое поучительное сравненіе: въ сѣверной Италіи министерству удалось обезпечить за своими кандидатами только 57% депутатскихъ мѣстъ, въ средней Италіи 60%, тогда какъ въ южной Италіи оно получило 80% (и на островахъ 71,87%)!

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ избираемыхъ. Согласно 40 ст. конституціи, депутаты должны быть не моложе 30-ти лѣтъ. Они избираются на пятилѣтній періодъ. Каждый депутатъ можетъ быть представителемъ одного только избирательнаго округа, но при выборахъ одинъ и тотъ же кандидатъ въ правѣ выставить свою кандидатуру въ нѣсколькихъ округахъ: если онъ будетъ избранъ одновременно въ различныхъ округахъ, онъ долженъ въ теченіе 8-дневнаго срока выбрать тотъ или иной округъ. Никто не можетъ быть одновременно сенаторомъ и депутатомъ, такъ что сенаторъ не можетъ даже выставить своей кандидатуры. Не подлежатъ также избранію и извѣстныя категоріи духовныхъ лицъ.

Для того, чтобы быть избраннымъ, нужно получить число голосовъ, превышающее шестую часть общаго числа записанныхъ избирателей и половину числа голосующихъ. Если ни одинъ изъ кандидатовъ не удовлетворяетъ этому двойному требованію, то (обыкновенно черезъ недѣлю) происходитъ перебаллотировка, распространяющаяся только на двухъ кандидатовъ, получившихъ наибольшее число голосовъ.

Депутаты, какъ и сенаторы, не получаютъ никакого де-

[1]) O. Focardi. „I partiti politici alle elezione generali dell'anno 1895." Римъ, 1895.

нежнаго вознагражденія; имъ предоставляется только право безплатнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ. Какъ и въ Германіи, эта безвозмездность депутатскихъ функцій, дѣлая полученіе мандата до извѣстной степени привилегіей имущихъ классовъ, не остается безъ многочисленныхъ протестовъ, и въ настоящее время въ палату внесенъ законопроектъ о введеніи вознагражденія, но проектъ этотъ наталкивается на то затрудненіе, что онъ идетъ въ разрѣзъ со статутомъ, такъ какъ принципъ безвозмездности депутатскаго мандата санкціонируется 50 ст. конституціи.

VI.

Политическія партіи.

Когда, вслѣдъ за голосованіемъ, въ силу котораго Тоскана, Парма, Модена и Романья были присоединены къ Піемонту, въ Туринѣ долженъ былъ впервые собраться парламентъ соединеннаго королевства, выборы, произведенные подъ сильнымъ административнымъ давленіемъ, обезпечили Кавуру значительное большинство. Это большинство носило тотъ же характеръ, что и большинство, на которое опирался Кавуръ въ піемонтскомъ парламентѣ,—это былъ все тотъ же знаменитый союзъ, connubio, обнимавшій, кромѣ центра, почти всю правую и умѣренную лѣвую.

Оппозиція крайней правой была весьма малочисленна, оппозиція лѣвой представляла нѣсколько болѣе серьезную величину, но слагалась изъ крайне разнородныхъ элементовъ: тутъ были члены оппозиціи бывшаго піемонтскаго парламента, съ Депретисомъ и Ратацци во главѣ, гарибальдійцы, присоединившіеся къ монархіи, но боровшіеся съ политикой Кавура, и, наконецъ, республиканцы.

Правительственное большинство, образовавшееся, главнымъ образомъ, благодаря авторитету и ловкой тактикѣ Кавура, не замедлило распасться послѣ его смерти на двѣ главныя фракціи—одну съ нѣсколько либеральнымъ оттѣнкомъ, руководимую Мингетти, и другую, болѣе консервативную, во главѣ которой стоялъ Ланца. Но еще въ теченіе долгихъ лѣтъ вліяніе кавуровскихъ традицій давало себя чуствовать настолько сильно, что общій характеръ политики нисколько не измѣнялся, тѣмъ болѣе, что направленіе чередовавшихся министерствъ Мингетти и Ланца не представляло какихъ-либо существенныхъ различій.

Главныя двѣ цѣли, которыми задавалось кавуровское большинство, состояли, во-первыхъ, въ опредѣленіи отноше-

ній новаго государства къ папскому престолу и, во-вторыхъ, въ финансовой реорганизаціи королевства.

Какъ мы видѣли выше, законъ о гарантіяхъ, принятый въ 1871 году, предоставилъ главѣ римской церкви очень вѣскія прерогативы, но, несмотря на это, папа не призналъ новаго государства, продолжая упорно отстаивать свои притязанія на свѣтское владычество. Такое отношеніе не могло не вызвать правительство на борьбу, успѣшному исходу которой должно было особенно благопріятствовать систематическое уклоненіе клерикаловъ отъ всякаго участія въ политической жизни страны: ихъ абсентеизмъ только облегчилъ проведеніе въ итальянскомъ парламентѣ цѣлаго ряда законовъ, направленныхъ противъ католической церкви—закона о гражданскомъ бракѣ, о секуляризаціи духовныхъ имѣній, о закрытіи монастырей.

Такимъ образомъ, первая часть программы—огражденіе государства отъ посягательствъ папскаго престола и борьба съ клерикализмомъ—была блестяще выполнена. Реорганизація финансовъ оказывалась болѣе сложною и трудною задачею, такъ какъ она требовала коренной реформы податной системы и значительнаго сокращенія расходовъ на армію, т. е. такихъ мѣръ, которыя лишили бы правительство необходимой поддержки состоятельныхъ классовъ населенія и помѣшали бы начинавшемуся уже сближенію Италіи съ Германіей и Австріей.

Тѣмъ не менѣе, министерству Мингетти удалось при помощи разныхъ полумѣръ, представить въ 1876 году бездефицитную роспись, но этотъ актъ былъ его лебединой пѣснью: въ мартѣ того же года министерство пало изъ-за проектовъ новыхъ налоговъ, а вмѣстѣ съ министерствомъ палъ политическій авторитетъ „консортеріи“, сохранявшей кавуровскія традиціи. Образовавшаяся, какъ мы сейчасъ видѣли, изъ далеко не однородныхъ элементовъ, она представляла не политическую партію въ собственномъ смыслѣ этого слова, а искусственный агрегатъ, вызванный къ жизни исключительными условіями и потребностями нарождающагося государственнаго организма Тѣсно сплоченная при Кавурѣ и продолжавшая еще довольно стойко держаться вплоть до середины 70-хъ годовъ, она теперь, когда ея роль была уже сыграна, обнаруживала несомнѣнные признаки разложенія. Достойно замѣчанія, что въ процессѣ этого разложенія сказались, между прочимъ, и тѣ областные соціально-экономическіе контрасты, на значеніи которыхъ въ политической жизни Италіи мы останавливались выше: представители южныхъ провинцій возлагали всѣ надежды на государство

и требовали его активнаго вмѣшательства во всѣ проявленія соціальной жизни, тогда какъ другая группа, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ тосканцевъ, напротивъ, считала необходимымъ свести роль государства въ соціально-экономическомъ отношеніи къ возможному минимуму.

Съ паденіемъ министерства Мингетти, мѣсто котораго занялъ вождь умѣренныхъ либераловъ Депретисъ, центръ тяжести въ парламентѣ передвинулся налѣво. Но и здѣсь не было ни одной партіи, достаточно сильной и вліятельной, чтобы она могла отнынѣ играть руководящую роль. Пока лѣвая находилась въ оппозиціи, она представляла извѣстную сплоченность, свойственную вообще оппозиціоннымъ группамъ но когда она очутилась у власти, очень скоро обнаружились разногласія между различными ея фракціями—либералами, радикалами и республиканцами. Въ этихъ разногласіяхъ главную роль играли, впрочемъ, не столько вопросы общей политики, сколько личные счеты и интриги вождей фракцій. Былъ, однако, одинъ вопросъ, въ которомъ являлись одинаково заинтересованными представители всѣхъ фракцій лѣвой, это—требованіе избирательной реформы въ смыслѣ распространенія избирательнаго права на болѣе широкіе слои населенія.

Эта реформа, какъ мы видѣли, была осуществлена въ 1882 году. Ея непосредственнымъ послѣдствіемъ было увеличеніе почти въ четыре раза избирательнаго корпуса, но, и помимо этого обстоятельства, она должна была отразиться весьма чувствительнымъ образомъ на политической жизни страны. Дѣло въ томъ, что у значительнаго числа представителей лѣвой не было въ сущности никакихъ ближайшихъ политическихъ идеаловъ, кромѣ избирательной реформы: съ осуществленіемъ этой послѣдней устранялась главная причина споровъ между правой и умѣренной частью лѣвой. Это прекрасно понялъ Депретисъ, воспользовавшійся новымъ положеніемъ вещей, чтобы возвести въ своего рода систему политическую безпринципность подъ именемъ трансформизма.

Если уже и раньше въ Италіи широко практиковался такъ называемый rimpasto, т. е. подновленіе министерства при остающемся на своемъ посту министрѣ-президентѣ, то теперь дѣло приняло еще болѣе опасный для парламентскаго режима характеръ: чтобы удержаться у власти, премьеръ не только считалъ возможнымъ опираться, какъ онъ это дѣлалъ раньше, попеременно на различныя фракціи лѣвой, но при случаѣ совершенно мѣнялъ фронтъ, прибѣгая, смотря по обстоятельствамъ, къ поддержкѣ то лѣвой, то правой.

Благодаря этой двусмысленной политикѣ, подкрѣпляемой самымъ недвусмысленнымъ поощреніемъ инстинктовъ наживы, присущихъ буржуазіи, Депретису удалось остаться во власти отъ 1881 года вплоть до своей смерти, въ 1887 году. А между тѣмъ за этотъ періодъ времени министерство многократно выходило въ отставку, но каждый разъ сформированіе новаго кабинета поручалось все тому же Депретису.

О развращающемъ вліяніи этой политики „трансформизма" можно судить хотя бы по тому многозначительному факту, что вожди лѣвой, составлявшіе знаменитую оппозиціонную пентархію (Криспи, Кайроли, Никотера, Цанарделли, Баккарини), не считали, однако, предосудительнымъ при случаѣ вступать въ министерство Депретиса. Такъ въ 1887 году, за три мѣсяца до своей смерти, Депретисъ, опасавшійся конкуренціи Криспи, образовалъ новый кабинетъ съ участіемъ самого Криспи и Цанарделли.

Бывшій гарибальдіецъ Криспи, ставшій во главѣ министерства послѣ смерти Депретиса, очень скоро пошелъ по слѣдамъ этого послѣдняго и, попробовавъ было сначала опираться на лѣвую впослѣдствіи сталъ заискивать у правой. На выборахъ 1890 года онъ открыто поддерживалъ кандидатовъ правой,—послѣдніе, благодаря правительственному давленію, проникли въ палату въ такомъ большинствѣ, что при ближайшемъ министерскомъ кризисѣ (31 января 1891 года) сформированіе новаго кабинета было поручено вождю праваго центра, маркизу ди-Рудини. Правда, этотъ кабинетъ являлся какъ нельзя болѣе яркой иллюстраціей политики трансформизма: здѣсь было представлено не только большинство правой (правый центръ), но и такъ называемая „непримиримая правая", а министерство внутреннихъ дѣлъ было поручено радикалу Никотера. Нужно-ли говорить, что кабинетъ, призванный опираться на такое разнородное парламентское большинство, оказался недолговѣчнымъ? Въ маѣ 1892 года образовался кабинетъ Джолитти, въ исторіи котораго игралъ чрезвычайно крупную роль извѣстный банковскій скандалъ. Милліонныя хищенія, обнаруженныя въ эмиссіонныхъ банкахъ, подчиненныхъ правительственному контролю, навлекли подозрѣнія на самаго Джолитти и другихъ членовъ его кабинета. Интересно, что послѣ паденія министерства Джолитти составленіе новаго кабинета было поручено Криспи, хотя этотъ послѣдній тоже былъ до извѣстной степени скомпрометированъ въ банковскомъ скандалѣ.

Какъ мы уже упоминали выше, министерство Криспи вышло въ отставку въ 1896 году, послѣ катастрофы, которою

закончилась африканская экспедиція; ближайшимъ поводомъ къ паденію смѣнившаго его кабинета Рудини послужили майскія волненія 1898 года. Мы упоминали также о судьбѣ министерства генерала Пеллу, при которомъ антиконституціонная политика правительства, начатая Криспи и продолжавшаяся при Рудини, дошла до своего апогея.

Настаивая на разнородномъ характерѣ парламентскаго большинства въ Италіи, мы, конечно, нисколько не упускаемъ изъ виду, что, за немногими исключеніями, и въ другихъ парламентахъ большинство обыкновенно составляется изъ разныхъ элементовъ, но тогда какъ въ другихъ странахъ сближеніе этихъ элементовъ происходитъ на почвѣ однородныхъ интересовъ, въ Италіи оно большей частью обусловливается не общностью, хотя бы даже временною, партійныхъ интересовъ, а личнымъ самолюбіемъ нѣсколькихъ выдвинувшихся политическихъ дѣятелей. Гдѣ въ самомъ дѣлѣ, тѣ однородные партійные интересы, которые должны были заставить радикала Никотеру войти въ кабинетъ такого завзятаго реакціонера, какъ Рудини!

Нельзя сказать, чтобы даже крупныя дѣленія итальянскаго парламента—правая, центръ, лѣвая и крайняя лѣвая—поддавались ярко очерченной характеристикѣ. Каждая изъ этихъ группъ—исключая, впрочемъ, крайнюю лѣвую, оппозиціонныя тенденціи которой придавали ей все-таки опредѣленную окраску, по крайней мѣрѣ, во время борьбы съ антиконституціонной политикой министерствъ Рудини и Пеллу,—распадается на безчисленное множество враждебныхъ одна другой фракцій, враждебныхъ не потому, чтобы ихъ разъединяли какія-либо принципіальныя разногласія, а только потому, что каждая такая фракція группируется вокругъ того или иного профессіональнаго политика. Это въ полномъ смыслѣ слова политика личныхъ интересовъ, которая одинаково руководитъ какъ приверженцами Джолитти или членами центра, группирующимися вокругъ Соннино, такъ и конституціонной оппозиціей.

Слѣдуетъ, однако, принять во вниманіе, что сейчасъ цитированный нами авторъ отводитъ особое мѣсто партіямъ, которыя онъ называетъ „нелегальными, стоящими внѣ конституціи и задающимися цѣлью уничтожить послѣднюю“,—подъ эту общую характеристику итальянскій профессоръ считаетъ возможнымъ подвести клерикальную, республиканскую и соціалистическую партіи.

Должно быть, руководствуясь именно такими соображеніями итальянская оффиціальная избирательная статистика

обходитъ молчаніемъ распредѣленіе голосующихъ и кандидатовъ по партіямъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что она не располагаетъ точными документами для такой классификаціи, хотя еще въ 1880 году проф. Феррарисъ указывалъ на примѣръ Германіи, гдѣ оффиціальная избирательная статистика считается съ партійными различіями, не страшась отдавать должное тѣмъ партіямъ, которыхъ итальянская статистика, повидимому, не признаетъ или считаетъ опасными.

Но если еще можно допустить выдѣленіе въ особую категорію католической партіи, принципіально стоящей внѣ политической жизни (хотя и тутъ, какъ мы увидимъ, необходимо сдѣлать кое-какія оговорки), то мыслимо-ли въ настоящее время игнорировать значительное вліяніе, которое можетъ оказывать на политику парламентскаго большинства такая „стоящая внѣ конституціи“ партія, какъ соціалистическая? Цитированная нами общая характеристика клерикальной, республиканской и соціалистической партіи относится къ 1896 году, когда реакціонныя министерства Криспи и Рудини ожесточенно преслѣдовали республиканцевъ и соціалистовъ, но тѣ и другіе впослѣдствіи вошли въ составъ парламентскаго большинства, созданнаго Цанарделли, а министерство Джолитти стремилось даже, по справедливому замѣчанію Лабріола, внушить корифеямъ соціалистической партіи убѣжденіе, что итальянское государство въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ, нисколько будто не противится опытамъ соціализма и что соціалистамъ, слѣдовательно, не приходится отказываться отъ сотрудничества съ этимъ государствомъ.

Но даже и клерикальную партію далеко нельзя считать quantité négligeable. Правда, она не представлена открыто въ парламентѣ, такъ какъ папа не разрѣшаетъ итальянскимъ католикамъ принимать участіе въ выборахъ ни въ качествѣ избираемыхъ, ни даже въ качествѣ избирателей. Эта политика, которой одинаково придерживались Пій IX и Левъ XIII, логически связана съ отрицательнымъ и враждебнымъ отношеніемъ папства къ итальянской монархіи: своимъ присутствіемъ въ парламентѣ сыны церкви до извѣстной степени санкціонировали бы существующій порядокъ вещей, въ которомъ папскій престолъ усматриваетъ не что иное, какъ безаконіе и узурпацію.

Но начать съ того, что если клерикалы воздерживаются, по крайней мѣрѣ, оффиціально, отъ законодательныхъ выборовъ, то они, напротивъ, принимаютъ весьма дѣятельное участіе въ административныхъ выборахъ, будь то коммунальныхъ или государственныхъ. Въ то-же время клерикальная

партія широко пользуется также другимъ могучимъ орудіемъ борьбы: по иниціативѣ и при ближайшемъ участіи духовенства устраиваются повсюду народные банки, земледѣльческіе синдикаты, сельскіе союзы, общества взаимопомощи, кооперативныя молочныя, булочныя и т. п. Наконецъ, необходимо еще имѣть въ виду, что уклоненіе отъ участія въ законодательныхъ выборахъ не всегда и не вездѣ одинаково строго вмѣнялось въ обязанность католикамъ; само собою разумѣется, что въ этомъ отношеніи папскій престолъ не могъ предъявлять къ жителямъ провинцій, унаслѣдованныхъ савойской династіей, такихъ строгихъ требованій, какія онъ предъявлялъ къ обитателямъ вѣчнаго города.

Съ другой стороны, въ послѣднее время именно этотъ вопросъ объ участіи въ политической жизни страны привелъ къ открытому расколу партіи, который измѣнитъ вѣроятно, общую политику папскаго престола. Расколъ этотъ, уже давно готовившійся, обнаружился въ іюлѣ 1904 г., на собраніи постояннаго комитета католическихъ конгрессовъ [1]), гдѣ на этотъ разъ особенно ярко выразились два противоположныя теченія итальянскаго католицизма: съ одной стороны, фракція непримиримыхъ упорно отказывается отъ всякаго общенія съ существующимъ государственнымъ строемъ; съ другой стороны, фракція умѣренныхъ, сознавая свое кровное родство и общность своихъ интересовъ съ владѣющими и правящими классами населенія, задается, напротивъ, цѣлью сблизить папу съ правительствомъ, чтобы такимъ образомъ сгруппировать всѣ консервативныя силы и создать достаточно могущественный противовѣсъ тѣмъ новымъ элементамъ, которые угрожаютъ какъ римской церкви, такъ и итальянской монархіи.

Нужно сказать, что примѣръ Германіи, гдѣ, несмотря на преобладающее протестантское населеніе, католики образуютъ, однако, особую политическую партію (центръ), не можетъ, конечно, не внушать итальянскимъ католикамъ соотвѣтственныхъ политическихъ вожделѣній. Къ тому же, итальянцамъ еще слишкомъ памятны увѣщанія, съ которыми Левъ XIII обращался къ французскимъ католикамъ, рекомендуя имъ присоединиться къ республикѣ. Наконецъ, въ недавнее время можно было усмотрѣть примирительное настроеніе церкви въ отношеніяхъ нѣкоторыхъ епископовъ къ королю.

Является вопросъ, насколько это обстоятельство можетъ

---

[1]) Періодически устраиваемые областные, епархіальные и національные конгрессы представляютъ также одну изъ наиболѣе активныхъ сторонъ дѣятельности клерикальной партіи. Во главѣ этой организаціи находится особый постоянный комитетъ дѣла конгрессовъ.

отразиться на политической жизни страны. Тутъ нужно считаться прежде всего съ тѣмъ, что и до сихъ поръ только въ очень немногихъ избирательныхъ округахъ католики строго воздерживались отъ участія въ выборахъ, но за отсутствіемъ клерикальныхъ кандидатуръ они подавали свои голоса за консерваторовъ. Можно, слѣдовательно, предполагать, что разъ клерикальная партія выступитъ, какъ таковая, въ избирательной кампаніи, клерикальный характеръ многихъ консервативныхъ кандидатуръ обозначится вполнѣ опредѣленно, а это въ свою очередь заставитъ либеральные элементы конституціонныхъ партій стать въ болѣе рѣзкое отношеніе къ консерваторамъ и сблизиться съ болѣе передовыми партіями. Такая перегруппировка политическихъ силъ могла бы вызвать возрожденіе политической жизни Италіи, обостривъ борьбу между реакціонными и демократическими элементами и создавъ приблизительно такое соотношеніе политическихъ партій, какое существуетъ въ настоящее время во Франціи, гдѣ борьба съ клерикализмомъ и реакціей создала bloc изъ пяти партій съ весьма различными, въ сущности, тенденціями.

Такое сближеніе лѣвыхъ партій, какъ мы указывали, было до извѣстной степени осуществлено при Цанарделли, именно на почвѣ борьбы съ политикой произвола и насилія. Выборы 1900 года ясно показали, что окончательная ликвидація этой пагубной политики, введенной Криспи, можетъ быть произведена не иначе, какъ при дружной поддержкѣ передовыхъ элементовъ палаты, хотя-бы эти элементы принадлежали къ антиконституціоннымъ или внѣконституціоннымъ партіямъ съ правительственной точки зрѣнія.

Но измѣнчивая и колеблющаяся политика Джолитти внесла въ объединенную однородными интересами лѣвую ферменты разложенія, и взаимныя отношенія различныхъ фракцій лѣвой нынѣ слѣдующія:

Республиканская партія, въ силу историческихъ условій, связанныхъ съ той ролью, которую сыгралъ въ дѣлѣ національнаго объединенія Піемонтъ, еще при жизни Маццини утратила свое вліяніе съ того момента когда монархія завладѣла Римомъ. Помимо болѣе или менѣе отдаленнаго идеала замѣны существующаго государственнаго строя республикой, тенденціи этой партіи, въ сущности, не выходятъ изъ предѣловъ либерализма и оставляютъ въ сторонѣ тѣ жгучіе и настойчиво требующіе разрѣшенія вопросы, которые намѣтила чреватая грозными послѣдствіями итальянская

дѣйствительность. Но идея республики плохо усваивается мало развитымъ политическимъ сознаніемъ народныхъ массъ и не представляетъ для этихъ обездоленныхъ слоевъ населенія достаточно реальный интересъ, чтобы привлечь сколько-нибудь значительную избирательную силу. Съ другой стороны, по самому существу своему идеалъ республиканцевъ дѣлаетъ для нихъ гораздо болѣе затруднительнымъ активное участіе въ политической жизни, чѣмъ для соціалистовъ. Осуществленіе избирательной реформы, за которую въ свое время боролись республиканцы вмѣстѣ съ другими передовыми элементами, нисколько не увеличило численности республиканскихъ представителей въ палатѣ: такъ, въ 1897 году избиратели послали въ палату всего 23 республиканцевъ, а въ 1900 году—29, т. е. меньше, чѣмъ соціалистовъ.

Не сумѣвъ завоевать себѣ поддержку широкихъ слоевъ народа, республиканцы пользуются, правда, нѣкоторыми симпатіями среди итальянской буржуазіи, которая, вообще говоря, по своимъ традиціямъ не чужда либеральныхъ взглядовъ, но быстрый ростъ соціализма пугаетъ капиталистическую буржуазію: профессіональнымъ политикамъ удалось внушить ей „спасительный страхъ“ передъ соціалистами и убѣжденіе, что перемѣна существующаго государственнаго строя приведетъ неминуемо къ побѣдѣ соціализма, а передъ этой грозной перспективой капиталистическая буржуазія охотно отказывается отъ своихъ республиканскихъ тенденцій.

Радикальная партія, вопреки своему названію, долгое время представляла и представляетъ еще теперь крайне неопредѣленный, колеблющійся элементъ. Уже съ самаго момента ея зарожденія, ей суждено было принять характеръ двойственности и промежуточности. Она является прямой преемницей той партіи дѣйствія, которая, какъ мы видѣли, группировалась вокругъ Гарибальди и была стиснута, словно между молотомъ и наковальней, между республиканской партіей, руководимой Маццини, и партіей умѣренныхъ, подчинявшей дѣло національнаго освобожденія интересамъ савойской династіи: гарибальдійцамъ приходилось такимъ образомъ дѣйствовать заодно то съ одной, то съ другой изъ этихъ партій, выступая попеременно въ качествѣ союзниковъ Виктора-Эммануила и въ роли оппозиціи. То-же двойственное положеніе сохранили гарибальдійцы и по завершеніи національнаго освобожденія, когда они образовали такъ называемую радикальную или демократическую партію. Правда, въ первый періодъ существованія объединеннаго королевства они нашли примѣненіе своимъ силамъ въ борьбѣ съ клери-

кализмомъ, но послѣ того какъ законодательная работа, направленная на защиту гражданскаго общества въ новомъ государственномъ механизмѣ отъ притязаній римской церкви, была закончена, партія мало-по-малу приняла оппортунистическій характеръ.

Историческія традиціи какъ-будто сближали радикаловъ съ республиканцами и соціалистами, но, съ другой стороны, желаніе стать правящей партіей заставляло ихъ мириться съ монархіей и ограничиваться только требованіемъ болѣе широкаго развитія демократическихъ принциповъ конституціи. Эта двойственность выразилась даже въ образованіи двухъ враждующихъ между собою фракцій, которыя, однако, объединились въ іюнѣ 1904 г. на конгрессѣ, собранномъ въ Римѣ. Конгрессъ призналъ единогласно, что дѣйствіе демократической партіи можетъ проявляться въ рамкахъ существующаго государственнаго строя, разъ только этотъ строй не ставитъ преградъ на пути свободнаго развитія національныхъ интересовъ. Иными словами, взяла верхъ именно наиболѣе оппортунистическая легалитарная фракція, и недавно опубликованная подготовительная программа партіи не оставляетъ никакого сомнѣнія въ оппортунистическомъ ея характерѣ: контуры этой программы теряются въ свойственныхъ такого рода манифестамъ общихъ мѣстахъ, причемъ всѣ очередные вопросы политической жизни обходятся молчаніемъ.

Не менѣе поучителенъ для характеристики радикальной партіи тотъ фактъ, что, въ противоположность тактикѣ, которой она придерживалась на выборахъ 1900 года, она на этотъ разъ рѣшила отдѣлиться отъ соціалистовъ, напуганная опять-таки уже упомянутыми недавними событіями. Насколько, въ сущности, мало активны какъ радикальная, такъ и республиканская партія, можно судить, между прочимъ и по тому, что къ законодательнымъ выборамъ 1904 г. радикалы выставили всего около 50 кандидатовъ, республиканцы 130, тогда какъ число правительственныхъ кандидатовъ достигаетъ 450, а соціалистическія кандидатуры не менѣе многочисленны, чѣмъ министерскія.

Соціалистическая партія въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ настоящее время, организовалась подъ именемъ партіи итальянскихъ рабочихъ на конгрессѣ въ Генуѣ въ августѣ 1892 года, когда итальянскіе соціалисты окончательно порвали съ анархическими тенденціями и примкнули къ международной соціалъ-демократіи, раздѣляя какъ ея принципіальное ученіе о классовой борьбѣ, такъ и ея практическія требованія, направленныя на защиту интересовъ рабочаго

класса. Рѣзко очерченная программа партіи, настойчиво подчеркивающая необходимость борьбы съ главными источниками экономическихъ золъ современной Италіи, съ великодержавной политикой и съ милитаризмомъ, выставляющая въ своихъ требованіяхъ—помимо охраны интересовъ труда—такія интересующія все населеніе страны мѣры, какъ радикальная податная реформа и сокращеніе арміи или замѣна постояннаго войска народнымъ ополченіемъ, представляла въ политической жизни Италіи, гдѣ до сихъ поръ доминировала безпринципная политика личныхъ и мѣстныхъ интересовъ, явленіе совершенно новое. Соціалистамъ поэтому очень быстро удалось завоевать такое положеніе, какого не знала ни одна изъ старыхъ оппозиціонныхъ партій.

Въ 1900 году партія уже насчитывала 1.070 секцій съ 37.188 участниками, а въ настоящее время она насчитываетъ въ своихъ 1.300 секціяхъ около 43.000 человѣкъ; но нужно-ли говорить, что это число непосредственныхъ участниковъ, платящихъ членскіе взносы, далеко еще не опредѣляетъ дѣйствительную силу партіи. Если не считать весьма, правда, многочисленныхъ клерикальныхъ организацій, о которыхъ мы упоминали выше и которыя вербуютъ своихъ членовъ, главнымъ образомъ, среди мелкихъ землевладѣльцевъ, сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, ремесленниковъ и т. п., то можно будетъ сказать, что все рабочее движеніе сосредоточено въ рукахъ соціалистической партіи съ ея многочисленными синдикатами, 80 биржами труда и 29 національными ремесленными федераціями. Въ 1902 году на совмѣстномъ собраніи Центральнаго Комитета биржъ труда и делегатовъ отъ 26 національныхъ федерацій (насчитывающихъ 480.000 организованныхъ рабочихъ), было рѣшено объединить дѣятельность этихъ двухъ категорій организацій при помощи учрежденія центральнаго секретаріата биржъ труда и федерацій сопротивленія, въ которомъ одинаково представлены тѣ и другія.

Объ огромномъ вліяніи соціалистовъ на народныя массы еще легче судить по избирательной статистикѣ: насчитывавшая въ палатѣ всего пять своихъ представителей до 1895 года, соціалистическая партія на выборахъ 1895 года, послала въ палату уже 15 депутатовъ, въ 1897 году—19 и въ 1900 году—32-хъ. Въ 1895 году она собрала 82.523 голоса, въ 1897 году—134.502, а на выборахъ 1900 года—215.841 голосъ.

Этотъ чрезвычайно быстрый ростъ соціализма, пугая промышленную и капиталистическую буржуазію, въ то же время долженъ былъ привлечь въ ряды соціалистической партіи извѣстную часть интеллигентной буржуазіи: „десять лѣтъ

тому назадъ", писалъ весною 1904 года Лабріола, „разложеніе старыхъ итальянскихъ политическихъ партій (консерваторы, либералы и демократы) двинулось очень далеко; условія экономической жизни были довольно печальны, монархія и милитаризмъ вполнѣ дискредитированы—излишекъ лицъ свободныхъ профессій (адвокаты, врачи, публицисты и пр.) нахлынулъ въ соціалистическую партію, пользуясь ею, какъ единственною силою, способной обезпечить нѣкоторую побѣду". Не отрицая того, что притокъ этихъ новыхъ элементовъ способствовалъ усиленію пропаганды и численному успѣху партіи, Лабріола совершенно справедливо усматриваетъ, однако, именно въ присоединеніи этихъ элементовъ одну изъ главныхъ причинъ образованія того оппортунистическаго теченія „реформизма", которое въ послѣднее время такъ сильно тормозило дальнѣйшее развитіе партіи.

Опираясь, между прочимъ, на многочисленную бюрократію, интересы которой они уравниваютъ съ интересами рабочихъ, реформисты уже въ силу этого одного обстоятельства смягчаютъ и доводятъ до минимума оппозиціонныя тенденціи партіи. Консерватизмъ реформистовъ, какъ замѣчаетъ Лабріола, обнаруживается въ ихъ отношеніи къ политическимъ учрежденіямъ страны: такъ, во Франціи, они ратуютъ за республику, а въ Италіи, за неимѣніемъ лучшаго, они проповѣдуютъ безполезность политическихъ трансформацій. И дѣйствительно, вотъ что можно, напримѣръ, читать въ „Critica Sociale", органѣ, издающемся подъ редакціей вождя реформистовъ Турати: „Итальянскій пролетаріатъ находится въ положеніи, которое не есть продуктъ его воли, а явилось результатомъ историческихъ необходимостей, неизбѣжно связанныхъ съ возрожденіемъ, объединеніемъ, независимостью и свободой отечества. Созданное нами представительное правленіе имѣетъ во главѣ наслѣдственнаго монарха... Плебисциты торжественно признали за способствовавшимъ освобожденію отечества монархомъ законность королевской власти, подобно тому какъ и монархъ торжественно заявилъ, что онъ подчиняетъ свою власть верховенству народа, признавая въ національной волѣ законность происхожденія своей власти. Какого-же образа дѣйствій долженъ придерживаться по отношенію къ современнымъ политическимъ учрежденіямъ борющійся пролетаріатъ въ собственныхъ интересахъ и соотвѣтственно своимъ стремленіямъ? Долженъ-ли онъ пренебрегать тѣмъ дѣломъ, которое отцамъ его стоило геройскихъ жертвъ, и съ враждою удалиться отъ традицій и отъ національной жизни? Въ такомъ случаѣ про-

Фортисъ.

летарій долженъ былъ бы сдѣлаться заговорщикомъ и стать въ рѣзкую оппозицію по отношенію къ правительству. Но практическая необходимость и реальная жизнь—болѣе сильная, чѣмъ отвлеченная логика и метафизическія умозаключенія—предстали предъ итальянскимъ пролетаріатомъ, который вступилъ въ политическую жизнь націи и пользуется представительнымъ правленіемъ и свободой дѣйствующей конституціи, къ коей онъ относится съ уваженіемъ, заявляя, что для улучшенія своего соціальнаго положенія онъ будетъ пользоваться всѣми законными средствами борьбы".

Между этой оппортунистической фракціей, руководимой Турати и Биссолати, и радикальной фракціей, наиболѣе выдающимся представителемъ которой является Лабріола, занимаютъ среднее мѣсто приверженцы Энрико Ферри. Этотъ послѣдній проповѣдуетъ примиреніе въ видѣ „единства дѣйствія, несмотря на различія въ идеяхъ" стоитъ, однако, гораздо ближе къ Лабріола, чѣмъ къ реформистамъ, возлагающимъ самыя широкія надежды на систематическое сотрудничество пролетаріата съ правящими классами.

Если въ парламентѣ соціализмъ представленъ, главнымъ образомъ, реформистской фракціей, то далеко нельзя сказать, чтобы этому соотвѣтствовало дѣйствительное соотношеніе силъ различныхъ соціалистическихъ фракцій; на послѣднемъ конгрессѣ партіи, состоявшемся въ Болоньѣ въ апрѣлѣ 1904 г., взяли верхъ именно наиболѣе радикальные элементы съ Ферри и Лабріола во главѣ.

Въ противоположность радикальной партіи, которая не располагаетъ даже собственнымъ органомъ печати, [1]) соціалистическая партія имѣетъ нѣсколько пользующихся большимъ успѣхомъ газетъ. Центральнымъ ея органомъ является „Avanti", ежедневная газета, основанная въ 1897 году и издающаяся въ Римѣ. Послѣ майскихъ волненій 1898 года, когда жестокая правительственная репрессія обрушилась на всѣхъ лицъ, входившихъ въ составъ редакціи этой газеты, ближайшее участіе въ ея изданіи принялъ Ферри. Подъ его руководствомъ газета пріобрѣла очень скоро выдающееся мѣсто въ итальянской ежедневной печати, и если въ послѣдніе годы „Avanti" пришлось нѣсколько пострадать отъ конкуренціи издающагося въ Миланѣ органа реформистовъ „Il Tempo", то не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду, что еще очень недавно, подъ вліяніемъ интереса къ кампаніи противъ административныхъ злоупотребленій и противъ извѣстной тенденціи внѣшней политики правительства,

[1]) Республиканская партія имѣетъ два ежедневныхъ органа: „Italia del Popolo" и „Giornale del Popolo".

„Avanti“ иногда расходился въ количествѣ 80.000 экземпляровъ. Средній тиражъ газеты въ настоящее время достигаетъ 40.000 экземпляровъ. Кромѣ того, при „Avanti“ издается еженедѣльное иллюстрированное литературное приложеніе, которое также пользуется довольно широкимъ кругомъ читателей.

Радикальная фракція, руководимая Лабріола, имѣетъ свой особый органъ „Avanguardia Socialista“, издающійся въ Миланѣ подъ редакціей Вольтера Мокки.

Существуютъ, кромѣ того, три менѣе вліятельныя ежедневныя соціалистическія газеты, издающіяся въ провинціальныхъ городахъ, и нѣсколько десятковъ еженедѣльныхъ органовъ, среди которыхъ наиболѣе видное мѣсто занимаетъ сатирическій журналъ „Asino“, расходящійся въ количествѣ 60.000 экземпляровъ.

Въ связи съ указанными выше фактами, эти данныя свидѣтельствуютъ, что, несмотря на временно ослабляющія ее внутреннія распри, соціалистическая партія въ Италіи отличается такой живучестью, какой не знала и не знаетъ здѣсь ни одна другая политическая партія, и что именно въ успѣхѣ соціалистическаго движенія лежитъ залогъ возрожденія политической жизни итальянской націи.

Л. Шейнисъ.

ПОРТУГАЛІЯ.

I.

Государственный строй.

Основнымъ закономъ государственнаго строя Португаліи является конституціонная хартія, октроированная, послѣ ряда переворотовъ, королемъ Педро IV 29-го апрѣля 1826 года. Эта хартія дополнена была такъ называемымъ „добавочнымъ актомъ“ 5 іюля 1852 года, выработаннымъ обѣими палатами кортесовъ и санкціонированнымъ королевой Маріей II; въ 1859 году принятъ былъ болѣе разработанный избирательный законъ, а въ 1884 году, въ царствованіе Луи I, при министерствѣ „возрожденія“ Фонтеса Перейры до-Мелло, хартія была снова подвергнута пересмотру.

Согласно конституціи, страна управляется наслѣдственной представительной монархіей, причемъ тронъ принадлежитъ Браганцской династіи, начиная съ 1640 года, когда Португаліи удалось освободиться отъ испанскаго владычества, подъ которымъ она находилась въ теченіе 60 лѣтъ.

Конституція формально признаетъ четыре самостоятельныя власти: законодательную, умѣряющую [1]), исполнительную и судебную.

Законодательная власть, значительно ограниченная спеціальными прерогативами короля, распредѣляется между монархомъ и двумя палатами—палатой депутатовъ и палатой пэровъ, вмѣстѣ образующими кортесы. Послѣ ряда реформъ, постепенно расширявшихъ избирательное право (послѣдняя реформа произведена была въ 1884 году), правомъ голоса для выборовъ въ палату депутатовъ пользуются лица,

---

[1]) „Pouvoir modérateur“—умѣряющая власть—терминъ, предложенный Бенжаменомъ Констаномъ; онъ охватываетъ обычныя прерогативы конституціонныхъ монарховъ: право созывать и распускать парламентъ, назначать и отставлять министровъ. Это безполезное выдѣленіе „умѣряющей власти“ въ другихъ конституціяхъ не встрѣчается.

обладающія нѣкоторымъ имущественнымъ цензомъ, именно уплачивающія не меньше 1 мильрейса (нѣсколько больше 2 рублей) налога въ годъ, или умѣющія читать и писать, или имѣющія семью и дѣтей. Но если активное избирательное право, т. е. право быть избирателемъ, такимъ образомъ, весьма мало ограничено и почти приближается къ всеобщему, то пассивное избирательное право, право быть избираемымъ, составляетъ привилегію лишь тѣхъ лицъ, которыя обладаютъ годовымъ доходомъ не меньше 400 мильрейсовъ, и фактически устраняетъ изъ парламента весь рабочій классъ и значительную часть мелкой буржуазіи. Имущественный цензъ въ обоихъ случаяхъ можетъ замѣняться цензомъ образовательнымъ и служебнымъ.

Депутаты выбираются на три года, по системѣ списковъ. Пэры, т. е. избираемая часть, выбираются на шесть лѣтъ. Обѣ палаты вмѣстѣ издаютъ законы, ихъ интерпретируютъ, измѣняютъ, пріостанавливаютъ, въ случаѣ надобности, ихъ примѣненіе; онѣ принимаютъ присягу короля на вѣрность конституціи; онѣ, наконецъ, учреждаютъ, когда это является необходимымъ, регентство и опредѣляютъ границы его компетенціи.

Законодательная инициатива распредѣляется между кортесами и королемъ. Каждый членъ парламента имѣетъ право представлять законопроекты. Послѣдніе сперва обсуждаются той палатой, въ которой засѣдаетъ ихъ авторъ, а затѣмъ подвергаются на разсмотрѣніе другой палаты. Если обѣ палаты согласны въ принципѣ на осуществленіе проекта, но обнаруживаютъ различное отношеніе къ предложеннымъ поправкамъ или вотируютъ не совсѣмъ одинаковые тексты, проектъ переходитъ на обсужденіе смѣшанной комиссіи, составленной изъ равнаго числа депутатовъ и пэровъ, рѣшенія которой, простымъ большинствомъ голосовъ, окончательны. Но для того, чтобы принятый, такимъ образомъ, проектъ получилъ силу закона, необходима еще санкція короля; если послѣдній отказывается ратифицировать законъ, онъ долженъ оповѣстить объ этомъ парламентъ въ теченіе 30 дней. Въ области финансовъ и вопросовъ касающихся арміи, законодательная инициатива распредѣляется лишь между правительствомъ и палатой депутатовъ, и пэрамъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ принадлежать. Наконецъ, законопроекты, предлагаемые по инициативѣ правительства, обсуждаются сперва палатой депутатовъ.

Палата депутатовъ насчитываетъ 120 членовъ. Ея президентъ и вице-президентъ назначаются королемъ — изъ числа предложенныхъ палатою пяти кандидатовъ.

Въ палатѣ пэровъ засѣдаютъ, кромѣ всѣхъ принцевъ королевскаго дома, 50 пэровъ, избираемыхъ населеніемъ въ округахъ (двухстепенной подачей голосовъ), университетомъ и нѣкоторыми другими учрежденіями, 13 прелатовъ и 100 лицъ, пожизненно назначаемыхъ короной изъ числа бывшихъ министровъ, членовъ государственнаго совѣта, засѣдавшихъ въ палатѣ не менѣе восьми избирательныхъ періодовъ депутатовъ, высшихъ чиновъ арміи, дипломатіи, суда, администраціи, профессоровъ университета, а также и купцовъ и фабрикантовъ, уплачивавшихъ въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ не менѣе 700 мильрейсовъ (около 1500 рублей) налога въ годъ. Палата пэровъ является, такимъ образомъ, рѣзко консервативнымъ учрежденіемъ, долженствующимъ сдерживать преобразовательныя поползновенія достаточно уже консервативной, по самому составу своему, палаты депутатовъ. Президентъ и вице-президентъ палаты пэровъ назначаются королемъ, причемъ, въ отличіе отъ палаты депутатовъ, верхняя палата лишена права представлять коронѣ списокъ желательныхъ ей кандидатовъ.

Умѣряющая власть сосредоточена всецѣло въ рукахъ короля. Она состоитъ въ рядѣ чрезвычайно важныхъ прерогативъ, предоставленныхъ королю конституціонной партіей. Такъ, король созываетъ палаты на экстраординарныя сессіи, когда обстоятельства, по его мнѣнію, этого требуютъ: онъ имѣетъ право пріостанавливать ординарныя сессіи (которыя, по конституціи, длятся не менѣе трехъ мѣсяцевъ въ году, для обѣихъ палатъ одновременно) и даже распускать палаты, вмѣстѣ или порознь; онъ единолично назначаетъ и отставляетъ министровъ; онъ можетъ, при согласіи государственнаго совѣта, отставлять отъ должности чиновниковъ; онъ пользуется, наконецъ, правомъ помилованія и амнистіи.

Исполнительная власть предоставлена конституціею королю, хотя онъ и остается неотвѣтственнымъ и неприкосновеннымъ. Въ дѣйствительности, лишь министры, дѣйствующіе отъ его имени, несутъ отвѣтственность предъ кортесами за дѣйствія исполнительной власти. Эта власть въ Португаліи, къ тому же, значительно шире, чѣмъ въ большинствѣ другихъ конституціонныхъ странъ, ибо король имѣетъ право простыми декретами разрѣшать такіе вопросы, которые въ дѣйствительности находятся въ сферѣ компетенціи парламента. Отвѣтственность министровъ предъ парламентомъ выражается, между прочимъ, въ томъ, что послѣдній можетъ, въ случаѣ совершенія ими преступленій, привлекать ихъ къ своему суду, при чемъ предаетъ ихъ суду палата депутатовъ, а судитъ палата пэровъ.

Наконецъ, государственный совѣтъ, состоящій изъ 12 членовъ подъ предсѣдательствомъ короля, имѣетъ своимъ назначеніемъ представлять коронѣ мотивированныя мнѣнія по наиболѣе важнымъ вопросамъ государственнаго управленія. Наслѣдникъ престола, по достиженіи 18-тилѣтняго возраста, засѣдаетъ въ государственномъ совѣтѣ по праву.

Въ административномъ отношеніи португальское королевство раздѣляется на 21 округъ (districtos administrativos), изъ которыхъ 17 приходятся на континентъ, а 4—на острова (это дѣленіе замѣнило существовавшее прежде дѣленіе на провинціи, которыхъ насчитывалось 7). Всѣ административные округа вмѣстѣ дѣлятся на 306 кантоновъ (concelhos), которые, въ свою очередь, насчитываютъ 3.961 приходъ (freguezias). Каждый округъ управляется гражданскимъ губернаторомъ, назначаемымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; во главѣ кантоновъ же стоятъ также назначаемые центральнымъ правительствомъ кантональные администраторы; наконецъ, приходы управляются мэрами (regedor).

Въ главномъ городѣ каждаго административнаго округа засѣдаетъ соотвѣтствующая по сферѣ своей компетенціи французскому генеральному совѣту генеральная юнта, состоящая изъ 21—25 (смотря по количеству населенія) выборныхъ представителей, и административный трибуналъ изъ трехъ судей, назначаемыхъ правительствомъ изъ числа судебныхъ чиновниковъ. Въ главномъ городѣ каждаго кантона засѣдаетъ муниципальный совѣтъ (camora municipal), насчитывающій отъ 5 до 9 членовъ, также избираемыхъ населеніемъ, причемъ избиратели голосуютъ за неполные списки кандидатовъ, чтобы обезпечить представительство меньшинства [1]). Наконецъ, въ каждомъ приходѣ засѣдаетъ мѣстная юнта отъ 3 до 5-ти человѣкъ, которая распоряжается суммами, относящимися къ церквамъ, исполненію культовъ и благотворительнымъ учрежденіямъ. Мэръ приводитъ въ исполненіе постановленія юнты и сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ завѣдываніе полиціей. Центральное правительство имѣетъ право распускать генеральныя юнты и муниципальные совѣты; губернаторы располагаютъ тѣмъ же правомъ по отношенію къ приходскимъ юнтамъ.

Этотъ краткій перечень мѣстныхъ учрежденій показываетъ, что мѣстное самоуправленіе развито въ Португаліи чрезвычайно слабо. Это настолько чувствуется всѣмъ населеніемъ, приводитъ къ столь частнымъ столкновеніямъ между

---

[1]) Это такъ называемая система „ограниченнаго вотума“, о которой см. т. II настоящаго изданія, стр. 309.

мѣстными учрежденіями и представителями центральнаго правительства, что въ послѣдніе годы не только оппозиціонныя, но и правительственная партія сознали настоятельную необходимость коренной реформы мѣстнаго самоуправленія и расширенія сферы его компетенціи. Осуществленіе этой реформы произойдетъ, вѣроятно, въ близкомъ будущемъ.

Въ судебной іерархіи высшее мѣсто занимаетъ палата пэровъ, которая въ исключительныхъ случаяхъ судитъ членовъ королевской семьи, государственнаго совѣта, обѣихъ палатъ и преданныхъ палатой депутатовъ суду министровъ. Роль кассаціоннаго суда принадлежитъ верховному судилищу (supremo tribunal de justicia). На слѣдующей ступени іерархической лѣстницы стоятъ пять аппелляціонныхъ судовъ; за ними слѣдуютъ 142 судьи первой инстанціи и 809 мировыхъ судей; послѣдніе выбираются народнымъ голосованіемъ, но подлежатъ контролю аппелляціонныхъ судовъ. Всѣ другіе судьи, за исключеніемъ мировыхъ судей, назначаются пожизненно и не могутъ отставляться отъ должности. Уголовныя дѣла судятся при участіи присяжныхъ засѣдателей (въ числѣ 9-ти человѣкъ). По смыслу конституціонной партіи, институтъ присяжныхъ засѣдателей долженъ былъ функціонировать и въ гражданскомъ судопроизводствѣ, но на практикѣ присяжные засѣдатели созываются лишь по требованію обѣихъ сторонъ. Наконецъ, административныя жалобы разбираются окружными судами и, въ послѣдней инстанціи, аппелляціонными судами (supremo tribunal administrativo).

Въ Португаліи, какъ въ Бельгіи, Голландіи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ, нѣтъ отдѣльнаго министерства народнаго просвѣщенія. Со времени уничтоженія этого министерства, завѣдываніе дѣломъ народнаго просвѣщенія перешло въ руки министерства внутреннихъ дѣлъ. Это одно уже показываетъ, что народное просвѣщеніе поставлено не очень высоко въ Португаліи. Весь бюджетъ этого департамента едва достигаетъ 580.548 мильрейсовъ, изъ которыхъ на низшую школу расходуется 50.840 мильрейсовъ, на среднюю—175.227, а на высшую—311.413 мильрейсовъ. До сравнительно недавняго времени низшая школа находилась въ исключительномъ вѣдѣніи муниципалитетовъ, которые несли всѣ расходы по ея содержанію. Впослѣдствіи это дѣло перешло въ руки государства. Съ 1878 года установлено обязательное посѣщеніе низшихъ школъ.

Сравнительно лучше поставлена средняя школа, которая имѣетъ преимущественной цѣлью подготовленіе къ поступленію въ высшія учебныя заведенія. Среднее образованіе

обезпечивается существующими въ каждомъ административномъ округѣ лицеями и довольно большимъ числомъ частныхъ заведеній. Наконецъ, высшее образованіе дается въ старинномъ университетѣ въ Коимбрѣ, въ трехъ медицинскихъ академіяхъ и нѣсколькихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

II.

Политическія партіи.

Французская революція конца XVIII в. оказала огромное вліяніе на буржуазные слои населенія въ нашей странѣ, въ особенности на образованные классы, которые съ самаго начала 19 столѣтія стали энергично требовать ограниченія абсолютизма и введенія конституціоннаго строя, хотя и встрѣчали на каждомъ шагу упорныя преслѣдованія. Уже въ 1817 году генералъ Гормесъ Фрейре, главный руководитель франмасоновъ, образовалъ небольшую группу революціонеровъ, стремившуюся къ насильственному низверженію господствовавшаго строя; эта группа успѣла уже пріобрѣсти нѣкоторое вліяніе, но заговорщики были выданы измѣнникомъ, привлечены къ суду и казнены. Но вызванное ими движеніе продолжало разростаться, и черезъ 3 года, 24 августа 1820 года, вспыхнула въ Порто революція, которая принудила короля подписать довольно либеральную конституцію. Побѣда, однако, была непродолжительна, и контръ-революція Мигуеля возстановила абсолютизмъ. Затѣмъ начинается у насъ длинный періодъ борьбы и междоусобной войны между дономъ Мигуелемъ, сторонникомъ абсолютизма, и братомъ его, дономъ Педро IV, который согласенъ былъ дать странѣ конституціонную хартію. Эта борьба завершилась въ 1834 году побѣдой либераловъ.

Среди побѣдителей было два различныхъ теченія, образовавшихъ двѣ отдѣльныя партіи: партію хартистовъ и партію сентябристовъ. Первая была, по существу своему, консервативна и отстаивала неизмѣнность конституціонной хартіи 1826 года; вторая группировала болѣе прогрессивные элементы и стремилась къ возстановленію болѣе демократической конституціи 1822 года. Во главѣ хартистовъ стояли братья Хозе и Антоніо Коста Кабраль, а сентябристами руководили Мануель и Сада Бандейра.

Побѣда либераловъ въ 1834 году была, однако, лишь временной. Борьба продолжалась еще съ 1836 по 1851 годъ

и закончилась военнымъ вмѣшательствомъ Испаніи и Англіи. Либеральное движеніе было окончательно сокрушено, и лишь тогда прекратился долгій періодъ партійной борьбы. Образуются двѣ большія партіи, которыя и смѣняютъ другъ друга у власти: историческая партія и партія возрожденія.

Сокрушеніе демократической партіи на долгое время лишило политическую жизнь страны почти всякаго принципіальнаго характера. Прежнія партіи постепенно распались. Крупная буржуазія вполнѣ довольствуется слабымъ конституціоннымъ строемъ, который восторжествовалъ послѣ 1851 года; болѣе демократическіе элементы слишкомъ неопредѣленны и слабы, чтобы они могли привлечь на свою сторону народныя массы; послѣднія же медленно втягиваются въ сферу общественныхъ интересовъ. Политическая жизнь течетъ вяло и изрѣдка оживляется болѣе или менѣе значительными инцидентами и вспышками.

Даже наиболѣе многочисленная и сильная партія—партія возрожденія—не имѣетъ ни опредѣленной программы, ни опредѣленныхъ методовъ дѣйствія. Что же касается остальныхъ партій, то онѣ группируются болѣе или менѣе случайно; каждый бывшій министръ имѣетъ свою группу друзей и сторонниковъ, которыхъ онъ успѣлъ пріобрѣсти во время своего пребыванія у власти.

Въ общемъ, въ настоящее время насчитываются у насъ слѣдующія группы: группа возрожденія, неоспоримымъ шефомъ которой является Гинтце Рибейро; прогрессисты, франкисты или диссиденты группы возрожденія, мигуелисты, націоналисты, республиканцы и соціалисты.

Партія возрожденія, несомнѣнно, наиболѣе многочисленная, могущественная и организованная партія въ Португаліи. Это наша либеральная партія, представляющая интересы крупной и средней буржуазіи. Во главѣ ея находится упомянутый Гинтце Рибейро, наиболѣе талантливый изъ нашихъ современныхъ государственныхъ дѣятелей. Выдающійся ораторъ, ловкій финансистъ, талантливый дипломатъ, онъ пользуется полнымъ довѣріемъ своей партіи и въ разное время занимаетъ самые отвѣтственные портфели. Когда онъ во второй разъ получилъ власть въ свои руки (въ 1895 г.), онъ сумѣлъ возстановить равновѣсіе бюджета и вернуть странѣ свободу печати, ассоціацій и собраній, которая пріостановлена была послѣ возстанія въ Порто, о которомъ рѣчь будетъ ниже; либералы обязаны ему также рядомъ энергичныхъ мѣропріятій противъ католическихъ конгрегацій и клерикальной партіи.

Отъ партіи возрожденія откололась небольшая дисси-

дентская группа, извѣстная подъ именемъ группы франкистовъ, по имени своего вождя Франко, или группы либеральнаго возрожденія. Въ общемъ, ея программа почти вполнѣ совпадаетъ съ программой партіи Гинтце Рибейро.

Другой, нѣсколько болѣе прогрессивной фракціей либерально-буржуазной партіи является прогрессистская партія, наслѣдница и продолжательница бывшей реформистской партіи. Она пользуется большимъ вліяніемъ въ широкихъ кругахъ мелкой городской буржуазіи. Она располагаетъ рядомъ крупныхъ органовъ печати какъ въ Лиссабонѣ, такъ и въ провинціи.

Конституціонная фракція является небольшой группой того же оттѣнка, группирующейся вокругъ бывшаго премьера Д. Феррейры.

Изъ реакціонныхъ партій наиболѣе многочисленныя и вліятельныя: мигуелисты и націоналисты. Первые представляютъ собою остатки старой легитимистской партіи, потерпѣвшей полное пораженіе въ 1834 году; они называются по имени находящагося въ Австріи претендента дона Мигуеля II, возвращенія котораго они требуютъ. Ихъ программа—возстановленіе абсолютной монархіи.

Націоналисты—португальскіе клерикалы, рекрутирующіеся преимущественно среди аристократіи, духовенства и небольшой части крестьянства и стремящіеся къ установленію преобладающаго вліянія церкви въ управленіи государствомъ. Среди главарей этой группы нужно отмѣтить: Х. Кандидо, гр. Самодаеса и др. Впрочемъ, клерикальный вопросъ отнюдь не имѣетъ въ Португаліи той остроты, которую онъ имѣетъ, напр., въ Испаніи или во Франціи. Конгрегаціи и монастырскіе ордена были распущены еще въ 1834 году. Правда, съ тѣхъ поръ были вновь открыты разные монастыри, но это главнымъ образомъ иностранныя миссіи, преимущественно французскія. Въ общемъ, страна несомнѣнно католическая, но въ значительной своей части антиклерикальная.

Всѣ перечисленныя партіи и группы одинаково объединяются признаніемъ монархическаго образа правленія. Но въ Португаліи существуетъ сильное республиканское теченіе. Оно съ большей или меньшей силой проявлялось и во время послѣдовательныхъ революцій двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, послѣ 1848 года, подъ вліяніемъ французской революціи. Но начало современной республиканской партіи въ Португаліи нужно отнести къ 1876 году, когда временная побѣда республики въ Испаніи и окончательное торжество

республиканскаго режима во Франціи, наряду съ другими фактами изъ внутреннихъ политическихъ отношеній Португаліи, пробудили республиканскія стремленія въ странѣ. Въ это время организовались въ Лиссабонѣ и Порто первые комитеты будущей партіи. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ страна покрылась сѣтью организацій. Празднества по поводу столѣтія поэта Камоенса дали новый толчекъ развитію республиканскихъ идей. Но еще болѣе сильный толчекъ дало развитію новаго движенія недовольство широкихъ народныхъ массъ правительствомъ, уступившимъ Англіи часть принадлежавшихъ Португаліи восточно-африканскихъ колоній. Республиканская партія одерживаетъ рядъ побѣдъ на законодательныхъ выборахъ и посылаетъ въ палату депутатовъ почти всѣхъ своихъ болѣе или менѣе видныхъ дѣятелей. Но теперь, какъ и въ первой половинѣ столѣтія, между революціонной партіей и военно-патріотическими элементами страны установилась тѣсная связь, которая наложила свою печать на весь послѣдующій ходъ движенія. Въ 1890 году дипломатическая нота, представленная (11 января) Англіей португальскому правительству, въ видѣ ультиматума, вызвала въ странѣ глубокое негодованіе, которымъ республиканская партія воспользовалась для агитаціи. По всей странѣ устраивались митинги, на которыхъ республиканцы выступали рядомъ патріотами и представителями военной партіи. Но договоръ, заключенный съ Англіей въ августѣ того же года, далъ нѣкоторое удовлетвореніе патріотамъ, и возбужденіе понемногу улеглось.

Успокоеніе было, однако, лишь внѣшнее. 31-го января того же года вспыхнуло народное и военное возстаніе въ Порто. Въ городской ратушѣ была объявлена республика съ временнымъ правительствомъ, въ главѣ котораго находились Альвезъ да-Вейга, Родричесъ Фрейтасъ и др. Смѣлое движеніе не удалось, но отнынѣ партія пустила глубокіе корни въ странѣ, а репрессія, послѣдовавшая за возстаніемъ, какъ это почти всегда бываетъ, только увеличила число сторонниковъ республиканской партіи.

Программа партіи, принятая на ея съѣздахъ и собраніяхъ составляющихъ ее группъ, сводится, въ своихъ существенныхъ пунктахъ, къ слѣдующему:

Созданіе новой системы національнаго воспитанія, соотвѣтствующей потребностямъ современной эпохи.—Осуществленіе всѣхъ политическихъ и гражданскихъ свободъ и, главнымъ образомъ, введеніе всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.—Административная реорганизація страны на основаніи началъ децентрализаціи,

примѣняемыхъ въ Швейцаріи.—Демократическая реформа магистратуры, трибуналовъ и гражданскаго и уголовнаго судопроизводства; пересмотръ гражданскаго и уголовнаго кодексовъ, дабы поставить ихъ въ соотвѣтствіе съ началами современной соціологіи.—Судебная отвѣтственность всѣхъ чиновниковъ.—Реорганизація арміи на началахъ обязательной и равной для всѣхъ службы, дабы вся нація, вооруженная, могла защищать свою автономію, не отягчая государственнаго бюджета.—Преобразованіе колоніальной администраціи въ видахъ обезпеченія независимости колоній, развитія ихъ огромныхъ естественныхъ богатствъ и созданія рынковъ для національной индустріи.—Въ цѣляхъ развитія сельскохозяйственной промышленности и задержанія ужасающей эмиграціи, постоянно ослабляющей страну – созданіе широкаго и дешеваго сельскохозяйственнаго кредита.—Покровительство существующимъ отраслямъ фабричной промышленности и развитіе новыхъ, путемъ учрежденія промышленныхъ банковъ.—Законодательная охрана труда; созданіе профессіональныхъ синдикатовъ, смѣшанныхъ примирительныхъ камеръ изъ представителей работодателей и рабочихъ; фабричная инспекція; обязательное страхованіе противъ несчастныхъ случаевъ; созданіе кассъ для инвалидовъ труда и обезпеченія на старости.—Реформа налоговой системы путемъ преобразованія существующихъ налоговъ; упрощеніе ихъ распредѣленія и взиманія; пересмотръ существующаго таможеннаго тарифа; отмѣна монополій; сокращеніе государственныхъ расходовъ; постепенная амортизація государственныхъ долговъ.

Вопросъ, наиболѣе глубоко раздѣляющій португальскую республиканскую буржуазію, есть вопросъ о такъ называемомъ „иберійскомъ союзѣ“, т. е. о полномъ объединеніи обоихъ государствъ полуострова—Испаніи и Португаліи Въ то время, какъ одни стоятъ за національную республику (республиканцы-унитаристы) и не желаютъ отказаться отъ національной независимости, опасаясь, что болѣе сильная Испанія, отличающаяся и по нравамъ, и по языку, поглотитъ Португалію или, во всякомъ случаѣ, подчинитъ ее себѣ,—другіе высказываются за желательность объединенія (республиканцы-федералисты), ссылаясь при этомъ на географическое положеніе обѣихъ странъ и родство населяющихъ ихъ народностей.

Противъ всѣхъ перечисленныхъ буржуазныхъ партій стоитъ партія, ставящая себѣ цѣлью преобразовать общество на соціалистическихъ началахъ—партія рабочая. Дол-

гое время эта партія, имѣвшая уже въ 1848 году первыхъ сторонниковъ, находившихся подъ сильнымъ вліяніемъ французскихъ соціалистовъ, и затѣмъ оживившаяся подъ вліяніемъ Международнаго общества рабочихъ и парижской Коммуны, была преимущественно партіей идеологовъ. Соціально-экономическія условія Португаліи были крайне неблагопріятны для развитія широкой партіи рабочихъ массъ. Крупная промышленность стала развиваться въ странѣ только въ послѣднее время. Даже въ такихъ промышленныхъ центрахъ, какъ Лиссабонъ и Порто, преобладало мелкое производство, преимущественно домашнее. Португальскій рабочій, такимъ образомъ, почти не подвергался естественнымъ послѣдствіямъ скопленія въ крупныхъ предпріятіяхъ значительныхъ массъ пролетаріевъ. Разрозненные въ мелкихъ мастерскихъ, они не пріучались отстаивать совмѣстно свои общіе интересы. И этимъ обусловливается и ихъ общее положеніе, и крайняя скудость такъ называемаго рабочаго законодательства. Заработная плата, въ общемъ, очень низка. Даже въ Лиссабонѣ и Порто, гдѣ она достигаетъ исключительно высокихъ размѣровъ, она не поднимается выше 3 фр. 60 сантимовъ для мужчинъ, 1 фр. 66 сант. для женщинъ и 1 фр. 18 с. для подростковъ—при весьма высокихъ цѣнахъ на продукты первой необходимости и крайне тяжелыхъ налогахъ. Что касается рабочаго дня, то въ мелкихъ мастерскихъ, занимающихъ огромное большинство рабочихъ, онъ, „согласно старинному обычаю“, длится отъ восхода до захода солнца, и лишь въ субботу онъ кончается на нѣсколько часовъ раньше; на фабрикахъ же, гдѣ рабочіе обыкновенно привыкли отстаивать свои интересы, длина рабочаго дня колеблется между 10 и $11^1/_2$ часами; въ копяхъ она падаетъ до 8 часовъ. Воскресный отдыхъ закономъ не гарантируется.

Отвѣтственность предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими не регулируется спеціальнымъ закономъ; рабочій можетъ требовать вознагражденія въ такихъ случаяхъ лишь на основаніи общаго гражданскаго уложенія, и такъ какъ подобные иски требуютъ значительныхъ расходовъ и времени, то рабочій въ большинствѣ случаевъ отказывается отъ нихъ и предпочитаетъ, когда предприниматель на это соглашается, „полюбовное“ соглашеніе, дающее ему незначительную долю того, на что онъ имѣетъ право.

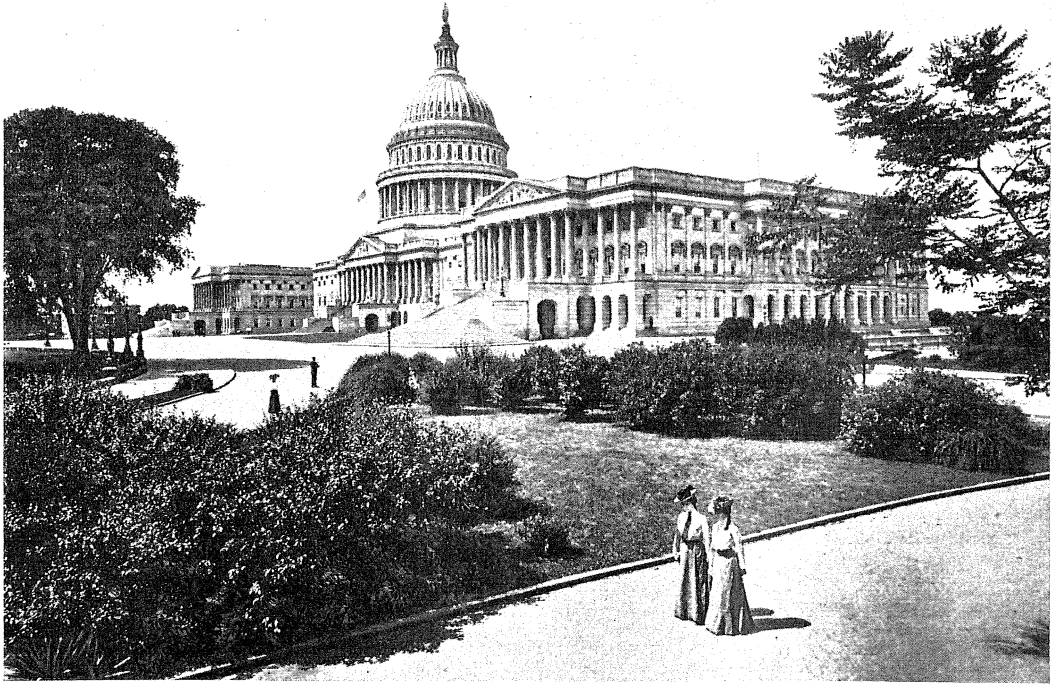
Что касается законодательной охраны труда, то она, можно сказать, почти совершенно отсутствуетъ. Декретомъ отъ февраля 1890 года правительство уполномочено было регулировать длину рабочаго дня для женщинъ и подрост-

ковъ, а въ 1889 году другой законъ разрѣшилъ учрежденіе примирительныхъ камеръ. Если прибавить къ этому, что рабочіе имѣютъ право коалиціи и стачекъ, то мы исчерпаемъ все „рабочее законодательство“ Португаліи.

При такихъ условіяхъ рабочая партія не шла дальше небольшихъ кружковъ, которые почти никакой политической роли не играли. Лишь въ самые послѣдніе годы, благодаря росту фабричной промышленности, партія стала быстрѣе развиваться и въ настоящее время насчитываетъ организаціи во многихъ городахъ страны. Политическая роль ея едва лишь начинается.

Программа партіи—программа международной соціалдемократіи.

Ксавье де-Карвалло.



Американскій парламентъ.

Библиотека ОЭН
Академии Наук СССР

СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКІЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

Введеніе.

„Соціальный и политическій опытъ Америки, который постоянно приводится въ примѣръ въ Европѣ, либо какъ образецъ для подражанія, либо какъ предостереженіе,—говоритъ Джэмсъ Брайсъ,—чрезвычайно рѣдко встрѣчаетъ оцѣнку, основанную на знакомствѣ съ предметомъ и обнаруживающую надлежащее пониманіе его значенія“ [1]). То же самое мнѣніе высказываетъ извѣстный историкъ американскихъ политическихъ учрежденій покойный проф. фонъ-Гольстъ. [2])

Въ Россіи на Америку еще съ 60-хъ г.г. установился взглядъ какъ на нѣкую обѣтованную землю. Въ началѣ 70-хъ г.г. увлеченіе Америкой создало даже эфемерное движеніе „американцевъ“, перебросившее за океанъ кучку интеллигентовъ, „взыскующихъ града“, и оставившее нѣкоторый слѣдъ и въ литературѣ. Этотъ тенденціозный маниловскій взглядъ на американскую республику тѣмъ болѣе непростителенъ, что на русскомъ языкѣ имѣется переводъ сочиненія Брайса, который, несмотря на буржуазно-либеральный оптимизмъ и стараніе щадить національное самолюбіе своихъ заатлантическихъ родичей, даетъ правдивое описаніе развитія плутократической олигархіи подъ покровомъ демократическихъ формъ. Въ настоящій моментъ, когда Россія готовится къ политическому преобразованію, трезвое понятіе о государственномъ строѣ обширнѣйшей демократической республики настоятельно необходимо въ интересахъ народовъ населяющихъ Россійскую имперію.

Литература по исторіи и государственному праву С. Аме-

---

[1]) James Bryce. „The American Commonwealth“, vol I, p. 2.

[2]) „Въ континентальной Европѣ,—говоритъ онъ въ предисловіи къ анскому переводу своего большого труда,—Соединенные Штаты даже для наиболѣе образованныхъ классовъ въ поразительной степени еще terra incognita. Именно благодаря этому они всегда служатъ любимой иллюстраціей для партійныхъ цѣлей“. Herrman von Holst. „The Constitutional and Political History of the United States“, vol. I, p. IX.

риканскихъ Соединенныхъ Штатовъ довольно обширна, но общій недостатокъ ея въ томъ, что изслѣдователямъ совершенно чуждо понятіе объ органической связи между политическими учрежденіями и экономическимъ строемъ. Вслѣдствіе этого политическія событія и политическія формы развиваются какъ-бы изъ самихъ себя. Даже въ такомъ обширномъ трудѣ, какъ „Исторія американскаго народа“ профессора пенсильванскаго университета Макъ-Мастера, лишь констатируется фактъ постепенной отмѣны избирательнаго ценза въ первой половинѣ XIX столѣтія и введенія мужской подачи голосовъ, но не сдѣлано попытки освѣтить борьбу общественныхъ классовъ, которая привела къ такому важному преобразованію. Компилятивный характеръ настоящаго очерка, понятно, исключалъ возможность самостоятельнаго изслѣдованія темныхъ вопросовъ американской исторіи по первоисточникамъ. Насколько позволяли отрывочныя указанія, разсѣянныя въ сочиненіяхъ авторитетныхъ историковъ, я попытался выяснить зависимость измѣненій въ политическомъ строѣ отъ экономическаго развитія страны.

Девяностые годы и текущее десятилѣтіе были въ Америкѣ временемъ быстрыхъ соціальныхъ и политическихъ перемѣнъ, за которыми едва поспѣвала ученая литература. Среди послѣдней самое выдающееся явленіе—капитальный трудъ г. Острогорскаго: „La démocratie et l'organisation des partis politiques“, которымъ я въ значительной мѣрѣ воспользовался въ главахъ, посвященныхъ политическимъ партіямъ. Но главные матеріалы для новѣйшаго періода мнѣ доставили періодическая печать и личное знакомство съ американскою жизнью съ 1890 г.

I.

Колоніальный періодъ.—Новая Англія.

Современныя государственныя учрежденія С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ составляютъ продуктъ медленной и постепенной эволюціи. Война за независимость, обыкновенно называемая „революціей“, не произвела коренного переворота въ государственномъ строѣ колоній. Разрывъ съ метрополіей сдѣлалъ необходимыми соотвѣтствующія формальныя измѣненія въ законодательствѣ колоній; но въ этихъ поправкахъ не было ничего такого, что выдѣляло бы ихъ изъ ряда обыкновенныхъ законодательныхъ реформъ, какія вводятся отъ времени до времени при вполнѣ нормальномъ

теченіи политической жизни. Поэтому, для правильнаго пониманія современнаго государственнаго строя Америки, необходимо уяснить себѣ преемственную связь съ учрежденіями колоніальнаго періода.

Начало заселенію Америки англійскими выходцами было положено въ XVII столѣтіи. Англія даже и при Стюартахъ была свободной страной по сравненію съ до-революціонной Франціей или съ деспотіями византійскаго типа. Англійскіе переселенцы принесли съ собою въ Новый Свѣтъ общественныя и государственныя формы своей родины. Отдаленность метрополіи и рѣдкость населенія обезпечивали колоніямъ фактическую независимость отъ британскаго правительства и возможность самобытнаго развитія.

Первоначальныя поселенія въ Америкѣ были двухъ типовъ: во-первыхъ, вольныя крестьянскія общины Новой Англіи и, во вторыхъ, плантаціи южныхъ колоній.

Ячейку, изъ которой развились государственныя учрежденія Новой Англіи, представляетъ с е л о (town). Усадьбы переселенцевъ были выстроены въ одной околицѣ, какъ въ современной русской деревнѣ. Кругомъ села былъ расположенъ общественный выгонъ (common), за выгономъ начинались общественныя поля и сѣнокосы. Владѣніе усадьбами было подворное, выгонъ и лѣсъ находились въ общемъ пользованіи, владѣніе пахотными и сѣнокосными угодіями было общинное, съ передѣлами и черезполосицей. Для работъ, превосходящихъ рабочія силы одного домохозяйства, въ обычаѣ были п о м о ч и. Напр., если домохозяину нужно было навезти бревенъ изъ лѣсу на постройку избы или обмолотить большой урожай пшена, онъ сзывалъ къ себѣ на помощь односельчанъ. Работа производилась безвозмездно, но хозяинъ ставилъ угощеніе, и на приглашеніе охотно откликалось все общество.

Вопросъ о происхожденіи общиннаго землевладѣнія въ Новой Англіи представляетъ большой научный интересъ. Въ XVII вѣкѣ, когда положено было основаніе англійской колонизаціи въ Америкѣ, въ самой Англіи поземельная община уже успѣла разложиться. Возрожденіе ея въ Новой Англіи нельзя объяснить фискальнымъ творчествомъ канцелярскихъ деміурговъ, которому иные изслѣдователи приписываютъ возникновеніе русской общины. Исправный взносъ податей никогда не былъ жизненнымъ назначеніемъ американскаго переселенца. Британское правительство изъ соображеній колоніальной политики всякими льготами поощряло переселеніе въ Америку. Колонисты были фактически изъяты отъ платежа податей въ пользу британскаго казначейства.

Первоначально всѣ платежи ограничивались мірскими сборами на сельскія нужды; впослѣдствіи, съ заселеніемъ колоній, къ этому прибавились волостные и земскіе сборы; при несложности функцій управленія въ тотъ періодъ, расходы на содержаніе его не были обременительны. Слѣдовательно, общинное землевладѣніе не вызывалось потребностью въ распредѣленіи податной „тяготы". Поземельная община въ Новой Англіи сложилась спонтанейно изъ условій заселенія края. Въ XVII столѣтіи, когда колонистамъ ежечасно грозили нападенія индѣйцевъ, они должны были селиться деревнями для общей защиты. Неизбѣжнымъ спутникомъ такого способа поселенія является неодинаковость разстоянія участковъ отдѣльныхъ домохозяевъ отъ поселка. Отсюда возникла потребность въ передѣлахъ: уравнительность въ землепользованіи достигалась тѣмъ, что болѣе отдаленныя полосы превосходили размѣрами ближайшіе участки; распредѣленіе участковъ между домохозяевами нерѣдко производилось по жребію, какъ въ русской деревнѣ. Такъ какъ земля принадлежала общинѣ, то весь скотъ пасся въ общемъ стадѣ подъ наблюденіемъ общественнаго пастуха. Съ дальнѣйшимъ заселеніемъ края и водвореніемъ безопасности исчезла причина, вызвавшая образованіе общины съ передѣлами; земля была передѣлена въ подворное владѣніе, и домохозяева мало-по-малу разселились хуторами. Но и по раздѣлѣ общинной земли на подворные участки, вся совокупность ихъ сохранила характеръ самоуправляющейся территоріальной единицы — „сельскаго общества" (township). Подворные участки не могли быть отчуждаемы постороннимъ лицамъ безъ пріема ихъ въ общество.

Организація сельскаго самоуправленія занесена была колонистами въ Америку изъ старой родины. Въ Англіи въ XVII вѣкѣ сельское общество подчинено было верховному надзору феодальнаго землевладѣльца, къ которому жители состояли въ обязательныхъ отношеніяхъ по землѣ. Но сельское общество обыкновенно составляло церковный приходъ, а церковно-приходское общество было вполнѣ независимо отъ феодальнаго владѣльца. Первые колонисты были сектанты (пуритане), для которыхъ на родинѣ религіозные интересы имѣли первенствующее значеніе.

Посягательство господствующей церкви на самостоятельность сектантскихъ религіозныхъ общинъ погнали пуританъ въ далекую Америку. Переселеніе происходило не въ одиночку, а цѣлыми братствами (конгрегаціями). Такимъ образомъ, самоуправляющееся церковно-приходское общество послужило основой для организаціи сельскаго самоуправленія въ колоніяхъ.

Центромъ общественной жизни села была с б о р н а я и з б а (meeting house). Въ этой избѣ по воскресеньямъ собирался народъ на молитву, въ ней-же собирался с е л ь с к і й с х о д ъ (town meeting), на которомъ вершались всѣ мірскія дѣла. Главною задачею схода была раскладка мірскихъ сборовъ на удовлетвореніе общественныхъ нуждъ. Поэтому въ сходкѣ принимали участіе всѣ домохозяева. Должностныя лица сельскаго правленія состояли изъ у п р а в ы (selectmen), с е л ь с к а г о п и с а р я (town clerk), д е с я т с к а г о (tithing-man), на которомъ лежали полицейскія обязанности с б о р щ и к а (assessor) и проч.

Большинство сельскихъ обществъ Новой Англіи въ настоящее время уже утратило земледѣльческій характеръ и превратилось въ фабричныя мѣстечки, но весь строй сельскаго самоуправленія сохранился въ нихъ и понынѣ. Разница лишь въ томъ, что правомъ участія въ сельскомъ сходѣ пользуются теперь всѣ жители, достигшіе 21 года, но основной принципъ въ сущности тотъ-же: участниками схода и теперь являются только плательщики налоговъ, такъ какъ всѣ совершеннолѣтніе жители обложены подушнымъ сборомъ на общественныя нужды.

Потребность въ болѣе крупной территоріальной единицѣ общественнаго самоуправленія возникла на первыхъ-же порахъ. Готовымъ образцомъ послужило англійское графство. Но графство въ Новой Англіи не развилось въ живой самоуправляющійся организмъ, а осталось искусственнымъ административно-судебнымъ округомъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходнымъ съ русскою волостью.

Зародышемъ государственнаго управленія въ Новой Англіи была торговая компанія, учрежденная на основаніи королевской хартіи иниціаторами пуританской колонизаціи. Для поощренія колонизаціи британское правительство делегировало купеческимъ компаніямъ государственную власть въ основываемыхъ ими колоніяхъ. Опираясь на эту привилегію, пуританскіе переселенцы основали теократію въ Массачусетсѣ. Только лица, принадлежащія къ ихъ церкви, принимались въ ихъ сельскія общества. Сельское общество и церковная община составляли единое самоуправляющееся цѣлое. Никто не могъ быть общественникомъ, не будучи членами конгрегаціи. Автономныя общины выбирали изъ своей среды представителей въ з е м с к і й с у д ъ (General court), который соединялъ въ себѣ законодательныя и судебныя функціи. Такъ какъ пуритане отрицали учрежденіе епископской власти, то формально тожество церкви и государства ограничивалось предѣлами сельскаго общества, но фактически церковь господствовала во всѣхъ областяхъ государ-

ственной жизни. Посѣщеніе церкви было обязательно. Законъ каралъ отпаденіе отъ вѣры и ересь тюрьмою и высылкою. Особенно жестоки были законы, направленные противъ квакеровъ: они подвергались наказанію плетьми, обрѣзанію ушей, клейменію языка каленымъ желѣзомъ. Когда эти мѣры оказались недѣйствительными для искорененія ереси, былъ изданъ законъ, грозившій высланнымъ квакерамъ, въ случаѣ возвращенія, смертною казнью. На основаніи этого закона четыре квакера были повѣшены. „Ошибкою было-бы думать, — замѣчаетъ по этому поводу проф. Голдвинъ Смитъ,— что пуритане покинули родину для провозглашенія принципа свободы совѣсти, а затѣмъ постыдно нарушили этотъ принципъ своимъ собственнымъ поведеніемъ. Они пришли не для провозглашенія свободы совѣсти,—объ этомъ принципѣ имъ и не мерещилось,—а для основанія религіознаго общежитія по собственному образцу, гдѣ они могли-бы жить духовною жизнью, согласно своимъ стремленіямъ“ [1]).

Преслѣдуемыя секты искали заступничества у британскаго правительства. Послѣдствіемъ ихъ жалобъ была отмѣна хартіи Массачусетса и назначеніе туда королевскаго губернатора. Религіозный цензъ для участія въ выборахъ былъ замѣненъ имущественнымъ, изъ теократіи Массачусетсъ превратился въ королевскую колонію, но во всемъ остальномъ государственный строй ея остался нетронутымъ.

Изгнанные пуританами диссиденты основали по сосѣдству съ Массачусетсомъ собственную колонію — Родъ-Айландъ, въ которой начало свободы совѣсти было введено въ законъ Эта колонія сама избирала своего президента и законодательное собраніе, сохраняя лишь номинальную связь съ метрополіей. Ея законодательное собраніе было приспособленіемъ сельскаго схода къ болѣе обширной территоріи: первоначально право законодательной иниціативы сохранено было за сельскими сходами, и только такіе законопроекты, которые получили одобреніе каждаго сельскаго схода, поступали на обсужденіе законодательнаго собранія. Такой порядокъ, понятно, могъ держаться лишь до тѣхъ поръ, пока число сельскихъ обществъ было крайне незначительно. Спустя короткое время, законодательному собранію была предоставлена законодательная иниціатива, но депутаты избирались всего на шестимѣсячный срокъ, т. е. продолжали быть какъ-бы делегатами, посланными на одну сессію.

Государственное устройство Коннетикута походило на строй Родъ-Айланда. Хартія Родъ-Айланда была замѣнена

[1]) Goldwin Smith. „The United States“, p. p. 14—15.

новой конституціей лишь въ 1842 году, черезъ 66 лѣтъ по провозглашеніи независимости; въ Коннетикутѣ королевская хартія сохраняла силу конституціи до 1818 года.

На совершенно иныхъ началахъ производилось заселеніе Виргиніи. Основаніе этой колоніи положено было не вольными хлѣбопашцами, а крупными плантаторами, которыхъ королевская власть жаловала огромными участками, простиравшимися на десятки тысячъ десятинъ. Главнымъ сельскохозяйственнымъ продуктомъ Виргиніи былъ табакъ, предназначавшійся для вывоза въ Англію. Плантаціи обрабатывались обязательнымъ трудомъ уголовныхъ ссыльно-поселенцевъ (indentured servants), которыхъ англійское правительство продавало въ рабство на опредѣленный срокъ, и кабальными переселенцами (redemptioners), которые добровольно обязывались отработками на срокъ въ уплату за переѣздъ на кораблѣ. Съ расширеніемъ площади табаководства этихъ источниковъ снабженія труда оказалось недостаточно, и плантаторы прибѣгли къ ввозу негровъ изъ Африки. Такимъ образомъ, уже съ первыхъ шаговъ колонизаціи населеніе юга раздѣлялось на рѣзко разграниченныя сословныя группы. Первенствующая роль принадлежала немногочисленной плантаторской аристократіи. Слѣдующее мѣсто занимали свободные потомки ссыльно-поселенцевъ и кабальныхъ переселенцевъ—бѣлые „подлаго званія“ (mean whites). Еще ниже стояли несвободные бѣлые вышеуказанныхъ категорій и, наконецъ, въ основаніи этой пирамиды были многочисленные черные рабы

Центромъ хозяйственной жизни была усадьба плантатора. Виргинія вся изрѣзана судоходными рѣками, по теченію которыхъ были расположены плантаціи.

Каждая плантація имѣла свою пристань, которая служила средствомъ сношеній съ остальнымъ міромъ. Единственный продуктъ—табакъ—вывозился прямо въ Англію, оттуда-же доставлялись всѣ произведенія промышленности. Благодаря этому мѣстныя связи были очень слабы, и сфера мѣстнаго управленія была крайне незначительна. Самой мелкой территоріальной единицей былъ церковный приходъ, управлявшійся церковно-приходскимъ попечительствомъ. Вѣдѣнію его подлежали исключительно дѣла церковнаго хозяйства и благотворительности. Оно производило раскладку сборовъ на уплату жалованья священнику и поддержаніе церковныхъ зданій, назначало церковныхъ старостъ и т. п. Англійская церковь была господствующею и въ Виргиніи, а потому функціи церковнаго попечительства имѣли государственный характеръ. Первоначально оно было выборнымъ

учрежденіемъ, но впослѣдствіи вошло въ обычай замѣщать всѣ вакансіи посредствомъ кооптаціи. Такимъ образомъ, масса прихожанъ лишена была голоса даже въ приходскихъ дѣлахъ. Само собою разумѣется, что въ дѣлахъ общегражданскаго управленія право голоса принадлежало только поземельной аристократіи. Численность этого класса въ каждомъ приходѣ обыкновенно бывала невелика; вслѣдствіе этого основною политическою единицею служило графство, состоявшее изъ нѣсколькихъ смежныхъ приходовъ Графство представляло одновременно и административно-судебный округъ, и избирательный участокъ. Органомъ мѣстнаго управленія былъ съѣздъ мировыхъ судей, который соединялъ въ себѣ судебныя и административныя функціи. Мировые судьи назначались губернаторомъ по представленію съѣзда; фактически и тутъ примѣнялось начало кооптаціи, которое вело къ сосредоточенію всѣхъ судебныхъ должностей въ рукахъ нѣсколькихъ аристократическихъ семействъ. Старѣйшій по времени нахожденія на службѣ мировой судья назначался на должность шерифа, который представлялъ высшую полицейскую власть въ графствѣ и соединялъ въ своемъ лицѣ всѣ исполнительныя функціи, на подобіе земскаго исправника въ дореформенный періодъ: онъ приводилъ въ исполненіе приговоры по уголовнымъ и рѣшенія по гражданскимъ дѣламъ, производилъ взысканіе податей и проч.

Каждое графство избирало двухъ представителей въ законодательное собраніе колоніи. Высшую исполнительную власть въ колоніи представлялъ губернаторъ, назначаемый королевскою властью. При губернаторѣ состоялъ совѣтъ, тоже по назначенію королевской власти.

Государственный строй остальныхъ колоній приближался къ тому или другому изъ описанныхъ типовъ. Дѣлались, впрочемъ, попытки насадить феодализмъ въ американскихъ колоніяхъ. Въ XVII столѣтіи обширныя области отданы были въ потомственное управленіе владѣтельнымъ господамъ (lords proprietary). Этимъ правителямъ присвоены были всѣ права королевской власти, включая даже право объявленія войны и заключенія мира. Губернаторъ и совѣтъ при губернаторѣ въ такихъ колоніяхъ назначались феодальнымъ владѣтелемъ. Законодательная власть, какъ и во всѣхъ другихъ колоніяхъ принадлежала представительному собранію по выбору населенія. Но феодализмъ не нашелъ для себя благопріятной почвы въ колоніяхъ съ рѣдкимъ населеніемъ и обиліемъ незанятыхъ земель. Феодальныя привилегіи были отмѣнены, и колоніи подчинены королевской власти, за исключеніемъ Пенсильваніи, Делавэра и Мэриленда, гдѣ фео-

дальные правители удержались до самой войны за независимость.

Изъ предыдущаго мы видимъ, что американскія колоніи фактически были уже независимыми республиками и до отложенія отъ метрополіи. Въ Родъ-Айландѣ и Коннетикутѣ жители сами выбирали главу исполнительной власти. Въ остальныхъ колоніяхъ губернаторъ, правда, назначался королевскою властью и имѣлъ право налагать свое veto на рѣшенія законодательнаго собранія. Но жалованье губернатору назначалось законодательнымъ собраніемъ. Вслѣдствіе этого установился обычай сдѣлокъ между собраніемъ и губернаторомъ о цѣнѣ, за которую онъ соглашался утвердить законодательные акты истекающей сессіи [1]).

II.

Отпаденіе колоній отъ Англіи.

Каждая американская колонія представляла совершенно обособленное государство. Но въ чрезвычайныхъ случаяхъ онъ вступали между собою во временныя соглашенія, напр. для обороны отъ нападеній индѣйцевъ и т. п. Мысль объ образованіи постоянной федераціи зародилась еще за двадцать слишкомъ лѣтъ до отложенія отъ Англіи, когда о независимости еще никто не помышлялъ. Въ 1754 году съ этою цѣлью состоялся съѣздъ делегатовъ отъ семи колоніальныхъ законодательныхъ собраній, но они не пришли ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Объединеніе колоній было ускорено конфликтомъ съ Англіей.

Американскія колоніи наканунѣ отложенія отъ метрополіи представляли чисто земледѣльческую страну. Все населеніе ихъ не превышало двухъ съ половиною милліоновъ жителей, изъ которыхъ не болѣе трехъ процентовъ жили въ городахъ. Главнымъ торгово-промышленнымъ центромъ была Филадельфія, съ населеніемъ въ 30.000 душъ; слѣдующее мѣсто занималъ Нью-Іоркъ съ такимъ же приблизительно населеніемъ; на югѣ культурнымъ центромъ былъ Чарлстонъ съ населеніемъ въ 15.000 душъ, куда на зиму съѣзжалась вся рабовладѣльческая знать. Бостонъ былъ большимъ тор-

---

[1]) Франклинъ слѣдующимъ образомъ выражается объ этомъ обычаѣ: „не браните, любезный читатель, этой купли-продажи законодательства. Блаженна та страна, въ которой правосудіе и права можно покупать за наличныя деньги... Не всякой странѣ дана въ удѣлъ такая благодать“.— Sydney George Fisher. „The True History of the American Revolution“, p. 23.

говымъ селомъ съ населеніемъ въ 15.000 жителей. Верстъ за полторасто отъ Атлантическаго океана начиналась уже окраина. Далѣе тянулись дремучіе лѣса, населенные бродячими индѣйскими племенами и дикими звѣрями. Жизнь на окраинѣ, полная опасностей, выработала типъ неустрашимаго піонера-авантюриста, который никогда не приходилъ въ соприкосновеніе съ правительствомъ и не зналъ надъ собою никакого закона. Охота составляла главное занятіе жителей окраины; всѣ они были мѣткими стрѣлками. Впрочемъ, ружье составляло необходимую принадлежность домашняго обихода всякаго колониста. Въ Новой Англіи къ описываемому времени успѣли развиться кустарные промыслы, которые наполняли долгій зимній досугъ сельскихъ жителей. Были цѣлыя селенія кузнецовъ, гвоздарей и т. п. [1]).

Населеніе приморскихъ городовъ и селеній занималось судостроеніемъ, морской торговлей и контрабандой. Самые именитые граждане Бостона были контрабандистами. Джонъ Хэнкокъ, который предсѣдательствовалъ на съѣздѣ, выпустившемъ въ свѣтъ Декларацію Независимости, былъ разбогатѣвшій контрабандистъ; онъ считался однимъ изъ трехъ самыхъ крупныхъ богачей Америки. Занятіе, приносившее такія богатства, понятно, не могло считаться предосудительнымъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Добиться обвинительнаго вердикта присяжныхъ противъ контрабандиста было совершенно невозможно. Контрабанда процвѣтала на виду представителей королевской власти, съ полной безнаказанностью.

Англійскій парламентъ, какъ выразитель интересовъ англійскихъ фабрикантовъ, считалъ задачею колоній служить рынкомъ для отечественной промышленности и снабжать ее дешевымъ сырьемъ. Въ этихъ видахъ изданъ былъ рядъ таможенныхъ законоположеній, общею цѣлью которыхъ было преградить доступъ на американскій рынокъ иностраннымъ товарамъ. Для устраненія же конкуренціи мѣстнаго производства съ англійскимъ, запрещено было основывать промышленныя заведенія въ колоніяхъ. Пока Англія нуждалась въ своихъ колонистахъ для борьбы съ Франціей изъ-за обладанія Канадой, всѣ эти законы оставались мертвой буквой. Но по присоединеніи Канады къ британскимъ владѣніямъ въ 1763 году правительство рѣшило принять мѣры къ пресѣченію контрабанды и незаконнаго занятія промыслами въ колоніяхъ. Это неминуемо должно было повести къ разрыву между колоніями и метрополіей. Колоніи, опираясь на коро-

[1]) Swank. „Tron in all ages", p. 133.

левскія хартіи, не признавали надъ собою власти англійскаго парламента, а считали себя подчиненными непосредственно королевской власти. Въ дѣйствительности, однако, послѣ революціи 1688 г. верховная власть перешла отъ короля къ парламенту. Такимъ образомъ, подъ этой вѣрноподданнической оболочкой скрывалось стремленіе колонистовъ къ полной независимости отъ метрополіи съ удержаніемъ фикціи подчиненія верховной власти короля. Столѣтіемъ позже, съ паденіемъ протекціонизма въ Англіи, Канада и Австралія получили то устройство, котораго безуспѣшно добивались американскія колоніи въ концѣ XVIII вѣка.

Возможность успѣшнаго сопротивленія власти Англіи со стороны колоній обусловливалась, во-первыхъ, ихъ отдаленностью и отсутствіемъ въ нихъ пришлой военной силы, такъ какъ до тѣхъ поръ защита колоній находилась, главнымъ образомъ, въ рукахъ самихъ колонистовъ; во-вторыхъ, все населеніе колоній было вооружено и умѣло владѣть оружіемъ. Застрѣльщиками въ возстаніи явились контрабандисты Бостона и окрестныхъ мѣстъ. Значительный контингентъ добровольцевъ революціонной арміи доставила порубежная вольница, которую привлекли на войну любовь къ приключеніямъ и духъ молодечества.

Съ понятіемъ о революціи обыкновенно связано представленіе о широкомъ идейномъ подъемѣ, знаменующемъ собою рѣзкій разрывъ съ традиціями прошлаго въ области соціальныхъ, политическихъ или религіозныхъ воззрѣній. Ничего подобнаго мы не находимъ въ борьбѣ американскихъ колоній съ метрополіей. „Такъ называемая американская революція,—говоритъ проф. Голдвинъ Смитъ,—была не настоящей революціей, а отложеніемъ“ [1]). „Это была самая консервативная революція, извѣстная въ исторіи“, — замѣчаетъ извѣстный американскій историкъ Фискъ,—потому что дѣло шло не о завоеваніи свободы, а о сохраненіи вольностей, которыми колоніи уже ранѣе пользовались [1]).

Населеніе Новой Англіи было поголовно грамотно, но къ югу отъ Пенсильваніи не было школъ; грамотѣ учили дѣтей ссыльно-поселенцы; неграмотность тамъ была господствующимъ явленіемъ. Книгъ было очень мало, и рѣдко кто читалъ ихъ. Чтеніе ограничивалось Св. Писаніемъ, календаремъ да произведеніями лубочной литературы, которыя изрѣдка привозили книгоноши. Были въ колоніяхъ образованные одиночки, воспитавшіеся на идеяхъ естественнаго права и

[1]) Goldwin Smith. „The United States“, p. 117.
[1]) John Fiske. „The Critical Period of American History“, p. 64.

знакомые съ французской философской литературой; но массѣ народа они были совершенно неизвѣстны; деревенскіе жители знали на сѣверѣ только своего священника и мирового судью, а на югѣ—плантатора. Число выборныхъ людей, участвовавшихъ въ выработкѣ новыхъ конституцій въ періодъ войны за независимость, доходило до 1.700 человѣкъ; все это были люди, уже пріобрѣвшіе вліяніе, какъ мѣстные дѣятели. Подобно революціоннымъ движеніямъ другихъ народовъ, война за независимость выдвинула людей молодыхъ. Весь трудъ по составленію проектовъ федеральной и тринадцати мѣстныхъ конституцій выполненъ былъ нѣсколькими десятками людей; въ этой работѣ молодому поколѣнію политическихъ дѣятелей досталась активная роль. Но рѣшающій голосъ принадлежалъ не имъ, а консервативному большинству. Это показываетъ исторія знаменитой Декларація Независимости. Авторомъ ея былъ молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, Томасъ Джефферсонъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей той эпохи.

Джефферсонъ признается родоначальникомъ индивидуалистическаго направленія американской демократіи. Въ его политическомъ міровоззрѣніи ясно отразился хозяйственный строй его родной Виргиніи. Виргинская плантація, составлявшая самодовлѣющее цѣлое, ничѣмъ не связанное съ сосѣдними поселеніями, и зачаточная государственность—отсутствіе дорогъ, школъ, больницъ—послужили основой, на которой сложилась его идея, что „наилучше управляемый народъ есть наименѣе управляемый". Фактически функціи государственной власти въ Виргиніи были чисто полицейскія; этотъ фактъ Джефферсономъ былъ возведенъ въ идеалъ.

Джефферсонъ участвовалъ въ конгрессѣ, на которомъ рѣшено было отложиться отъ Англіи, и ему, какъ самому образованному изъ делегатовъ, поручено было формулировать причины отложенія Этотъ документъ открывается слѣдующимъ вступленіемъ, провозглашающимъ общіе политическіе принципы.

„Мы признаемъ очевидными истинами: что всѣ люди созданы равными и одарены Творцомъ извѣстными неотъемлемыми правами, къ коимъ принадлежатъ жизнь, свобода и благосостояніе; что для обезпеченія этихъ правъ людьми учреждаются правительства, правомѣрныя полномочія которыхъ проистекаютъ изъ согласія управляемыхъ; что, когда данный образъ правленія становится помѣхою достиженію этихъ цѣлей, народъ вправѣ измѣнить или упразднить его и учредить новое правительство, положивъ въ основу его такія начала и придавъ органамъ власти такое устройство,

канія признаны будутъ наилучше обезпечивающими безопасность и счастье народа. Въ дѣйствительности, благоразуміе не допускаетъ перемѣны въ изстари установленномъ образѣ правленія по причинамъ маловажнымъ и преходящимъ; опытъ свидѣтельствуетъ, что человѣчество склонно терпѣть, пока зло еще можетъ быть терпимо, нежели искать возстановленія своихъ правъ въ отмѣнѣ привычныхъ формъ. Но когда долгій рядъ злоупотребленій и актовъ узурпаціи, неизмѣнно преслѣдующихъ одну и ту-же цѣль, обнаруживаетъ намѣреніе установить абсолютный деспотизмъ, народъ вправѣ и обязанъ свергнуть такое правительство и пріискать новыхъ блюстителей грядущей безопасности своей".

Въ то время въ тринадцати колоніяхъ было около 700.000 рабовъ. Джефферсонъ, хотя лично и былъ богатымъ плантаторомъ и рабовладѣльцемъ, принципіально осуждалъ рабство. По своему духовному складу, онъ представлялъ сходство съ типомъ русскаго либеральнаго помѣщика сороковыхъ годовъ, осуждавшаго крѣпостное право и продолжавшаго жить трудами своихъ крѣпостныхъ. Онъ не могъ не сознавать, что при существованіи рабства торжественное провозглашеніе всеобщаго равенства и неотъемлемаго права на свободу было вопіющею ложью. Первоначальный набросокъ его декларацiи заключалъ въ себѣ обвиненіе короля въ „нарушеніи священнѣйшихъ правъ беззащитныхъ людей на жизнь и свободу, захватѣ ихъ въ плѣнъ и продажѣ въ рабство", а также въ „поддержаніи рынка для купли-продажи человѣческихъ существъ". Въ этихъ словахъ косвенно высказывалось осужденіе самому институту рабства. Эта часть декларацiи вызвала возраженія какъ со стороны южныхъ рабовладѣльцевъ, такъ и со стороны делегатовъ изъ приморскихъ портовъ Новой Англіи, судоходство которыхъ питалось торговлею невольниками. Весь пунктъ былъ вычеркнутъ. Конгрессъ готовъ былъ подписаться подъ „блестящими общими мѣстами" Джефферсоновской декларацiи, хотя въ числѣ подписавшихся были делегаты, признававшіе ее „несвоевременной"; но чуть только дѣло коснулось экономическихъ интересовъ, конгрессъ рѣшительно сталъ на классовую точку зрѣнія рабовладѣльцевъ и работорговцевъ.

Декларація Независимости представляетъ кульминаціонный пунктъ политическаго радикализма американской революціи; вышеприведенный инцидентъ показываетъ, какъ далека была фразеологія Декларацiи отъ реальнаго общественнаго мнѣнія той эпохи.

Декларація Независимости не была законодательнымъ актомъ, такъ какъ конгрессъ былъ не болѣе, какъ простымъ

съѣздомъ делегатовъ для опредѣленной цѣли: веденія переговоровъ съ Англіей. Но провозглашеніе колоній независимыми государствами сдѣлало необходимыми соотвѣтствующія измѣненія въ ихъ государственныхъ учрежденіяхъ. По предложенію конгресса, во всѣхъ штатахъ приступлено было къ выработкѣ новыхъ конституцій [1]).

Декларація Независимости была основнымъ закономъ каждаго штата и теоретически стала, благодаря этому, источникомъ американскаго публичнаго права. На практикѣ, однако, она не оказала ни малѣйшаго вліянія на конституціонный строй штатовъ Исключеніе, повидимому, составляетъ Массачусетсъ, гдѣ въ 1780 г. верховный кассаціонный судъ рѣшилъ, что конституція штата, признавъ всѣхъ людей свободорожденными, eo ipso отмѣнила рабство [2]). Но для правильной оцѣнки этого факта необходимо имѣть въ виду, что климатическія условія Новой Англіи оказались неблагопріятными для распространенія рабства: негры плохо переносили суровую зиму и вымирали въ большомъ числѣ, а съ другой стороны содержаніе рабовъ въ праздности въ продолженіе долгихъ зимнихъ мѣсяцевъ было убыточно. Благодаря этому, ко времени отмѣны рабства въ Новой Англіи тамъ оставалось очень мало рабовъ. Этимъ объясняется, почему несовмѣстимость рабства съ Декларацiей Независимости замѣчена была кассаціоннымъ судомъ Массачусетса еще въ 1780 году, тогда какъ суды рабовладѣльческихъ штатовъ и высшій кассаціонный судъ Соединенныхъ Штатовъ не усмотрѣли никакого противорѣчія вплоть до самой междуусобной войны.

Новыя конституціи не внесли никакихъ существенныхъ измѣненій въ государственное устройство отложившихся колоній. Въ колоніальный періодъ каждая изъ нихъ управлялась на основаніи королевской хартіи, которою опредѣлялась компетенція мѣстнаго законодательства. Теперь королевскую хартію замѣнила конституція, но законодательство сохранило тотъ-же подчиненный характеръ при конституціи, что и при хартіи: прежде въ случаѣ конфликта колоніальнаго закона съ хартіей, законъ считался недѣйствительнымъ,

---

[1]) Исключеніе составили только Родъ-Айландъ и Коннетикутъ, которые, какъ мы видѣли, уже въ колоніальный періодъ обладали республиканскою формою правленія.

[2]) Соотвѣтствующая статья была заимствована цѣликомъ изъ Декларацiи Независимости. Еще ранѣе, въ 1777 году Вермонтъ, выдѣлившись изъ Нью-Хэмпшира въ особый штатъ, принялъ конституцію, заключавшую въ себѣ запрещеніе рабства. Но самостоятельность Вермонта признана была лишь въ 1791 году.

Г. Розевельтъ.

теперь то же соотношеніе установилось между актами законодательной власти и конституціей. На мѣсто губернатора по назначенію короля поставленъ былъ выборный губернаторъ, но за нимъ было сохранено право veto въ законодательныхъ дѣлахъ, какое прежде принадлежало королевскому губернатору. Законодательная власть въ колоніальный періодъ принадлежала народнымъ представителямъ, но высшій надзоръ за дѣятельностью законодательнаго собранія принадлежалъ совѣту при губернаторѣ. Этотъ совѣтъ теперь былъ преобразованъ въ выборное учрежденіе — верхнюю палату, которой было присвоено названіе сената.

Тотъ-же консерватизмъ мы замѣчаемъ и по вопросу объ избирательныхъ правахъ. Такъ какъ главное занятіе населенія составляло земледѣліе, то почти всякій владѣлъ участкомъ земли. Промыслы были еще тѣсно связаны съ земледѣліемъ; домохозяева, оставившіе сельское хозяйство ради неземледѣльческихъ заработковъ, все-же владѣли усадебною осѣдлостью. Города выросли изъ торгово-промышленныхъ селъ; большинство осѣдлыхъ жителей состояло изъ домовладѣльцевъ. Такъ какъ основную функцію общественнаго управленія составляла раскладка податей между домохозяевами, то совершенно естественно право участія въ выборахъ принадлежало только плательщикамъ налоговъ, т. е. домохозяевамъ. Имущественный цензъ для избирателей и избираемыхъ былъ удержанъ во всѣхъ конституціяхъ, причемъ установлена была градація въ зависимости отъ важности выборной должности. Право участія въ выборахъ вездѣ обусловливалось владѣніемъ недвижимою собственностью. Изъ этого правила сдѣлано было изъятіе въ пользу ремесленниковъ въ Джорджіи. Для избранія на губернскую должность въ Массачусетсѣ и Сѣв. Каролинѣ требовалось владѣніе недвижимостью, оцѣненною въ 1.000 фунтовъ, въ Мэрилэндѣ владѣніе имуществомъ цѣнностью въ 5.000 фунтовъ, въ томъ числѣ недвижимостью въ 1.000 фунтовъ.

Свобода вѣроисповѣданія не была признана ни одной конституціей. Еще въ XIX столѣтіи лица, не вѣрующія въ воздаяніе и возмездіе въ загробной жизни, не допускались ни къ свидѣтельству на судѣ, ни къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей. Въ Нью-Хэмпширѣ, Массачусетсѣ и Коннетикутѣ пуританская перковь признана была государственною; законы противъ еретиковъ оставались въ силѣ. Въ Массачусетсѣ, который былъ очагомъ „революціи“, католическимъ священникамъ законъ грозилъ пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ; за выраженіе сомнѣнія въ божественности Священнаго Писанія виновные подвергались тю-

ремному заключенію Ѣздить въ воскресенье безъ особенной надобности не дозволялось; за осквернение „субботняго дня“ сажали за рѣшетку. Посѣщеніе церкви было обязательно. Въ Бостонѣ сильно агитировали противъ этихъ законовъ, но деревня имѣла большинство голосовъ и упорно отстаивала пуританскіе законы. Только лица христіанскихъ вѣроисповѣданій могли быть избираемы на государственныя должности; въ девяти штатахъ это право не признавалось за католиками: евреямъ оно не было даровано ни въ одномъ штатѣ.

Эти ограниченія религіозной свободы въ „революціонныхъ“ конституціяхъ показываютъ, что возстаніе противъ Англіи не поколебало традиціоннаго міровоззрѣнія колонистовъ. Но съ созданіемъ федераціи, граждане каждаго штата признаны были полноправными гражданами Соединенныхъ Штатовъ; благодаря разнообразію вѣроисповѣднаго состава населенія въ различныхъ штатахъ, эти ограниченія правъ стали юридической аномаліею и съ развитіемъ сношеній между штатами были мало-по-малу отмѣнены [1]).

III.

Образованіе федераціи.

Въ колоніальный періодъ каждая изъ американскихъ колоній вела совершенно обособленное государственное существованіе. Единственная политическая связь между ними состояла въ номинальномъ суверенитетѣ англійскаго короля. Провозглашеніе независимости устранило и фикцію королевскаго суверенитета. Каждая колонія сдѣлалась вполнѣ самостоятельной республикой съ собственнымъ правительствомъ, надъ которымъ не было никакой высшей власти. Періодъ ихъ полной государственной независимости продолжался пять лѣтъ.

Конгрессъ, обнародовавшій Декларацію Независимости, былъ простымъ съѣздомъ делегатовъ отъ законодательныхъ собраній возставшихъ колоній; по свойству полномочій делегатовъ, онъ принадлежалъ къ той же категоріи, какъ международные конгрессы европейскихъ державъ въ XIX вѣкѣ. Декларація Независимости гласитъ, „что эти соединенныя колоніи составляютъ и по справедливости должны составлять

[1]) Въ Коннетикутѣ евреи получили равноправность лишь въ 1843 году, черезъ шестьдесятъ семь лѣтъ послѣ начала „революціи“.

свободныя и независимыя государства". Самое названіе „United States of America" означаетъ не что иное, какъ „соединенныя государства Америки" [1]).

Декларація Независимости помѣчена 4-мъ іюля 1776 года; прошло два года, прежде чѣмъ конгрессомъ выработанъ и принятъ былъ „Союзный Договоръ" (Articles of Confederation). Какъ всякій международный договоръ, онъ вступилъ въ силу лишь по ратификаціи его всѣми штатами въ 1781 году. Въ теченіе пяти лѣтъ, прошедшихъ отъ провозглашенія независимости до ратификаціи „Союзнаго Договора" въ Соединенныхъ Штатахъ не было никакого центральнаго правительства. Засѣдавшій въ это время „континентальный конгрессъ" представлялъ временную комиссію, учрежденную для спеціальной цѣли—веденія войны съ Англіей. Его функціи опредѣлялись потребностями дѣла; фактически онъ былъ чисто совѣщательнымъ учрежденіемъ, такъ какъ рѣшенія его могли быть приводимы въ исполненіе только по усмотрѣнію правительствъ союзныхъ республикъ. На практикѣ предложенія конгресса большею частью игнорировались правительствами штатовъ. „Союзный Договоръ" ни въ чемъ не измѣнилъ этого положенія, а лишь облекъ его въ юридическую форму. Задачи союза ограничивались исключительно чисто внѣшней политикой. Каждое государство удержало свой суверенитетъ и независимость; но, „для совмѣстной обороны и для огражденія своихъ вольностей", всѣ они образовали „прочную дружественную лигу" и обязались „оказывать другъ другу помощь въ случаѣ насилія или нападенія". При всемъ томъ Соединенные Штаты оставались лигою независимыхъ государствъ, а не федеративнымъ государствомъ. Спустя два года послѣ ратификаціи „Союзнаго Договора", мирный трактатъ, заключенный конгрессомъ съ Англіей, перечисляетъ поименно всѣ тринадцать „свободныхъ, суверенныхъ и независимыхъ государствъ", какъ договаривающіяся стороны. Каждый штатъ въ правѣ былъ отрядить по своему усмотрѣнію отъ двухъ до семи „делегатовъ" въ конгрессъ, но всѣ они въ совокупности пользовались только однимъ голосомъ. На вакаціонное время конгрессъ вправѣ былъ избирать для веденія текущихъ дѣлъ „комитетъ отъ штатовъ", по одному делегату отъ каждаго штата. Но приведеніе въ исполненіе

[1]) Русское названіе „Соединенные Штаты" представляетъ варварскій и лишенный всякаго смысла переводъ съ нѣмецкаго; по-нѣмецки „Vereinigte Staaten" вполнѣ точно передаетъ значеніе подлиннаго англійскаго выраженія; то-же на всѣхъ другихъ языкахъ (Etats-Unis, Estados Unidos, Zjednoczony Stany и т. д.).

рѣшеній конгресса лежало на обязанности правительствъ штатовъ.

Такова была зачаточная форма союза. Опытъ вскорѣ обнаружилъ несоотвѣтствіе этой формы организаціи потребностямъ, возникшимъ изъ объединенія колоній для борьбы съ Англіей. На содержаніе революціонной арміи требовались значительныя средства, но конгрессъ не властенъ былъ непосредственно облагать населеніе податями, а долженъ былъ обращаться къ правительствамъ штатовъ.

Революція, какъ мы видѣли, вызвана была экономическими интересами нѣсколькихъ группъ. Сочувствіе возстанію и съ самаго начала далеко не было всеобщимъ. Значительная часть населенія экономически не была заинтересована въ борьбѣ; въ политическомъ строѣ колоній революція не произвела никакихъ существенныхъ перемѣнъ. Благодаря этому, добрая половина колонистовъ оставалась вѣрною королевской власти.

Энтузіазмъ „патріотовъ“, какъ называли себя сторонники независимости, вскорѣ остылъ и смѣнился полнымъ равнодушіемъ. Законодательныя собранія обнаруживали чрезвычайную скаредность въ отпускѣ денежныхъ средствъ; къ тому же, благодаря господству натуральнаго хозяйства, деньги представляли большую рѣдкость. Въ виду крайней нужды конгрессъ рѣшилъ принимать взносы натурою, но и это не помогло дѣлу: поступленія оставались по прежнему крайне неисправными. Благодаря отсутствію удобныхъ путей сообщенія, доставка припасовъ запаздывала на мѣсяцы. Сверхъ того эта система открывала широкое поле для хищеній, въ которыхъ дѣятельное участіе принимали офицеры революціонной арміи.

Благодаря отсутствію правильныхъ источниковъ дохода, конгрессу для покрытія расходовъ приходилось прибѣгать къ займамъ и выпуску бумажныхъ денегъ. Но курсъ ихъ сталъ падать съ головокружительной быстротой, и къ концу войны онѣ были совершенно обезцѣнены.

Борьба американскихъ колоній съ Англіей была далеко неравная: королевская армія достигала 75.000 человѣкъ, армія же Вашингтона никогда не превышала одной трети этого числа. Съ военной точки зрѣнія ее и арміей-то трудно было назвать. Это была вольная дружина, въ которой господствовала мужицкая простота, немало шокировавшая виргинскаго аристократа и отставного офицера королевской арміи Джорджа Вашингтона.

Всякій приходилъ и уходилъ, когда вздумается. Въ страдную пору солдаты возвращались домой на полевыя работы.

Въ началѣ войны, несомнѣнно, многихъ привлекли въ ряды арміи любовь къ приключеніямъ и духъ молодечества. Но когда борьба затянулась, на долю ихъ выпали тяжкія лишенія. Армія, не связанная дисциплиной, стала быстро таять. Вашингтону стоило чрезвычайныхъ усилій удержать остатки ея въ самый критическій моментъ.

Настроеніе арміи къ концу войны было крайне мятежное. Въ 1783 г. въ Филадельфіи 80 солдатъ, выпивши для куражу, отправились съ ружьями подъ командой сержанта къ мѣсту засѣданій конгресса, стали швырять въ окна камнями, требуя жалованья и грозя захватить весь конгрессъ въ качествѣ заложниковъ и разгромить казначейство. Мѣстныя власти не могли оказать конгрессу никакой помощи, не рѣшаясь вызвать милицію, изъ опасенія, чтобы она не присоединилась къ солдатамъ. Мѣстные жители смотрѣли на эту манифестацію вполнѣ безучастно. Конгрессу удалось скрыться и бѣжать на противоположный берегъ Делавэра; благополучно добравшись до Принстона, бѣглый конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ нашелъ пристанище въ мѣстномъ колледжѣ.

Этотъ инцидентъ былъ только прелюдіей къ болѣе серьезнымъ волненіямъ уже по заключеніи мира. Во время войны, конгрессъ, не имѣя средствъ для уплаты жалованья солдатамъ, постановилъ надѣлить ихъ участками изъ государственныхъ земель. Это вызвало протесты въ законодательныхъ собраніяхъ и породило враждебное отношеніе населенія къ арміи. Что такое отношеніе къ людямъ, перенесшимъ годы лишеній въ борьбѣ за независимость родины, было крайне несправедливо, излишне доказывать. Въ виду предстоявшаго распущенія арміи, среди нея началась агитація въ пользу учрежденія военной монархіи. Эти замыслы тайно поддерживалъ финансовый агентъ конгресса Моррисъ, который представлялъ интересы государственныхъ кредиторовъ. Единственнымъ пригоднымъ кандидатомъ на королевскій престолъ былъ Вашингтонъ, военная слава котораго сдѣлала его народнымъ любимцемъ. Но когда ему открыли этотъ планъ, онъ съ негодованіемъ отвергъ его.

Цезаризмъ безъ цезаря невозможенъ; отказъ Вашингтона разстроилъ монархическіе замыслы. Но экономическіе интересы, выраженіемъ которыхъ явились стремленія къ „твердой власти“, продолжали работать въ томъ-же направленіи по заключеніи мира съ Англіей.

Въ періодъ войны за независимость десятки тысячъ торіевъ, оставшихся вѣрными королевской власти, вынуждены были искать безопасности отъ враждебныхъ народныхъ де-

монстрацій въ эмиграціи. Это были большею частью богатые купцы и банкиры, связанные коммерческими интересами съ Англіей. Подъ шумокъ патріотическаго воодушевленія ихъ должники, разумѣется, прекратили платежи бѣглымъ измѣнникамъ. Ихъ недвижимое имущество перешло въ руки патріотическихъ гражданъ. По условіямъ мирнаго трактата, Соединенные Штаты гарантировали британскимъ подданнымъ, удалившимся изъ колоній во время войны, содѣйствіе военной власти въ возстановленіи ихъ имущественныхъ правъ. Но это было гораздо легче обѣщать, чѣмъ исполнить. Федерація, какъ таковая, судебныхъ органовъ не имѣла. По англійскому обычному праву, сохранившему силу и въ Соединенныхъ Штатахъ, вопросы факта и въ гражданскомъ процессѣ разрѣшаются присяжными. При враждебности общественнаго мнѣнія противъ Великобританіи, во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ шансы торіевъ на судѣ были крайне шатки. Британское правительство, основываясь на несоблюденіи Соединенными Штатами одного изъ условій мирнаго договора, откладывало эвакуацію фортовъ на границѣ индѣйской территоріи. Это причиняло ущербъ американскимъ мѣхопромышленникамъ, отъ которыхъ мѣновой торгъ съ индѣйцами перешелъ въ руки лондонскихъ купцовъ.

Англійскіе крейсеры во время войны подорвали торговлю Новой Англіи съ Вестъ-Индіей; судостроеніе въ Новой Англіи пришло въ полный упадокъ. Интересы ея торговли и судостроенія требовали заключенія торговаго договора съ Великобританіею, который устранилъ-бы стѣсненія противъ американскихъ купцовъ и судовладѣльцевъ. Но конгрессъ ничего не въ силахъ былъ предоставить Англіи взамѣнъ необходимыхъ для Соединенныхъ Штатовъ торговыхъ преимуществъ. О таможенныхъ репрессіяхъ и думать нечего было, такъ какъ конгрессъ не имѣлъ никакой власти надъ таможенною политикою штатовъ. Въ дѣйствительности, одинъ штатъ ограждалъ себя таможеннымъ тарифомъ противъ другого, допуская въ то-же время свободный ввозъ англійскихъ товаровъ.

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, легко видѣть, что интересы значительной части торговопромышленнаго населенія требовали установленія центральной государственной власти. Съ другой стороны, партикуляризмъ штатовъ являлся выраженіемъ экономической отсталости. Огромное большинство населенія составляли фермеры. Въ земледѣльческомъ быту господствовало натуральное хозяйство. Всѣ потребности въ произведеніяхъ ремесленнаго труда удовлетворялись на ближайшемъ мѣстномъ рынкѣ. Торговыя сно-

шенія между штатами были крайне незначительны. Населеніе было очень рѣдко, повсюду былъ земельный просторъ; въ переселеніе въ отдаленныя мѣстности не представлялось надобности. Весь міръ для деревенскаго жителя ограничивался предѣлами его графства.

„Въ 1783 г. двухъ дилижансовъ въ день было вполнѣ достаточно для всего пассажирскаго и сухопутнаго товарнаго движенія между Нью-Іоркомъ и Бостономъ. Лошадей мѣняли каждыя тридцать верстъ и при хорошемъ состояніи дорогъ успѣвали за день проѣзжать верстъ шестьдесятъ. Въ плохую погоду пассажирамъ приходилось вылѣзать изъ повозки и помогать ямщикамъ вытаскивать колеса изъ глубокой грязи. Послѣ недѣли неудобнаго и небезопаснаго пути, разбитый тряскою путешественникъ добирался до Нью-Іорка. Таковы были дороги въ самой цивилизованной части Соединенныхъ Штатовъ" [1]).

На югѣ не было даже дилижансовъ. Сообщеніе происходило главнымъ образомъ водою. Сухопутныя дороги годны были только для верховой ѣзды. Постоялые дворы были рѣдки и плохи; въ одной избѣ спало обыкновенно съ полдюжины проѣзжихъ. Путешествіе изъ Южной Каролины въ Бостонъ продолжалось столько-же, сколько въ Европу.

При такихъ условіяхъ путешествовали очень рѣдко. Почта изъ Филадельфіи въ Нью-Іоркъ отходила три раза въ недѣлю, изъ Нью-Іорка въ Бостонъ—два раза, изъ Балтимора на югъ—разъ въ мѣсяцъ. Полученіе письма составляло событіе для всей округи. Благодаря рѣдкости почтовыхъ сношеній, газеты ограничивались мѣстнымъ кругомъ читателей; подписка обыкновенно не превышала двухсотъ экземпляровъ. Первая ежедневная газета основана была только въ 1784 г.

Въ силу такихъ условій жители различныхъ штатовъ были совершенно чужды другъ другу. Различія вѣроисповѣданія, языка, происхожденія и соціальнаго строя усиливали взаимное предубѣжденіе. Голландское населеніе Нью-Іорка еще продолжало говорить на своемъ языкѣ. Въ Пенсильваніи населеніе состояло на половину изъ нѣмцевъ, Делавэръ былъ заселенъ шведами. Католики Мерилэнда и Пенсильванскіе квакеры имѣли вполнѣ уважительныя причины не довѣрять пуританскимъ фанатикамъ Новой Англіи. Плантаторская аристократія Виргиніи, состоявшая въ значительной степени изъ потомковъ англійскихъ „кавалеровъ", смотрѣла съ высокомѣріемъ на торгашей—янки (уроженцевъ Новой Англіи); а тѣ, въ свою очередь, питали плебейскую непри-

[1]) John Fiske. „The Critical Period of American History", p. 61.

язнь къ празднымъ южнымъ рабовладѣльцамъ. Вполнѣ естественно поэтому, что каждый штатъ ревниво оберегалъ свою независимость, только что купленную цѣной продолжительной войны. Тѣмъ не менѣе необходимость изысканія средствъ на удовлетвореніе обязательствъ, вызванныхъ войною за независимость, и на покрытіе текущихъ расходовъ конгресса вынудила правительство штатовъ сдѣлать первый шагъ къ усиленію власти конгресса. При всеобщемъ безденежьѣ нечего было и думать объ усиленіи податныхъ тягостей. Но большинство штатовъ обладало къ западу отъ Аллеганскаго хребта обширными незаселенными территоріями, продажею которыхъ можно было выручить значительныя средства. Тѣ штаты, которые не обладали западными землями (Нью-Джерзи, Делавэръ и Мэриландъ), въ интересахъ облегченія своего податного бремени настаивали на уступкѣ всей этой площади въ собственность конгресса. Послѣ продолжительныхъ пререканій требованіе ихъ было удовлетворено. Вся уступленная территорія была подчинена непосредственной власти конгресса.

Такъ какъ конгрессъ нуждался въ деньгахъ немедленно, не дожидаясь заселенія отдаленныхъ окраинъ, то образовалась компанія капиталистовъ, которая скупила огромные участки для перепродажи въ разсрочку поселенцамъ. Въ этой компаніи были заинтересованы самые видные политическіе дѣятели того времени. Для огражденія своихъ интересовъ, компанія добивалась сосредоточенія всѣхъ функцій управленія территоріею въ рукахъ конгресса. Въ то время во многихъ мѣстахъ шла упорная больба между задолженными крестьянами и ростовщиками; эта борьба сопровождалась крупными волненіями, нападеніями на суды и адвокатовъ.

Поэтому скупщики западныхъ земель опасались, что если представить переселенцамъ автономію, то интересы абсентеистовъ-кредиторовъ, не имѣющихъ голоса въ мѣстномъ управленіи, будутъ отданы на произволъ должниковъ.

Порядокъ управленія территоріями установленъ былъ закономъ 1787 г., который въ существенныхъ чертахъ сохранился въ силѣ до настоящаго времени. Губернаторъ и судьи назначаются въ территоріяхъ федеральною властью. Конгрессъ сохраняетъ въ нихъ въ теоріи верховную законодательную власть, по обыкновенію делегируетъ ее территоріальному законодательному собранію, избираемому мѣстными жителями. Законодательному собранію запрещается издавать законы, „ограничивающіе обязательную силу договоровъ“. Это постановленіе, внесенное затѣмъ въ федеральную и позднѣй-

шія мѣстныя конституціи, и по настоящее время тормозитъ введеніе фабричнаго законодательства.

Такимъ образомъ, обширная территорія изъята была изъ юрисдикціи штатовъ и подчинена власти конгресса. Въ томъ же году созвано было учредительное собраніе для выработки плана центральнаго правительства.

Въ учредительномъ собраніи сразу обозначились двѣ противоположныя фракціи: федералисты и анти-федералисты. По нынѣшней терминологіи слѣдовало бы, какъ разъ наоборотъ, послѣднихъ назвать федералистами, а первыхъ—централистами. Федералисты отстаивали федеративное государство въ противоположность лигѣ независимыхъ государствъ (Bundes-Staat въ отличіе отъ Staaten-Bund). Они были представителями торгово-промышленныхъ интересовъ и денежнаго капитала, для которыхъ, какъ мы видѣли, необходима была центральная государственная власть. Они-то составляли двигательную силу собранія. Оппозиція, представлявшая интересы землевладѣнія, стояла за сохраненіе status quo. Несмотря, однако, на эти частныя разногласія, обѣ партіи, за исключеніемъ нѣсколькихъ делегатовъ, заодно и вполнѣ сознательно ставили задачею конституціи утвержденіе на прочныхъ основаніяхъ политическаго господства имущихъ классовъ. Вождь федералистовъ, Александръ Гамильтонъ—идолъ реакціонеровъ, господствующихъ нынче въ американской университетской наукѣ, — рѣшительно высказывался за предпочтительность монархіи республикѣ, но въ видѣ компромисса предлагалъ сдѣлать власть президента пожизненной. Большинство, вполнѣ раздѣляя его вражду къ демократіи, считало плутократическую олигархію болѣе отвѣчающей цѣли, чѣмъ единоличная власть.

Страхъ предъ народомъ былъ такъ великъ, что засѣданія собранія происходили при закрытыхъ дверяхъ, протоколы же по закрытіи собранія вручены были Вашингтону для храненія въ строгой тайнѣ. Они были опубликованы впервые только черезъ пятьдесятъ лѣтъ, когда уже никого изъ делегатовъ въ живыхъ не было.

О тенденціяхъ учредительнаго собранія лучше всего свидѣтельствуетъ отсутствіе въ выработанной имъ конституціи гарантій свободы совѣсти, свободы слова, свободы печати, неприкосновенности жилища и суда присяжныхъ. Зато учредительное собраніе не упустило, въ интересахъ денежнаго капитала, наложить запрещеніе на законы, „ограничивающіе обязательную силу договоровъ“. Это постановленіе конституціи было подготовительною мѣрою къ выкупу обезцѣненныхъ обязательствъ континентальнаго конгресса. И, дѣйстви-

тельно, въ первую же сессію конгресса, избраннаго на основаніи новой конституціи, на очередь поставленъ былъ вопросъ о погашеніи государственнаго долга. Сторонники этой мѣры, разумѣется, говорили о святости договора, о національной чести, наконецъ, о прочности государственнаго кредита. Противники выкупа обезцѣненныхъ бумажныхъ денегъ возражали, что выпускъ послѣднихъ былъ по существу дѣла ни чѣмъ инымъ, какъ способомъ податного обложенія: переходя изъ рукъ въ руки, онѣ постепенно утратили всякую цѣнность, этимъ путемъ сама собою совершилась раскладка между гражданами расходовъ по веденію войны за независимость. Признать послѣдняго предъявителя бумажки кредиторомъ на всю ея нарицательную стоимость значило сдѣлать ему подарокъ и принудить все податное населеніе дважды платить тѣ же военныя издержки. Нужно имѣть въ виду, что „континентальныя“ [1]) деньги во время войны упали въ цѣнѣ до крайнихъ предѣловъ: пара сапогъ стоила 600 долларовъ бумажками! Къ концу войны бумажки потеряли всякую цѣнность и были совершенно вытѣснены изъ обращенія. Общая сумма государственнаго долга достигала 75 милліоновъ долларовъ, что при населеніи въ 3 милліона душъ обоего пола и всякаго возраста составляло весьма чувствительное бремя. Тѣмъ не менѣе въ конгрессѣ законопроектъ о выкупѣ встрѣтилъ лишь слабую оппозицію.

IV.

Федеральная конституція.

Борьба между сторонниками централизаціи и автономіи штатовъ въ учредительномъ собраніи разрѣшилась компромиссомъ по вопросу о представительствѣ. Какъ мы видѣли, большинствомъ конституцій штатовъ принята была двухпалатная система. Новое федеральное законодательное собраніе построено было по тому же образцу, но при этомъ нижняя палата предназначена была служить выразительницею общенаціональныхъ интересовъ, а сенатъ—хранителемъ государственной независимости штатовъ. Число представителей отъ каждаго штата въ нижней палатѣ опредѣлено было пропорціонально населенію: въ сенатѣ же каждому штату предоставлено было по два мѣста Съ другой стороны, депутаты нижней палаты, будучи представителями н а р о д а, избираются непосредственно гражданами, сенаторы-же, являясь предста-

[1]) Конгрессъ революціоннаго періода носилъ названіе „континентальнаго“.

вителями штатовъ, избираются законодательными собраніями штатовъ.

Вопросъ объ избирательномъ цензѣ предоставленъ былъ на усмотрѣніе каждаго штата, съ тѣмъ лишь, чтобы цензъ для кандидатовъ въ конгрессѣ былъ такой же, какъ для кандидатовъ въ нижнюю палату законодательнаго собранія штата. Такъ какъ избраніе федеральныхъ сенаторовъ предоставлено было законодательному собранію, въ которомъ для верхней палаты былъ установленъ высшій имущественный цензъ, чѣмъ для нижней, то можно было ожидать, что сенатъ будетъ служить представителямъ богатства.

Учрежденіе сената, такимъ образомъ, явилось сочетаніемъ началъ федерализма и плутократіи. Чтобы укрѣпить преобладаніе этой консервативной палаты въ федеральномъ законодательствѣ, для сенаторовъ установленъ былъ шестилѣтній срокъ службы, причемъ для противодѣйствія измѣнчивому общественному мнѣнію, при каждыхъ выборахъ возобновляется только одна треть состава сената. Если, напримѣръ, оппозиціонной партіи удалось привлечь на свою сторону большинство избирателей въ каждомъ штатѣ, то эта перемѣна отразится на составѣ федеральнаго сената не прежде, чѣмъ по открытіи сессій законодательныхъ собраній, на которыхъ предстоятъ выборы сенаторовъ, т. е. обыкновенно черезъ годъ или два; но до полнаго обновленія сената пройдетъ еще четыре года.

На выработку федеральной конституціи оказали большое вліяніе идеи Монтескье о раздѣленіи властей. Политическими идеалами Монтескье послужила англійская конституція. Но при этомъ онъ впалъ въ обычную ошибку большинства государствовѣдовъ, принявши юридическія фикціи за дѣйствительность. Учредительное Собраніе Соединенныхъ Штатовъ переняло для федеральной конституціи теорію королевской власти изъ „Толкованія законовъ Англіи“ ультрамонархиста Блекстона. На самомъ дѣлѣ, со времени революціи 1688 г. прерогативы королевской власти перешли къ парламенту, который сосредоточилъ въ себѣ какъ законодательную, такъ и политическую власть. Безотвѣтственность королевской власти въ Англіи вытекаетъ изъ отвѣтственности настоящей исполнительной власти, которою является послушное волѣ парламентскаго большинства министерство. Королевское veto въ концѣ XVIII вѣка было уже однимъ преданіемъ. Но „твердая власть“ отвѣчала стремленіямъ „отцовъ республики“ (the Fathers of the Republic). Монархическое начало эпохи Стюартовъ воскрешено было учредительнымъ собраніемъ въ лицѣ президента.

Президентъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ глава исполнительной власти, совершенно независимъ отъ конгресса и фактически такъ же безотвѣтственененъ, какъ конституціонный монархъ. De jure онъ можетъ быть преданъ суду за превышеніе власти. Обвинительною камерою служитъ палата представителей, судебное присутствіе представляетъ сенатъ. Но для признанія виновности требуется большинство двухъ третей голосовъ. Единственный случай преданія президента суду имѣлъ мѣсто въ 1868 г. Но, несмотря на совершенно исключительныя обстоятельства,—президентъ Джонсонъ, родомъ южанинъ, обвинялся въ злонамѣренномъ противодѣйствіи мѣропріятіямъ конгресса по отношенію къ югу, оставшемуся еще въ осадномъ положеніи со времени подавленія возстанія,—въ сенатѣ все же не нашлось двухъ третей обвинительныхъ голосовъ. Въ настоящее время, при господствѣ партійнаго образа правленія, положенія конституціи о преданіи президента суду стали мертвой буквой. Въ то же время фиктивная отвѣтственность президента логически влечетъ за собою безотвѣтственность его кабинета. „Американское правительство,—говоритъ Брайсъ,—походитъ скорѣе на группу министровъ, окружающихъ царя, нежели на англійскій или французскій кабинетъ“ [1]).

Будучи совершенно независимъ отъ конгресса, президентъ облеченъ прерогативою королевской власти—правомъ налагать свое veto на акты законодательной власти. Президенты этимъ правомъ очень часто пользуются. Въ такихъ случаахъ конгрессъ въ правѣ большинствомъ двухъ третей голосовъ въ каждой палатѣ постановить то-же рѣшеніе, которое тогда уже входитъ въ законную силу безъ санкціи президента. Легко видѣть, что это возможно лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ: обыкновенно президентское veto окончательно рѣшаетъ судьбу закона.

Единственное ограниченіе монархическаго начала въ учрежденіи президентской власти заключается въ томъ, что должность президента замѣщается по избранію черезъ каждые четыре года. Со времени Вашингтона установилось неписанное правило, что никто не можетъ быть президентомъ болѣе двухъ разъ. Но непоколебимость этого правила подвержена сомнѣнію. Во время президентства Гранта было сильное движеніе въ пользу переизбранія его на третій срокъ, Вскорѣ послѣ переизбранія Макъ-Кинли заходила рѣчь о кандидатурѣ его на третій срокъ. Въ 1904 г. среди демократической партіи шли интриги въ пользу кандидатуры Клив-

[1]) James Bryce. „The American Commonwealth“, vol. I, p. 94.

лэнда, который уже дважды былъ президентомъ. Популярному президенту въ родѣ Розевелта не стоило-бы большого труда преодолѣть этотъ обычай. Однимъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ, заботившихъ учредительное собраніе, былъ способъ избранія президента. Возможность избранія его всенароднымъ голосованіемъ представлялась даже самымъ стойкимъ поборникамъ народныхъ правъ химерой. Собраніе ставило своей задачей выработку такой системы выборовъ, которая устранила-бы на вѣчныя времена народную массу отъ всякаго вліянія на исполнительную власть. Съ этою цѣлью установлены были двухстепенные выборы президента. Избраніе его производится избирательной коллегіей, которая состоитъ изъ выборщиковъ, избираемыхъ каждымъ штатомъ; число выборщиковъ отъ каждаго штата равняется суммѣ его представителей въ обѣихъ палатахъ конгресса. Въ виду затруднительности сообщеній между штатами, общее собраніе избирательной коллегіи признано было излишнимъ; выборщики отъ каждаго штата собираются для подачи голосовъ въ главномъ городѣ штата и о результатахъ извѣщаютъ федеральный сенатъ, гдѣ производится подсчетъ голосовъ. Въ случаѣ раздробленія голосовъ между нѣсколькими кандидатами, изъ которыхъ ни одинъ не имѣетъ большинства, избраніе производится палатой депутатовъ.

Этимъ порядкомъ выборовъ учредительное собраніе надѣялось создать консервативный институтъ мужей совѣта, стоящихъ высоко надъ чернью не просвѣщенной и рѣшающихъ вопросъ о выборѣ главы государства по зрѣломъ обсужденіи сравнительныхъ достоинствъ кандидатовъ. На практикѣ, какъ мы увидимъ ниже, избирательная коллегія въ самомъ же началѣ обратилась въ фикцію, уступивши мѣсто олигархіи господствующихъ партійныхъ кликъ.

Судебная власть поручена была Верховному Суду. Это учрежденіе уже совершенно независимо отъ народной воли. Члены Верховнаго Суда назначаются президентомъ пожизненно и могутъ быть смѣщены лишь по суду, въ томъ-же порядкѣ, какъ президентъ. Опытъ и тутъ показалъ, что преданіе суду совершенно безплодно [1]).

---

[1]) Свѣжій примѣръ представляетъ дѣло федеральнаго судьи Свэйна, разбиравшееся въ послѣднюю сессію сената (1904—1905 г.г.). Противъ него было вполнѣ установлено, что онъ пользовался безплатными экстренными поѣздами по желѣзной дорогѣ (это запрещено закономъ), что онъ жилъ внѣ предѣловъ своего участка, простирающихся на нѣсколько штатовъ, вслѣдствіе чего происходило запущеніе въ дѣлахъ; что онъ представлялъ дутые счеты путевыхъ издержекъ и проч. Но онъ—республиканецъ, и сенатское большинство тоже республиканское. Вслѣдствіе этого по всѣмъ вопросамъ о виновности голоса республиканскихъ сенаторовъ

Главное вниманіе творцовъ федеральной конституціи направлено было на выработку механизма, „сдерживающаго и уравновѣшивающаго“ (checks and balances) дѣйствіе государственной машины. Предполагаемая централистическая тенденція палаты представителей сдерживается сенатомъ, въ которомъ каждый штатъ имѣетъ одинаковое число голосовъ. Чрезмѣрное преобладаніе сената предотвращено лишеніемъ его иниціативы въ вопросахъ бюджета. Власть обѣихъ палатъ конгресса ограничена президентскимъ veto. Въ свою очередь власть президента ограничена сенатомъ, согласіе котораго требуется при назначеніи министровъ и департаментскихъ начальниковъ. Чтобы упросить непоколебимость основъ этого государственнаго строя, учредительное собраобставило введеніе поправокъ къ конституціи фактически непреодолимыми трудностями. Поправка можетъ быть принята по предложенію большинства двухъ третей голосовъ какъ палаты, такъ и сената, тремя четвертями законодательныхъ собраній всѣхъ штатовъ. По требованію двухъ третей всѣхъ законодательныхъ собраній, конгрессъ обязанъ созвать учредительное собраніе для пересмотра конституціи. Новая конституція или поправки къ существующей должны быть утверждены тремя четвертями всѣхъ законодательныхъ собраній. При обширности страны и разнородности мѣстныхъ интересовъ до сихъ поръ попытки внесенія поправокъ къ конституціи въ большинствѣ случаевъ оказывались безуспѣшными.

Первыя десять поправокъ приняты были почти одновременно съ ратификаціей самой конституціи (въ 1791 г.); онѣ гарантируютъ свободу совѣсти, свободу слова, свободу печати, неприкосновенность жилища, судъ присяжныхъ и т. п.; эти гарантіи отсутствовали въ конституціи, выработанной учредительнымъ собраніемъ, безъ нихъ-же нѣкоторые штаты отказывались утвердить федеральную конституцію. XI поправка была принята въ 1898 г., а XII—въ 1804 г., но ни та, ни другая не затрагиваютъ классовыхъ интересовъ [1]). Съ тѣхъ поръ вплоть до настоящаго времени, т. е. въ теченіе цѣлаго столѣтія, приняты были лишь три поправки,—XIII-я,

---

были за оправданіе, а голоса демократическихъ—за обвиненіе. Дѣло шло не о политическихъ принципахъ, не о юридической квалификаціи дѣяній, а о вопросахъ факта, въ которыхъ такое совпаденіе отвѣтовъ съ раздѣленіемъ сената на партіи не могло быть случайно.

[1]) XI поправка гарантируетъ судебнымъ мѣстамъ каждаго штата исключительную компентенцію по дѣламъ объ искахъ къ мѣстной казнѣ; XII-я измѣнила порядокъ избранія вице-президента.

XIV-я и XV-я, даровавшія гражданскія и политическія права цвѣтнокожимъ. [1]).

Но эти поправки лишь санкціонировали совершившіяся фактъ. Отмѣна рабства не могла быть произведена конституціоннымъ путемъ. Что конституція не давала конгрессу права отмѣнить рабство, было одинаково безспорнымъ положеніемъ и для рабовладѣльцевъ, и для аболиціонистовъ, и для оппортунистовъ, какъ Линкольнъ. Точно также всѣ признавали совершенную невозможность измѣненія конституціи въ этомъ отношеніи. Аболиціонисты называли конституцію „договоромъ съ преисподней" и требовали расторженія союза. Отмѣна рабства произведена была не законодательною властью, а военной диктатурой Линкольна, которая стала возможной, единственно благодаря гражданской войнѣ. Манифестъ Линкольна объ отмѣнѣ рабства гласитъ, что это „необходимая военная мѣра для подавленія возстанія", предпринятая имъ на правахъ „главнокомандующаго арміею и флотомъ во время мятежа противъ правительства Соединенныхъ Штатовъ". Итакъ, конституція оказалась непреодолимымъ препятствіемъ къ мирному соціальному преобразованію; для обхода ея не нашлось иного пути, кромѣ цезаризма [2]).

Правда, военная мѣра Линкольна впослѣдствіи получила конституціонную санкцію въ XIII, XIV и XV поправкахъ. Но принятіе ихъ состоялось при исключительныхъ обстоятельствахъ въ то время, когда побѣжденные въ междуусобной войнѣ рабовладѣльческіе штаты еще народились на военномъ положеніи и лишены были голоса въ государственныхъ дѣлахъ.

V.

Верховный Судъ.

Въ итогѣ эволюціи отъ колоніальныхъ хартій къ федеральной конституціи, государственный строй Соединенныхъ Штатовъ отлился въ самобытную форму, существенно отличную отъ англійской конституціи. Американскіе государство-

---

[1]) За это время внесено было не мало биллей о поправкахъ къ конституціи, но всѣ они были отвергнуты. Изъ числа ихъ упомянемъ, предложенія о прямомъ избраніи президента и сенаторовъ народомъ объ ограниченіи рабочаго дня.

[2]) См. объ этомъ: John w. Burgess. „The Civil War and the Constitution", p. p. 86. 114—115.

вѣды обозначаютъ государственное устройство Соединенныхъ Штатовъ названіемъ конституціонализма въ отличіе отъ парламентаризма, господствующаго въ Англіи. Различіе это чрезвычайно важно для правильнаго пониманія сущности американскихъ политическихъ учрежденій. ВъАнгліи верховная власть (суверенитетъ) воплощается въ парламентѣ, который ничѣмъ не ограниченъ въ своей законодательной дѣятельности. Въ Америкѣ суверенитетъ въ теоріи принадлежитъ „народу“; законодательныя собранія штатовъ и конгрессъ не носители верховной власти, а лишь органы ея, полномочія которыхъ опредѣлены народною волею, выраженною въ конституціи. Всякій актъ англійскаго парламента представляетъ правленіе верховной власти и потому законенъ. Напротивъ того, актъ, изданный конгрессомъ или законодательнымъ собраніемъ штата, лишь тогда законенъ, когда онъ не выходитъ изъ предѣловъ, начертанныхъ мѣстною и федеральною конституціями. Но кому принадлежитъ право рѣшать, дѣйствовала-ли законодательная власть въ рамкахъ конституціи, или-же превысила предоставленныя ей полномочія? Этотъ вопросъ ни въ мѣстныхъ конституціяхъ революціоннаго періода, ни въ федеральной конституціи не предусмотрѣнъ. Вслѣдствіе этого, когда онъ впервые возникъ въ практикѣ, для рѣшенія его пришлось обратиться къ президентамъ. Въ Англіи, гдѣ власть парламента неограничена, подходящихъ президентовъ не могло быть. Но они нашлись въ юриспруденціи колоніальнаго періода. Прототипомъ писанной конституціи была королевская хартія, ограничивавшая власть колоніальнаго законодательнаго собранія. Жалобы на узурпацію собраніемъ непринадлежащей ему власти были подсудны Тайному Совѣту въ Лондонѣ. По провозглашеніи колоній независимыми республиками, мѣсто Тайнаго Совѣта занялъ верховный судъ каждаго штата. Въ 1787 г. верховный судъ Родъ-Айланда призналъ несогласнымъ съ конституціей законъ, изъявшій дѣла о мелкихъ нарушеніяхъ порядка изъ вѣдѣнія присяжныхъ. Въ данномъ случаѣ верховный судъ дѣйствительно выступилъ въ роли блюстителя свободы, но этимъ установленъ былъ первый президентъ контроля судебной власти надъ законодательною. Федеральная конституція, учреждая верховный судъ, ограничилась перечисленіями рода подсудныхъ ему дѣлъ; о правѣ его разрѣшать конфликты между законодательнымъ собраніемъ и конституціей, въ послѣдней не говорится ни слова. Но уже въ 1801 г. Верховный Судъ Соединенныхъ Штатовъ присвоилъ себѣ право отмѣнять законодательныя

Антонъ Паркеръ.
одинъ изъ вождей демократовъ.

акты конгресса, несогласные съ конституціей [1]). Такъ установленъ былъ президентъ, общій для всѣхъ штатовъ. Такимъ образомъ, фактически Верховный Судъ сдѣлался высшей законодательною инстанціею. Если припомнить, что члены Верховнаго Суда не выбираются народомъ, а назначаются президентомъ пожизненно, то станетъ понятно, что это верховное судилище должно было обратиться въ оплотъ реакціи. Спустя цѣлое поколѣніе по исчезновеніи партіи федералистовъ, Верховный Судъ все еще оставался въ рукахъ ея ставленниковъ и неуклонно проводилъ ея программу. Въ то-же время кабинетныя представленія о хваленой независимости Верховнаго Суда отъ партійнаго пристрастія на практикѣ оказываются иллюзіей. Во всѣхъ злободневныхъ вопросахъ, которые въ теченіе минувшей четверти вѣка восходили на его разрѣшеніе, голоса раздѣлялись соотвѣтственно политическимъ взглядамъ судей; такъ было, напр., по дѣламъ о подоходномъ налогѣ, о колоніальномъ управленіи, объ ограниченіи рабочаго дня и проч. Партійное пристрастіе членовъ Верховнаго Суда чрезвычайно рѣзко проявилось въ 1877 г., въ конфликтѣ по поводу выборовъ президента, Выборы 1876 г. отмѣчены были плутнями и насиліемъ со стороны какъ республиканцевъ, такъ и демократовъ. Избирательные голоса раздѣлились поровну между демократическимъ кандидатомъ—Тильденомъ и республиканскимъ—Хэйзомъ. Выборы, согласно конституціи, перешли въ палату депутатовъ, которой предстояло разслѣдовать жалобы на злоупотребленія при мѣстныхъ выборахъ. Съ этою цѣлью избрана была комиссія, составленная изъ пяти республиканскихъ, пяти демократическихъ депутатовъ и пяти членовъ Верховнаго Суда. Изъ числа послѣднихъ пяти трое были республиканцы и двое—демократы. И замѣчательное дѣло: при

---

[1]) Обстоятельства, при которыхъ состоялось это рѣшеніе, весьма поучительны. Наканунѣ вступленія президента Джефферсона въ должность, 3 марта 1801 г., его предшественникъ и политическій противникъ Адамъ поспѣшилъ замѣстить всѣ вакантныя мѣста членами побѣжденной федералистской партіи. Его государственный секретарь Джонъ Маршалъ—уже назначенный первоприсутствующимъ Верховнаго Суда, но еще не вступившій въ должность, подписывалъ приказъ о новыхъ назначеніяхъ вплоть до 12 часовъ ночи, когда въ Бѣлый Домъ явился Джефферсонъ. Послѣдній отказался признать законность этихъ назначеній. Тогда одинъ изъ соискателей обратился въ судъ съ требованіемъ понудить новаго государственнаго секретаря привести его къ присягѣ. Дѣло разбиралось предъ самимъ Маршаломъ, который не постѣснялся выступить въ роли судьи по вопросу о законности своихъ собственныхъ дѣйствій. Такъ какъ законъ былъ на сторонѣ Джефферсона, то Маршалу ничего иного не оставалось, какъ объявить самый законъ недѣйствительнымъ.

голосованіи о вопросахъ факта, гдѣ отъ судей, вознесенныхъ превыше мірскихъ страстей, можно было-бы ожидать безпристрастнаго рѣшенія, на самомъ дѣлѣ голоса республиканскихъ судей неизмѣнно клонились въ пользу республиканскаго кандидата, голоса демократическихъ судей—въ пользу демократическаго кандидата. Избраннымъ оказался, понятно, республиканецъ Хэйзъ, хотя общественное мнѣніе убѣждено и по сію пору, что по праву должность президента принадлежала Тильдену.

Никто, конечно, не станетъ отрицать возможности нарушенія законодательною властью основныхъ конституціонныхъ гарантій политической свободы, но историческій опытъ Соединенныхъ Штатовъ показываетъ, что несмѣняемый судъ совершенно непригоденъ для роли хранителя народныхъ правъ. Судъ присяжныхъ составляетъ одну изъ основныхъ вольностей, загарантированныхъ конституціею Соединенныхъ Штатовъ. Тѣмъ не менѣе, Верховный Судъ ухитрился отмѣнить судъ присяжныхъ для Филиппинскихъ острововъ. Вопросъ возбужденъ былъ по кассаціонной жалобѣ редактора англійской газеты въ Манилѣ, гражданина и уроженца Соединенныхъ Штатовъ, который приговоренъ былъ судомъ безъ присяжныхъ къ тюремному заключенію за „клевету“ въ печати противъ кого-то изъ американскаго начальства. Подсудимый въ своей жалобѣ на приговоръ суда сослался на конституцію Соединенныхъ Штатовъ, но Верховный Судъ рѣшилъ, что конституція распространяется только на штаты и территоріи, а не на колоніальныя „владѣнія“ Соединенныхъ Штатовъ. Это далеко не единичный примѣръ.

Такимъ образомъ, неподвижность конституціи Соединенныхъ Штатовъ не служитъ преградою законодательной дѣятельности Верховнаго Суда: пользуясь оружіемъ судебной интерпретаціи, Верховный Судъ можетъ, по своему усмотрѣнію, вносить поправки къ конституціи. Истиннымъ творцомъ американской конституціи признается Джонъ Маршалъ, который съ 1801 по 1835 г. былъ первоприсутствующимъ Верховнаго Суда. Его рѣшенія создали американское конституціонное право.

Брайсъ, который въ консерватизмѣ Верховнаго Суда видитъ большое преимущество, указываетъ на другой коренной недостатокъ американскаго конституціонализма—отсутствіе твердости и ясности въ законѣ. Никто никогда не можетъ знать, что законно и что незаконно: Верховный Судъ можетъ во всякое время объявить любой законъ противнымъ конституціи. Въ 1857 г. Верховный Судъ, по знаменитому дѣлу о бѣгломъ рабѣ Дреддѣ Скотѣ, призналъ недѣйствитель-

нымъ такъ называемый „миссурійскій компромиссъ“ 1820 г., который запретилъ рабство въ территоріяхъ сѣвернѣе 36°30′ сѣверной широты. Никакой законъ не имѣетъ обратной силы, но судебное толкованіе, вполнѣ равносильное закону, не подчинено этому ограниченію. Съ другой стороны, кассаціонная практика Верховнаго Суда не отличается постоянствомъ. Свѣжій примѣръ представляютъ судебныя рѣшенія по вопросу о законодательномъ ограниченіи рабочаго дня. Въ 1897 году Верховный Судъ не усмотрѣлъ въ законѣ о введеніи восьмичасоваго дня въ рудникахъ штата Юты никакого нарушенія федеральной конституціи, а въ 1905 г. тотъ-же судъ призналъ нью-іоркскій законъ о десятичасовомъ рабочемъ днѣ въ пекарняхъ противнымъ конституціи посягательствомъ на „свободу договора“.

Конституція Соединенныхъ Штатовъ первоначально построена была на принципѣ раздѣленія властей законодательной, исполнительной и судебной. Вторженіе суда въ область законодательства произошло всецѣло на почвѣ судебной интерпретаціи. Законодательная власть безсильна была дать отпоръ этимъ притязаніямъ; исполнительная власть при президентѣ Джэксонѣ однажды отказалась признать за Верховнымъ Судомъ право отмѣнять законодательные акты: безъ содѣйствія исполнительной власти рѣшенія суда, понятно, не имѣютъ никакой силы. Но этотъ случай не послужилъ прецедентомъ, судебный надзоръ за законодательною властью получилъ всеобщее молчаливое признаніе и легъ въ основу американскаго конституціонализма.

Въ конституціяхъ семи штатовъ сдѣланы были попытки устранить неопредѣленность судьбы законодательныхъ актовъ путемъ привлеченія Верховнаго Суда къ прямому участію въ законодательствѣ; законодательное собраніе или губернаторъ въ правѣ предложить на одобреніе Верховнаго Суда каждый законопроектъ, до голосованія. Но кассаціонною практикою этихъ штатовъ установлено положеніе, что „мнѣнія“ суда, выраженныя внѣ судебнаго разбирательства, необязательны для самого суда въ его послѣдующей кассаціонной практикѣ. Такимъ образомъ, абсолютизму Верховнаго Суда нѣтъ никакихъ предѣловъ. Впрочемъ, конституція даетъ конгрессу при содѣйствіи президента средство къ устраненію противодѣйствія Суда: конституція не опредѣляетъ числа членовъ Верховнаго Суда, конгрессъ въ правѣ учредить добавочныя должности членовъ суда, а президентъ можетъ затѣмъ назначить на эти вакансіи лицъ, убѣжденія которыхъ находятся въ согласіи съ желаніями большинства народа. Напр., въ послѣдніе годы всѣ реакціонныя рѣшенія Верховнаго Суда

постановлены были большинствомъ 5 противъ 4 голосовъ; назначеніемъ двухъ добавочныхъ членовъ конгрессъ и президентъ могли-бы перетянуть большинство на другую сторону. Такихъ президентовъ было всего два: въ 1867 и 1869 г.г., въ бурную эпоху, послѣдовавшую за междуусобной войной.

VI.

Ростъ централизаціи.

Періодъ отъ провозглашенія независимости американскихъ колоній до ратификаціи федеральной конституціи тринадцатью самостоятельными республиками отмѣченъ, какъ мы видѣли, борьбою между началами централизаціи и автономіи штатовъ. Борьба разрѣшилась компромиссомъ между обоими началами. Федеральная конституція раздѣлила сферу государственной дѣятельности между двумя юридическими лицами: союзомъ и штатомъ. Штатъ—не политическое подраздѣленіе государства, какъ французскій департаментъ или англійское графство, а вполнѣ самостоятельное государство, пользующееся въ принадлежащей ему сферѣ неограниченнымъ суверенитетомъ. Штатъ ни въ чемъ не подчиненъ союзу; союзъ не въ правѣ вторгаться въ область компетенціи штата точно такъ же, какъ штатъ не въ правѣ вторгаться въ область компетенціи союза. Конституція точно перечисляетъ полномочія, предоставленныя союзу въ лицѣ конгресса. Этими ограниченіями защитники автономіи штатовъ думали установить безспорную границу между союзомъ и штатомъ. Но экономическое развитіе, которое вызвало необходимость въ федеральной конституціи, продолжало дѣйствовать въ направленіи централизаціи. Конституціонныя преграды были обойдены путемъ судебной интерпретаціи. Выработалась теорія о „подразумѣваемыхъ полномочіяхъ“ (implied powers) въ дополненіе къ „перечисленнымъ полномочіямъ“ (enumerated powers): права, предоставленныя конгрессу конституціей, согласно этой теоріи, заключаютъ въ себѣ право на совершеніе всѣхъ актовъ, необходимыхъ для осуществленія этихъ полномочій.

Эта теорія обязана была своимъ происхожденіемъ „федералистамъ“ (т. е. сторонникамъ централизаціи). Лозунгомъ „республиканцевъ“ (партикуляристовъ) было „ограничительное толкованіе“; они отстаивали право каждаго штата объявлять недѣйствительными акты конгресса, узурпирующіе права, не перечисленныя въ конституціи. Это положеніе [1]) было формулировано въ 1798 г., въ резолюціяхъ законода-

[1]) Такъ называемое „ученіе о нуллификаціи“ (nullification doctrine).

тельнаго собранія Кентокки, авторомъ которыхъ былъ Джефферсонъ. На слѣдующихъ президентскихъ выборахъ федералисты потерпѣли пораженіе. Президентомъ избранъ былъ духовный вождь республиканской партіи—Джефферсонъ. И онъ же пробилъ первую брешь въ своей теоріи покупкою въ 1803 г. отъ Франціи ея колоній на американскомъ материкѣ, извѣстныхъ въ то время подъ именемъ Луизіаны. Это пріобрѣтеніе расширило область земледѣльческой колонизаціи десятками милліоновъ акровъ плодородной земли. Прилегая къ южнымъ штатамъ, новая территорія открывала новое поле для распространенія экстенсивнаго рабовладѣльческаго хозяйства. Но въ сѣверныхъ штатахъ около этого времени стали развиваться судоходство и промышленность; эти штаты домогались покровительства отечественному судоходству и торговлѣ. Южные земледѣльческіе штаты, напротивъ того, были заинтересованы въ свободѣ торговли. Присоединеніе Луизіаны грозило перенести центръ политическаго равновѣсія на югъ и на западъ; сѣверяне опасались, что заселеніе этой области съ теченіемъ времени поведетъ къ образованію новыхъ земледѣльческихъ штатовъ, которые своими голосами въ сенатѣ подавятъ торгово-промышленный сѣверъ. И вотъ, преобладавшая въ сѣверныхъ штатахъ партія федералистовъ выступила съ рѣшительнымъ протестомъ противъ присоединенія Луизіаны, настаивая на необходимости для такой мѣры согласія каждаго штата. Депутаты отъ Нью-Хэмпшира и Коннетикута грозили въ конгрессѣ отложеніемъ отъ союза. Джефферсонъ, какъ послѣдовательный партикуляристъ въ теоріи, самъ признавалъ, что конституція не давала федеральному правительству права на пріобрѣтеніе новой территоріи. Но онъ оправдывалъ эту узурпацію государственными выгодами, въ надеждѣ, что народъ post factum одобритъ эту мѣру. Джефферсонъ встрѣтилъ единодушную поддержку въ республиканцахъ, главный источникъ силы которыхъ былъ на югѣ. Политическія партіи въ этомъ вопросѣ помѣнялись ролями: федералисты ратовали за автономію штатовъ и право отложенія отъ федераціи, республиканцы же, изъ оппортунистическихъ соображеній, оправдывали превышеніе власти президентомъ и конгрессомъ. Этотъ эпизодъ въ грубой формѣ свидѣтельствуетъ о подчиненіи политическихъ принциповъ экономическимъ интересамъ.

Пріобрѣтеніе обширной параллельной территоріи выдвинуло на очередь вопросъ о проложеніи путей сообщенія. Предоставить прорытіе канала, соединяющаго два водныхъ бассейна, на усмотрѣніе того штата, гдѣ онъ долженъ пролегать, очевидно, было бы нецѣлесообразно, такъ какъ онъ

предназначается служить интересамъ и другихъ штатовъ. Отдѣльные штаты могутъ и не располагать средствами для этой цѣли. Забота о путяхъ сообщенія поэтому, въ силу вещей, входила въ компетенцію конгресса. Западные штаты были всегда на сторонѣ широкихъ затратъ на улучшеніе путей сообщенія. Партикуляристы въ принципѣ отвергали всякое вмѣшательство конгресса въ дѣла внутреннихъ улучшеній, исходя изъ ограничительнаго толкованія конституціи. На практикѣ, однако, они ничего не имѣли противъ затратъ изъ суммъ федеральнаго бюджета на проведеніе дорогъ въ предѣлахъ ихъ родныхъ штатовъ.

Старый конфликтъ между правами штатовъ и полномочіями союза возгорѣлся съ новой силой по вопросу о рабствѣ. Въ сѣверныхъ штатахъ рабство исчезло еще въ XVIII в. На югѣ, напротивъ того, съ изобрѣтеніемъ машины для очистки хлопка отъ зеренъ (cotton gin), рабскій трудъ пріобрѣлъ большую цѣнность. Экстенсивное плантаторское хозяйство нуждалось въ свѣжихъ земляхъ. Въ то же время и съ сѣвера шло переселенческое движеніе на западъ; начавшаяся съ развитіемъ пароходнаго сообщенія массовая иммиграція изъ Европы усилила спросъ на свободныя земли. На этой почвѣ впервые столкнулись интересы рабовладѣльцевъ и вольный крестьянскій трудъ. Дѣло шло о допущеніи рабства въ территоріяхъ. Въ 1820 г. вопросъ разрѣшенъ былъ въ конгрессѣ упомянутымъ выше „миссурійскимъ компромиссомъ“. Благодаря притоку иммиграціи на сѣверъ и сѣверо-западъ, населеніе свободныхъ штатовъ и территоріи стало быстро увеличиваться, между тѣмъ какъ рабовладѣльческій югъ, при отсутствіи спроса на вольнонаемный трудъ въ земледѣліи и промышленности, не представлялъ благопріятныхъ условій для переселенцевъ, вслѣдствіе чего населеніе южныхъ штатовъ росло крайне медленно. Въ палатѣ депутатовъ перевѣсъ представителей свободныхъ штатовъ быстро возрасталъ. Въ тридцатыхъ годахъ началась агитація аболиціонистовъ противъ рабства. Хотя эта агитація никогда не имѣла глубокихъ корней на сѣверѣ, ограничиваясь кучкой интеллигенціи, — или „идеологовъ“, по выраженію Наполеона, — но она все-же внушала южнымъ рабовладѣльцамъ опасенія за неприкосновенность рабства въ будущемъ. Оплотомъ рабства оставался сенатъ, гдѣ свободные и рабовладѣльческіе штаты имѣли равное число голосовъ. Но этому равновѣсію угрожало быстрое заселеніе сѣверныхъ территорій, которымъ рано или поздно предстояло обращеніе въ штаты. Для обезпеченія неприкосновенности рабства необходимо было уничтожить границу, установленную миссурійскимъ компромис-

сомъ. Съ этой цѣлью предпринята была колонизація свободныхъ территорій рабовладѣльцами, которые привозили съ собою своихъ рабовъ. На защиту рабовладѣльческихъ притязаній выдвинута была партикуляристская теорія, что конгрессъ не уполномоченъ конституціею запрещать рабство въ территоріяхъ. Верховный судъ въ 1857 г. придалъ законную санкцію этой теоріи.

Не считая отдѣльныхъ, весьма немногочисленныхъ, соціальныхъ группъ, сѣверъ не имѣлъ экономическихъ интересовъ въ отмѣнѣ рабства. Общественное мнѣніе сѣвера относилось къ аболиціонистамъ такъ, какъ общественное мнѣніе относится теперь къ анархистамъ. Но южные рабовладѣльцы не довольствовались этимъ; они пытались наложить руку на свободу печати запрещеніемъ разсылки по почтѣ аболиціонистской литературы; при содѣйствіи сѣверныхъ представителей они постановили въ конгрессѣ не принимать петицій объ отмѣнѣ рабства, которыя въ большомъ количествѣ поступали отъ аболиціонистовъ и квакеровъ. Это было вопіющимъ посягательствомъ на право петицій, гарантированное конституціею. Еще болѣе раздраженія вызывало на сѣверѣ домогательство рабовладѣльцевъ о поимкѣ и выдачѣ бѣглыхъ рабовъ. Пока держалось мнѣніе, что рабство чисто-южное учрежденіе, которое не касается сѣвера, общественное мнѣніе сѣвера относилось къ нему съ полнѣйшимъ равнодушіемъ [1]). Но когда цвѣтнокожихъ стали хватать на улицахъ Бостона и выдавать, по рѣшенію полицейскаго судьи безъ присяжныхъ, южнымъ рабовладѣльцамъ, вопросъ о рабствѣ изъ мѣстнаго превратился въ общегосударственный. Федеральная конституція гарантировала поимку и выдачу бѣглыхъ рабовъ. Тѣмъ не менѣе законодательное собраніе Массачусетса, подъ давленіемъ возмущеннаго общественнаго мнѣнія, издало законъ, запрещавшій мѣстнымъ властямъ оказывать содѣйствіе поимкѣ бѣглыхъ рабовъ. Заключалось ли въ этомъ нарушеніе буквы конституціи, какъ утверждали южане, вопросъ спорный,—для исполненія федеральныхъ законовъ имѣются на мѣстахъ органы федеральной исполнительной власти. Но это несомнѣнно было нарушеніемъ духа федеральной конституціи. Аболиціонисты называли федеральную конституцію „договоромъ со смертью и союзомъ съ преисподней“; они проповѣдывали расторженіе союза съ рабовладѣльческими штатами. Но они не выражали мнѣнія страны. Рѣшительная побѣда „демократической“ (рабовладѣльческой)

---

[1]) John W. Burgess. „The Middle Period“, p. 367.

партіи на президентскихъ выборахъ 1852 г. свидѣтельствовали. что общественное мнѣніе на сѣверѣ примирилось съ выдачею бѣглыхъ рабовъ. По справедливому мнѣнію проф. Бержеса, „если-бы рабовладѣльцы разумно воспользовались этимъ благопріятнымъ оборотомъ дѣлъ, то едва-ли позволительно сомнѣваться, что имъ удалось-бы сохранить рабство на неопредѣленно-долгое время, тамъ гдѣ оно существовало“ [1]). Но они обнаружили ту-же слѣпоту, которая и до нихъ, и послѣ нихъ не разъ характеризовала поведеніе командующихъ классовъ. Избраніе Линкольна послужило сигналомъ къ выходу южныхъ штатовъ изъ союза.

Къ какимъ-бы софизмамъ ни прибѣгали пристрастные сѣверные историки, формальное право безспорно было на сторонѣ южныхъ штатовъ. Право расторженія союза признавалось за каждымъ штатомъ, какъ мы видѣли, даже федералистами, которые создали союзную конституцію. Право это признавалось и юридическими авторитетами [2]).

Рѣшеніе Линкольна и конгресса воспрепятствовать силою оружія отложенію южныхъ штатовъ было актомъ чистѣйшей узурпаціи. Послѣ войны заднимъ числомъ подыскано было ей нравственное оправданіе въ освобожденіи негровъ. Но освобожденіе негровъ не было ни явною, ни сокровенною цѣлью междуусобной войны. Линкольнъ въ своей вступительной рѣчи, уже послѣ отложенія южныхъ штатовъ, заявилъ: „я не имѣю намѣренія посягать, ни прямо, ни косвенно, на институтъ рабства въ тѣхъ штатахъ, гдѣ онъ существуетъ. Я того мнѣнія, что законъ мнѣ на это не даетъ права, да и склонности къ такому образу дѣйствій у меня нѣтъ“. Въ посланіи конгрессу отъ 4 іюля 1861 г., уже послѣ начала военныхъ дѣйствій, онъ еще разъ подтвердилъ, что и по подавленіи „возстанія“ онъ намѣренъ руководиться конституціей и не предвидитъ причинъ „измѣнить свой взглядъ на права и обязан-

[1]) John W. Burgess. „The Middle Period“, p. 377.

[2]) Въ 1803 г. вышло американское изданіе „Толкованія Законовъ Англіи“ Блэкстона, которое и по настоящее время остается обязательнымъ руководствомъ въ американскихъ юридическихъ школахъ. Въ примѣчаніи къ этому изданію американскій редакторъ говоритъ: „Федеральное правительство является органомъ, посредство котораго соединенныя республики сносятся съ иностранными государствами и между собою. Подчиненіе ихъ дѣйствіямъ его добровольно... Его суверенитетъ проистекаетъ изъ ихъ суверенитета... Каждый штатъ все еще сохраняетъ свою государственную цѣлость, все еще суверененъ, все еще независимъ, все еще обладаетъ способностью въ случаѣ надобности возобновить отправленіе своихъ функцій въ самомъ неограниченномъ размѣрѣ“. Herrmann v. Holst. „The Constitutional and Political History of The United States“, vol. I, p. 152.

ности союзнаго правительства по отношенію къ штатамъ". Конгрессъ также принялъ резолюцію, въ которой заявлялось, что цѣль войны не „ниспроверженіе установленныхъ закономъ гражданскихъ учрежденій возставшихъ штатовъ", а лишь возстановленіе цѣлости союза [1]). Прокламація объ освобожденіи негровъ издана была лишь на третій годъ войны, послѣ цѣлаго ряда военныхъ неудачъ, какъ военная мѣра, для подрыва экономическихъ рессурсовъ юга. Отмѣна рабства была побочнымъ инцидентомъ войны. Прямою цѣлью и послѣдствіемъ ея было установленіе неразрывности союза. Такимъ образомъ на мѣстѣ федераціи республикъ окончательно утвердилась федеративная республика.

VII.

Борьба за всеобщее избирательное право.

Государственный строй тринадцати республикъ, образовавшихся изъ возставшихъ колоній, былъ далекъ отъ демократіи, какъ ее понимаютъ въ наше время. Участіе въ управленіи страною обусловливалось имущественнымъ и религіознымъ цензомъ, благодаря которому около трехъ четвертей всего взрослаго мужского населенія лишено было права голоса. Какъ я уже замѣтилъ выше, развитіе сношеній между штатами повлекло за собою постепенную отмѣну религіозныхъ ограниченій. [2]).

Не такъ легко совершилась отмѣна имущественнаго ценза; введеніе всеобщаго избирательнаго права для мужчинъ были результатомъ полувѣковой борьбы, которая закончилась только въ срединѣ XIX вѣка, а на югѣ лишь послѣ международной войны.

Исторія борьбы за всеобщее избирательное право представляетъ самую темную страницу въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ. Что заставило политически привилегированное меньшинство поступиться своими преимуществами въ пользу безправнаго большинства? На этотъ вопросъ американскіе историки не даютъ никакого отвѣта, если не считать отвѣтами чисто формальное объясненіе что демократическія ре-

---

[1]) Burgess. „The Civil War and The Constitution", p. p. 73—75.

[2]) Въ видѣ анахронизма въ восьми штатахъ еще и понынѣ сохранились остатки прежнихъ ограниченій. Въ шести южныхъ штатахъ (Мэриландъ, обѣихъ Каролинахъ, Миссисипи, Техасѣ и Аркансо) атеисты лишены права служить по выборамъ; въ торгово-промышленный Пенсильваніи, гдѣ находятся такіе центры, какъ Филадельфія и Питсбургъ, и въ Теннесси не допускаются къ занятію выборныхъ должностей лица, не вѣрующія въ вѣчный судъ и загробную жизнь. Но эти законы въ настоящее время мертвая буква; большинство американцевъ и не подозрѣваетъ о нихъ существованіи.

формы явились результатомъ распространенія „въ народѣ“ демократическихъ идей. Что было причиною распространенія демократическихъ идей? Для господствующаго въ американской исторической наукѣ идеалистическаго направленія такого вопроса не существуетъ.

Въ исторіи встрѣчаются примѣры отреченія высшихъ классовъ отъ принадлежащихъ имъ привилегій, но опытъ американской исторіи показываетъ, что такіе порывы обыкновенно скоропреходящи и не оставляютъ по себѣ прочныхъ результатовъ [1]). Попытаюсь на основаніи отрывочныхъ матеріаловъ, разсѣянныхъ въ трудахъ авторитетовъ американской исторической науки, выяснить соціально-экономическія причины демократизаціи политическаго строя Соединенныхъ Штатовъ.

Въ концѣ XVIII столѣтія государственная власть въ Америкѣ, какъ мы видѣли, покоилась на землевладѣніи. Мірской сходъ въ сельскомъ обществѣ Новой Англіи состоялъ изъ „стариковъ“,—неотдѣлившіеся отъ отца взрослые сыновья, и женатые сыновья, продолжавшіе работать на отцовскомъ хуторѣ, не считались землевладѣльцами и потому и не пользовались избирательными правами. Статистическія данныя за тотъ періодъ крайне скудны, но если положить въ среднемъ на каждаго домохозяина только по одному взрослому сыну, то и тогда окажется, что половина всѣхъ домохозяйствъ пользовалась правомъ представительства. Между стариками, обладавшими избирательными правами, и младшими членами семьи, лично не имѣвшими права голоса, классоваго антагонизма не существовало. Такъ какъ свободной земли повсюду было вдосталь, то многочисленные и малоземельные домохозяева не составляли двухъ враждебныхъ классовъ, а потому деревенскіе избиратели не имѣли интереса поддерживать политическое безправіе своихъ малоземельныхъ сосѣдей.

Съ другой стороны, война за независимость оставила странѣ въ наслѣдіе задолженность землевладѣльческаго населенія, вызванную многолѣтнимъ застоемъ въ дѣлахъ. Въ политической литературѣ и политическихъ дебатахъ того времени рѣчь идетъ постоянно о „классѣ должниковъ“ и „классѣ кредиторовъ“, т. е. ростовщиковъ. Земледѣльческое населеніе въ то время жило бѣдно. Хозяйство носило еще совсѣмъ примитивный характеръ. Землю пахали деревянной сохой, хлѣбъ молотили цѣпомъ. Фермеръ жилъ въ курной избѣ, одѣвался въ домотканную холстину и питался чернымъ хлѣбомъ. Чай и сахаръ были роскошью. Хозяйство

[1]) Это чрезвычайно ярко иллюстрируется исторіей освобожденія негровъ, о чемъ подробнѣе см. ниже.

было чисто натуральное. Фермеръ расходовалъ наличными деньгами не болѣе 10 долл. въ годъ, лишь на такіе предметы, какъ гвозди, соль и т. п. При такомъ хозяйственномъ строѣ частная задолженность въ Массачусетсѣ достигла 50 долл. на душу, т. е. приблизительно 200 долл. на домохозяйство. Въ то время законъ не зналъ никакихъ изъятій отъ описи и продажи имущества за долги; продажа фермы съ публичныхъ торговъ по исполнительному листу была повседневнымъ явленіемъ. Если имущества должника недоставало на удовлетвореніе взысканія, то ему грозило заключеніе въ тюрьмѣ. Эти юридическія условія порождали сильное озлобленіе деревенскихъ должниковъ противъ кредиторовъ, которыми являлись городскіе купцы. Классовая борьба между задолженнымъ землевладѣніемъ и ростовщическимъ капиталомъ приняла политическій характеръ. Представители должниковъ добивались въ законодательномъ порядкѣ льготъ по взысканію долговъ, но большинство въ законодательныхъ собраніяхъ представляло интересы кредиторовъ. Враждебное настроеніе должниковъ противъ кредиторовъ до того обострилось, что мѣстами дѣло доходило до открытаго бунта. Крестьяне стекались толпами въ города и производили нападенія на суды и адвокатовъ. Арестованныхъ за участіе въ безпорядкахъ толпа освобождала изъ тюремъ силой. Бунтъ Шэйза, вспыхнувшій въ Массачусетсѣ въ 1786 г. и продолжавшійся всю зиму, ускорилъ созывъ учредительнаго собранія для выработки федеральной конституціи [1]).

Эти волненія дали толчокъ распространенію демократическихъ идей среди задолженнаго землевладѣльческаго класса. Для успѣшной борьбы съ ростовщиками необходимо было расширеніе избирательныхъ правъ. Такъ какъ классъ кредиторовъ поддерживалъ партію федералистовъ, то среди должниковъ стала расти популярность оппозиціи, присвоившей себѣ названіе республиканцевъ. Республиканская партія, духовнымъ вождемъ которой былъ Джефферсонъ, поставила себѣ задачей отмѣну избирательнаго ценза. Шагъ за шагомъ право голоса было предоставлено совершеннолѣтнимъ сыновьямъ фермеровъ, обладавшихъ избирательнымъ цензомъ, затѣмъ всѣмъ плательщикамъ прямыхъ налоговъ. Недочеты земледѣльческаго хозяйства вызвали отходъ на заработки изъ деревень въ города, гдѣ стала развиваться промышленность. Благодаря этому, между фермерами и тру-

[1]) Шэйзъ, ветеранъ революціонной арміи, набралъ значительный отрядъ и съ помощью его овладѣлъ большою частью штата. На усмиреніе бунта потребовалась вся милиція штата.

довымъ населеніемъ городовъ установилась экономическая и духовная связь, которая способствовала распространенію избирательныхъ правъ на массу городскихъ жителей. Усиленіе демократическаго начала въ законодательствѣ повело къ отмѣнѣ личнаго задержанія за долги и установленію широкихъ льготъ въ пользу должниковъ.

Такими представляются мнѣ экономическія причины введенія всеобщаго избирательнаго права въ старыхъ „свободныхъ“ (т. е. нерабовладѣльческихъ) штатахъ. Въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ штатахъ сохранились еще остатки имущественнаго ценза въ видѣ требованія взноса подушной подачи; но размѣръ ея обыкновенно не превышаетъ одного-двухъ долларовъ въ годъ, за неимущихъ или индиферентныхъ избирателей подушную подать обыкновенно вносятъ политическія партіи, добивающіяся ихъ голосовъ. Такимъ образомъ, недопущеніе недоимщиковъ къ участію въ выборахъ фактически утратило значеніе ограниченія всеобщаго избирательнаго права.

Піонерами американской демократіи были западные штаты, образовавшіеся изъ земель, уступленныхъ старыми штатами союзу, пріобрѣтенныхъ отъ Франціи покупкою въ 1803 г. и отвоеванныхъ у Мексики въ 1847 г. Въ этихъ новыхъ территоріяхъ въ началѣ ихъ заселенія не было ощутительнаго имущественнаго неравенства; земля не имѣла почти никакой цѣнности и была доступна всякому; размѣры землевладѣнія опредѣлялись рабочими силами переселенческой семьи; единственнымъ источникомъ достатка былъ трудъ. Населеніе было рѣдко и разсѣяно по хуторамъ; за отсутствіемъ селъ и городовъ, центромъ, вокругъ котораго оно группировалось, служила школа. Основной единицей общественнаго управленія во многихъ западныхъ штатахъ былъ и остался до сихъ поръ школьный участокъ. Въ содержаніи школы были одинаково заинтересованы всѣ жители участка, въ расходахъ на нее точно также участвовали всѣ жители, а потому всеобщее право голоса явилось естественнымъ результатомъ условій колонизаціи этихъ территорій. Первая изъ западныхъ территорій, принятая въ число штатовъ въ 1792 г., Кентокки, въ своей конституціи предоставила избирательное право всѣмъ бѣлымъ гражданамъ мужескаго пола. Всѣ послѣдующія конституціи новыхъ западныхъ штатовъ положили всеобщее избирательное право, съ указанными ограниченіями, въ основу политическаго строя.

Вольноотпущеннымъ цвѣтнокожимъ и ихъ потомкамъ избирательныя права были предоставлены кое-гдѣ на сѣверѣ еще въ рабскую эпоху, подъ вліяніемъ идеалистиче-

скаго движенія противъ рабства; искать экономическихъ причинъ распространенія на нихъ политическихъ правъ было бы совершенно напрасно, потому что какъ численно, такъ и по своей экономической силѣ, цвѣтнокожіе на сѣверѣ представляли quantité negligeable. Полное и повсемѣстное уравненіе ихъ въ правахъ съ бѣлыми явилось лишь плодомъ междуусобной войны. На югѣ, впрочемъ, политическая равноправность цвѣтнокожихъ удержалась очень недолго; въ настоящее время она въ однихъ южныхъ штатахъ уже отмѣнена, а въ остальныхъ отнятіе политическихъ правъ у цвѣтнокожихъ лишь вопросъ времени.

Изъ предыдущаго мы видимъ, что американская демократія—произведеніе американскаго крестьянства. Она выросла изъ сельскаго схода; она опиралась на активное участіе каждаго фермера въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ, непосредственно затрогивающихъ его ближайшіе повседневные матеріальные интересы. Девятнадцатый вѣкъ характеризуется ростомъ городовъ, какъ абсолютнымъ, такъ и относительнымъ, насчетъ сельскаго населенія. Въ 1800 г. города съ населеніемъ въ 8.000 жит. и болѣе заключали въ себѣ только 4% всего населенія Соединенныхъ Штатовъ. Въ 1900 г. населеніе городовъ той-же категоріи возросло до 33,1% всего населенія страны. Въ самыхъ населенныхъ промышленныхъ штатахъ городское населеніе значительно преобладаетъ надъ сельскимъ, какъ показываетъ слѣдующая табличка:

Штаты:	% населенія въ городахъ съ 4.000 жит. и болѣе [1]).
Родъ-Айландъ.	91,6
Массачусетсъ	86,9
Нью-Іоркъ	71,2
Нью-Джерзи	67,5
Коннетикутъ	65,5
Пеннильванія	51,1
Иллинойзъ	51,0

При всеобщемъ избирательномъ правѣ политическое соотношеніе города и деревни опредѣляется относительною численностью ихъ населенія. Отсюда ясно, что старые устои американской демократіи расшатаны. Политическій центръ

---

[1]) Census Reports (XII census), vol. I, p. LXXXVI.—Въ этихъ семи штатахъ сосредоточено около одной трети всего населенія Соединенныхъ Штатовъ.

тяжести такихъ штатовъ, какъ Нью-Іоркъ или Пенсильванія, въ большихъ городахъ—Нью-Іоркѣ, Филадельфіи. А при американской системѣ президентскихъ выборовъ отъ этихъ штатовъ зависитъ характеръ федеральнаго правительства. Такимъ образомъ, настоящее и будущее американской демократіи опредѣляются политической физіономіей города. Посмотримъ-же, что такое американскій городъ.

VIII.

Политическія партіи.

За исключеніемъ пяти городовъ, существовавшихъ уже о время провозглашенія независимости, всѣ остальные города выросли изъ селъ со времени основанія Соединенныхъ Штатовъ. Типичный примѣръ представляетъ Бостонъ, который въ эпоху революціи былъ торговымъ селомъ съ 15.000 жителей. Обсужденіе общественныхъ дѣлъ на мірскомъ сходѣ уже и въ то время представлялось крайне неудобнымъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ порядокъ продержался до 1820 года. Въ послѣдніе годы на сходы являлось до 6.000 человѣкъ. Понятно, вести дѣла въ такой многолюдной толпѣ совершенно невозможно, не говоря уже о широкомъ просторѣ для злоупотребленій. Непосредственную демократію мірского схода пришлось замѣнить представительнымъ управленіемъ.

Эта перемѣна положила начало выдѣленію „политики“ въ особую отрасль общественнаго раздѣленія труда. Абстрактная теорія рисовала демократію, какъ такую форму правленія, въ которой весь народъ принимаетъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Если въ представительной демократіи это участіе ограничивается выборомъ представителей, то все-же предполагается, что всѣ избиратели, или, по крайней мѣрѣ, значительное большинство, знакомы въ общихъ чертахъ съ дѣлами, веденіе которыхъ они поручаютъ своимъ выборнымъ, — что каждый избиратель составилъ себѣ мнѣніе о желательномъ порядкѣ веденія общественныхъ дѣлъ,—что онъ имѣетъ свѣдѣнія о личности своего кандидата и сознательно отдаетъ ему предпочтеніе передъ его соперниками. Въ дѣйствительности, ни одного изъ этихъ условій не существуетъ въ большомъ городѣ. Функціи городского хозяйства въ Нью-Іоркѣ, Филадельфіи или Чикаго такъ многообразны и сложны, что огромное большинство избирателей имѣетъ объ нихъ лишь весьма смутное понятіе. Плательщики прямыхъ налоговъ заинтересованы въ экономномъ управленіи городскими финансами; домовладѣльцы

заинтересованы въ улучшеніи улицъ, гдѣ расположены ихъ имущества. Но большинство городскихъ жителей не обладаетъ собственностью и вслѣдствіе этого изъято отъ платежа прямыхъ налоговъ, а косвенные налоги неощутительны. При подвижности городского населенія большинство квартиронанимателей очень слабо связано съ тою мѣстностью, гдѣ они въ данное время живутъ. Между жителями одного и того-же избирательнаго участка сосѣдскихъ связей не существуетъ, они рѣдко даже знаютъ другъ друга.

Къ этому нужно прибавить вліяніе иммиграціи. Въ крупныхъ центрахъ большой процентъ избирателей иностраннаго происхожденія [1]).

На родинѣ многіе изъ нихъ не пользовались избирательными правами и не обнаруживали никакого интереса къ общественнымъ дѣламъ. Рѣдкіе изъ нихъ пріобрѣтаютъ знакомство съ американскими политическими учрежденіями. Всѣ эти условія въ совокупности порождаютъ полнѣйшій индифферентизмъ большинства избирателей къ городскимъ дѣламъ.

Между тѣмъ, частость выборовъ и обиліе выборныхъ должностей дѣлаютъ необходимымъ существованіе сложнаго избирательнаго аппарата. Кто-нибудь долженъ пріискать кандидатовъ на всѣ вакантныя должности, оповѣстить избирателей заблаговременно о личности кандидата, позаботиться о выполненіи установленныхъ закономъ формальностей. Предвыборная агитація тоже требуетъ огромнаго труда. Устройство каждаго митинга предполагаетъ массу невидной черной работы: нужно нанять залъ, помѣстить въ газетахъ объявленія о времени и мѣстѣ предстоящаго собранія, составить и отпечатать воззванія о томъ-же, нанять мальчиковъ для раздачи воззваній прохожимъ, и проч. Этимъ далеко не исчерпывается агитація. Большинство избирателей на митинги никогда не ходитъ, имъ нужно доставить агитаціонную литературу на домъ. Въ Нью-Іоркѣ свыше семисотъ тысячъ избирателей, въ Чикаго болѣе четырехсотъ тысячъ,—сколько требуется труда на одну только разсылку листковъ и бро-

---

[1]) Процентъ натурализованныхъ къ общему числу избирателей по даннымъ ценза 1900 г. былъ слѣдующій:

въ Чикаго	44
„ Нью-Іоркѣ	40
„ Кливлэндѣ	40
„ Детройтѣ	40
„ С.-Франсиско	38
„ Милвоки	38
„ Миннеаполисѣ	36

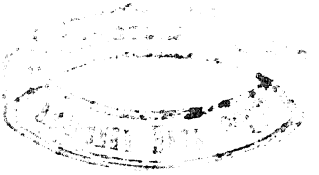
Census Reports. Population. Part. Tables 80,82. (Проценты вычислены мною).

шюръ! Въ городахъ съ космополитическимъ населеніемъ вся эта литература печатается на всевозможныхъ языкахъ. Для доставки каждому избирателю литературы на его родномъ языкѣ, лица, завѣдующія этой частью, должны обладать свѣдѣніями обо всѣхъ жителяхъ. Но и раздачею литературы дѣло не ограничивается, ибо большая часть ея попадаетъ въ сорную кучу нечитанной. Чтобы преодолѣть упорное равнодушіе избирателей, сторонники каждаго кандидата, а то и самъ онъ лично, обходятъ избирателей своего участка и убѣждаютъ ихъ вотировать за него. Наконецъ, въ день выборовъ въ каждомъ избирательномъ околоткѣ дежурятъ представители каждаго кандидата, чтобы слѣдить за правильнымъ ходомъ баллотировки.

Отъ всей этой будничной, неинтересной, не парадной работы огромное большинство избирателей уклоняется. Въ силу этого она сосредоточилась въ рукахъ небольшой кучки добровольцевъ, которые изъ нея сдѣлали особую спеціальность. Это—„политиканы“.

Абстрактный идеалъ демократіи—замѣщеніе всѣхъ общественныхъ должностей по выбору. Этотъ идеалъ въ чистомъ видѣ осуществлялся въ сельскомъ управленіи Новой Англіи, гдѣ выборный сельскій писарь лично справлялся со всей канцелярской работой примитивнаго общественнаго хозяйства. Въ городахъ, гдѣ нужды общественной службы такъ разрослись, что штатъ служащихъ исчисляется тысячами и даже десятками тысячъ, объ избраніи каждаго сторожа и старшаго помощника младшаго писаря суверенным народомъ фактически не можетъ быть и рѣчи. „Народная воля“ осуществляется здѣсь тѣмъ, что замѣщеніе всѣхъ этихъ должностей поручается выборнымъ главамъ общественныхъ учрежденій—городскому головѣ, казначею, контролеру, юрисконсульту и т. п. Такъ какъ ростъ городовъ выдѣлилъ всю предварительную работу, связанную съ замѣщеніемъ выборныхъ должностей, въ особую отрасль раздѣленія труда, то на долю соціальной группы, избравшей „политику“ своей профессіей, досталось и пріисканіе кандидатовъ на всѣ должности по назначенію. Этимъ путемъ создана была экономическая основа для существованія особаго сословія политикановъ. Юридически это сословіе не пользуется признаніемъ, такъ какъ американскій законъ вообще игнорируетъ общественные классы. Нѣтъ этого сословія также ни въ одной изъ ходячихъ схемъ раздѣленія общества на классы, тѣмъ не менѣе сословіе политикановъ имѣетъ такое-же реальное существованіе, какъ классъ капиталистовъ или рабочій классъ.

Вильянъ Дженнингзъ Брайанъ,
вождь радикальной фракціи демократической партіи.



Дѣятельность политикановъ требуетъ организованной кооперации. Форму организации сословія политикановъ представляетъ политическая партія. Благодаря отсутствію признанныхъ закономъ политическихъ партій въ Россіи, въ умѣ русскаго читателя съ представленіемъ о „партіи“ ассоціируется болѣе или менѣе неопредѣленное понятіе о свободномъ союзѣ единомышленниковъ, связанныхъ общею альтруистическою цѣлью—служеніемъ „идеѣ“, „народу“, „классу“; терминологія за истекшіе полвѣка мѣнялась, но сущность остается та-же. Это представленіе совершенно не соотвѣтствуетъ реальному характеру американскихъ политическихъ партій. Всякая американская политическая партія—организація политикановъ съ цѣлью распредѣленія общественныхъ должностей между ея членами. Возникши изъ условій городской жизни, политическія партіи естественно должны были распространить свою дѣятельность на всѣ выборныя должности, какъ-то: членовъ мѣстнаго законодательнаго собранія или депутатовъ конгресса отъ избирательныхъ участковъ, расположенныхъ въ предѣлахъ города. Дальнѣйшимъ шагомъ было объединеніе мѣстныхъ политическихъ организацій въ предѣлахъ графства, штата и союза въ центральныя организаціи для руководства выборами на должности шерифа, губернатора, судей, федеральныхъ сенаторовъ, президента и проч. При господствѣ конкуренціи естественно было-бы ожидать въ странѣ съ такимъ разношерстнымъ населеніемъ образованія многочисленныхъ партій, какъ, напр., въ Австріи. Но этому мѣшаетъ унаслѣдованный отъ Англіи порядокъ выборовъ: избраннымъ считается кандидатъ, получившій при первомъ голосованіи относительное большинство. Когда въ состязаніи на одну и ту же должность принимаетъ участіе нѣсколько кандидатовъ, шансы каждаго крайне проблематичны. Такъ какъ отъ успѣха каждаго кандидата зависятъ интересы многочисленныхъ искателей теплыхъ мѣстъ, то для послѣднихъ прямая выгода въ союзъ возможно большаго числа организацій. Вслѣдствіе этого нормальное число политическихъ партій не превышаетъ двухъ. Порою возникаютъ такъ называемыя „третьи партіи“, но онѣ обыкновенно привлекаютъ къ себѣ небольшое число голосовъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда онѣ достигаютъ значительнаго вліянія, дѣло обыкновенно кончается коалиціей третьей партіи съ одною изъ двухъ большихъ партій. Съ другой стороны въ нѣкоторыхъ штатахъ уже произошла консолидація всѣхъ политикановъ въ одну партію; таково положеніе дѣлъ въ Пенсильваніи, гдѣ существуетъ только одна республиканская партія, а демократическая составляетъ лишь негласное отдѣленіе

республиканской; таково-же положеніе и въ большинствѣ южныхъ штатовъ, гдѣ кандидатовъ выставляетъ одна только демократическая партія.

Политическая программа—не цѣль партіи, а средство къ достиженію успѣха на выборахъ. Оттого программы политическихъ партій отличаются крайнею неопредѣленностью и неустойчивостью. Каждая партія избѣгаетъ, елико возможно, рѣшительныхъ заявленій по жгучимъ вопросамъ дня, чтобы никого не оттолкнуть, и старается всѣмъ угодить двусмысленными обѣщаніями. Въ подтвержденіе этого пришлось-бы пересказать всю политическую исторію Соединенныхъ Штатовъ, начиная со второй четверти XIX вѣка. Ограничусь для иллюстраціи современными событіями.

Съ середины 70-хъ гг. до 1896 г. вопросъ о биметаллизмѣ былъ однимъ изъ очередныхъ вопросовъ финансовой политики Соединенныхъ Штатовъ. Между тѣмъ, до президентская кампаніи 1896 г. ни республиканская, ни демократическая партія не имѣли опредѣленной программы по этому вопросу: въ западныхъ штатахъ одна фракція республиканской партіи стояла за вольную чеканку серебра, въ восточныхъ часть демократовъ упорно отстаивала золотую валюту. Безпринципность американскихъ политикановъ блистательно заявила себя на республиканскомъ съѣздѣ 1896 г. въ С.-Луи, гдѣ большинствомъ голосовъ принята была „золотая“ платформа и кандидатомъ на постъ президента выставленъ Макъ-Кинли, который чуть-ли не наканунѣ высказывался и вотировалъ въ конгрессѣ за биметаллизмъ. На послѣднихъ президентскихъ выборахъ (1904 г.) всѣ усилія демократической партіи были направлены на то, чтобы демократическая платформа какъ можно больше походила на республиканскую.

Съ 1896 г. демократическая партія выступала, какъ противница тростовъ, а республиканская партія, какъ ихъ прислужница. Въ 1904 г. партіи помѣнялись ролями, и въ настоящій моментъ администрація Розевелта проводитъ ту программу, которую партія Брайана проповѣдывала въ теченіе восьми лѣтъ.

Европейскія понятія о консервативной, либеральной или радикальной партіи совершенно неприложимы къ американскимъ партіямъ. Партія, которая была ультра-радикальной вчера, можетъ стать ультра-консервативной сегодня,— это показала метаморфоза демократической партіи на съѣздѣ въ С.-Луи въ 1904 г., гдѣ выставлена была президентская кандидатура Паркера. Та-же самая партія можетъ быть реакціонна по одному вопросу и прогрессивна по другому; напр. республиканская партія въ своей платформѣ требуетъ равно-

правности цвѣтнокожихъ и въ то же время отказываетъ въ элементарныхъ гражданскихъ правахъ филиппинцамъ. Наоборотъ, демократическая партія протестуетъ противъ колоніальнаго управленія на Филиппинскихъ островахъ, исходя изъ положенія Декларації Независимости, что правительство почерпаетъ законный авторитетъ единственно изъ согласія управляемыхъ; въ то-же время демократическая партія стоитъ за господство бѣлой расы на югѣ и съ этою цѣлью лишала цвѣтнокожихъ права голоса.

Ни одна изъ двухъ большихъ партій никогда не выступаетъ въ роли піонера новыхъ идей. Агитацію въ пользу реформы обыкновенно возбуждаютъ независимые, безпартійные союзы; иногда они временно организуются на подобіе политическихъ партій и выставляютъ своихъ кандидатовъ для счета голосовъ. Огромное большинство избирателей вотируетъ по племеннымъ или семейнымъ традиціямъ, или просто по инерціи за одну и ту-же партію, совершенно не взирая на ея программу [1]). Но рядомъ съ этой массой, которую нѣмцы очень очень мѣтко называютъ Stimmvieh (голосующей скотиной), есть меньшинство приблизительно милліона въ два избирателей, которые не идутъ въ хвостѣ никакой партіи, а вотируютъ то за ту, то за другую, руководствуясь своими личными или классовыми интересами, или своими мнѣніями по вопросамъ дня, или личностью кандидата. Группировкою этихъ независимыхъ избирателей обусловливается исходъ выборовъ. Поэтому, когда требованіе реформы пріобрѣтаетъ поддержку значительнаго меньшинства избирателей, голоса которыхъ способны дать перевѣсъ той или другой изъ большихъ партій, тогда обыкновенно одна изъ нихъ, а зачастую и обѣ вносятъ въ свою платформу популярное требованіе, чтобы привлечь на свою сторону голоса его сторонниковъ.

Этой шаткостью политическихъ программъ объясняются колебанія политическаго маятника отъ республиканцевъ къ демократамъ и обратно. Дѣятельность политической партіи сопряжена съ огромными издержками. Откуда берутся фонды на ихъ покрытіе? Во первыхъ, всѣ чиновники, обязанные назначеніемъ своей партіи, обложены процентнымъ сборомъ съ жалованья въ пользу партіи. Нью-іоркская организація демократической партіи (Тэммэни - Холлъ) взимаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ десять процентовъ. Въ Нью-Іоркѣ

---

[1]) Напр., ирландцы всегда поддерживаютъ демократическую партію, норвежцы—республиканскую.

около 40.000 городскихъ служащихъ; жалованье въ 1.000 долл. въ годъ считается весьма умѣреннымъ.

Стало быть, одни поборы съ городскихъ служащихъ доставляютъ милліоны. Далѣе, всѣ кандидаты на выборныя должности обязываются внести крупное единовременное пожертвованіе, соразмѣрно съ важностью должности: такъ за кандидатуру въ члены Верховнаго Суда взимается, по послѣдней опубликованной таксѣ, 15.000 долл. [1]). Развитіе государственнаго и муниципальнаго хозяйства значительно расширило сферу дѣятельности политическихъ партій. Государство и городъ сами являются потребителями; одинъ городъ Нью-Іоркъ расходуетъ ежегодно десятки милліоновъ на поставки и подряды. Раздача послѣднихъ зависитъ отъ органовъ государственной власти, т. е. отъ господствующей политической партіи. Это привлекаетъ въ ряды ея подрядчиковъ и поставщиковъ. Концессіи на постройку желѣзныхъ дорогъ, съ казенными субсидіями, въ видѣ раздачи государственныхъ земель, или съ государственною гарантіею облигацій, открыли широкое поле для гешефтмахерства. Протекціонный тарифъ создалъ баснословныя богатства. Городскіе трамваи, телефоны, газовые заводы и проч. явились настоящимъ золотымъ дномъ. Для эксплуатаціи этихъ источниковъ представители капитала должны были вступить въ союзъ съ политическими партіями. Въ партійныхъ организаціяхъ капиталисты перемѣшались съ политиканами; милліонеры въ интересахъ наживы стали политиканами; политиканы изъ нищихъ сдѣлались милліонерами. Само собою разумѣется, что американскіе дѣльцы и политиканы стоятъ „по ту сторону добра и зла“. Чудовищныя хищенія, продажность законодательныхъ собраній, депутатовъ конгресса, сенаторовъ, прокуроровъ, судей, злоупотребленія всевозможнаго рода на выборахъ,—вошли въ правило. Всѣ къ этимъ явленіямъ до того привыкли, что никто этимъ не возмущается. Имѣя въ своихъ рукахъ всѣ органы государственной власти, господствующая партія можетъ безнаказанно творить все, что ей угодно. Для пущей безопасности очень часто и оппозиціи удѣляется доля въ добычѣ. Отъ времени до времени, вслѣдствіе пароксизма „гражданскаго благочестія“ (civic righteousness), слишкомъ откровенные рыцари наживы попадаютъ подъ судъ и даже въ тюрьму. Но осужденіе нѣсколькихъ козлищъ отпущенія безсильно искоренить хищеніе, обратив-

---

[1]) На русскомъ языкѣ подробности объ этомъ, на основаніи отчета слѣдственной комиссіи нью-іоркскаго законодательнаго собранія, сообщены были въ моей статьѣ: „Хозяинъ и машина“. „Жизнь“, 1900, III.

шееся въ систему. Припадокъ „реформы“ проходитъ, и черезъ два-три года все снова идетъ по-старому.

Формально организація политическихъ партій копируетъ въ существенныхъ чертахъ политическое устройство Соединенныхъ Штатовъ. Члены партіи, живущіе въ предѣлахъ избирательнаго околотка, выбираютъ представителя („капитана“) или комитетъ; члены партіи, живущіе въ предѣлахъ участка, избираютъ участковаго лидера; участковые лидеры на городскомъ съѣздѣ избираютъ городской центральный комитетъ; такимъ-же путемъ избираются центральные комитеты графства и штата. „Національный“ (центральный) комитетъ, завѣдующій партійными дѣлами всей страны, избирается на съѣздѣ, собирающемся для выставленія президентской кандидатуры. Таковы постоянныя учрежденія партійнаго управленія, соотвѣтствующія основнымъ политическимъ подраздѣленіямъ. Кромѣ нихъ, существуетъ еще цѣлая сѣть избирательныхъ округовъ для разныхъ цѣлей: городъ раздѣляется на округа для избранія гласныхъ думы, на судебные участки для избранія городскихъ судей; штатъ раздѣляется на округа для избранія депутатовъ законодательнаго собранія, на меньшее число округовъ для избранія мѣстныхъ сенаторовъ и на другое число округовъ для избранія представителей въ конгрессъ. Границы этихъ участковъ обыкновенно не совпадаютъ. Для каждаго такого участка на время выборовъ избирается временный комитетъ. Идеалъ федерализма (въ общепринятомъ смыслѣ) достигнутъ въ организаціи политическихъ партій: формально каждый участокъ вполнѣ автономенъ въ своихъ дѣлахъ, вся организація идетъ „снизу вверхъ“; всякій избирательный округъ самъ за себя рѣшаетъ вопросъ о кандидатурахъ, при чемъ неписанный обычай требуетъ, чтобы кандидатомъ отъ каждаго округа былъ человѣкъ, живущій въ его предѣлахъ. Членомъ партіи можетъ быть всякій желающій; для пріема въ партію не требуется никакихъ рекомендацій; членъ партіи не обязанъ дѣлать никакихъ взносовъ на содержаніе партіи и не несетъ никакихъ обязанностей, кромѣ такихъ, какія онъ беретъ на себя добровольно. Всякій членъ партіи пользуется правомъ рѣшающаго голоса въ партійныхъ дѣлахъ. На дѣлѣ, однако, весь этотъ демократическій аппаратъ—не болѣе, какъ фикція. Успѣхъ партіи на выборахъ много зависитъ отъ денежныхъ средствъ на агитацію и подкупъ избирателей: чѣмъ больше денегъ у партіи, тѣмъ больше голосовъ она можетъ купить въ спорныхъ участкахъ. Однимъ изъ главныхъ источниковъ партійныхъ финансовъ служатъ пожертвованія акціонерныхъ компаній, домогающихся концессій на невыгодныхъ условіяхъ

для казны или для населенія, или же несоблюденія стѣснительныхъ законовъ, ограждающихъ жизнь и здоровье публики. Другимъ немаловажнымъ источникомъ дохода служатъ поборы съ кабаковъ, игорныхъ домовъ, публичныхъ домовъ и воровскихъ притоновъ. Дѣятельность партіи требуетъ поэтому строжайшей конспираціи, которая въ свою очередь дѣлаетъ необходимой централизацію. Въ каждой соціальной группѣ, какъ-бы она ни называлась, есть обыкновенно естественный вождь, которому остальные члены группы подчиняются, „не токмо за страхъ, но и за совѣсть“. Такому вождю въ интересахъ партіи предоставляется завѣдываніе финансами партіи. Для этого не требуется формальныхъ полномочій: вождь партіи очень часто не занимаетъ никакой должности въ партійномъ управленіи, предоставляя всѣ должности своимъ креатурамъ. Получивши жирный кушъ съ капиталистической компаніи, вождь партіи, понятно, долженъ имѣть возможность выполнить условія, на которыхъ сдѣлано пожертвованіе; для этого-же необходимо, чтобы всѣ кандидаты въ городскую думу, законодательное собраніе и проч. были людьми, послушными его волѣ. Выборъ кандидатовъ на важнѣйшія должности онъ можетъ произвести самъ; но число мѣстныхъ кандидатовъ слишкомъ велико для этого, а потому пріисканіе ихъ приходится предоставить мѣстнымъ лидерамъ. Само собою разумѣется, это должны быть люди, на которыхъ партійный диктаторъ вполнѣ можетъ положиться. Мѣстный лидеръ, въ свою очередь, долженъ позаботиться, чтобы собраніе членовъ партіи „ввѣреннаго“ ему участка выставило желательнаго кандидата. Каждый членъ партіи имѣетъ право голоса, которымъ онъ можетъ распорядиться по своему усмотрѣнію. Но люди вступаютъ въ политическую партію ради личныхъ выгодъ,—единичныя исключенія не идутъ въ счетъ. Вѣрнѣйшимъ средствомъ для этой цѣли является угожденіе мѣстному партійному начальству, отъ котораго зависитъ представленіе „къ крестишку иль къ мѣстечку“.

Такимъ-то образомъ, весь демократическій аппаратъ партіи является такимъ-же послушнымъ орудіемъ въ рукахъ ея атамана, какъ римскій сенатъ въ рукахъ императоровъ. По американской терминологіи, атаманъ партіи называется „хозяиномъ“ (boss), а организація—„машиной“. Политическая машина представляетъ осуществленіе самодержавнаго начала подъ покровомъ демократическихъ формъ. „Хозяинъ“ въ Нью-Іоркѣ или Пенсильваніи въ полномъ смыслѣ слова самодержецъ. Каждый изъ его подручныхъ маленькій самодержецъ въ своей области.

Конечно, во всякой политической партіи всегда находятся недовольные, обойденные при дѣлежѣ „добычи“ (spoils). Порою недовольство доходитъ до открытаго бунта. Отщепенцы выставляютъ собственныхъ кандидатовъ, съ намѣреніемъ оттянуть голоса у офиціальныхъ кандидатовъ партіи и такимъ образомъ провалить послѣднихъ на выборахъ. Но это бунтъ не противъ начала самодержавія, а противъ личности партійнаго самодержца и окружающей его клики. Сама оппозиція тоже имѣетъ своего хозяина и образуетъ особую машину. Въ случаѣ удачи переворота на мѣсто одного хозяина становится другой, или-же дѣло кончается компромиссомъ между враждующими фракціями, но принципъ самодержавія остается неприкосновеннымъ.

Территоріальная юрисдикція хозяина обыкновенно ограничивается однимъ городомъ; есть уже, впрочемъ, хозяева, владѣющіе цѣлымъ штатомъ. Въ предѣлахъ своей территоріи каждый хозяинъ вполнѣ автономенъ; въ дѣлахъ, касающихся болѣе обширной территоріи, согласное дѣйствіе всѣхъ заинтересованныхъ хозяевъ достигается путемъ съѣзда, куда собираются хозяева со своими подручными. Делегаты на этихъ съѣздахъ простые статисты. Всѣ вопросы рѣшаются на предварительныхъ тайныхъ совѣщаніяхъ (caucus) между самыми вліятельными хозяевами, располагающими наибольшимъ числомъ голосовъ. На этихъ совѣщаніяхъ составляется списокъ кандидатовъ, и заранѣе опредѣляется вся процедура съѣзда. Каждый делегатъ вотируетъ согласно хозяйской волѣ. Публичныя засѣданія не болѣе какъ театральное представленіе.

Роль избирателя ограничивается рѣшеніемъ вопроса, какой изъ двухъ политическихъ машинъ отдать предпочтеніе. Въ различныхъ округахъ этотъ вопросъ рѣшается различно, но каковъ-бы ни былъ исходъ выборовъ для той или другой партіи, во всякомъ случаѣ городская дума, законодательное собраніе, конгрессъ, органы исполнительной и судебной власти состоятъ изъ ставленниковъ политическихъ хозяевъ. Замѣщеніе должностей по назначенію номинально производится мэромъ, губернаторомъ, президентомъ,—de facto списокъ кандидатовъ на вакантныя мѣста составляется политическимъ хозяиномъ каждаго округа, мэръ-же, губернаторъ или президентъ ограничивается рукоприкладствомъ.

IX.

Партійная система и законодательныя учрежденія.

Партійный образъ правленія наложилъ свою печать на законодательныя учрежденія.

Благодаря существованію федераціи между штатами, въ умахъ диллетантовъ укоренилось совершенно ложное представленіе, будто американскій государственный строй зиждется на началѣ федерализма въ бакунинскомъ смыслѣ: каждая городская или сельская община вполнѣ-де независима въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, для дѣлъ же, общихъ цѣлому округу, всѣ коммуны соединяются въ окружной союзъ; окружные союзы съ тою-же цѣлью объединены въ штатъ, а штаты въ федерацію. Въ дѣйствительности, самостоятельность штатовъ во внутреннихъ дѣлахъ вытекаетъ не изъ начала мѣстной автономіи (home rule), а изъ государственной независимости штатовъ. Пенсильванія и Виргинія такія-же суверенныя государства, какъ Баварія и Саксонія, что исключаетъ вмѣшательство внѣшней власти въ ихъ государственныя дѣла. Но Мюнхенъ или Филадельфія не обладаютъ суверенитетомъ. Государственная независимость штата вполнѣ совмѣстима съ централизаціей въ его внутреннихъ дѣлахъ. И дѣйствительно, въ управленіи штатовъ централизація съ развитіемъ городовъ достигла невѣроятныхъ размѣровъ. Законодательное собраніе безъ всякаго преувеличенія не что иное, какъ губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе.

Полной мѣстной автономіей пользуется только сельское общество въ Новой Англіи, которое исторически предшествовало колоніи и штату. Сельское общество не болѣе какъ союзъ индивидуумовъ, которые лично рѣшаютъ сами за себя всѣ касающіяся ихъ мѣстныя дѣла. Городское управленіе, напротивъ того, построено на представительномъ началѣ. Права представителей должны быть опредѣлены законодательною властью. Въ эпоху провозглашенія независимости въ тринадцати колоніяхъ было всего пять городовъ; всѣ они управлялись на основаніи особыхъ королевскихъ хартій. Объ общемъ городовомъ положеніи не могло быть рѣчи уже потому, что ни въ одной колоніи не было болѣе одного города. Съ упраздненіемъ королевской власти право выдачи городскихъ хартій перешло къ законодательному собранію. Такъ возникла юридическая теорія, что „городъ есть созданіе законодательнаго собранія“. Законодательное собраніе, опредѣляющее функціи городского управленія, сохраняетъ за собою право расширять или суживать эти функціи.

Утвержденіе партійной системы въ городскомъ управленіи содѣйствовало дальнѣйшему развитію этой теоріи. Реформаторы, по временамъ пробуждавшіеся отъ хронической спячки, искали средства противъ злоупотребленій политической машины въ законодательномъ ограниченіи власти органовъ

городского самоуправленія. Результаты оказались прямо противоположными ожидаемымъ. Городскимъ политиканамъ для успѣшнаго обдѣлыванія дѣлишекъ пришлось лишь привлечь къ участію въ выгодахъ и сельскихъ законодателей. Этимъ положено было основаніе партійнымъ машинамъ, простирающимся на цѣлый штатъ.

Хозяйничаніе законодательнаго собранія въ дѣлахъ городского управленія служитъ несокрушимымъ оплотомъ для политической машины противъ нападеній мѣстной оппозиціи.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда успѣху гешефта въ городской думѣ грозитъ оппозиція большинства избирателей, съ которой приходится считаться, отвѣтственность съ полной безопасностью можетъ быть возложена на законодательное собраніе. Большинство избирателей незнакомо съ мѣстными дѣлами чужого города и не заинтересовано въ томъ, какъ ихъ представитель въ законодательномъ собраніи вотируетъ по этимъ дѣламъ. Мало того, если это представляется необходимымъ въ интересахъ машины, законодательное собраніе можетъ изъять изъ вѣдомства муниципалитета цѣлыя отрасли городского управленія и поручить ихъ особой комиссіи по назначенію губернатора или самого-же законодательнаго собранія.

Бывали примѣры упраздненія всего муниципальнаго самоуправленія и замѣны его комиссіею по назначенію губернатора [1]). Благодаря такой централизаціи, законодательное собраніе завалено въ теченіе каждой сессіи тысячами мѣстныхъ постановленій, съ которыми самый добросовѣстный депутатъ не имѣетъ возможности познакомиться даже по заголовкамъ. При такихъ условіяхъ, о преніяхъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи.

Законопроекты общаго характера разсматриваются въ комиссіяхъ, большинство которыхъ всегда принадлежитъ къ господствующей партіи. Всякій депутатъ вотируетъ по указанію своей партіи. Въ чисто-мѣстныхъ вопросахъ установился обычай „помочей“ (log-rolling): всякій депутатъ, заинтересованный въ какомъ-либо мѣстномъ постановленіи, приватнымъ образомъ столковывается съ членами нужной комиссіи, и билль его принимается безъ чтенія и безъ преній. Такъ какъ каждый депутатъ состоитъ членомъ какой-нибудь комиссіи, то рука руку моетъ.

Благодаря антагонизму между деревней и большими го-

---

[1]) Такая реформа произведена была нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ управленіи городомъ Питсбургомъ съ населеніемъ свыше 300.000 жителей.

родами въ періодъ строительства штатовъ, столица штата обыкновенно помѣщается въ небольшомъ городишкѣ, въ сторонѣ отъ центра настоящей соціальной жизни штата. Скудные отчеты о засѣданіяхъ законодательнаго собранія, помѣщаемые въ видѣ мѣстной хроники, въ мѣстныхъ газетахъ, никогда не попадаются на глаза массѣ публики. Большая пресса объ нихъ обыкновенно не помѣщаетъ никакихъ отчетовъ,—развѣ выплыветъ наружу крупное хищеніе или случится иное сенсаціонное происшествіе. Фактическая келейность производства какъ нельзя лучше способствуетъ обдѣлыванію темныхъ дѣлишекъ. Розевелтъ, который началъ свою политическую карьеру въ нью-іоркскомъ законодательномъ собраніи, отзывается объ немъ слѣдующимъ образомъ: „что Олбани [1]) изобилуетъ политическою безчестностью, нравственной трусостью и взяточничествомъ, въ этомъ не станетъ сомнѣваться ни одинъ изъ тѣхъ, кто имѣлъ личный опытъ въ законодательномъ собраніи". По мнѣнію Брайса, въ законодательныхъ собраніяхъ Нью-Іорка и Пенсильваніи царитъ „такой разгулъ подкупа, воровства и проституціи законодательной власти въ частныхъ интересахъ, какой рѣдко видѣлъ свѣтъ" [2]). Всякому, кто слѣдилъ за американской періодической печатью, извѣстно, что это не исключеніе, а общее явленіе, которое наблюдается во всѣхъ штатахъ.

Общегосударственной политической машины, которая простиралась-бы на всѣ Соединенные Штаты, ни въ одной партіи нѣтъ. Депутаты конгресса и сенаторы—креатуры мѣстныхъ партійныхъ организацій. Единство партійной дѣятельности въ области федеральнаго законодательства достигается при помощи организаціи конгресса.

При открытіи сессіи конгресса въ возобновленномъ составѣ партія большинства выбираетъ предсѣдателя (спикера), который по регламенту палаты облеченъ неограниченною властью. Онъ распредѣляетъ всѣхъ членовъ между многочисленными комиссіями, въ которыхъ подготовляются законопроекты; онъ по своему усмотрѣнію предоставляетъ слово тому или другому депутату; онъ рѣшаетъ всѣ вопросы о порядкѣ преній. Власть его фактически безапелляціонна; парламентскій регламентъ допускаетъ аппеляцію къ палатѣ, но такъ какъ спикеръ всегда имѣетъ за себя большинство, то

---

[1]) Олбани—главный городъ нью-іоркскаго штата;—названіе его употреблено здѣсь какъ олицетвореніе законодательнаго собранія.

[2]) Bryce. „The American Commonwealth", vol. I, p. 540.

аппеляція была-бы совершенно безцѣльна. Брайсъ сравниваетъ его съ Руэромъ при Наполеонѣ III.

Вся сфера законодательной дѣятельности разграничена между конгрессомъ и мѣстными законодательными собраніями не горизонтальной чертой (на высшую и низшую области), а вертикальной: извѣстныя отрасли вѣдаются всецѣло конгрессомъ, который регулируетъ не только общее направленіе дѣлъ, но и всѣ мѣстныя детали. Вслѣдствіе этого, число законопроектовъ, вносимыхъ въ каждую сессію, исчисляется тысячами [1]): это большею частью мѣстные билли. Всякій законопроектъ передается въ подлежащую комиссію, отъ которой зависитъ подвергнуть его обсужденію и внести въ засѣданіе палаты in pleno, или-же „похоронить его въ комиссіи“. Множество биллей вносится въ конгрессъ, чтобы угодить избирателямъ, хотя номинальный авторъ билля заранѣе увѣренъ, что послѣдній будетъ положенъ подъ сукно. Въ каждой комиссіи большинство принадлежитъ къ той партіи, которая преобладаетъ въ палатѣ; рѣшеніе большинства комиссіи поэтому всегда выражаетъ отношеніе господствующей партіи къ законопроекту. Въ большинствѣ случаевъ билли, получившіе одобреніе комиссіи, принимаются безъ преній палатой. Большинство депутатовъ вотируетъ въ пользу билля, не имѣя ни малѣйшаго понятія о его содержаніи уже просто потому, что ознакомленіе съ нимъ превышаетъ человѣческія силы. Обыкновенно билли составляются даже не лично членами конгресса, а юрисконсультами заинтересованныхъ акціонерныхъ учрежденій въ Нью-Іоркѣ, Чикаго и другихъ промышленныхъ центрахъ. Каждое такое учрежденіе содержитъ въ Вашингтонѣ свою депутацію для сношеній съ нужными людьми въ конгрессѣ; желательный билль вносится какимъ-нибудь членомъ конгресса отъ своего имени и принимается обычнымъ рутиннымъ порядкомъ. Эти подпольные депутаты извѣстны подъ собирательной кличкой „корридора“ (the lobby) и прозваны въ насмѣшку „третьей палатой конгресса“.

Благодаря этимъ условіямъ, палата совершенно утратила характеръ совѣщательнаго учрежденія. Не представляетъ она и публичной трибуны, какъ въ Германіи, гдѣ депутаты могли „говорить къ народу черезъ головы рейхстага“. Въ конгрессѣ, какъ сказано выше, право слова зависитъ отъ усмотрѣнія спикера, и пренія по всякому вопросу могутъ быть прекра-

[1]) Въ сессію 1889—91 гг. въ конгрессъ внесено было 19.646 биллей, въ томъ числѣ въ палату 14.328 и въ сенатъ 5.318; изъ нихъ принято было обѣими палатами 2.201. Въ англійскій парламентъ въ 1885 г. внесенъ былъ всего 481 биллъ.—Bryce. „The American Commonwealth“, vol. I, p. 136.

щены по рѣшенію большинства, что составляетъ не исключеніе, а обычную процедуру. Пренія въ палатѣ, по мѣткому выраженію конгрессмэна Хёрста (извѣстнаго газетнаго издателя), не что иное, какъ „испусканіе жеваннаго вѣтра". Рѣчей никто не слушаетъ, потому что рѣшеніе зависитъ не отъ доводовъ въ пользу его, а отъ распредѣленія голосовъ между партіями, которое заранѣе извѣстно, или отъ закулисныхъ сдѣлокъ въ такихъ вопросахъ, въ которыхъ партія не заинтересована. Самыя акустическія условія палаты таковы, что рѣчей и слышать невозможно. Произнесеніе рѣчей въ засѣданіи поэтому замѣняется печатаніемъ ихъ въ ежедневной официальной газетѣ конгресса—„The Congressional Record". Экземпляры газеты съ непроизнесенною рѣчью разсылаются безгласнымъ ораторомъ всѣмъ избирателямъ его округа, которые въ простотѣ и не подозрѣваютъ, что она никогда не была произнесена [1]). Очень часто эти рѣчи сочиняются литературными бюро, которыя принимаютъ заказы на рѣчи всякаго направленія по всякому вопросу.

Въ то время, какъ въ Англіи нижняя палата завоевала себѣ господствующее положеніе, а палата лордовъ утратила всякое значеніе, въ конгрессѣ Соединенныхъ Штатовъ, наоборотъ, абсолютизмъ спикера привелъ къ политической дегенераціи палаты, сенатъ-же занялъ первенствующее мѣсто. Разныя причины приводятся изслѣдователями въ объясненіе возвышенія сената насчетъ палаты.

Мнѣ думается, корень тутъ въ томъ, что сенатъ превратился въ „клубъ милліонеровъ". Часть сенаторовъ—политическіе хозяева своихъ штатовъ, нажившіе состоянія „политикой". Другіе купили себѣ сенаторское кресло за наличныя деньги [1]).

---

[1]) „Во время знаменитыхъ преній о миссурійскомъ компромиссѣ въ 1820 г., которымъ рѣшенъ былъ вопросъ о рабствѣ въ территоріяхъ, представитель одного изъ округовъ Сѣверной Каролины, въ составъ котораго входило графство Бонкомъ, настаивалъ на желаніи говорить, не взирая на совѣты своихъ друзей, „Ради Бонкома,—отвѣчалъ онъ,—мнѣ нужно говорить". Съ тѣхъ поръ это выраженіе (to speak for Buncombe) вошло въ поговорку для характеристики рѣчей, не имѣющихъ цѣлью повліять на аудиторію".—Ostrogorski. „La démocratie et l'organisation des partis politiques", vol. II, p. 313.

[1]) Сенаторъ Маркъ Ханна былъ обвиненъ въ томъ, что онъ добился избранія въ сенатъ путемъ подкупа законодательнаго собранія. По этому дѣлу наряжена была слѣдственная комиссія, въ которой голоса раздѣлились: большинство отвергло обвиненіе, меньшинство-же, состоявшее изъ сторонниковъ его республиканскаго соперника и демократовъ, признало обвиненіе доказаннымъ. Независимое общественное мнѣніе присоединилось къ вердикту меньшинства. Мандатъ мѣднаго короля Кларка въ 1899 году слѣдственной комиссіей сената признанъ былъ недѣй-

Наконецъ, сенатъ независимъ отъ вліянія „третьей палаты“ по той простой причинѣ, что въ немъ засѣдаютъ предсѣдатели, директора и юрисконсульты желѣзнодорожныхъ компаній, тростовъ и другихъ крупно капиталистическихъ предпріятій, которыя нуждаются въ покровительствѣ или невмѣшательствѣ государства. Благодаря этому, сенатъ можетъ приказывать, тогда какъ палата обязана слушаться.

Въ противоположность палатѣ, сенатъ представляетъ настоящую говорильню. Число сенаторовъ со времени принятія конституціи возросло съ 26 до 90. Число это еще и теперь невелико и позволяетъ всякому говорить, сколько угодно. Успѣшныя попытки обструкціи въ сенатѣ въ послѣднее время вызвали было рѣчь о введеніи закрытія преній большинствомъ и въ сенатѣ. Но большая часть сенаторовъ представляетъ частные интересы, вслѣдствіе этого они не поступились-бы сенаторскимъ „достоинствомъ“, хотя-бы и въ интересахъ быстроты процедуры.

Если палата депутатовъ, будучи избираема всеобщею подачею голосовъ, до извѣстной степени чувствительна къ общественному мнѣнію, то этого уже совсѣмъ нельзя сказать о сенатѣ. Сенаторы избираются законодательнымъ собраніемъ штата; съ его характеромъ мы уже знакомы. Подкупить десятокъ-другой депутатовъ возможно и при всеобщей оппозиціи избирателей. Благодаря этому, сенатъ представляетъ настоящій Гибралтаръ капитализма, что проявляется въ каждомъ актѣ его законодательной дѣятельности.

X.

Реакція противъ демократіи.

Партійная система управленія, какъ мы видѣли, представляетъ приспособленіе демократическихъ учрежденій къ политическому господству капиталистической олигархіи. Но демократическія формы все-же, если не фактически, то потенціально, связываютъ руки господствующимъ классамъ. Послѣдніе исподволь подкапываются подъ основы демократіи.

Самую благодарную почву для анти демократической реакціи представляетъ расовый вопросъ: въ Соединенныхъ

ствительнымъ вслѣдствіе подкупа. Но законодательное собраніе Монтаны въ слѣдующую сессію дало ему новый мандатъ, и онъ на этотъ разъ безпрепятственно занялъ сенаторское кресло. Это называется реабилитаціей. Эти случаи выплыли наружу лишь благодаря внутреннимъ раздорамъ въ партіи, но они далеко не единичны.

Штатахъ въ настоящее время круглымъ счетомъ десять милліоновъ цвѣтнокожихъ, къ которымъ бѣлые относятся съ глубокимъ презрѣніемъ.

Цѣлью междуусобной войны, какъ мы знаемъ, была не отмѣна рабства, а неприкосновенность союза. Этимъ объясняется, почему такіе люди, какъ фурьеристъ Горасъ Грили, издатель „New jork Tribune“, главнаго органа аболиціонистовъ [1]), и Прудонъ высказывались противъ принудительныхъ мѣръ къ удержанію южныхъ штатовъ въ союзѣ. Отмѣна рабства была только военной мѣрой для экономическаго истощенія противника. Освобожденіе негровъ выдвинуло вопросъ объ ихъ политическихъ правахъ. Въ сѣверныхъ штатахъ еще до междуусобной войны было свыше 100.000 вольноотпущенныхъ негровъ. По своему юридическому положенію они были настоящими паріями. Даже въ тѣхъ штатахъ, гдѣ имущественный цензъ для избирателей былъ отмѣненъ, онъ былъ удержанъ для цвѣтнокожихъ; въ нѣкоторыхъ штатахъ они и вовсе не пользовались избирательными правами. Цвѣтнокожія дѣти не принимались въ общія учебныя заведенія. Даже аболиціонисты, занимавшіеся переправленіемъ бѣглыхъ рабовъ въ Канаду („кондуктора“ на подземной желѣзной дорогѣ, какъ ихъ называли), были противъ обученія своихъ дѣтей совмѣстно съ цвѣтнокожими въ однѣхъ и тѣхъ-же школахъ.

Пока продолжалась военная оккупація на югѣ, гражданскія права освобожденныхъ рабовъ находились подъ охраною военной власти. Но такое положеніе могло быть только временнымъ. По возстановленіи нормальнаго государственнаго порядка въ южныхъ штатахъ ничего не мѣшало-бы имъ возстановить рабство. И дѣйствительно, въ первыхъ южныхъ конституціяхъ, принятыхъ по прекращеніи войны, заключались положенія, направленныя къ установленію обязательнаго труда негровъ въ плохо замаскированной формѣ. Конгрессъ отвергъ эти конституціи; онѣ сдѣлали совершенно яснымъ, что до тѣхъ поръ, пока государственная власть на югѣ будетъ оставаться въ рукахъ бѣлыхъ, личная свобода негровъ будетъ въ опасности. Единственнымъ средствомъ сдѣлать возстановленіе рабства невозможнымъ было предоставить освобожденнымъ рабамъ политическую равноправность съ ихъ бывшими господами. Это было достигнуто XIV и XV поправками къ конституціи.

Въ междуусобной войнѣ принимало участіе около девяти

---

[1]) Въ этой газетѣ европейскимъ корреспондентомъ состоялъ Карлъ Марксъ.

десятыхъ всего мужского населенія южныхъ штатовъ, начиная съ 15-лѣтняго возраста. Всѣ они были лишены избирательныхъ правъ, какъ мятежники. Такимъ образомъ, большинство избирателей составилось изъ освобожденныхъ рабовъ. Среди нихъ почти не было грамотныхъ, потому что до войны обученіе рабовъ грамотѣ наказывалось на югѣ, какъ преступленіе. Эта невѣжественная масса оказалась благодарной почвой для проходимцевъ того-же типа, какъ обрусители сѣверозападнаго края въ 60-хъ и 70-хъ гг.

Благодаря отсутствію политическаго опыта, сами негры неспособны были къ самоуправленію безъ посторонняго руководства. Въ глазахъ простодушной негритянской массы республиканская партія окружена была ореоломъ „освободительницы". Совершенно естественно негритянскіе голоса поставили пришлыхъ сѣверныхъ республиканскихъ карьеристовъ во главѣ правительства. Подчиненныя мѣста были распредѣлены между цвѣтнокожими. Началась настоящая оргія хищеній. Въ короткое время долгъ южныхъ штатовъ возросъ до чудовищныхъ размѣровъ. Это доставило южнымъ политиканамъ „демократической" партіи удобный предлогъ для агитаціи противъ „негритянскаго владычества". Что цвѣтнокожая раса здѣсь на самомъ дѣлѣ была ни при чемъ, показываетъ сравненіе республиканскаго юга съ городомъ Нью-Іоркомъ, гдѣ какъ разъ въ это самое время хозяйничала знаменитая „шайка Твида", ограбившая городскую казну на двѣсти милліоновъ долларовъ. Въ Нью-Іоркѣ цвѣтнокожіе избиратели составляютъ незначительный процентъ, а шайка Твида распоряжалась судьбами демократической партіи. Деморализація американскаго общественнаго управленія, очевидно, не обусловливается ни расовымъ происхожденіемъ избирателей, ни программами политическихъ партій.

Къ началу 70-хъ гг. бывшимъ инсургентамъ южной конфедераціи дарована была амнистія, возстановившая ихъ въ политическихъ правахъ. Южные политиканы, устраненные отъ общественнаго пирога наѣзжими республиканцами и ихъ подручными изъ мѣстной „бѣлой сволочи" (white thrash), снова подняли голову. Такъ какъ цвѣтнокожіе избиратели составляли оплотъ республиканской партіи, то для побѣды надъ нею необходимо было устранить ихъ отъ участія въ выборахъ. Законными мѣрами этого достигнуть было невозможно. Вслѣдствіе этого организовались тайныя общества, посвятившія себя терроризированію цвѣтнокожихъ избирателей. Убійства, поджоги, погромы были обычными способами борьбы членовъ „клана". Благодаря сочувствію бѣлаго

населенія, преступники всегда оставались безнаказанными. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда виновныхъ удавалось накрыть, къ ихъ услугамъ были сонмища лжесвидѣтелей на судѣ; такъ какъ для обвинительнаго вердикта требуется единогласное рѣшеніе присяжныхъ, то присутствія одного бѣлаго въ ихъ составѣ всегда оказывалось достаточно для оправданія подсудимыхъ. Единственную защиту цвѣтнокожихъ составляло присутствіе федеральныхъ войскъ въ южныхъ штатахъ. Но постоянное вмѣшательство военной силы въ выборную борьбу, наряду съ жалобами южанъ на продажность и злоупотребленія республиканскихъ хозяевъ, вызвало реакцію въ общественномъ мнѣніи сѣвера противъ республиканской политики по отношенію къ югу. Въ 1876 г. войска были отозваны. Съ этого момента начинается открытая борьба за „господство бѣлой расы". Застращиваніе цвѣтнокожихъ избирателей и систематическіе подлоги и обманъ на выборахъ въ скоромъ времени обезпечили большинство за демократической партіей.

Мѣстные бѣлые республиканскіе политиканы нашли болѣе выгоднымъ для себя пристать къ демократической партіи. Вокругъ нея, такимъ образомъ, сплотилось все бѣлое населеніе юга, не взирая на различіе классовыхъ интересовъ. Начиная съ 90-хъ гг. въ одномъ южномъ штатѣ за другимъ созваны были учредительныя собранія для пересмотра конституціи, съ цѣлью совершеннаго устраненія цвѣтнокожихъ отъ всякаго участія въ государственномъ управленіи. Федеральная конституція не позволяетъ лишить ихъ избирательнаго права открыто. Но та-же цѣль достигается путемъ установленія избирательнаго ценза: въ выборахъ могутъ участвовать лишь грамотные или-же лица, владѣющія имуществомъ, оцѣненнымъ въ опредѣленную сумму. Такъ какъ около половины негровъ неграмотны, то большинство обезпечено за бѣлыми. Съ другой стороны, и среди бѣлыхъ на югѣ процентъ неграмотности довольно высокъ, но для нихъ допущено изъятіе: дѣти лицъ, пользовавшихся избирательными правами „до 1868 г.", т. е. до дарованія равноправности неграмъ, пользуются избирательными правами даже и въ томъ случаѣ, когда они сами не удовлетворяютъ требованіямъ избирательнаго закона.

Конечно, господству бѣлой расы угрожаетъ распространеніе грамотности среди цвѣтнокожихъ. Вслѣдствіе этого заботы южныхъ политикановъ направлены на ограниченіе цвѣтнокожимъ доступа къ школѣ. Въ школы для бѣлыхъ дѣтей цвѣтнокожіе вовсе не допускаются; для нихъ суще-

Томъ Джонсонъ,
поборникъ государственнаго и муниципальнаго соціализма.

ствуютъ особыя школы. На содержаніе школъ взимается спеціальный сборъ съ имущества, причемъ по закону сборы съ каждой расы поступаютъ въ спеціальный фондъ на содержаніе школъ для ея подрастающаго поколѣнія. Такъ какъ большинство цвѣтнокожихъ крайне бѣдно, то средства ихъ школьнаго фонда крайне скудны. Вслѣдствіе этого распространеніе грамотности подвигается очень медленно.

Что ограниченіе избирательныхъ правъ негровъ противорѣчитъ если не буквѣ, то духу федеральной конституціи, не можетъ подлежать спору. Но югъ въ настоящее время можетъ считать себя вполнѣ безопаснымъ отъ посторонняго вмѣшательства въ его политику по расовому вопросу. Демократическая партія сѣвера и запада, нуждаясь въ поддержкѣ юга на президентскихъ выборахъ, всецѣло на сторонѣ юга. Даже радикальные демократы, какъ Брайанъ и Хёрстъ, требуютъ невмѣшательства сѣвера во внутреннія дѣла юга и повторяютъ южные доводы о „незрѣлости“ цвѣтнокожей расы. „Республиканская партія,—говоритъ проф. Бёрджесъ,—задавшись цѣлью подчинить верховной власти Соединенныхъ Штатовъ 8.000.000 азіатовъ, измѣнила свой взглядъ на политическія отношенія между расами и фактически восприняла идеи юга по этому вопросу. Бѣлому населенію юга нечего больше безпокоиться, что республиканская партія или республиканское правительство когда-нибудь снова увлечется праздной мечтой о политическомъ равенствѣ людей“ [1]).

Ограниченіе избирательныхъ правъ цвѣтнокожей расы произвело реакцію противъ всеобщаго избирательнаго права и на сѣверѣ. Консервативные „реформаторы“, сторонники „хорошаго управленія“ (good government), видятъ причину всеобщей политической деморализаціи въ томъ, что правомъ голоса пользуется невѣжественная масса, чуждая самыхъ элементарныхъ понятій о задачахъ государства, совершенно индиферентная къ своимъ собственнымъ политическимъ интересамъ и легко доступная подкупу. Они привѣтствуютъ введеніе избирательнаго ценза на югѣ, какъ шагъ въ желательномъ направленіи, и осуждаютъ только изъятія въ пользу бѣлыхъ. Разсужденія доктринеровъ находятъ сочувственный откликъ въ прессѣ, которая является вѣрной выразительницей вожделѣній капиталистическаго класса.

До сихъ поръ эта тенденція не нашла еще себѣ практическаго выраженія. Не вдаваясь въ предсказанія, нельзя, однако, не отмѣтить требованія о затрудненіи натурализаціи

[1]) Burgess. „Reconstruction and the Constitution,“ p. 298.

иностранцевъ. Въ послѣднее время ежегодная цифра иммиграціи въ Соединенные Штаты недалека отъ милліона. Большинство переселенцевъ осѣдаетъ въ большихъ городахъ и увеличиваетъ ряды рабочаго пролетаріата. По дѣйствующему закону, по прожитіи пяти лѣтъ каждый иностранецъ въ правѣ стать гражданиномъ. Судья, которому предъявляется ходатайство о натурализаціи, обязанъ подвергнуть просителя испытанію для удостовѣренія въ знакомствѣ его съ основными положеніями конституціи; но это испытаніе на практикѣ простая формальность. Тѣмъ не менѣе, во всѣхъ большихъ городахъ найдется немало вполнѣ осѣдлыхъ иностранцевъ, прожившихъ на мѣстѣ по десяти и по пятнадцати лѣтъ и никогда не удосужившихся натурализоваться. Затрудненіе натурализаціи привело-бы къ образованію въ городахъ обширнаго слоя рабочихъ, лишенныхъ избирательнаго права.

Политическій идеалъ американской буржуазіи представляетъ муниципальное управленіе города Вашингтона. Участокъ земли, на которомъ расположена федеральная столица, уступленъ былъ штатомъ Мэриландомъ союзу и находится подъ непосредственной юрисдикціей конгресса. Муниципальное управленіе Вашингтона было установлено въ 1802 г. и состояло изъ мэра, по назначенію президента республики, и выборнаго городского совѣта. Въ 1812 году замѣщеніе должности мэра было предоставлено закономъ городскому совѣту, а въ 1820 г. непрямые выборы мэра замѣнены прямымъ народнымъ голосованіемъ. Въ 1871 г. муниципальное управленіе замѣнено было территоріальнымъ. Въ извѣстной мѣрѣ это было расширеніемъ самоуправленія, такъ какъ Вашингтонъ получилъ собственное законодательное собраніе, нижняя палата котораго состояла изъ выборныхъ представителей населенія; сверхъ того, на положеніи территоріи городъ получилъ право избирать делегата въ конгрессъ. Съ другой стороны, выборный мэръ замѣненъ былъ губернаторомъ по назначенію президента, и верхняя палата точно также состояла изъ членовъ по назначенію президента. При мэрѣ учреждено было присутствіе по публичнымъ работамъ, тоже по назначенію президента. Власть надъ бюджетомъ принадлежала нижней палатѣ, избиравшейся посредствомъ всеобщей подачи голосовъ.

Эмансипація рабовъ создала четырехмилліонный безземельный пролетаріатъ; упадокъ земледѣлія на югѣ послѣ войны вызвалъ сильное движеніе цвѣтнокожихъ въ города. Въ Вашингтонѣ численность ихъ достигла одной четверти всего населенія, что доставило имъ значительное вліяніе на

выборахъ, въ особенности благодаря тому, что большой процентъ взрослыхъ жителей мужескаго пола (въ настоящее время около четверти), пришлые федеральные чиновники, сохраняющіе связь съ избирательными округами родныхъ штатовъ, вслѣдствіе чего они не пользовались правомъ голоса въ Вашингтонѣ. Цвѣтнокожіе избиратели были заинтересованы въ производствѣ публичныхъ работъ въ обширныхъ размѣрахъ. Новое управленіе въ теченіе трехъ лѣтъ затратило милліоны на различныя улучшенія: водопроводы, канализацію, мостовыя и проч. „Вашингтонъ, который до того былъ грязнымъ городишкомъ, превращенъ былъ въ прекрасный городъ“ [1]).

Но эти улучшенія во много разъ увеличили обложеніе недвижимой собственности. Домовладѣльцы громко обвиняли губернатора въ злоупотребленіяхъ при раздачѣ подрядовъ. Подкупъ цвѣтнокожихъ на выборахъ производился совершенно открыто. По настоянію представителей собственности, конгрессъ въ 1874 г. упразднилъ самоуправленіе Вашингтона и замѣнилъ его временной комиссіей, которая въ 1878 г. обращена была въ постоянную. Все управленіе сосредоточено въ рукахъ трехъ комиссаровъ по назначенію президента. Смѣта городскихъ расходовъ составляется ими же и вносится министромъ финансовъ въ конгрессъ, который включаетъ ее въ государственный бюджетъ. Законодательная власть въ предѣлахъ города принадлежитъ конгрессу. Судьи всѣхъ инстанцій состоятъ изъ лицъ, назначаемыхъ президентомъ. Жители Вашингтона лишены избирательныхъ правъ.

Вся буржуазная пресса въ одинъ голосъ поетъ хвалу этой системѣ управленія. Вашингтонъ слываетъ „наилучше управляемымъ городомъ въ Соединенныхъ Штатахъ“.

Благодаря отсутствію борьбы партій, никто не заинтересованъ въ обличеніи злоупотребленій, если они и есть [2]).

---

[1]) Willoughby. „Territories and Dependencies of the United States“, p. 313.

[2]) По личнымъ наблюденіямъ, какъ житель Вашингтонскаго вилайета въ теченіе пяти лѣтъ, я склоненъ сомнѣваться въ голубиной чистотѣ здѣшнихъ нашей. Стоитъ взглянуть на вымощенныя асфальтомъ улицы и прекрасные тротуары въ загородныхъ участкахъ, состоящихъ сплошь изъ незастроенныхъ пустырей и сравнить ихъ съ грязью и антигигіеническимъ состояніемъ переулковъ въ самомъ сердцѣ столицы, гдѣ ютится цвѣтнокожая бѣднота, чтобы прійти къ заключенію, что дѣло тутъ не ладно. Пустыри, обрамленные великолѣпными тротуарами и мостовыми, принадлежатъ компаніямъ спекулянтовъ, которые скупили ихъ за безцѣнокъ, а въ настоящее время перепродаютъ участки по высокой цѣнѣ подъ постройку аристократическихъ резиденцій. Между тѣмъ, по настоящее время жители Вашингтона пьютъ мутную, нефильтрованную воду изъ Потомака, потому что у города „нѣтъ средствъ“ на постройку водопровода.

Мѣстная пресса находитъ благоразумнымъ жить въ ладу съ начальствомъ, отъ котораго зависитъ раздача казенныхъ объявленій. „При нынѣшнемъ веденіи дѣла управленіе Вашингтона безспорно болѣе приближается къ идеалу многихъ муниципальныхъ реформаторовъ, чтобы общественное хозяйство вѣдалось тѣмъ-же порядкомъ, какъ частное дѣловое предпріятіе,—нежели управленіе любого города такихъ-же размѣровъ въ Соединенныхъ Штатахъ“ [1]).

Что полная отмѣна городского самоуправленія въ столицѣ республики и замѣна его бюрократіей встрѣчена была полнымъ равнодушіемъ большинства жителей и въ теченіе тридцати лѣтъ не вызвала серьезнаго протеста, а, напротивъ того, выставляется, какъ идеалъ, заслуживаетъ вниманія, какъ симптомъ политическаго настроенія „суверенаго американскаго народа“.

Политическія стремленія командующихъ классовъ американскаго общества нашли себѣ безпрепятственное выраженіе въ колоніяхъ, пріобрѣтенныхъ Соединенными Штатами, какъ результатъ испанско-американской войны. Присоединеніе иностранной территоріи отъ покупки Луизіаны въ 1803 г., до пріобрѣтенія Юты, Невады, Аризоны и Калифорніи на основаніи мира съ Мексикой въ 1848 г., прежде имѣло конечною цѣлью образованіе независимыхъ штатовъ. Въ видѣ переходной стадіи, въ присоединенныхъ земляхъ учреждалось территоріальное управленіе, которое предоставляло жителямъ рѣшающій голосъ въ законодательствѣ и мѣстномъ самоуправленіи, оставляя за президентомъ право назначенія губернатора и судебныхъ чиновъ.

Управленіе Филиппинскими островами съ ихъ восьмимилліоннымъ населеніемъ представляетъ коренное отступленіе отъ всѣхъ американскихъ традицій. Мы не будемъ касаться военнаго управленія островами, которое по своей безчеловѣчности далеко оставило за собою жестокости Чингисъ-Хана или Тамерлана. Шестьсотъ тысячъ туземцевъ, стариковъ, женщинъ и дѣтей было хладнокровно перебито, или погибло отъ огня, голода и болѣзней при усмиреніи такъ называемаго „мятежа“ противъ правительства Соединенныхъ Штатовъ [2]). Разсмотримъ нормальный порядокъ гражданскаго

[1]) Willoughby. „Territories and Dependencies of the United States“, p. 318.

[2]) Moorfield Story. Secretary Roots Record in Philippine Warfare, p. 26. Въ моментъ заключенія парижскаго мира между Соединенными Штатами и Испаніей, Филипинскіе острова находились подъ управленіемъ избраннаго народомъ революціоннаго правительства, съ которымъ командующіе американскими войсками состояли de facto въ союзныхъ отношеніяхъ. Соединенные Штаты, пріобрѣтая отъ Испаніи территорію, надъ которою она фактически потеряла всякую власть, становились въ поло-

управленія, установленный конгрессомъ, по покоренін архипелага, закономъ 1902 г.

Вся исполнительная власть сосредоточена въ рукахъ губернатора и комиссіи, назначенныхъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ. Той-же комиссіи принадлежитъ и законодательная власть. Все судебное вѣдомство состоитъ изъ чиновниковъ по назначенію исполнительной власти; члены кассаціоннаго суда назначаются президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, а всѣ прочіе чины губернаторомъ по совѣщаніи съ комиссіей.

Единственное выборное должностное лицо областного управленія—областной губернаторъ, который избирается общимъ съѣздомъ гласныхъ муниципальныхъ совѣтовъ. Но утвержденіе избраннаго ими кандидата зависитъ отъ усмотрѣнія гражданскаго губернатора архипелага. „Если имѣется основательное подозрѣніе въ его неблагонадежности“ [1]), то въ утвержденіи его можетъ быть отказано, и замѣститель его назначается гражданскимъ губернаторомъ по совѣщаніи съ комиссіей.

Въ испанскомъ судопроизводствѣ признавались право отвода судей сторонами и имущественная отвѣтственность судей за постановленіе неправильныхъ приговоровъ; обѣ эти гарантіи правосудія отмѣнены новымъ уставомъ судопроизводства.

Муниципальное управленіе состоитъ изъ президента (головы) и муниципальнаго совѣта, избираемыхъ мѣстными жителями. Избирательное право предоставлено только тѣмъ изъ туземцевъ, которые умѣютъ читать и писать по-испански, т. е. небольшому меньшинству, и тѣмъ, которые владѣютъ недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ, по меньшей мѣрѣ, въ 500 песо (рублей), или обложены сборами на сумму не менѣе 30 песо въ годъ.

женіе непріятельской націи, которой еще предстояло завоевать уступленную территорію. Помимо того, что правительство Соединенныхъ Штатовъ этимъ актомъ совершило явную измѣну противъ своихъ военныхъ союзниковъ, военныя дѣйствія филиппинскаго правительства противъ Соединенныхъ Штатовъ начались за годъ до ратификаціи мирнаго договора съ Испаніей, когда филиппинцы еще и юридически не были подданными американскаго правительства. De jure въ тотъ моментъ испанское правительство еще заявляло притязанія на верховную власть надъ островами,—иначе и рѣчи не могло-бы быть объ уступкѣ суверенитета; de facto верховная власть находилась въ рукахъ революціоннаго правительства. Слѣдовательно, съ юридической точки зрѣнія, война филиппинцевъ противъ нашествія американской орды никоимъ образомъ не можетъ разсматриваться, какъ „возстаніе противъ установленныхъ властей“.

[1]) Willoughby. „Territories and Dependencies of the United States“, p. 223.

Дѣятельность органовъ мѣстнаго самоуправленія находится подъ надзоромъ правительственныхъ чиновниковъ. Смѣта городскихъ доходовъ и расходовъ вступаетъ въ силу лишь по утвержденіи ея областнымъ казначеемъ. Онъ-же назначаетъ муниципальнаго казначея и сборщиковъ податей. Всякое должностное лицо мѣстнаго самоуправленія можетъ быть устранено отъ должности комиссіею и замѣнено преемникомъ по ея назначенію. Всѣ постановленія муниципальнаго совѣта могутъ быть отмѣнены областнымъ губернаторомъ. Полиція подчинена областному правленію. „Почти на всякомъ шагу на дѣлѣ оказывается, что областное начальство облечено властью предписывать, видоизмѣнять или отмѣнять распоряженія муниципальныхъ учрежденій“ [1]).

На Филиппинскихъ островахъ существуетъ цензура по дѣламъ печати и драматическая цензура. О филиппинскихъ порядкахъ до Америки доходятъ очень скудныя извѣстія, потому что мѣстная администрація еще со временъ военнаго управленія приняла за правило задобривать американскихъ корреспондентовъ синекурами, а американское телеграфное агентство (Associated Press) вѣрой и правдой служитъ интересамъ имперіалистской политики.

Въ 1907 году предстоитъ открытіе филиппинскаго законодательнаго собранія. Оно будетъ состоять изъ двухъ палатъ: верхнюю будетъ представлять нынѣшняя филиппинская комиссія, назначаемая президентомъ Соединенныхъ Штатовъ; нижняя палата будетъ состоять изъ выборныхъ депутатовъ. Участіе въ выборахъ ограничено тѣмъ-же цензомъ, какой установленъ для муниципальныхъ выборовъ. При существованіи верхней палаты, состоящей изъ правительственныхъ чиновниковъ, законодательное собраніе фактически будетъ пользоваться лишь совѣщательнымъ голосомъ. Правда, оно можетъ отказать въ утвержденіи бюджета. Но на этотъ случай законъ предусмотрительно опредѣляетъ, что предыдущій бюджетъ остается въ силѣ и на будущее время, впредь до утвержденія палатою новаго. Казначей въ правѣ отпускать необходимыя средства на государственные расходы и безъ утвержденія палаты, единственно лишь съ вѣдома гражданскаго губернатора.

Очевидно, будущее законодательное собраніе чистѣйшій фарсъ. Правительство Филиппинскихъ острововъ остается, какъ и теперь, самодержавной бюрократіей подъ управленіемъ проконсула, назначаемаго президентомъ Соединенныхъ Штатовъ.

---

[1]) Willoughby. „Territories and Dependencies of the United States“, p. 278. Нужно замѣтить, что авторъ—американскій чиновникъ, и относится съ полнымъ одобреніемъ къ этой системѣ.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ коснуться порядка управленія на Гавайскихъ островахъ и на Порторико, въ основу котораго положена та-же имперіалистская тенденція съ нѣкоторыми уступками принципу демократіи. Присоединеніе всѣхъ этихъ областей внесло въ государственное право Соединенныхъ Штатовъ различіе между штатами и территоріями, съ одной стороны, и колоніальными владѣніями, съ другой. Конституція Соединенныхъ Штатовъ, по толкованію Верховнаго Суда, на послѣднія не простирается. Уроженцы колоній не пользуются правами американскихъ гражданъ. Такимъ образомъ, въ „имперской демократіи“ [1]) нашло себѣ мѣсто сословное начало, чуждое конституціи Соединенныхъ Штатовъ.

Ученый апологетъ имперіализма, нью-іоркскій профессоръ Бёрджесъ, провозглашаетъ безъ обиняковъ, „что въ политическихъ способностяхъ существуютъ крупныя различія между расами и что миссія бѣлаго человѣка, его право и обязанность—держать бразды политической власти въ своихъ собственныхъ рукахъ, въ интересахъ всемірной цивилизаціи и для блага человѣчества“ [2]).

XI.

Реакція противъ либерализма.

Политическій индиферентизмъ массы избирателей, которымъ держится господство политическихъ машинъ, обусловливается невмѣшательствомъ государства въ частную жизнь гражданъ. Обыватель можетъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто, когда и куда угодно, ни у кого не спрашиваясь, никому не отдавая отчета, безъ паспортовъ, увольнительныхъ и пріемныхъ приговоровъ, безъ прописки вида на жительство; онъ имѣетъ право называться, какъ ему угодно, молиться, гдѣ ему угодно, или совсѣмъ не молиться; если его убѣжденія не позволяютъ ему принимать присягу, онъ въ правѣ замѣнить ее обѣщаніями; онъ можетъ учиться, гдѣ и когда ему угодно; онъ въ правѣ учить другихъ, чему угодно, устраивать собственныя школы, лекціи, концерты, балы, спектакли, основывать клубы, общества и товарищества, ни у кого не спрашиваясь и никому ни о чемъ не докладывая;

[1]) Терминъ этотъ принадлежитъ американскому соціологу, проф. Гиддингзу.

[2]) Burgess. „Reconstruction and the Constitution“, p. p. VIII—IX.

онъ не обязанъ приписываться ни къ какому цеху для занятія ремесломъ; онъ можетъ вести знакомство, съ кѣмъ угодно, переписываться съ кѣмъ и о чемъ угодно, въ полной увѣренности, что его письма своевременно дойдутъ по назначенію; онъ въ правѣ посылать шифрованныя телеграммы, не подлежа за это никакой отвѣтственности. Словомъ, въ своей частной жизни обыватель лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ приходитъ въ соприкосновеніе съ государствомъ. Вслѣдствіе этого, у обывателя нѣтъ побудительнаго стимула мѣшаться въ политику, и онъ предоставляетъ ее спеціалистамъ. Въ американскомъ законодательствѣ еще удержался пуританскій взглядъ на государство, какъ охранителя добронравія и благочестія: въ воскресенье закрываются всѣ кабаки, театры, библіотеки, музеи, картинныя галлереи; игорные дома и проституція запрещены закономъ. Въ сельскихъ округахъ эти законы поддерживаются общественнымъ мнѣніемъ и неуклоно исполняются, а въ большихъ городахъ разрѣшеніе грѣшить покупается по установленной таксѣ у полиціи, составляющей часть политической машины. Разложеніе семьи въ большихъ торгово-промышленныхъ центрахъ, тѣснота и грязь жилища пролетаріевъ обратили предписанія буржуазной морали въ мертвую букву. Снисходительная къ пороку полиція, сильная поддержкой значительнаго контингента избирателей и связью съ господствующей политикой партіей, можетъ съ безнаказанностью позволять себѣ въ обращеніи съ обывателемъ грубѣйшій произволъ и насиліе, которыхъ народъ не потерпѣлъ-бы въ Англіи. Благодаря господству партійной системы, понятіе о законности совершенно чуждо американской общественной жизни. При отсутствіи-же законности свобода всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія властей предержащихъ. Обостреніе кровавой борьбы между капиталомъ и трудомъ свело къ нулю конституціонныя гарантіи свободы по отношенію къ рабочимъ.

Англійское обычное право разсматривало всякое соглашеніе между рабочими съ цѣлью регулированія условій найма, какъ уголовно-наказуемый „заговоръ“. Этотъ взглядъ удержался въ американскомъ правѣ долго спустя послѣ того, какъ рабочіе союзы и стачки были легализированы въ Англіи. Трэйдъ-юніонистское движеніе, начавшееся въ Соединенныхъ Штатахъ послѣ междуусобной войны, привело на первыхъ-же порахъ къ законодательному признанію права стачекъ.

Несмотря на тѣсную связь политическихъ партій съ капиталомъ, интересы политикановъ, какъ особой соціальной группы, отличной отъ класса капиталистовъ, не позволяли

имъ игнорировать требованія рабочаго класса, вооруженнаго всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Оплотомъ капиталистическихъ интересовъ явились федеральные суды, которымъ несмѣняемость позволяетъ пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ. Въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ получило широкое развитіе „правленіе посредствомъ судебныхъ запрещеній“ (government by injunction). Англо-американское обычное право облекаетъ судъ властью въ гражданскихъ искахъ запрещать отвѣтчику совершеніе извѣстныхъ дѣйствій, могущихъ нанести невознаградимый имущественный ущербъ истцу.

За нарушеніе этого запрещенія судъ въ правѣ собственною властью, безъ присяжныхъ, подвергнуть виновнаго штрафу или тюремному заключенію, какъ за „оскорбленіе суда“. Эта прерогатива суда оказалась могущественнымъ оружіемъ противъ рабочихъ въ спорахъ съ работодателями. При всякой крупной стачкѣ на желѣзной дорогѣ, въ копяхъ, рудникахъ и т. п., наниматель предъявляетъ искъ объ убыткахъ къ рабочему союзу или предводителямъ стачки и заявляетъ ходатайство о запрещеніи рабочимъ самыхъ разнообразныхъ дѣйствій, связанныхъ съ забастовкой. Для удовлетворенія ходатайства достаточно письменнаго заявленія подъ присягою отъ лица управляющаго или другого представителя истца. Въ американскомъ судопроизводствѣ всѣ постановленія суда составляются заинтересованной стороной,—судья только подписываетъ ихъ. Распоряженіе суда о запрещеніи извѣстныхъ дѣйствій можетъ быть объявлено отвѣтчику при самомъ врученіи повѣстки о вызовѣ по дѣлу и подлежитъ предварительному исполненію до явки отвѣтчика въ судъ.

Судебная практика послѣдняго времени изобилуетъ прецедентами, въ которыхъ стачечникамъ запрещается устраивать сходки на частныхъ квартирахъ по близости отъ копей, отговаривать рабочихъ путемъ словеснаго убѣжденія отъ занятія освободившихся мѣстъ, останавливать ихъ съ этою цѣлью по дорогѣ на работу или съ работы, обращаться къ сочувствующей публикѣ съ воззваніями не покупать товаровъ у того предпринимателя, противъ котораго ведется забастовка, обсуждать причины стачки въ газетѣ, издаваемой стачечниками, выдавать денежное пособіе нуждающимся стачечникамъ и т. п. Были случаи запрещенія должностнымъ лицамъ рабочаго союза приглашать членовъ того-же союза къ участію въ стачкѣ.

Являясь распоряженіемъ по исковому дѣлу, такое запрещеніе въ теоріи обязательно только для сторонъ. Но судебная казуистика нашла способъ распространить силу его на

всѣхъ рабочихъ стачечнаго района: искъ предъявляется къ нѣсколькимъ поименованнымъ отвѣтчикамъ „и другимъ“; врученіе повѣстки двумъ—тремъ соотвѣтчикамъ считается достаточнымъ; любой стачечникъ можетъ быть подведенъ подъ категорію „и прочихъ“ и привлеченъ къ отвѣтственности за нарушеніе запрещенія.

Правда, такое предварительное запрещеніе остается въ силѣ только до выслушанія сторонъ, но назначеніе времени для объясненій сторонъ зависитъ отъ усмотрѣнія суда,—отъ врученія повѣстки до судебнаго засѣданія можетъ пройти нѣсколько недѣль; хотя-бы предварительное запрещеніе впослѣдствіи и было отмѣнено, оно тѣмъ временемъ успѣетъ сослужить свою службу,—стачка парализована, руководители ея привлечены къ отвѣтственности за нарушеніе запрещенія, капиталъ торжествуетъ побѣду.

Самое разбирательство дѣлъ объ „оскорбленіи суда“ производится съ нарушеніемъ всѣхъ гарантій правосудія. Дѣло слушается безъ присяжныхъ, обыкновенно тѣмъ-же судьей, которымъ издано было нарушенное запрещеніе. Все судебное слѣдствіе письменное, свидѣтели не вызываются въ судъ и не могутъ быть подвергаемы перекрестному допросу. Единственнымъ предметомъ судебнаго слѣдствія является фактъ нарушенія судебнаго запрещенія; составъ „оскорбленія суда“ на-лицо и въ томъ случаѣ, когда самое запрещеніе незаконно. Высшая мѣра наказанія—годичное тюремное заключеніе. Аппеляціи на приговоръ судьи не допускается; обжалованіе возможно только въ кассаціонномъ порядкѣ, что большею частью совершенно безцѣльно, потому что съ формальной стороны приговоръ можетъ быть вполнѣ правильнымъ.

Вопросъ о законности этой процедуры восходилъ на разрѣшеніе Верховнаго Суда Соединенныхъ Штатовъ, но этотъ высшій стражъ конституціи не усмотрѣлъ никакого нарушенія ея въ присужденіи обвиняемаго къ тюремному заключенію единоличною властью судьи, безъ присяжныхъ и безъ допроса свидѣтелей защитою.

Безпристрастные американскіе юристы единодушно осуждаютъ эту практику, какъ узурпацію судомъ непринадлежащей ему власти и нарушеніе основныхъ началъ англосаксонскаго процессуальнаго права. Дискреціонная власть суда издавать запрещенія въ гражданскихъ спорахъ ограничивается областью „совѣстной“ юрисдикціи (equity), т. е. такими дѣлами, по которымъ положительный законъ не даетъ истцу надлежащей защиты. Въ силу этого совѣстный судъ не въ правѣ издавать запрещенія, какъ мѣры пре-

упрежденія преступленій, потому что, во-первыхъ, для этой цѣли существуетъ уголовный законъ, дѣянія-же, не запрещенныя уголовнымъ закономъ, ненаказуемы; во-вторыхъ, потому, что виновный въ нарушеніи судебнаго запрещенія, направленнаго къ предупрежденію преступнаго дѣянія, подлежалъ-бы привлеченію къ отвѣтственности дважды за одно и то-же преступленіе: предъ гражданскимъ судомъ за оскорбленіе суда и предъ уголовнымъ—за преступленіе; и въ третьихъ, потому, что такимъ путемъ обвиняемый въ уголовномъ преступленіи былъ-бы лишенъ гарантированнаго ему конституціею права судиться судомъ присяжныхъ. Все это азбука ученія о совѣстномъ судопроизводствѣ (equity jurisprudence). Но Верховный Судъ санкціонировалъ узурпацію судебными учрежденіями законодательной функціи—право запрещать дѣйствія, не возбраняемыя уголовнымъ закономъ, и изъятіе дѣлъ о стачкахъ изъ вѣдѣнія присяжныхъ, которымъ, по конституціи, подсудны всѣ уголовныя дѣла. Рѣшенія кассаціоннаго суда выше конституціи и закона.

На этомъ, однако, капиталистическая реакція не остановилась. Но въ послѣднее время начинаетъ входить въ обычай объявленіе военнаго положенія, какъ мѣра борьбы со стачками. По конституціямъ всѣхъ штатовъ, военное положеніе можетъ быть объявляемо лишь въ случаяхъ открытаго возстанія противъ правительства, но и тогда военная власть подчинена мѣстной гражданской власти и ограничивается лишь содѣйствіемъ въ подавленіи безпорядка. Эти конституціонныя гарантіи были сметены междуусобной войной. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя были объявлены на военномъ положеніи, воинское начальство производило аресты и предавало обвиняемыхъ въ „пособничествѣ непріятелю“ военному суду. Толкованіе этого преступленія военными судами было такъ обширно, что „почти всякая критика правительства могла быть подведена подъ понятіе пособничества непріятелю“ [1]).

Правительство Линкольна во время междуусобной войны не задумалось наложить руку на свободу печати. Редакціи нѣсколькихъ нью-іоркскихъ газетъ были привлечены къ суду за печатаніе „возмутительныхъ“ статей противъ войны, а экземпляры газетъ, сданные на почту, были конфискованы почтмейстеромъ. Конгрессъ одобрилъ эту мѣру. Свобода печати, такимъ образомъ, поставлена была въ зависимость отъ усмотрѣнія правительства въ военное время, не взирая на

[1]) Burgess. „The Civil War and the Constitution“, p. 218.

статью конституціи, гласящую, что „конгрессъ не въ правѣ издавать законы, ограничивающіе свободу печати". Итакъ, на случай междуусобной войны правительствомъ установленъ прецедентъ, что дѣйствіе этой статьи конституціи можетъ быть пріостановлено президентомъ, когда, по его мнѣнію, этого требуетъ общественная безопасность" [1]).

По окончаніи междуусобной войны Верховный Судъ рѣшилъ, что введеніе военнаго положенія даетъ военной власти лишь право задержанія обвиняемыхъ, но отнюдь не право преданія ихъ военному суду, пока отправленіе правосудія въ общихъ судебныхъ мѣстахъ не встрѣчаетъ препятствій. „Не подлежитъ сомнѣнію, — говоритъ Бёрджесъ,— что дѣйствія правительства расходились съ рѣшеніемъ суда; тѣмъ не менѣе, при подобныхъ обстоятельствахъ повторилось-бы то-же самое. Поэтому конституціоннымъ прецедентомъ нужно считать распоряженія правительства, а не рѣшеніе Верховнаго Суда".

Эти прецеденты пригодились въ штатахъ Пенсильваніи, Айдахо и Колорадо, которые были объявляемы на военномъ положеніи. Конституція разрѣшаетъ введеніе военнаго положенія лишь въ случаѣ открытаго возстанія, но что такое возстаніе? Судъ въ Колорадо разъяснилъ, что вопросъ о наличности фактическихъ признаковъ возстанія разрѣшается дискреціонною властью губернатора. Въ 1903 и 1904 гг. въ нѣкоторыхъ горно-промышленныхъ округахъ этого штата было введено военное положеніе, несмотря на полное отсутствіе какихъ-бы то ни было безпорядковъ. Командующій милиціей заключилъ подъ стражу выборныхъ представителей гражданской власти и устранилъ ихъ отъ должности. Введена была военная цензура, запрещена была всякая критика дѣйствій и распоряженій военнаго начальства, редакція и весь типографскій персоналъ рабочей газеты были арестованы. Той-же участи подверглись сотни лицъ, принадлежавшихъ къ союзу горнорабочихъ или сочувствующихъ союзу, въ томъ числѣ его юрисконсультъ. Арестованные просидѣли по нѣскольку недѣль или мѣсяцевъ на военной гауптвахтѣ и высланы были безъ всякаго суда, административнымъ порядкомъ, изъ мѣстъ ихъ жительства.

Ежедневная пресса, служащая выразительницею мнѣній капиталистическаго класса, отнеслась съ одобреніемъ къ дѣйствіямъ губернатора и милиціи по водворенію „закона и порядка" въ Колорадо. Поэтому можно ожидать, что съ дальнѣйшимъ распространеніемъ трэйдъ-юніонистскаго дви-

[1]) Burgess. „The Civil War and the Constitution", p. 222—223.

женія, военное положеніе станетъ такимъ-же обычнымъ средствомъ борьбы капитала противъ организованныхъ рабочихъ, какъ судебныя запрещенія.

Для дѣйствительности этой внутренней политики необходима большая военная сила. Регулярная армія въ настоящее время не превышаетъ 70.000 человѣкъ, значительная часть которыхъ сосредоточена на Филиппинскихъ островахъ. Но въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ національная гвардія, въ которой насчитывается болѣе ста тысячъ человѣкъ. До 1903 г. каждый штатъ имѣлъ свою особую гвардію, которая не могла быть командирована для усмиренія за предѣлы своего штата. По закону 1903 г., милиція всѣхъ штатовъ объединена въ одну національную гвардію, главнокомандующій которой—президентъ Соединенныхъ Штатовъ. Національная гвардія состоитъ изъ фабрикантовъ, адвокатовъ, лавочниковъ, приказчиковъ и проникнута вполнѣ выраженнымъ классовымъ самосознаніемъ.

Съ другой стороны, реакція противъ либерализма является результатомъ пробужденія классоваго самосознанія въ американскомъ рабочемъ классѣ. Однимъ изъ главныхъ пріобрѣтеній революціонной буржуазіи XVIII и XIX вѣковъ была свобода передвиженія. Промышленное величіе Соединенныхъ Штатовъ создано эмиграціей изъ Европы. Можно указать въ американской исторіи на вспышки враждебности къ иностранцамъ и въ концѣ XVIII и въ срединѣ XIX вѣка, но эти явленія не имѣли подъ собою экономической почвы, страна нуждалась въ иностранцахъ для заселенія необъятныхъ западныхъ окраинъ. Піонеры-колонисты нуждались въ наемныхъ рабочихъ для уборки урожая, золотопромышленники, желѣзнодорожные строители предъявляли спросъ на рабочія руки. Кузнецъ, каретникъ, шорникъ, столяръ и, вообще, всякій ремесленникъ былъ желаннымъ гостемъ во всякомъ захолустьѣ. Америка величалась „убѣжищемъ для гонимыхъ всѣхъ странъ“. Но съ развитіемъ капитализма, приблизительно къ началу 80-хъ гг., и въ Америкѣ явилось относительное избыточное населеніе. Городскіе рабочіе стали домогаться ограниченія иммиграціи. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было запрещеніе доступа китайскимъ рабочимъ въ 1884 г. Самые вліятельные представители капитализма противились этой мѣрѣ, но интересы капитала столкнулись въ данномъ вопросѣ съ интересами политическихъ партій; ни одна изъ господствующихъ партій не могла отважиться пожертвовать избирательными голосами рабочихъ. Законъ о недопущеніи китайцевъ исполняется съ неукоснительною строгостью; конечно, отдѣльнымъ единицамъ

удается контрабандой прокрасться черезъ сухопутную границу, но до изданія закона въ Калифорнію ежегодно прибывали тысячи китайцевъ. За этимъ закономъ послѣдовалъ цѣлый рядъ ограниченій европейской иммиграціи. Правда, практическіе результаты, достигнутые этими законами, ничтожны; но для преграженія доступа 1% прибывающихъ переселенцевъ, во всѣхъ портахъ установлена система пограничнаго дозора, во стократъ болѣе стѣснительная, нежели на русской границѣ.

Развитіе трэйдъ-юніонизма и распространеніе соціализма внушили и капиталистическому классу стремленіе преградить доступъ въ Америку „нежелательнымъ“ иммигрантамъ, среди которыхъ на первомъ планѣ стоятъ „иностранные агитаторы“. По новѣйшимъ законамъ, въѣздъ въ Соединенные Штаты запрещается лицамъ, отбывшимъ тюремное заключеніе, и анархистамъ. Лица, проникшія въ страну въ обходъ этого закона, могутъ въ теченіе трехъ лѣтъ быть высланы административнымъ порядкомъ[1]). Подобный законъ былъ изданъ въ 1798 году. Но тогда онъ вызвалъ бурную оппозицію и послужилъ причиной крушенія федералистской партіи на президентскихъ выборахъ 1800 года.

XII.

Партіи реформы.

Все, что сказано было до сихъ поръ о политическихъ партіяхъ, относится къ обѣимъ большимъ партіямъ, между которыми распредѣляется политическая власть. Реакціонная политика и злоупотребленія господствующихъ партій встрѣчаютъ обыкновенно болѣе или менѣе дѣятельную оппозицію меньшинства „реформаторовъ“. Это названіе употребляется въ такомъ-же обширномъ и неопредѣленномъ смыслѣ, какъ прежде русское слово „либералъ“, для обозначенія самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ политическихъ направленій, стремящихся къ частичному или общему преобразованію существующаго порядка. Отъ времени до времени для борьбы съ господствующими партіями основываются „партіи реформы“. Существованіе ихъ большею частью эфемерно, чаще всего онѣ имѣютъ чисто мѣстное значеніе. Нѣ-

[1]) На этомъ основаніи въ 1900 г. не допущены были два фенія, отбывшіе тюремное заключеніе за убійство намѣстника Ирландіи, а въ 1904 г. высланъ былъ изъ предѣловъ Соединенныхъ Штатовъ англійскій анархистъ Джонъ Тёрнеръ.

которыя, однако, достигаютъ размѣровъ общегосударственной партіи. Такихъ партій въ настоящее время четыре: прогибиціонистская (партія трезвости), популистская (народническая) и двѣ соціалистическія.

Начало борьбы съ пьянствомъ относится къ срединѣ XIX столѣтія, но организація обществъ трезвости въ общегосударственную политическую партію произошла въ 1869 г. Въ нѣкоторыхъ штатахъ вліяніе этой партіи было такъ велико, что ей удалось добиться полнаго запрещенія продажи спиртныхъ напитковъ. Въ нѣсколькихъ провинціальныхъ городахъ она имѣла успѣхъ на муниципальныхъ выборахъ и короткое время держала въ своихъ рукахъ все муниципальное управленіе. Но узость ея программы, понятно, не могла привлечь къ ней массы избирателей. Среди самихъ прогибиціонистовъ стало пробуждаться сознаніе, что пьянство — слѣдствіе, а не причина соціальнаго неустройства. Самой талантливой выразительницей этого новаго теченія была знаменитая предсѣдательница женскаго христіанскаго общества трезвости миссъ Франсесъ Виллардъ, которая незадолго до смерти (въ 1899 г.) объявила себя соціалисткой. Подъ вліяніемъ этого теченія прогибиціонистская партія расширила свою платформу внесеніемъ въ нее популярныхъ политическихъ требованій: инициативы и референдума, реформы гражданской службы, избранія сенаторовъ прямою подачей голосовъ и т. п. Но сознавши необходимость политическихъ и соціальныхъ преобразованій, значительная часть прежнихъ дѣятелей этой партіи примкнула къ болѣе широкимъ прогрессивнымъ движеніямъ. Въ настоящее время прогибиціонистская партія утратила всякое политическое значеніе [1]).

Наибольшихъ размѣровъ изъ числа возникавшихъ въ разное время оппозиціонныхъ партій достигла народная партія (популисты) въ 90-хъ гг. Съ 1896 г. начинается ея упадокъ; на смѣну ей явилась соціалистическая партія, которая на президентскихъ выборахъ 1904 г. заняла мѣсто

[1]) Мѣриломъ силы этой партіи служитъ число голосовъ, поданныхъ за нее на президентскихъ выборахъ:

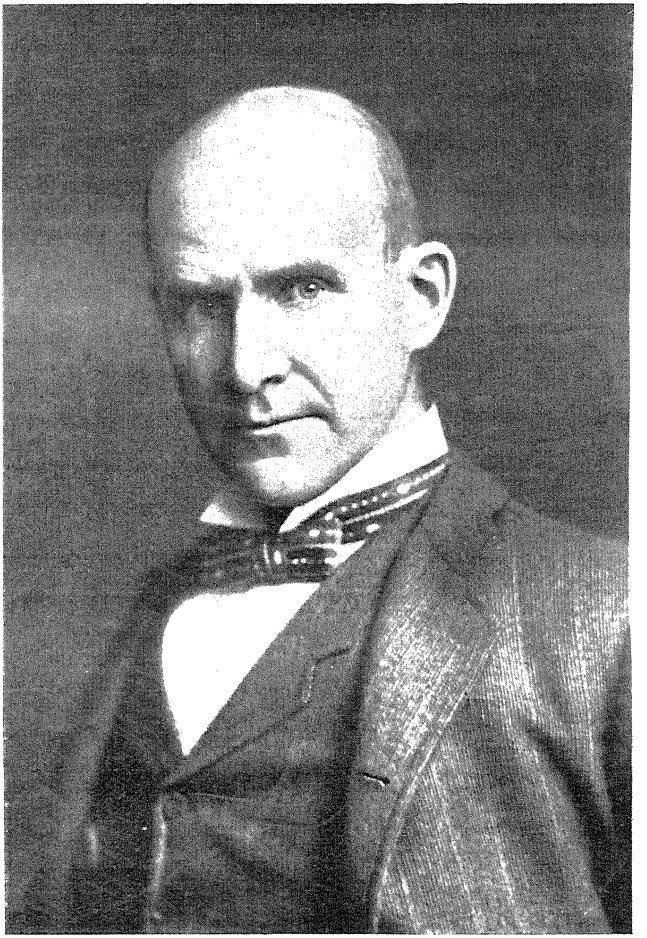
Годы.	Число голосовъ.	% всѣхъ избират.
1872 . . .	5.607	0,1
1876 . .	9.737	0,1
1880 . . .	9.678	0,1
1884 . . .	150.626	1,6
1888 . .	249.945	2,3
1892 . . .	270.710	2,3
1896 . . .	132.009	1,5
1900 . . .	208.914	1,5
1904 . . .	254.928	1,9

третьей партіи. Популистское движеніе тѣсно соприкасалось съ соціалистическимъ; между нынѣшней соціалистической и народной партіями существуетъ преемственная связь, а потому всего лучше будетъ разсмотрѣть ихъ вмѣстѣ.

Соединенные Штаты со временъ Роберта Оуэна были излюбленнымъ мѣстомъ для всякаго рода коммунистическихъ экспериментовъ. Но многочисленныя образцовыя колоніи соціальныхъ и религіозныхъ реформаторовъ на окружающую американскую жизнь не оказали никакого вліянія. Въ сороковыхъ годахъ въ кругу американской интеллигенціи пріобрѣли большую популярность идеи фурьеризма. Въ числѣ основателей первой фурьеристской колоніи Brook Farm были самые выдающіеся люди Америки, сыгравшіе крупную роль въ умственномъ развитіи своей родины. Въ фурьеристскихъ колоніяхъ въ теченіе сороковыхъ годовъ приняло участіе нѣсколько тысячъ человѣкъ. Но то было время, когда вопросъ о рабствѣ заслонялъ всѣ остальные; фурьеристы вскорѣ поглощены были абилиціонистскимъ движеніемъ, ихъ соціалистическія идеи не оставили никакого слѣда въ общественномъ сознаніи.

Развитіе соціалъ-демократическаго движенія въ Германіи въ семидесятыхъ годахъ отразилось на составѣ нѣмецкой эмиграціи. Къ концу семидесятыхъ годовъ въ большихъ промышленныхъ центрахъ Соед. Штатовъ уже насчитывалось много соціалистовъ среди нѣмецкихъ рабочихъ. Въ 1879 г. соціалисты впервые выступили на политическое поприще; на выборахъ того года въ Чикаго соціалистическіе канндидату получили 12.000 голосовъ, и, благодаря закону о представительствѣ меньшинства, трое изъ нихъ были избраны въ законодательное собраніе.

Въ 1881 г. вышло сочиненіе Генри Джорджа: „Прогрессъ и бѣдность“. Взгляды его носили на себѣ явную печать американскихъ экономическихъ условій. Расхищеніе свободныхъ земель желѣзнодорожными компаніями и разными спекулянтами затруднило доступъ къ землѣ малоимущимъ переселенцамъ; деревенская молодежь, искавшая прежде приложенія своимъ силамъ на вольныхъ западныхъ земляхъ, стала направляться въ города. Отсюда въ головѣ талантливаго самоучки-наборщика въ Калифорніи сложилось представленіе, что корень современнаго соціальнаго вопроса въ монополизаціи земли. Едва-ли Генри Джорджъ былъ знакомъ съ трудами своихъ предшественниковъ физіократовъ. Онъ самъ указываетъ на болѣе близкій источникъ: программу общества „Земли и Воли“, которое въ то время привлекло къ себѣ вниманіе всего міра.



Дебсъ.

Идеи Генри Джорджа имѣли феноменальный успѣхъ въ мыслящей части американскаго народа. Въ 1886 году рабочіе союзы города Нью-Іорка выставили его кандидатуру на должность мэра. Демократическая партія, господствующая въ городскомъ управленіи Нью-Іорка при помощи кабатчиковъ, содержателей домовъ терпимости и игорныхъ притоновъ, босяковъ и уличныхъ грабителей, взяла на себя роль спасительницы порядка противъ разрушительныхъ идей Генри Джорджа и выставила кандидатомъ почтеннаго капиталиста Абрама Хюита, не запятнаннаго принадлежностью къ партійной машинѣ. Республиканская партія офиціально выставила кандидатуру Розевелта, въ то время молодого человѣка двадцати семи лѣтъ, уже заявившаго себя борьбою противъ продажности политикановъ въ законодательномъ собраніи; втайнѣ республиканскіе политиканы поддерживали кандидата „порядка“ Хюита. Въ то время въ Нью-Іоркѣ еще не введена была тайная подача голосовъ, и политиканы, разумѣется, не брезгали никакими средствами, чтобы застращать избирателей, склонныхъ вотировать за Джорджа. Тѣмъ не менѣе, за него подано было 68.110 голосовъ; за его демократическаго противника засчитано было 90.552, Розевелтъ получилъ 60.435. Завѣдываніе выборами находилось въ рукахъ ставленниковъ демократической партіи. „Если вѣрить свидѣтельству многочисленныхъ очевидцевъ, пользующихся безупречной репутаціей, то въ послѣдніе годы не было другого примѣра такихъ колоссальныхъ и вопіющихъ злоупотребленій, какъ тѣ, которыя допущены были въ пользу Хюита въ 1886 г. Немного найдется людей среди убѣжденныхъ соратниковъ Джорджа на тѣхъ выборахъ, которые не раздѣляли-бы увѣренности, что пораженіе ихъ кандидата было результатомъ грубаго обмана при счетѣ голосовъ“ [1]).

Нью-іоркскіе соціалисты приняли дѣятельное участіе въ избирательной кампаніи въ пользу Генри Джорджа.

Общая работа сблизила съ ними американцевъ, въ которыхъ сочиненія и рѣчи Джорджа возбудили интересъ къ соціальному вопросу. Многіе изъ учениковъ Джорджа примкнули къ соціалистическому движенію. Самымъ выдающимся изъ этихъ прозелитовъ былъ доцентъ международнаго права въ колумбійскомъ университетѣ Даніель де-Леонъ, венецуэланецъ по рожденію, поплатившійся каѳедрой за участіе въ агитаціи въ пользу Генри Джорджа. Покинувъ университетъ, онъ посвятилъ себя политической дѣятельности

[1]) Gustavus Myers. „The History of Tammany Hall, p. 323.

и вскорѣ занялъ руководящее положеніе въ американскомъ соціалистическомъ движеніи.

Критика Генри Джорджа подготовила почву для соціалистическихъ идей. Самъ Джорджъ въ своихъ статьяхъ, изданныхъ подъ общимъ заглавіемъ: „Соціальный вопросъ“, очень близко подошелъ къ соціализму. Въ восьмидесятыхъ годахъ началось образованіе монополистическихъ комбинацій въ различныхъ отрасляхъ промышленности. Тѣснимые монополистами, независимые капиталисты забили тревогу. Началась агитація противъ монополій, посыпался цѣлый дождь запретительныхъ законовъ противъ стачекъ капиталистовъ. Среди этой антимонополистической агитаціи идея Джорджа о націонализаціи земли, какъ оружіи въ борьбѣ съ поземельной монополіей, подсказала мысль о націонализаціи всѣхъ средствъ производства, какъ оружіи въ борьбѣ съ тростами. Спустя годъ послѣ кампаніи Джорджа въ Нью-Іоркѣ, вышло знаменитое сочиненіе Беллами: „Взглядъ назадъ“, въ которомъ проводится идея націонализаціи промышленности. Это сочиненіе разошлось въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ и послужило сигналомъ къ образованію цѣлой сѣти „націоналистическихъ“ клубовъ Эти клубы явились разсадниками соціалистическихъ идей въ коренномъ населеніи и, исполнивши свою задачу, къ 1890 году прекратили свое существованіе. Въ это время началась организація народной партіи, и націоналисты нашли въ ней поле для политической дѣятельности.

Народная партія образовалась какъ политическій союзъ фермерскихъ организацій и трэйдъ-юніоновъ. Притѣсненіе фермеровъ скупщиками хлѣба при содѣйствіи желѣзныхъ дорогъ и элеваторовъ повело еще въ семидесятыхъ годахъ къ организаціи фермерскихъ союзовъ подъ разными названіями для отпора скупщикамъ и для воздѣйствія на законодательство. Первоначально это были безпартійные союзы; подъ давленіемъ ихъ агитаціи обѣ партіи вынуждены были сдѣлать кое-какія незначительныя уступки фермерскимъ интересамъ въ области законодательства. Но эти уступки были слишкомъ несущественны, чтобы удовлетворить бѣднѣйшихъ фермеровъ, находившихся въ полной зависимости отъ ростовщиковъ, у которыхъ были заложены ихъ фермы. Они пришли къ убѣжденію въ необходимости создать свою собственную партію, которая стояла бы за интересы фермеровъ. На мѣстныхъ выборахъ 1890 и 1891 гг. въ западныхъ штатахъ выступила новая „народная“ партія въ оппозиціи къ обѣимъ господствующимъ партіямъ.

Новая партія съ первыхъ-же ходовъ одержала нѣсколько мѣстныхъ побѣдъ. Ободренныя успѣхомъ, мѣстныя организаціи задумали попытать свои силы на предстоявшихъ въ 1892 г. президентскихъ выборахъ. Съ этою цѣлью въ іюлѣ того года состоялся въ г. Омахѣ съѣздъ для выработки платформы и выбора кандидатовъ. Къ участію въ съѣздѣ были приглашены Рыцари Труда, трэйдъ-юніоны и всѣ другія организаціи „реформаторовъ". „Націоналисты" доставили около четверти всего числа делегатовъ и оказали замѣтное вліяніе на выработку платформы.

Главныя требованія фермеровъ заключались въ націонализаціи желѣзныхъ дорогъ и дешевомъ сельскохозяйственномъ кредитѣ. Націонализація желѣзныхъ дорогъ имѣла цѣлью освобожденіе фермеровъ изъ подъ власти скупщиковъ. Для достиженія дешеваго кредита, по мнѣнію популистовъ, необходимо обиліе денежныхъ знаковъ въ обращеніи. Съ этою цѣлью они требовали, чтобы федеральное правительство взяло на себя выпускъ бумажныхъ денегъ, который производится теперь частными эмиссіонными банками. Это далобы правительству возможность регулировать количество денежныхъ знаковъ, соотвѣтственно потребностямъ обращенія, тогда какъ частные банки руководятся преимущественно цѣлями спекуляціи: право выпуска бумажныхъ денегъ позволяетъ имъ открывать широкій кредитъ провинціальнымъ банкирамъ, которые ссужаютъ деньгами фермеровъ, затѣмъ, произвольно сокращая кредиты, банки искуственно вызываютъ массовыя банкротства и за безцѣнокъ скупаютъ земли фермеровъ.

Другою мѣрою, направленною къ той-же цѣли, являлась неограниченная чеканка серебра „въ отношеніи 16:1", т. е. по нарицательному курсу 16 унцій серебра=1 унціи золота. Со времени демонетизаціи серебра въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Германской имперіи, цѣна серебра стала падать, что неблагопріятно отразилось на разработкѣ серебряныхъ рудниковъ въ западныхъ штатахъ. Въ Америкѣ горнопромышленное дѣло еще въ сравнительно очень недавнее время было мелкимъ производствомъ. Еще и теперь остается немало рудниковъ, которые разрабатываются артелями рудокоповъ съ ничтожными средствами безъ всякаго наемнаго труда. Паденіе цѣны серебра нанесло сильный ударъ этой формѣ производства; тысячи прежнихъ горнопромышленниковъ превратились въ наемныхъ рабочихъ. Неограниченная чеканка серебра сулила имъ въ перспективѣ возстановленіе ихъ экономической независимости. Серебряно-

свинцовые рудники Колорадо съ самаго начала 80-хъ гг. были настоящимъ театромъ военныхъ дѣйствій (въ буквальномъ, а не въ переносномъ смыслѣ) между горнопромышленниками и рудокопами. Паденіе цѣнъ на серебро побуждало первыхъ понижать заработную плату, отсюда возникали стачки, никогда не обходившіяся безъ кровопролитія. Неограниченная чеканка серебра обѣщала усиленный спросъ на рабочія руки и возвышеніе заработной платы.

Рабочее законодательство, какъ мы знаемъ, не входитъ въ компетенцію конгресса. Поэтому въ популистской программѣ федеральныхъ законодательныхъ реформъ мы находимъ только требованіе ограниченія иммиграціи и выраженіе сочувствія сокращенію рабочаго дня. Въ мѣстныхъ программахъ рабочему законодательству было отведено видное мѣсто.

Образованіе народной партіи влило свѣжую струю гражданскаго энтузіазма въ стоячее болото американской политики. Всѣ живые элементы народа, обыкновенно стоящіе въ сторонѣ отъ партійной политики, сошлись подъ знамя новой партіи. Ветераны нѣмецкой соціалдемократіи, которыхъ законъ Бисмарка послѣ 1878 г. вынудилъ эмигрировать въ Америку, въ западныхъ штатахъ дѣятельно агитировали въ рядахъ народной партіи. Это была обширная трибуна, съ которой всѣ на разные голоса говорили свое. Столкновеніе различныхъ, часто противоположныхъ мнѣній имѣло несомнѣнное воспитательное значеніе, заставляя народныя массы самостоятельно разбираться въ общественныхъ вопросахъ. Эти теоретическія разногласія ничуть не мѣшали единству дѣйствія въ рамкахъ общей программы ближайшихъ реформъ.

Отличительную черту народной партіи составляла активная роль женщинъ въ ея рядахъ. Омахская программа ничего не говоритъ о равноправности женщинъ, такъ какъ этотъ вопросъ лежитъ внѣ сферы федеральнаго законодательства; но это требованіе вошло въ мѣстныя программы. Единственные два штата, въ которыхъ политическая равноправность введена была послѣ образованія народной партіи,—Колорадо и Айдахо, это именно тѣ штаты, въ которыхъ эта партія достигла политической власти.

На президентскихъ выборахъ 1892 года кандидаты народной партіи получили болѣе милліона голосовъ. Въ четырехъ штатахъ—Кэнсасѣ, Колородо, Айдахо и Невадѣ—они получили большинство голосовъ. На тѣхъ-же выборахъ они избрали десять депутатовъ въ конгрессѣ; побѣда на выбо-

рахъ въ законодательныя собранія обезпечила имъ избраніе пяти федеральныхъ сенаторовъ. Въ Кэнсасѣ и Колорадо ихъ кандидаты избраны были въ губернаторы. Благодаря дѣятельности народной партіи, Кэнсасъ, несмотря на земледѣльческій характеръ большинства своего населенія, имѣетъ самое лучшее рабочее законодательство въ Соединенныхъ Штатахъ,

Въ Америкѣ „ничто такъ не удается, какъ удача“ (nothing succeeds like success). Небывалый въ американской политической исторіи успѣхъ третьей партіи на первыхъ-же выборахъ привлекъ къ ней всеобщее вниманіе. На общихъ выборахъ 1894 года число голосовъ ея возросло до полутора милліона, т. е. приблизительно на 50 %.

Этимъ успѣхомъ народная партія въ значительной мѣрѣ обязана была усвоенной ею тактикѣ передвыборныхъ коалицій съ тою изъ двухъ большихъ партій, которая въ данномъ штатѣ находилась въ меньшинствѣ, т. е. на западѣ съ демократической, а на югѣ съ республиканской. Избирательныя побѣды привлекли въ ряды новой партійной организаціи множество профессіональныхъ политикановъ, не добившихся своего въ старыхъ партіяхъ и разсчитывавшихъ, что въ новой партіи ихъ шансы на личный успѣхъ будутъ выше.

Вслѣдствіе этого, въ популистской партіи вскорѣ стали обнаруживаться обычныя темныя явленія, присущія всѣмъ американскимъ партіямъ: „хозяева“, политическія машины, а мѣстами и самая заправская подкупность.

Правительство президента Кливлэнда успѣло съ 1892 г. своимъ прислужничествомъ желѣзнодорожнымъ компаніямъ и биржѣ вызвать острое недовольство демократической партіей.

Это показали выборы въ конгрессъ въ 1894 г.: большинство въ палатѣ получилось республиканское. Демократическіе политиканы пришли къ сознанію, что безъ посторонней поддержки пораженіе демократической партіи на президентскихъ выборахъ 1896 г. неминуемо. Результатомъ явилась коалиція съ народной партіей и президентская кандидатура Брайана. Демократическая партія приняла въ свою избирательную платформу наиболѣе популярныя изъ требованій популистской партіи, а именно: неограниченную чеканку серебра, выпускъ бумажныхъ денегъ государствомъ, государственный надзоръ за желѣзными дорогами и ограниченіе судейскаго произвола въ прекаліяхъ между капиталомъ и трудомъ. Мѣстныя избирательныя платформы нѣкоторыхъ

штатовъ пошли гораздо дальше, превзойдя радикализмомъ своихъ требованій омахскую платформу популистской партіи. Ожесточеніе всего капиталистическаго класса противъ кандидатуры Брайана еще болѣе, чѣмъ бумажныя программы, сплотило всю оппозицію царству капитала вокругъ демократическаго кандидата. Капиталистическіе элементы демократической партіи откололись и выставили собственнаго „національно-демократическаго“ кандидата съ цѣлью отвлечь голоса отъ Брайана. Значительное число демократическихъ избирателей перешло на сторону капиталистическаго кандидата Макъ-Кинли. Благодаря этому, избирательная компанія Брайана получила характеръ демократическаго (въ истинномъ смыслѣ) народнаго движенія.

Поворотъ въ политикѣ демократической партіи открылъ умѣреннымъ популистамъ возможность проводить свою программу при посредствѣ болѣе сильной партіи. Временная избирательная коалиція завершилась сліяніемъ обѣихъ партій [1]). Для соціалистическихъ элементовъ, примкнувшихъ къ популистской партіи въ первый, агитаціонный періодъ ея существованія, дальнѣйшее сотрудничество съ популистами потеряло смыслъ.

Съ 1897 года начинается ростъ соціалистической партіи.

До начала восьмидесятыхъ годовъ, какъ замѣчено было выше, соціалистическое движеніе ограничивалось нѣмецкими рабочими. Съ 1881 года начинается массовое переселеніе въ Америку русскихъ евреевъ, которые вскорѣ стали самымъ дѣятельнымъ элементомъ въ соціалистическомъ движеніи. Антиеврейскіе погромы восьмидесятыхъ годовъ погнали въ Америку большое число учащейся и вообще интеллигентной русско-еврейской молодежи, которой на первое время пришлось пойти на фабрику не изъ желанія „опроститься“, „слиться съ народомъ“, а ради хлѣба насущнаго. Они принесли съ собою изъ Россіи идеи утопическаго соціализма; подъ вліяніемъ нѣмецко-американскаго соціалистическаго движенія, они быстро преобразились въ соціалъ-демократовъ и съ усердіемъ принялись за агитацію среди своихъ товарищей по работѣ. Въ избирательной кампаніи Генри Джорджа въ 1886 г. русскіе евреи уже играли очень активную роль. Большое число русско-еврейскихъ иммигрантовъ, научившись англійскому языку, разсѣялось по го-

[1]) Въ 1904 г., когда національнымъ съѣздомъ демократической партіи овладѣли клики нью-іоркскихъ биржевиковъ, остатки популистской партіи попытались выступить вновь на политическомъ поприщѣ, но ихъ президентскій кандидатъ Ватсонъ получилъ всего 117.000 голосовъ.

родамъ и селамъ и занялось мелкой и разносной торговлей. Они явились, по выраженію одного американца, „коробейниками соціализма“ въ Америкѣ.

По имени, „соціалистическая рабочая партія“ существовала въ Нью-Іоркѣ уже съ 1878 года, но въ теченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ она выступала, какъ самостоятельная политическая партія, лишь на мѣстныхъ выборахъ. Въ 1888 г. она впервые выставила президентскаго кандидата, который получилъ съ небольшимъ двѣ тысячи голосовъ. Въ слѣдующемъ году партія раскололась на двѣ фракціи. Одна изъ нихъ вскорѣ прекратила свою дѣятельность, хотя ея центральный комитетъ сохранилъ номинальное существованіе до 1897 года, когда онъ присоединился къ дебсистскому движенію (о которомъ ниже). Другая фракція, съ центромъ въ Нью-Іоркѣ, въ 1890 г. увеличилась присоединеніемъ къ ней нью-іоркскаго „національнистическаго“ клуба, который получилъ названіе „американской секціи“, въ отличіе отъ нѣмецкихъ и еврейскихъ секцій. Его примѣру послѣдовали и нѣкоторые другіе національнисты. Но партійная дисциплина, принесенная нѣмецкими соціалдемократами изъ Германіи, въ скоромъ времени послужила источникомъ нескончаемыхъ пререканій между урожденными американцами и партійнымъ управленіемъ, состоявшимъ въ большинствѣ изъ иностранцевъ. Со стороны американцевъ присоединеніе къ соціалистической партіи, едва насчитывавшей двѣ тысячи избирателей, было выраженіемъ протеста противъ „машинной политики“ республиканской и демократической партій. Подчиненіе свободы личнаго сужденія партійной дисциплинѣ означало для нихъ возвратъ къ тому политическому порядку, отъ котораго они бѣжали. Между тѣмъ, для разногласій существовала обильная почва. Цѣлесообразность участія въ выборахъ при ничтожномъ числѣ послѣдователей представляла спорный вопросъ. Соціалистическая партія добивалась представительства въ трейдъ-юніонахъ. Трэйдъ-юніонисты противились этому домогательству; ихъ тактика состоитъ въ давленіи на политикановъ обѣихъ партій, съ цѣлью проведенія мѣръ рабочаго законодательства, въ чемъ они нерѣдко успѣваютъ; допущеніе-же представителей соціалистической партіи означало-бы разрывъ съ этой тактикой. Отказъ допущенія депутатовъ соціалистической партіи на съѣздъ Американской Федераціи Труда въ Детройтѣ въ 1890 г. послужилъ сигналомъ къ борьбѣ между соціалистами и трэйдъ-юніонистами. Въ средѣ соціалистической партіи было меньшинство, не одобрявшее этой борьбы. Раз-

ногласія по этимъ вопросамъ обыкновенно оканчивались исключеніемъ вождей меньшинства изъ партіи. Въ періодъ съ 1892 по 1896 г. популистское движеніе отвлекало много сторонниковъ отъ соціалистической рабочей партіи. Ростъ голосовъ ея за это время былъ очень слабъ: въ 1892 г. за ея президентскаго кандидата подано было 21.157 голосовъ, въ 1896 г.—36.503 голоса.

Весною 1897 года, по иниціативѣ Юджина Дебса, созвана была въ Чикаго конференція изъ представителей желѣзнодорожныхъ рабочихъ, кооперативныхъ обществъ и т. п. съ цѣлью объединенія трудящихся, на общей экономической и политической программѣ. Результатомъ этой конференціи была организація „американской соціальной демократіи". Это не была въ строгомъ смыслѣ политическая партія; она ставила себѣ задачей колонизацію какого-нибудь западнаго штата съ цѣлью образованія кооперативныхъ колоній; этимъ способомъ предполагалось населить штатъ соціалистами, которые пріобрѣли бы большинство голосовъ и избрали-бы соціалистическое правительство. Этотъ штатъ долженъ былъ-бы начать переустройство промышленности на соціалистическихъ началахъ.

Этотъ утопическій планъ былъ пристегнутъ къ политической программѣ соціалистической рабочей партіи, съ несущественными стилистическими измѣненіями; девизомъ избрано было евангельское изреченіе: „миръ на земли, въ человѣцѣхъ благоволеніе".

Новая организація встрѣтила живое сочувствіе на западѣ среди популистовъ. Личная популярность Дебса тоже играла немаловажную роль. Дебсъ долгое время былъ вожакомъ союза кочегаровъ. Въ 1893 г. по его иниціативѣ образовался Американскій желѣзнодорожный Союзъ, поставившій себѣ цѣлью объединеніе желѣзнодорожныхъ рабочихъ безъ различія спеціальности. Въ короткое время онъ успѣлъ завербовать 15.000 членовъ и выигралъ крупную стачку на Большой Сѣверной ж. д.

Въ 1894 г. желѣзнодорожный союзъ объявилъ всеобщую забастовку на желѣзныхъ дорогахъ. Президентъ Кливлэндъ послалъ федеральныя войска въ Чикаго, вопреки протесту губернатора штата Иллинойза. Это было нарушеніемъ конституціи и отреченіемъ отъ традиціонной политики демократической партіи. Федеральные суды издали рядъ запрещеній противъ Дебса и другихъ вожаковъ желѣзнодорожнаго союза. За нарушеніе запрещенія, Дебсъ и его товарищи были посажены въ тюрьму. Дѣло доходило до Верховнаго

Суда Соединенныхъ Штатовъ, который утвердилъ приговоръ первой инстанціи. Эта борьба сдѣлала Дебса популярнымъ въ народной массѣ. Въ 1896 году радикальные популисты, не одобрявшіе плана коалиціи съ демократической партіей, собирались выставить его кандидатомъ противъ Брайана. Но Дебсъ отказался отъ кандидатуры въ пользу Брайана. Пунктъ демократической платформы, осуждавшій „управленіе посредствомъ запрещеній", въ разговорной рѣчи получилъ названіе „дебсовскаго пункта" (the Debs plank).

Неудивительно, что въ теченіе первой его агитаціонной поѣздки по основаніи „американской соціальной демократіи" губернаторъ Кэнсаса устроилъ ему въ капитоліи штата почетный пріемъ, на которомъ присутствовали всѣ имени тые граждане и сановники.

Утопическій характеръ программы новой организаціи точно отражалъ въ себѣ состояніе умовъ американскихъ соціалистовъ того времени и потому привлекъ въ нее такіе элементы, для которыхъ въ соціалистической рабочей партіи не было мѣста. Съ другой стороны, однако, къ дебсовской соціалдемократіи примкнули и вполнѣ сознательные марксисты, осуждавшіе тактику соціалистической рабочей партіи. Они не смущались утопическимъ характеромъ ея программы, въ полной увѣренности, что, по мѣрѣ ознакомленія неофитовъ съ научнымъ соціализмомъ, утопическій туманъ разсѣется. Образованіе американской соціальной демократіи совпало съ расколомъ въ соціалистической рабочей партіи.

Организація послѣдней приняла знакомую форму партійной машины. Благодаря сосредоточенію большинства соціалистическихъ избирателей въ Нью-Іоркѣ и сосѣднихъ штатахъ, соціалистическая рабочая партія явила первый и пока единственный примѣръ національнаго (все-американскаго) партійнаго „хозяина", въ лицѣ де-Леона. Противъ „делеонизма" возмутилось большинство еврейскихъ соціалистовъ. Исключенные изъ соціалистической рабочей партіи, они немедленно присоединились къ американской соціальной демократіи. За ними послѣдовали и американскія секціи Массачусетса. На съѣздѣ въ Чикаго въ слѣдующемъ году выработана была новая программа, очищенная отъ утопизма, и организована соціалдемократическая партія. Новая партія, въ противоположность соціалистической рабочей партіи, признала необходимость борьбы за будничныя экономическія тробованія рабочихъ и приняла дружественную тактику по отношенію къ трэйдъ-юніонамъ.

Между обѣими соціалистическими партіями возгорѣлась

непримиримая вражда. Но растущая популярность соціалдемократической партіи среди трэйдъ-юніонистовъ и избирательныя побѣды ея въ Массачусетсѣ вызвали реакцію противъ „делеонизма“ внутри самой соціалистической рабочей партіи, которая въ этой междуфракціонной войнѣ была нападающей стороной. Результатомъ этой внутренней борьбы былъ новый расколъ въ соціалистической рабочей партіи.

Большинство членовъ партіи было на сторонѣ оппозиціи, но де-Леонъ сохранилъ за собою партійную машину. Распря изъ-за права пользованія офиціальнымъ именемъ партіи и заглавіемъ офиціальнаго ея органа была перенесена въ судъ, который рѣшилъ дѣло въ пользу меньшинства. Большинство въ слѣдующемъ году соединилось съ соціалдемократической партіей и выставило президентскую кандидатуру Дебса. Послѣдній получилъ около 100.000 голосовъ, кандидатъ соціалистической рабочей партіи только 33.000. Объединеніе организацій, поддерживавшихъ кандидатуру Дебса, завершено было послѣ выборовъ на съѣздѣ въ Индіанополисѣ въ 1901 г., гдѣ партія приняла названіе „соціалистической“.

Голоса, поданные за президентскихъ кандидатовъ обѣихъ соціалистическихъ партій въ 1900 г., далеко не выражали собою дѣйствительнаго распространенія соціалистическихъ идей среди избирателей. Немало людей съ соціалистическими симпатіями вотировало за Брайана и въ 1900 г., такъ какъ насущнымъ вопросомъ въ той кампаніи былъ имперіализмъ,—всѣ противники имперіалистскихъ авантюръ вотировали за Брайана. Но вторичное пораженіе его показало, что демократическая партія не имѣетъ шансовъ на побѣду. Оппортунистическая политика поэтому потеряла практическій смыслъ. Соціалистически-настроенные популисты покинули лагерь Брайана и примкнули къ соціалистической партіи. Съ тѣхъ поръ число ея избирательныхъ голосовъ стало удваиваться на каждыхъ общихъ выборахъ. Она одержала рядъ избирательныхъ побѣдъ на мѣстныхъ выборахъ въ городское управленіе и законодательныя собранія. Наибольшаго успѣха она достигла въ г. Мильвоки съ трехсоттысячнымъ населеніемъ, гдѣ она заняла уже положеніе второй партіи по числу голосовъ, и избрала девять гласныхъ въ городскую думу, четырехъ депутатовъ и одного сенатора въ законодательное собраніе висконсинскаго штата.

О растущемъ вліяніи соціалистической партіи свидѣтельствуетъ сопоставленіе числа голосовъ, полученныхъ ея кандидатами на президентскихъ выборахъ 1900 и 1904 г.г. и на выборахъ въ конгрессъ въ 1902 г.:

Штаты:	Число голосовъ: 1900 г.	1902 г.	1904 г.	Съ 1900 по 1902 г.	Съ 1902 по 1904 г.	Съ 1900 по 1904 г.
	(В ъ т ы с я ч а х ъ)					
Сѣв.-атлантическіе	37	92	94	55	2	57
Южные	5	9	16	4	7	11
Средніе	20	46	126	26	80	106
Западные	36	73	166	37	93	130
Итого	98	220	402	122	182	304

Число избирательныхъ голосовъ соціалистической рабочей партіи (делеонистской) съ 1900 по 1904 г. возросло съ 33.375 всего лишь до 33.612.

Различіе между обѣими соціалистическими партіями заключается не въ программѣ, не въ тактикѣ, не въ дисциплинѣ,—во всемъ этомъ новая партія ничѣмъ не отличается отъ старой,—а единственно въ ихъ внутренней организаціи. Новая партія была организована, какъ протестъ противъ „машины" и „хозяйской" власти въ соціалистической рабочей партіи. Хотя изрѣдка и въ новой партіи проявляются поползновенія создать политическую машину, но они имѣютъ чисто мѣстный характеръ и обыкновенно встрѣчаютъ сильный отпоръ со стороны членовъ партіи. Ряды организаціи соціалистческой рабочей партіи быстро рѣдѣютъ, вслѣдствіе перехода ея членовъ въ соціалистическую. Но исчезновеніе первой, которое составляетъ лишь вопросъ близкаго будущаго, не можетъ принести единства американскому соціалистическому движенію.

Вышеприведенная таблица показываетъ, что послѣ второй кампаніи Брайана центръ соціалистическаго движенія передвинулся на западъ, туда, гдѣ въ первой половинѣ 90-хъ г.г. сильна была популистская партія. Въ настоящее время соціалистическая партія въ большинствѣ уже состоитъ изъ коренныхъ американцевъ, изъ которыхъ многіе еще недавно были дѣятельными членами популистской и демократической партіи. Перемѣна въ составѣ партіи не осталась безъвліянія на ея тактику. Уставъ соціалистической партіи безусловно осуждаетъ всякія предвыборныя сдѣлки съ другими политическими партіями. Но въ то время, какъ въ соціалистической рабочей партіи всякое отступленіе отъ этого правила безпощадно каралось исключеніемъ виновныхъ изъ партіи, этотъ ригоризмъ въ соціалистической партіи значительно ослабѣлъ, примѣры-же компромисса съ другими политическими организаціями повторяются то тутъ, то тамъ при каждыхъ выборахъ. Растущая наглость плутократической реакціи вы-

зываетъ все учащающіеся протесты въ формѣ независимыхъ рабочихъ кандидатуръ. Въ 1901 г. послѣ неудачной стачки трэйдъ-юніоны въ С.-Франсиско организовали „юніонистскую рабочую партію“ и избрали своего мэра. Въ слѣдующемъ году та-же партія вошла въ коалицію съ демократической партіей и избрала двухъ депутатовъ въ конгрессъ. Съ 1889 г. въ г. Толедо трижды выступалъ на выборахъ въ качествѣ независимаго кандидата на должность мэра „христіанскій“ соціалистъ [1]) Самуилъ Джонзъ и каждый разъ одерживалъ верхъ надъ республиканскимъ и демократическимъ кандидатами. Во всѣхъ этихъ случаяхъ соціалистическая партія, выставляя своего кандидата, который не имѣетъ никакихъ шансовъ на избраніе, отвлекаетъ голоса отъ популярнаго народнаго кандидата и способствуетъ избранію его капиталистическаго соперника [2]). Господствующая тактика обѣихъ соціалистическихъ партій исходитъ изъ воззрѣнія готской программы нѣмецкой соціалдемократіи на всѣ остальныя партіи, какъ на „единую реакціонную массу“. Большинство избирателей, обыкновенно подающихъ голоса за соціалистическую партію, не раздѣляетъ этого взгляда: всякій разъ, когда кандидатъ соціалистической партіи конкурируетъ съ кандидатомъ трэйдъ-юніоновъ или независимымъ кандидатомъ въ родѣ Джонза, соціалистическая партія теряетъ половину, а нерѣдко и большую часть своихъ голосовъ. И внутри самой партіи существуетъ теченіе противъ освященной временемъ непримиримой тактики.

Безъ малаго полмилліона голосовъ, поданныхъ въ пользу обѣихъ соціалистическихъ партій на президентскихъ выборахъ 1904 г., не осталось безъ вліянія на республиканскую и демократическую партіи. Розевелтъ требуетъ государственнаго надзора за желѣзными дорогами и регулированія провозныхъ тарифовъ, грозя въ противномъ случаѣ опасностью побѣды соціалдемократіи. Брайанъ и мэръ города Кливлэнда Томъ Джонсонъ (ученикъ Генри Джорджа), пользующійся

---

[1]) Американскихъ „христіанскихъ“ соціалистовъ не слѣдуетъ смѣшивать съ нѣмецкими „Christlch-sociale“. Называющіе себя „христіанскими“ соціалистами въ Америкѣ выводятъ свой соціалистическій идеалъ изъ евангельскаго ученія. Въ настоящее время самые выдающіеся представители „христіанскаго“ соціализма состоятъ дѣятельными членами соціалистической партіи.

[2]) Въ Массачусетсѣ соперничество между обѣими соціалистическими партіями не разъ приводило къ побѣдѣ капиталистическаго кандидата надъ соціалистическимъ—бо́льшинствомъ десятка-другого голосовъ.

вліяніемъ въ демократической партіи, выступили съ программой націонализаціи желѣзныхъ дорогъ и муниципальнаго соціализма. Въ Чикаго на муниципальныхъ выборахъ нынѣшняго (1905) года боевымъ кличемъ была муниципализація трамваевъ. „Похищеніе громовъ“ (stealing the thunder) крайнихъ партій составляетъ испытанный избирательный маневръ старыхъ партій, когда растущая популярность третьей партіи грозитъ ихъ господству. Вся программа—минимумъ соціалистической партіи можетъ быть цѣликомъ или по частямъ включена въ платформу любой изъ старыхъ партій. Со времени разгрома демократической партіи на президентскихъ выборахъ 1904 г., она начинаетъ заигрывать съ соціализмомъ, какъ десять лѣтъ тому назадъ съ популизмомъ. Соціалистическая партія не сегодня—завтра очутится лицомъ къ лицу съ партіей государственнаго соціализма. Что соціалистическая партія сохранитъ свое существованіе, какъ организація, не подлежитъ сомнѣнію. Но весьма вѣроятно, что она лишится поддержки большинства соціалистическихъ избирателей.

Американскій избиратель, сочувствующій требованіямъ соціалистической программы, обыкновенно равнодушенъ къ партіямъ и готовъ итти за той, которая имѣетъ шансы одержать верхъ на выборахъ. Соціалистическая рабочая партія это поняла и, для приведенія своей платформы въ согласіе съ тактикой, вполнѣ послѣдовательно вычеркнула всѣ ближайшія экономическія и политическія требованія. И въ соціалистической партіи немало послѣдовательныхъ противниковъ этихъ переходныхъ требованій.

Пока вопросъ не выходилъ изъ области теоретическихъ словопреній, сторонники противоположныхъ взглядовъ могли мирно уживаться въ рядахъ соціалистической партіи. Но успѣхи послѣдней на выборахъ поставили вопросъ на практическую почву: тамъ, гдѣ соціалистическая партія имѣетъ своихъ гласныхъ въ городской думѣ, отъ нихъ требуется положительная программа въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія. Но такая программа неизбѣжно толкаетъ соціалистическую партію на путь компромиссовъ съ другими партіями, выставляющими сходную программу. Въ 1902 г. соціалистическая партія въ Калифорніи, руководимая Іовомъ Хэрриманомъ (бывшимъ соціалистическимъ кандидатомъ въ вице-президенты Соединенныхъ Штатовъ), вступила въ коалицію съ рабочей (трэйдъ-юніонистской) партіей. Большинство партіи въ остальныхъ штатахъ въ то время высказалось противъ этой тактики, что имѣло результатомъ выходъ въ отставку

всего правленія партіи и перенесеніе центральнаго комитета ея изъ С.-Луи въ Чикаго.

Въ 1905 году лидеръ висконсинской соціалистической партіи Викторъ Бергеръ въ своей газетѣ „Wahrheit“ помѣстилъ статью, въ которой онъ совѣтовалъ соціалистамъ вотировать въ пользу буржуазнаго кандидата на должность судьи, чтобы провалить его противника, который считается столпомъ католической реакціи. Бергеръ въ послѣднее время выступаетъ въ роли американскаго Бернштейна, хотя до 1905 года его ревизіонизмъ не посягалъ на избирательную тактику соціалистической партіи. Передовая статья его въ пользу буржуазнаго кандидата имѣла послѣдствіемъ устраненіе его отъ должности делегата въ національномъ комитетѣ партіи. Въ непродолжительномъ времени предстоитъ референдумъ соціалистической партіи по вопросу о правильности его удаленія. Бергеръ обладаетъ всѣми личными качествами, необходимыми для роли вожака въ американской политической партіи, и пользуется личнымъ вліяніемъ даже на противниковъ тактики компромиссовъ, какъ напр. Дебсъ. Каковъ-бы ни былъ исходъ настоящаго конфликта, онъ имѣетъ несомнѣнно симптоматическое значеніе. На западѣ, гдѣ быстрый ростъ числа соціалистическихъ голосовъ обѣщаетъ соціалистической партіи въ близкомъ будущемъ рядъ избирательныхъ побѣдъ, часть ея выражаетъ недовольство тактикою, которая обрекаетъ ее на чисто отрицательную роль. Наоборотъ, на востокѣ, гдѣ соціалистическая партія еще не имѣетъ никакого значенія въ политикѣ и успѣхи ея почти незамѣтны, всякое уклоненіе отъ традиціонной тактики встрѣчаетъ единодушный отпоръ. Соціалистическая партія, очевидно, находится на распутьѣ.

XIII. Новѣйшія демократическія реформы.

Параллельно съ современной плутократической реакціей противъ демократіи наблюдается ростъ демократическихъ учрежденій, выразившійся въ дарованіи политическихъ правъ женщинамъ, введеніи тайной подачи голосовъ, иниціативы и референдума и т. п. Какъ согласить эти реформы съ господствомъ капитала въ обѣихъ политическихъ партіяхъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточена законодательная власть?

Чтобы разобраться въ противорѣчіяхъ американской политики, необходимо помнить, что ни республиканская, ни демократическая партія не составляетъ политической организаціи опредѣленнаго соціальнаго класса; политическая

партія—торговое товарищество, промышляющее политикою. Ея интересы—это интересы ея пайщиковъ. Въ данный историческій моментъ она служитъ капиталу; завтра, если это окажется выгоднымъ, она можетъ выступить въ роли поборницы рабочихъ требованій въ ущербъ интересамъ капитала, чему примѣромъ служитъ запрещеніе въѣзда китайскимъ рабочимъ.

Политическая монополія партійныхъ машинъ покоится на индиферентизмѣ большинства избирателей, вытекающемъ изъ отсутствія у нихъ сознанныхъ политическихъ интересовъ. Но статистика выборовъ показываетъ, что за послѣднія два десятилѣтія на политическомъ горизонтѣ растетъ число независимыхъ избирателей, не идущихъ въ хвостѣ ни за какой партіей, а свободно вотирующихъ то за одну, то за другую партію, зачастую за кандидата одной партіи на одну должность и за кандидата враждебной партіи на другую. Такихъ независимыхъ избирателей въ настоящее время, по приблизительному расчету, около двухъ милліоновъ. Эта оппозиція представляетъ чрезвычайно разнокалиберную смѣсь соціальныхъ группъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ, нерѣдко враждебныхъ другъ другу. Отъ той или иной комбинаціи этихъ группъ зависитъ исходъ выборовъ. Поэтому обѣ политическія партіи прислушиваются къ голосу независимыхъ избирателей. Этимъ путемъ дѣятельное прогрессивное меньшинство имѣетъ возможность воздѣйствовать на законодательство. Порою оно организуется въ особую политическую партію, порою оно старается при помощи демонстрацій, петицій, митинговъ показать господствующимъ партіямъ численную силу оппозиціи на выборахъ и принудить ихъ къ удовлетворенію ея требованій.

Самымъ крупнымъ успѣхомъ демократіи безспорно является предоставленіе американской женщинѣ гражданской равноправности, а мѣстами и политическихъ правъ. Развитіе капитализма сдѣлало милліоны женщинъ экономически самостоятельными. Между тѣмъ, англійское обычное право, сложившееся въ до-капиталистическій періодъ, ставило женщину въ подъ-опечное положеніе. По мѣрѣ того, какъ женщины стали проникать во всѣ области хозяйственной дѣятельности, ихъ неправоспособность сдѣлалась серьезной помѣхой въ гражданско-правовомъ оборотѣ. Въ сохраненіи неправоспособности женщины никто не былъ экономически заинтересованъ, напротивъ того—интересы коммерческаго міра требовали признанія за женщиною права распоряжаться своею личностью и имуществомъ. Сопутствующее капитализму повышеніе средняго возраста вступленія въ бракъ создало

большое предложеніе женскаго труда въ буржуазной средѣ. Сами политиканы, принадлежащіе къ той-же средѣ, были заинтересованы въ открытіи женщинѣ доступа въ либеральныя профессіи и на государственную и муниципальную службу. При помощи политическихъ связей, явилась возможность пристроить дочь или сестру на казенной службѣ. Этимъ объясняется быстрый успѣхъ движенія въ пользу женской равноправности. Въ настоящее время ограниченія личныхъ и имущественныхъ правъ женщины, за немногими исключеніями, отмѣнены. Женщинѣ разрѣшено занятіе медициной, вступленіе въ адвокатское сословіе; женщины наполняютъ всѣ канцеляріи и монополизировали педагогическую профессію.

Успѣхи ихъ на пути достиженія политической равноправности гораздо скромнѣе. До сихъ поръ только четыре штата предоставили женщинамъ избирательное право наравнѣ съ мужчинами: Вайомингъ, Юта, Колорадо и Айдахо. Въ нѣкоторыхъ штатахъ имъ дано право участія въ выборахъ на должность по школьному управленію и въ другихъ мѣстныхъ выборахъ.

Первыя піонерки женской эмансипаціи выступили на общественное поприще въ концѣ сороковыхъ годовъ минувшаго столѣтія. Это была эпоха аболиціонистскаго движенія, и передовыя женщины съ воодушевленіемъ отдали свои силы на борьбу съ рабствомъ. Во время междуусобной войны женщины самоотверженно работали на театрѣ войны, какъ сестры милосердія. Дарованіе избирательнаго права неграмъ естественно поставило на очередь вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ [1]). Подъ вліяніемъ общественнаго подъема, вызваннаго эмансипаціею негровъ, законодательное собраніе западной территоріи Вайоминга въ 1869 году уравняло женщинъ въ политическихъ правахъ съ мужчинами. Спустя двадцать лѣтъ при обсужденіи въ конгрессѣ билля о принятіи Вайоминга въ число штатовъ, признаніе конституціею равноправности женщинъ встрѣтило сильную оппозицію въ обѣихъ палатахъ, но при окончательной баллотировкѣ проектъ конституціи прошелъ безъ измѣненій.

---

[1]) О миссисъ Бичеръ-Стоу, авторѣ „Хижины Дяди Тома“,—книги, сыгравшей громадную роль въ агитаціи противъ рабства, разсказываютъ, что однажды послѣ войны она спросила своего дворника, неграмотнаго негра, справедливо-ли, что вотъ онъ имѣетъ право участія въ выборахъ, а она—нѣтъ. „Простите, сударыня,—отвѣтилъ онъ:—но вы—дама, а дамамъ не хватаетъ разумѣнія въ этакомъ дѣлѣ!“

Сусанна Браунель-Антони,
піонерка женскаго движенія.

Академии Наук СССР

Въ 1870 году законодательное собраніе мормонской территоріи Юты предоставило женщинамъ полную равноправность. Въ 1896 г. Юта была принята въ число штатовъ, и конституціею ея признана полная равноправность женщинъ [1]).

Въ штатѣ Колорадо женщины получили равноправность въ 1893 г., а въ Айдахо въ 1896 г., благодаря успѣхамъ популистскаго (народническаго) движенія. Въ 1892 г. популистская партія и коалиція съ демократами одержала верхъ на выборахъ въ Колорадо; по предложенію губернатора Вэйта, ветерана радикальнаго движенія, законодательное собраніе въ первую-же сессію постановило предложить на всенародное голосованіе (референдумъ) законопроектъ о женской равноправности. На ближайшихъ выборахъ законопроектъ былъ принятъ незначительнымъ большинствомъ. Дебютъ женщинъ-избирательницъ на политическомъ поприщѣ въ 1894 г. имѣлъ результатомъ пораженіе губернатора Вэйта. Популистская партія отстаивала интересы фермеровъ и рабочихъ, но жены и дочери фермеровъ и рабочихъ, по недостатку политическаго воспитанія, не приняли участія въ выборахъ. Наоборотъ, женщины капиталистическаго класса явились на выборы въ полномъ сборѣ и съ классовою сознательностью вотировали противъ ненавистнаго буржуазіи народничества. Старикъ Вэйтъ, типичный американскій идеалистъ, глубоко вѣрившій во всепобѣждающую красоту абстрактной демократической теоріи, былъ глубоко разочарованъ. Въ нѣмецко-американской соціалистической прессѣ впослѣдствіи высказывались сомнѣнія въ цѣлесообразности, съ точки зрѣнія интересовъ рабочаго класса, дарованія въ настоящее время избирательныхъ правъ женщинамъ. Однако, десятилѣтній опытъ того-же штата Колорадо доказалъ, что политическія права принесли съ собою и политическое воспитаніе женщинъ. Въ настоящее время женщины принимаютъ не менѣе активное участіе въ выборахъ, нежели мужчины. Образовалась профессіональная группа женщинъ-политикановъ, женщины засѣдаютъ въ законодательномъ собраніи и занимаютъ другія выборныя должности.

Въ Кэнсасѣ дарованіе женщинамъ права участія въ му-

[1]) Соотвѣтствующая статья конституціи Вайомонга, воспроизведенная дословно и въ конституціи Юты, гласитъ: „Полъ гражданина не можетъ служить причиною лишенія его права голоса и права занимать общественныя должности или ограниченія этихъ правъ. Граждане мужескаго и женскаго пола пользуются наравнѣ всѣми гражданскими, политическими и религіозными правами и преимуществами".

ниципальныхъ выборахъ и муниципальномъ управленіи было результатомъ агитаціи противъ пьянства, въ которой женщины являются самымъ дѣятельнымъ элементомъ. Во многихъ городахъ женщины были избираемы на должность мэра, а въ двухъ городахъ случилось, что всѣ выборныя должности по муниципальному управленію заняты были женщинами.

Съ другой стороны, тѣсная связь женскаго движенія съ агитаціею въ пользу трезвости объясняетъ оппозицію американскихъ законодателей домогательству женщинъ о политической равноправности. „Женскій христіанскій союзъ трезвости"—самое вліятельное изъ всѣхъ женскихъ обществъ. Союзъ имѣетъ отдѣленія во всѣхъ углахъ и закоулкахъ Америки и насчитываетъ около полутораста тысячъ членовъ. Но кабатчики, пивовары и водочные заводчики, пользующіеся сильнымъ вліяніемъ въ обѣихъ политическихъ партіяхъ, вполнѣ основательно опасаются, что предоставленіе женщинамъ избирательныхъ правъ сдѣлаетъ женскій христіанскій союзъ трезвости политической силой. Этимъ-то объясняются скудные результаты движенія въ пользу политической равноправности женщинъ. Въ то-же время нужно признать, что большинство женщинъ, получивши всѣ необходимыя имъ гражданскія права, относится вполнѣ индиферентно къ вопросу объ избирательномъ правѣ. Это, впрочемъ, лишь частное проявленіе общаго политическаго индиферентизма, характеризующаго американскихъ „сувереновъ", какъ любятъ величать себя американскіе граждане. Въ области теоріи женское движеніе одержало окончательную побѣду надъ предубѣжденіями противъ политической эмансипаціи. Президентъ Розевелтъ рѣшительный сторонникъ равноправности женщинъ, а членъ Верховнаго Суда Бруэръ въ рѣчи, произнесенной имъ весною 1905 г. на торжественномъ актѣ женскаго лицея Bryn Mawr College, выразилъ надежду, что его слушательницы еще увидятъ на посту президента Соединенныхъ Штатовъ женщину, которая принесетъ такое-же величіе родной странѣ, какъ королева Викторія дала Англіи!

Всѣ остальныя политическія реформы послѣ междуусобной войны направлены были къ одной общей цѣли—огражденію независимости избирателей отъ давленія профессіональныхъ политикановъ. Важнѣйшая изъ этихъ реформъ—введеніе тайной подачи голосовъ, или такъ называемой „австралійской баллотировки". Иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала рабочей организаціи, извѣстной подъ названіемъ Рыцарей Труда. На съѣздѣ 1886 г. присутствовали делегаты, представ-

лявшіе, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, 800.000 рабочихъ. Такая численность организаціи обезпечивала ей большое вліяніе на обѣ политическія партіи. Въ 1888 г. законъ о тайной подачѣ голосовъ былъ принятъ въ Массачусетсѣ; примѣру его одинъ за другимъ послѣдовали остальные штаты и территоріи. Въ настоящее время тайная подача голосовъ установлена повсемѣстно, кромѣ трехъ южныхъ штатовъ: Сѣверной и Южной Каролинъ и Джорджіи.

На эту реформу возлагались большія надежды. Оптимисты надѣялись, что она положитъ конецъ подкупу избирателей въ виду невозможности удостовѣриться въ томъ, за какого кандидата подкупленный избиратель подалъ голосъ. Ухищренія изобрѣтательныхъ политикановъ въ обходѣ этого закона повели къ выработкѣ сложной системы предосторожностей для охраненія тайны выборовъ. Избирательные бюллетени печатаются штатомъ; фамиліи кандидатовъ должны быть отмѣчены крестомъ не иначе, какъ въ предписанномъ бланкѣ; карандашъ долженъ быть непремѣнно черный и т. д. Тѣмъ не менѣе, подкупъ практикуется теперь въ такихъ-же размѣрахъ и съ такимъ-же успѣхомъ, какъ прежде, при открытой подачѣ голосовъ. Политиканы съ полною увѣренностью полагаются на психологическій фактъ, упущенный изъ виду реформаторами, что взяточникъ обыкновенно исполняетъ то порученіе, за которое онъ получилъ взятку, хотя его и невозможно принудить къ этому закономъ. Человѣкъ, который беретъ два доллара за подачу голоса въ пользу даннаго кандидата, нисколько не заинтересованъ въ успѣхѣ его противника, а потому не имѣетъ побужденія нарушить условіе. Въ сельскихъ округахъ, гдѣ всѣ другъ друга знаютъ, дѣло устраивается проще и вѣрнѣе: противникамъ данной партіи обѣщается вознагражденіе за неявку на выборы. Результатъ достигается тотъ-же, а выполненіе условія поддается безошибочному контролю.

Какъ было показано выше, фактически, благодаря партійной системѣ, избирательное право представляетъ чистую фикцію. Подборъ кандидатовъ производится партійными машинами безъ участія избирателей; избиратель, являясь на выборы, имѣетъ предъ собою альтернативу: вотировать за кандидата, съ платформою котораго онъ солидаренъ, хотя самъ кандидатъ, быть можетъ, пользуется плохой репутаціей, или-же за его соперника, выставленнаго противной партіей, съ которою онъ въ принципѣ не солидаренъ, причемъ и самъ кандидатъ-то, пожалуй, не лучше. Чтобы обезпечить избирателямъ дѣйствительный, а не фиктивный голосъ на выборахъ, признано было необходимымъ дать каждому из-

бирателю право голоса на предварительной сходкѣ (primary) его партіи, гдѣ рѣшается вопросъ о кандидатурахъ. Во многихъ штатахъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ проведена реформа, поставившая порядокъ заявленія партійныхъ кандидатуръ подъ контроль закона. Мѣстные законы различаются въ подробностяхъ, но въ основу ихъ положено общее начало, что каждый избиратель, солидарный съ программою партіи и заявляющій намѣреніе вотировать за ея кандидаторовъ на выборахъ, въ правѣ участвовать въ баллотировкѣ вопроса о томъ, кому быть офиціальнымъ кандидатомъ партіи. Эти партійные выборы производятся тѣмъ-же порядкомъ, что и общіе выборы. Эта реформа встрѣчаетъ сильное сопротивленіе политикановъ всѣхъ партій. Они совершенно справедливо жалуются, что эта система открываетъ широкій просторъ злоупотребленіямъ: что мѣшаетъ одной политической партіи командировать своихъ клевретовъ на партійные выборы соперничающей партіи, чтобы провести кандидатуру непопулярнаго лица и, такимъ образомъ, обезпечить побѣду своему собственному кандидату. Такіе примѣры бывали. Съ другой стороны, этотъ порядокъ заявленія кандидатуръ находится въ противорѣчіи съ началомъ тайной подачи голосовъ, такъ какъ отъ избирателя требуется публичное заявленіе о принадлежности къ опредѣленной партіи. Этого недостатка стремится избѣжать новый законъ, выработанный губернаторомъ Висконсина, Лафоллеттомъ, и принятый избирателями штата посредствомъ референдума на выборахъ 1904 г. По этому закону баллотировка въ кандидаты происходитъ для всѣхъ партій одновременно въ томъ-же помѣщеніи, каждому избирателю вручаются бюллетени съ именами кандидатовъ всѣхъ партій; избиратель затѣмъ уже воленъ опустить въ избирательный ящикъ свернутый бюллютень любой партіи и уничтожить остальные.

Въ началѣ новый порядокъ заявленія кандидатуръ встрѣченъ былъ недовѣрчиво; на предварительные выборы являлось не больше десяти процентовъ всѣхъ избирателей. Но, по мѣрѣ ознакомленія избирателей съ новой системой, недовѣріе къ ней начинаетъ исчезать. Такъ, въ Миннесотѣ обыкновенно болѣе двухъ третей всего числа избирателей участвуетъ въ предварительныхъ выборахъ: въ 1902 г. во многихъ избирательныхъ округахъ на партійныхъ выборахъ подано было больше голосовъ, чѣмъ на общихъ.

Тѣмъ не менѣе, хотя система „прямыхъ предварительныхъ выборовъ“ въ теоріи составляетъ шагъ впередъ отъ партійной олигархіи къ демократіи, на практикѣ она не пошатнула господства политической машины. Да это и по-

нятно: избиратели-диллетанты являются на партійные выборы, какъ разрозненные индивидуумы, между тѣмъ политическая машина приходитъ, какъ столковавшаяся организація; понятно, что организація одерживаетъ верхъ надъ „кустарничествомъ". Послѣдовательные противники партійной системы, какъ покойный мэръ г. Толедо Самуилъ Джонзъ, требуютъ отмѣны офиціальныхъ партійныхъ кандидатуръ. Вмѣсто этого они предлагаютъ распространить на всѣ кандидатуры порядокъ, принятый въ настоящее время для прямыхъ предварительныхъ выборовъ и по отношенію къ независимымъ кандидатурамъ: по письменному заявленію установленнаго числа избирателей, имя ихъ кандидата вносится въ общій списокъ кандидатовъ. Но эта мысль пока не встрѣчаетъ поддержки.

Главный недостатокъ американской системы выборовъ — отсутствіе перебаллотировокъ, вслѣдствіе чего избраннымъ считается кандидатъ, получившій наибольшее число голосовъ, хотя-бы и не большинство. Какъ уже было показано, этотъ порядокъ создалъ политическую монополію двухъ господствующихъ партій. Въ эпоху подъема политической мысли, вызваннаго переустройствомъ политическихъ учрежденій южныхъ штатовъ по окончаніи междуусобной войны, въ Соединенныхъ Штатахъ привлекли вниманіе идеи Джона Стюарта Милля о представительствѣ меньшинства. Въ 1869 году учредительное собраніе штата Иллинойза внесло начало представительства меньшинства въ новую конституцію штата: эта конституція была принята посредствомъ референдума въ 1870 г. Весь штатъ раздѣляется на 51 сенаторскій округъ; каждый округъ избираетъ трехъ депутатовъ законодательнаго собранія; каждому избирателю предоставляется право вотировать за всѣхъ трехъ кандидатовъ или-же сосредоточить три голоса на одномъ кандидатѣ. Такимъ образомъ, партія, имѣющая на своей сторонѣ одну четверть всего числа избирателей, имѣетъ возможность провести своего кандидата даже при самомъ неравномѣрномъ распредѣленіи голосовъ между двумя партіями; на самомъ дѣлѣ, голоса распредѣлены между послѣдними приблизительно поровну, такъ что кандидатъ, за котораго стоитъ одна шестая часть всѣхъ избирателей, можетъ быть увѣренъ въ успѣхѣ.

Въ 1872 г. законодательное собраніе нью-іоркскаго штата приняло законъ, которымъ эта система множественнаго вотума введена была для выборовъ въ гласные нью-іоркской городской думы. Въ г. Нью-Іоркѣ царитъ демократическая партія; въ то время все управленіе находилось въ рукахъ воровской шайки Твида. Законъ о множественномъ вотумѣ имѣлъ цѣлью сломить единовластіе демократической партіи.

Но губернаторъ Гофманъ, который былъ креатурой Твида, наложилъ свое veto на этомъ билль.

Въ Иллинойзѣ представительство меньшинства не произвело никакой перемѣны въ характерѣ законодательнаго собранія. Бывали случаи избранія въ палату кандидатовъ оппозиціонныхъ партій—популистовъ, прогибиціонистовъ, соціалдемократовъ. Но абсолютизмъ спикера и большинства и обычай вершенія дѣлъ въ комиссіяхъ келейнымъ порядкомъ лишаютъ представителей меньшинства всякаго значенія. Вслѣдствіе этого, общественный интересъ къ этой идеѣ угасъ еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Въ 1893 г. образовалась Лига пропорціональнаго представительства. Въ спискѣ членовъ ея красуются имена знаменитыхъ политическихъ дѣятелей, но она существуетъ только на бумагѣ.

XIV. Референдумъ и инициатива.

Вырожденіе представительнаго правленія въ партійную олигархію вселило въ широкихъ кругахъ оппозиціи убѣжденіе въ совершенной невозможности преобразованія существующаго политическаго строя на демократическихъ началахъ при помощи представительнаго законодательнаго собранія. Американскій политическій радикализмъ ищетъ выхода въ возвратѣ къ началу прямого законодательства. Сосредоточеніе населенія въ большихъ городахъ сдѣлало неудобоисполнимымъ рѣшеніе общественныхъ дѣлъ на сходѣ избирателей. На смѣну этой первобытной формѣ прямого законодательства явился референдумъ.

Начало референдума относится еще къ эпохѣ войны за независимость. Въ 1778 г. проектъ республиканской конституціи штата Массачусетса былъ предложенъ на всенародное голосованіе; въ 1779 г. тому-же примѣру послѣдовалъ Нью-Хэмпширъ. Впослѣдствіи этотъ порядокъ утвержденія новой конституціи сдѣлался общимъ правиломъ во всѣхъ штатахъ. Постепенно референдумъ проникъ въ очередную законодательную и административную дѣятельность. Въ настоящее время въ тридцати восьми штатахъ въ опредѣленныхъ случаяхъ законъ или мѣстное постановленіе вступаетъ въ силу не иначе, какъ по утвержденіи его всенароднымъ голосованіемъ. Законы этихъ штатовъ насчитываютъ въ общей сложности сто четыре предмета, подлежащіе народному рѣшенію.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ инициатива принадлежитъ законодательной или исполнительной власти. Современные по-

литическіе радикалы добиваются обращенія референдума изъ чрезвычайной мѣры въ общее начало законодательства, съ предоставленіемъ инициативы самимъ избирателямъ. Требованіе инициативы и референдума было однимъ изъ первыхъ проявленій политической дѣятельности рабочаго класса въ Америкѣ. Въ 1878 г., на первомъ съѣздѣ Рыцарей Труда, это требованіе было поставлено во главѣ политической программы этой организаціи. Въ 1889 г. инициатива и референдумъ включены были въ первую платформу соціалистической рабочей партіи. Съ тѣхъ поръ эта реформа завоевала себѣ широкую популярность, и агитація въ пользу ея перешла въ руки буржуазныхъ радикаловъ. Въ западныхъ штатахъ, всегда выступающихъ въ авангардѣ прогресса, движеніе въ пользу инициативы и референдума достигло такихъ размѣровъ, что обѣ господствующія политическія партіи почли необходимымъ уступить народному требованію и предложили на всеобщее голосованіе соотвѣтственныя поправки къ конституціи. Въ 1896 г. референдумъ и инициатива введены были въ Южной Дакотѣ; въ 1902 году такая-же поправка къ конституціи принята была въ Орегонѣ $^{11}/_{12}$ всего числа поданныхъ голосовъ. Въ Иллинойзѣ инициатива и референдумъ введены съ тѣмъ ограниченіемъ, что народнымъ рѣшеніямъ присвоено лишь совѣщательное, а не обязательное значеніе. Но на практикѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, при существованіи всеобщаго избирательнаго права, „совѣтъ“ большинства избирателей равносиленъ приказу для политической партіи, желающей удержать власть или добиться власти.

Въ Детройтѣ, Санъ-Франциско и Лосъ-Ангелесѣ инициатива и референдумъ введены городскими хартіями (особыми городовыми положеніями) въ муниципальныхъ дѣлахъ. Въ другихъ штатахъ и городахъ происходитъ подготовительная законодательная работа по введенію инициативы и референдума. Во многихъ штатахъ поправки къ конституціи обставлены сложной процедурой: требуется, напр., двукратное постановленіе законодательнаго собранія въ теченіе двухъ сессій, затѣмъ принятіе поправки народнымъ голосованіемъ и, наконецъ, выработка законодательнымъ собраніемъ правилъ о приведеніи въ исполненіе новой поправки. Это продолжается нѣсколько лѣтъ. Но несомнѣнно, что въ теченіе ближайшихъ двухъ десятилѣтій инициатива и референдумъ станутъ такими же интегральными частями государственнаго строя Соединенныхъ Штатовъ, какъ тайная подача голосовъ.

Существенныя черты, общія этой реформѣ вездѣ, гдѣ она

до сихъ поръ принята, состоять въ томъ, что извѣстный процентъ избирателей, занесенныхъ въ избирательные списки (отъ 5 до 25%), въ правѣ потребовать передачи на всеобщее голосованіе любого законопроекта; учрежденіе, завѣдующее выборами, по полученіи петиціи, удостовѣрившись въ наличности требуемаго числа подписей и соблюденіи предписанныхъ формальностей, дѣлаетъ распоряженіе о напечатаніи законопроекта въ избирательномъ бюллетенѣ; вопросъ подвергается баллотировкѣ на ближайшихъ выборахъ. Мѣстами къ законодательной иниціативѣ присовокуплено народное veto относительно законодательныхъ актовъ, издаваемыхъ народными представителями: никакой законъ не вступаетъ въ силу до истеченія установленнаго срока (обыкновенно не менѣе тридцати дней) со дня его обнародованія. Въ теченіе этого промежутка избиратели, недовольные закономъ, въ правѣ подать петиціи о передачѣ его на референдумъ на предстоящихъ выборахъ. Этимъ способомъ въ руки избирателей дается дѣйствительное средство контроля надъ дѣятельностью законодательныхъ собраній.

Противъ прямого законодательства приводится немало возраженій, вполнѣ добросовѣстно указывающихъ на его недостатки. Референдумъ, какъ вердиктъ присяжныхъ, по необходимости лакониченъ: да или нѣтъ. Сложный законопроектъ не всегда допускаетъ такой отвѣтъ: избиратель можетъ одобрять однѣ статьи и въ то-же время осуждать другія. Съ другой стороны, большинство избирателей не обладаетъ подготовкой, необходимой для сознательнаго критическаго отношенія къ деталямъ сложнаго закона. Опытъ показываетъ, что около половины избирателей, вотирующихъ за кандидатовъ, воздерживается отъ участія въ референдумѣ. Наконецъ, прямое законодательство ограничено весьма тѣсными предѣлами: невозможно обременять избирателя баллотировкою одновременно большого числа законопроектовъ, къ каждымъ выборамъ можетъ быть пріурочено не болѣе нѣсколькихъ вопросовъ. Между тѣмъ, каждая сессія законодательнаго собранія оставляетъ въ наслѣдіе штату сотни, нерѣдко тысячи новыхъ законодательныхъ актовъ. Слѣдовательно, и при референдумѣ вся масса законодательной работы останется по-прежнему въ рукахъ представительныхъ собраній.

Не отрицая силы этихъ доводовъ, нужно признать, однако, что они теряютъ значительную долю вѣса въ виду общественныхъ недостатковъ американской представительной системы. Большинство законовъ вовсе не подвергается обсужденію, а изготовляется заинтересованными лицами, посто-

ронними законодательному собранію, и принимается не только безъ преній, но даже безъ чтенія. Напротивъ того, законопроекты, предлагаемые на референдумѣ, обыкновенно подвергаются предварительному обсужденію на митингахъ и въ печати, такъ что всякій имѣетъ возможность указать недостатки и желательныя поправки. Съ другой стороны, народное veto ограничивается отрицательною задачею: неутвержденіемъ законовъ, вредныхъ для общаго блага; законодательнымъ же собраніямъ оставляется власть издавать законы, молчаливо одобряемые общественнымъ мнѣніемъ.

Право инициативы можетъ служить въ рукахъ избирателей также средствомъ контроля надъ народными представителями: къ числу политическихъ требованій американскаго радикализма принадлежитъ право отозванія народныхъ представителей. До сихъ поръ это требованіе осуществимо только въ городѣ Лосъ-Ангелесѣ, въ Калифорніи. По городской хартіи 1903 г., 25% избирателей въ правѣ предъявить ходатайство объ удаленіи гласнаго думы отъ должности, ранѣе окончанія срока его службы. Въ такихъ случаяхъ немедленно производятся новые выборы, на которыхъ гласный, возбудившій неудовольствіе четверти избирателей, можетъ выступить кандидатомъ на переизбраніе. Въ 1904 г. сдѣланъ былъ первый опытъ примѣненія новаго закона; гласный, противъ котораго возбуждено было ходатайство о производствѣ новыхъ выборовъ, былъ забаллотированъ.

О практическихъ результатахъ инициативы и референдума еще преждевременно судить, но самая агитація въ пользу этихъ мѣръ несомнѣнно пробуждаетъ массу избирателей отъ хронической спячки, требуя отъ каждаго избирателя отвѣта на очередные вопросы. Прекрасную иллюстрацію представляетъ опытъ Чикаго, центра торгово-промышленной и умственной жизни запада и второго по населенію города въ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ 1901 г. въ Иллинойзѣ изданъ былъ законъ, разрѣшающій по инициативѣ избирателей предлагать на референдумъ вопросы о направленіи муниципальной дѣятельности. Этотъ законъ былъ уступкою многолѣтней агитаціи, но политиканы сдѣлали все зависящее отъ нихъ, чтобы его обезвредить. Во-первыхъ, на каждыхъ выборахъ число вопросовъ ограничено тремя, т. е. всего позволяется баллотировать по шести въ годъ [1]); во-вторыхъ, народныя рѣшенія

[1]) Въ Иллинойзѣ выборы производятся дважды въ году: въ апрѣлѣ на муниципальныя должности, а въ ноябрѣ на государственныя.

имѣютъ лишь совѣщательный характеръ; въ третьихъ, вопросъ передается на референдумъ не иначе, какъ по иниціативѣ одной четверти всего числа городскихъ избирателей. Въ Чикаго требуется около ста тысячъ подписей подъ петиціей. Собрать такое число—геркулесовскій трудъ; однако, уже на ближайшихъ выборахъ, весною 1902 г., на референдумъ поставлено было три вопроса: о муниципализаціи трамваевъ и газоваго освѣщенія и о прямой заявкѣ кандидатуръ. Всѣ три предложенія были приняты значительнымъ большинствомъ голосовъ. Въ 1904 г. на референдумъ было поставлено предложеніе городской думѣ не возобновлять концессій, на которыя истекаетъ срокъ, и заключить заемъ на пріобрѣтеніе трамваевъ отъ частной компаніи. Въ пользу обоихъ предложеній высказалось большинство свыше двухъ третей всѣхъ избирателей. Тѣмъ не менѣе, гласные думы постановили продлить срокъ концессіи на пятьдесятъ лѣтъ. Мэръ, прежде заявлявшій себя горячимъ сторонникомъ муниципализаціи, вдругъ охладѣлъ къ этой мѣрѣ, несмотря на то, что она красовалась въ его избирательной платформѣ. „Лига референдума“ требовала, чтобы онъ наложилъ свое veto на постановленіе думы, такъ явно противорѣчащее волѣ избирателей. Но онъ нахально заявилъ, что утвердитъ постановленіе, если лига не представитъ ему въ краткій срокъ протеста за подписью ста тысячъ избирателей. Требованіе казалось физически невыполнимымъ, но на выручку явилась редакція Хёрстовскихъ газетъ: на первой страницѣ утренней и вечерней газетъ былъ напечатанъ протестъ съ призывомъ къ читателямъ вырѣзать его и вернуть въ редакцію съ приложеніемъ своей подписи. Въ теченіе нѣсколькихъ дней такимъ образомъ набралось сто тысячъ подписей. Въ виду такой демонстраціи, политическая шайка, творившая прежде волю общества городскихъ желѣзныхъ дорогъ, сочла благоразумнымъ уступить общественному мнѣнію. Весною 1905 г. демократическая партія внесла въ свою платформу требованіе немедленной муниципализаціи; ея кандидатъ избранъ былъ большинствомъ тридцати тысячъ голосовъ, несмотря на то, что за пять мѣсяцевъ до того Розевелтъ получилъ на сто тысячъ голосовъ больше своего демократическаго противника. Въ настоящее время вопросъ о муниципализаціи уже поставленъ на практическую почву. Такимъ образомъ, при помощи референдума удалось расшевелить избирателей и принудить политикановъ къ покорности.

Познакомившись съ проявленіями демократическихъ тенденцій въ новѣйшій періодъ развитія американскихъ госу-

дарственныхъ учрежденій, намъ остается еще разсмотрѣть тѣ формы организаціи, посредствомъ которыхъ эти тенденціи осуществляются на практикѣ.

Такъ какъ современная борьба за демократическія учрежденія является по необходимости борьбою противъ партійной олигархіи, то она ведетъ къ сближенію между сторонниками разныхъ партійныхъ программъ на почвѣ общихъ преобразовательныхъ мѣръ. Протекціонисты и фритрэйдеры, монометаллисты, биметаллисты и сторонники неограниченнаго выпуска бумажныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ, имперіалисты и анти-имперіалисты одинаково заинтересованы въ реформѣ гражданской службы; вслѣдствіе этого они соединяются въ оссбую организацію спеціально для этой цѣли—Civil Service Reform Association. Точно также референдуму, пропорціональному представительству, антиимперіализму и другимъ реформамъ сочувствуютъ люди, сходящіеся только въ одномъ изъ этихъ требованій и расходящіеся между собою по всѣмъ остальнымъ. Такъ образуются анти-имперіалистская лига, лига прямого законодательства, лига пропорціональнаго представительства, союзъ политической равноправности женщинъ и мног. другіе. Эти лиги и союзы, не будучи связаны ни съ одной партіей, имѣютъ возможность оказывать давленіе на всѣ партіи или на ихъ кандидатовъ. Не всегда эта политика приводитъ къ желаемому результату. Неоспоримо, однако, что почти всѣ реформы послѣднихъ двухъ десятилѣтій проведены были господствующими партіями подъ давленіемъ агитаціи этихъ безпартійныхъ союзовъ.

И. Гурвичъ.

ШВЕЙЦАРІЯ.

Введеніе.

Сохранилась интересная характеристика Швейцаріи, данная Наполеономъ I въ 1802 г. на такъ называемой „консультѣ“ ея выдающихся политическихъ дѣятелей.

Это было въ „эпоху посредничества“, когда Наполеонъ, воспользовавшись полнымъ безсиліемъ Швейцаріи, властно вмѣшался въ ея судьбы, навязавъ ей свои „посредническіе акты“ и тѣмъ положивши на время конецъ ожесточенной борьбѣ „унитаріевъ“ и „федералистовъ“.

„Чѣмъ больше я думалъ объ особенностяхъ вашей страны,—говорилъ онъ имъ тогда,—тѣмъ больше убѣждался я въ томъ, что разнообразіе ея составныхъ частей исключаетъ всякую возможность создать для нея какую-нибудь единую форму. Ваше географическое положеніе, ваши религіи, ваши нравы, ваши языки—все ведетъ васъ къ федерализму! Кто сталъ бы отрицать, что не сама природа создала Швейцарію для федеративнаго строя? Въ нѣкоторыя времена года даже сообщеніе между кантонами совершенно прерывается! И какъ различаются между собою ваши горцы и горожане! Развѣ можете вы принудить демократическіе кантоны жить подъ такимъ же режимомъ, какъ города,—или можете вы думать о введеніи чистой демократіи въ такихъ городахъ, какъ, напримѣръ, Бернъ?.. Для маленькихъ государствъ федерализмъ имѣетъ очень много преимуществъ. Я самъ урожденный горецъ и знаю свойственный горнымъ жителямъ духъ. Только не единообразіе,— никакихъ войскъ, ни централизованныхъ финансовъ, ни централизованныхъ податей!..“

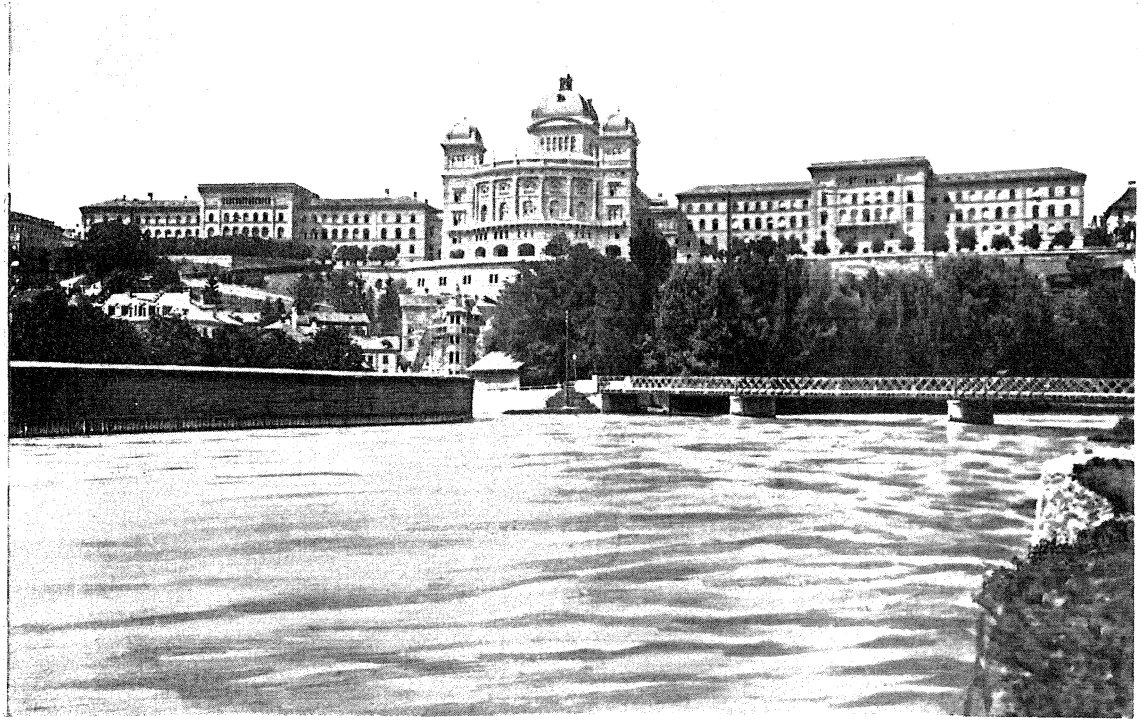
И въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ болѣе пестрое сочетаніе государственно-правовыхъ формъ, болѣе разнообразную картину соціально-политическихъ отношеній, чѣмъ ту, какую являла собою Швейцарія XVIII столѣтія. Рядомъ съ полноправными „руководящими“ кантонами, играющими въ Швейцарскомъ союзѣ роль самостоятельныхъ

государствъ, въ немъ имѣются „подручныя“ или „покровительствуемыя земли“, а также общія всѣмъ или только нѣкоторымъ кантонамъ владѣнія или „подданныя земли“. Рядомъ со свѣтскими государствами мы находимъ духовныя владѣнія, аббатства и епископства; въ сосѣдствѣ съ республиками—области, управляющіяся свѣтскими и духовными князьями. Въ союзѣ съ древними демократическими общинами, своими „сельскими сходами“, напоминающими нашъ русскій деревенскій „міръ“, мы видимъ средневѣковые аристократическіе города съ гордыми патриціями во главѣ, безраздѣльно господствующими надъ городомъ и принадлежащими ему территоріями. „Необходимо,—восклицаетъ Курти,—терпѣливо всмотрѣться въ эту мозаическую картину, чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе происшедшей перемѣны!“

Въ 1513 г., послѣ цѣлаго ряда освободительныхъ войнъ, тянувшихся на протяженіи свыше двухъ вѣковъ, закончилось сплачиваніе отдѣльныхъ земель въ независимый Швейцарскій союзъ. Новые равноправные члены въ союзъ больше не принимались въ теченіе почти трехсотъ лѣтъ. „По своему образу правленія, тринадцать полноправныхъ кантоновъ“, составившихъ ядро союза, раздѣлялись на два класса: на кантоны, управляющіеся посредствомъ своихъ „мірскихъ сходовъ“ (Landsgemeinde), и на городскіе кантоны съ преимущественнымъ правленіемъ патриціанскихъ родовъ и цеховыхъ гильдій. Затѣмъ слѣдовали такъ называемыхъ союзныя или подручныя и покровительствуемыя земли и фохства (владѣнія отдѣльныхъ кантоновъ).

Кромѣ перечисленныхъ категорій швейцарскихъ областей, были еще „подданныя земли“ или „общія волости“. Нѣкоторыя изъ нихъ принадлежали одному или нѣсколькимъ кантонамъ, другія же всѣмъ „державнымъ“ кантонамъ вмѣстѣ. Правовыя отношенія между тѣми и другими иногда усложнялись еще тѣмъ, что иныя подчиненныя „волости“, будучи составной частью свободныхъ кантоновъ, имѣли свои собственныя владѣнія. Въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ общинахъ сосѣднія государства,—напримѣръ, Австрія,—пользовались верховными правами. Швейцарскія епископства и многіе монастыри также имѣли державныя права. Наконецъ, нѣкоторые города на подданныхъ земляхъ сумѣли сохранить свои особыя привилегіи.

Всѣ эти „руководящія, подручныя и подданныя земли“ жили безъ всякой экономической связи между собою и при почти полной политической изолированности. Каждая изъ этихъ многочисленныхъ „земель“ была отдѣлена отъ осталь-



Національный Совѣтъ.

Академия Наук СССР

ныхъ высокими таможенными пошлинами. Въ предѣлахъ же самой „земли“, за провозъ товаровъ приходилось уплачивать всевозможныя мостовыя и дорожныя таксы. Въ силу этого, обмѣнъ товаровъ между кантонами и областями, какъ и транзитная торговля по Швейцаріи дѣлались совершенно невозможными. Чтобы обойти указанныя препятствія, швейцарскіе торговые дома отправляли свои товары окольнымъ путемъ. Напримѣръ, фабричныя издѣлія изъ Цюриха или Сенъ-Галлена въ Базель выгоднѣе было посылать черезъ Францію, чѣмъ по короткому пути, лежащему на швейцарской территоріи. Неурожай и голодъ въ одномъ кантонѣ вызывалъ спекуляцію въ другихъ: хлѣба задерживались со спеціальной цѣлью, въ расчетѣ на повышеніе цѣнъ. Не было ни единой для всего союза монеты, ни общихъ мѣръ длины и вѣса. Еще въ 1832 г. можно было слышать жалобы на то, что иноземецъ, проходя по Швейцаріи, долженъ былъ по пути пять разъ мѣнять свои деньги. Были даже такія области въ союзѣ, которыя, въ свою очередь, распадались на нѣсколько самостоятельныхъ государствъ, отгороженныхъ одно отъ другого высокими пошлинами,—каждое съ независимымъ правительствомъ и своей правительственной печатью, отдѣльною почтою и собственною чеканкою монетъ! Вся Швейцарія составлялась, такимъ образомъ, изъ множества большихъ и малыхъ областей, изъ которыхъ каждая представляла собою замкнутое хозяйственное цѣлое, стремившееся въ своихъ собственныхъ границахъ удовлетворить всѣ свои экономическія потребности.

Само собой понятно, что эта экономическая разрозненность получала свое отраженіе въ политическихъ отношеніяхъ Швейцаріи, въ частности въ характерѣ ея государственной жизни. Въ этомъ разношерстномъ союзѣ государствъ даже правящіе тринадцать кантоновъ не пользовались одинаковыми правами: предъ пятью „новыми“ землями восемь „старыхъ“ кантоновъ имѣли особыя привилегіи. Такъ, по договору, военная помощь со стороны каждой земли старыхъ кантоновъ требовалась во всѣхъ случаяхъ; новые же пять кантоновъ могли этою помощью пользоваться лишь въ опредѣленныхъ случаяхъ. Между жителями различныхъ кантоновъ не существовало никакой гражданской связи; житель одного кантона считался иностранцемъ въ другомъ. Правительства должны были спеціальными соглашеніями обезпечивать за своими подданными извѣстныя права въ чужихъ кантонахъ. Каждое изъ этихъ правительствъ, независимо отъ другихъ, устанавливало желательное для себя отношеніе съ церковью и вмѣстѣ съ этимъ

опредѣленное вѣроисповѣданіе въ своемъ государствѣ. Религіозная вѣковая борьба между католиками и протестантами,—война 1712 г. оканчивается побѣдою протестантовъ,—не уничтожила окончательно этого глубокаго противорѣчія, которое долго еще продолжало сказываться.

Эта глубокая религіозная рознь, обусловливавшаяся разницей въ экономическомъ развитіи — противоположностью между кантонами съ пастбищнымъ и сельскимъ хозяйствомъ и кантонами съ развивавшейся промышленностью — накладывала свою особую печать на физіономію общаго союзнаго управленія, еще болѣе расшатывая его и безъ того слабый и непрочный базисъ, придавая еще большую иллюзорность его рѣшеніямъ и мѣропріятіямъ. Общаго правительства, въ настоящемъ смыслѣ слова, въ Швейцаріи, собственно говоря, не было. Сеймъ—Тагзатцунгъ—этотъ единственный общій союзный органъ, былъ лишь собраніемъ посланниковъ независимыхъ другъ отъ друга государствъ. Никакихъ самостоятельныхъ рѣшеній эти послы не могли принимать, не имѣя на то опредѣленныхъ и точныхъ инструкцій или наказовъ отъ своихъ правительствъ. Какое-нибудь непредвидѣнное мѣропріятіе принималось только условно, до тѣхъ поръ, пока послы докладывали о немъ своимъ правительствамъ—ad referendum,—и лишь съ согласія послѣднихъ новое рѣшеніе вступало въ законную силу. Но и принятое уже рѣшеніе зачастую оставалось на бумагѣ, такъ какъ въ распоряженіи союза не было никакой власти, чтобы провести его въ жизнь. Такимъ образомъ, ограниченная почти исключительно интересами наемничества и военной защиты, компетенція союза еще болѣе сужпвалась. Вражда между католиками и протестантами сказывалась здѣсь въ томъ, что первые устраивали свои спеціальные сеймы (Sondertagsatzungen), и послы ихъ являлись на засѣданія общаго сейма съ заранѣе приготовленными, ни въ коемъ случаѣ не отмѣняемыми, рѣшеніями.

Такова физіономія старой Швейцаріи. Ничто, казалось, не связывало больше старыхъ Eidgenossen, старыхъ „товарищей по клятвѣ“. Никакихъ общихъ политическихъ интересовъ, кромѣ развѣ управленія и совмѣстной эксплоатаціи общихъ владѣній, такъ что „лишь дѣлежъ добычи,—какъ говоритъ Курти,—поддерживалъ въ правителяхъ сознаніе государственнаго единства“.

И, однако, этотъ конгломератъ всякаго рода „земель“ мы видимъ въ настоящее время въ качествѣ единаго, ясно сознавшаго себя національнаго цѣлаго! Какъ объясняется эта огромная и на первый взглядъ непонятная перемѣна?

Въ силу какихъ условій разнообразіе государственно-правовыхъ формъ уступило мѣсто однородному конституціонному строю? Что превратило Швейцарію изъ союза государствъ въ государственный союзъ?

Чтобы отвѣтить на эти вопросы, намъ необходимо прежде всего отдать себѣ отчетъ въ томъ, что представляетъ собою Швейцарія въ экономическомъ отношеніи.

I.

Очеркъ экономической жизни.

Есть-ли Швейцарія преимущественно земледѣльческая или индустріальная страна? На этотъ вопросъ, поставленный еще въ началѣ 70-хъ гг., изслѣдователи ея экономической жизни отвѣчали, что земледѣліе не имѣетъ перевѣса надъ другими отраслями производства. Нѣкоторые же изслѣдователи прямо называли тогда Швейцарію индустріальнымъ государствомъ par excellence.

Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ швейцарская промышленность неудержимо росла. Въ настоящее время она является доминирующимъ факторомъ всей жизни страны, главнымъ источникомъ существованія всего ея населенія. Для подтвержденія сказаннаго обратимся къ статистическимъ даннымъ.

По послѣдней народной переписи 1900 г., въ Швейцаріи насчитывалось 3.327.336 душъ населенія. Въ сравненіи съ 1850 г. населеніе возросло, такимъ образомъ, на 39%. Если принять во вниманіе ту степень плотности населенія, какая возможна въ Швейцаріи при земледѣльческомъ хозяйствѣ, то этотъ громадный приростъ за вторую половину прошлаго столѣтія приходится всецѣло приписать на счетъ роста ея промышленности, такъ какъ въ противномъ случаѣ 934.596 человѣкъ, составляющихъ этотъ приростъ, не нашли бы себѣ источниковъ пропитанія. Фактъ этотъ тѣмъ болѣе значителенъ, что процентъ увеличенія населенія не перестаетъ прогрессивно расти: если въ 1850—1888 гг. населеніе Швейцаріи ежегодно увеличивалось на половину процента, то съ 1888—1900 г. процентъ ежегоднаго прироста поднимается до 1,13.

Объ индустріализаціи страны всего вѣрнѣе, какъ извѣстно, можно судить по росту ея городского населенія. И въ этомъ отношеніи данныя 1900 г. позволяютъ намъ сдѣлать весьма поучительные выводы. Съ одной стороны, они показываютъ, что болѣе крупныя общины увеличиваются въ

числѣ, главное же—сосредоточиваютъ все болѣе увеличивающійся процентъ населенія, а съ другой,—что ростъ населенія въ крупныхъ общинахъ происходитъ гораздо быстрѣе, чѣмъ въ мелкихъ.

Чтобы правильно оцѣнить значеніе этихъ явленій, необходимо принять во вниманіе чрезвычайно характерную особенность развитія швейцарской промышленности. Отсутствіе минеральныхъ богатствъ, въ частности угля, тормозило развитіе двигательныхъ силъ. Приходилось использовать другія естественныя богатства страны,—паденіе водъ, быстрыя теченія рѣкъ,—чѣмъ Швейцарія такъ изобилуетъ. Отсюда необходимость устраивать промышленныя предпріятія внѣ городовъ, тамъ, гдѣ естественныя силы природы это позволяли. До 90-хъ годовъ мы, поэтому, не находимъ въ Швейцаріи крупныхъ промышленныхъ городовъ въ настоящемъ значеніи этого слова, хотя въ ней и имѣется множество фабричныхъ деревень, долинъ, цѣлые промышленные кантоны. И лишь съ распространеніемъ пара, въ особенности съ примѣненіемъ электричества, допускающаго перенесеніе моторной силы въ пространствѣ, положеніе дѣлъ стало измѣняться. Освобожденная отъ естественныхъ силъ природы, промышленность начала концентрироваться въ городахъ, стягивая тамъ населеніе страны. 90-ые гг. характеризуются въ высшей степени сильнымъ „тяготѣніемъ къ городу“ („Zug nach der Stadt“),—процессъ, далеко не закончившійся и до настоящаго времени, размѣръ и вліяніе котораго нельзя еще поэтому въ достаточной мѣрѣ взвѣсить. Такимъ образомъ, увеличеніе числа крупныхъ городовъ, какъ и ростъ населенія въ этихъ городахъ, для Швейцаріи пока еще не можетъ служить столь очевиднымъ показателемъ развитія промышленности и сопутствующей ей концентраціи населенія, какимъ онъ всегда служитъ для другихъ странъ.

Обратимся же къ болѣе характернымъ даннымъ. Мы имѣемъ въ виду цифры, относящіяся къ распредѣленію швейцарскаго населенія по роду занятій. Однако, и здѣсь, какъ еще въ другихъ случаяхъ, надо помнить указанную особенность,—разбросанность промышленности по всей странѣ. Благодаря этому, рабочіе имѣютъ возможность долго не порывать своихъ связей съ землею и искать работу на фабрикахъ лишь въ качествѣ подсобнаго промысла. Но даже при этомъ условіи количество населенія, занятаго земледѣльческими работами, съ средины прошлаго столѣтія быстро уменьшается въ пользу промышленности. Еще въ 40-хъ гг. около 80% швейцарскаго населенія жило скотоводствомъ и земледѣліемъ. Но уже въ 1870 г. изъ всего количества на-

зеленія, занятіе котораго можно было опредѣлить, на сельское хозяйство падало только 45%, а въ 1888 г. это отношеніе уменьшается до 40%. Хотя населеніе Швейцаріи, какъ мы видѣли, безпрерывно растетъ, число лицъ, занятыхъ земледѣліемъ, уменьшалось не только относительно, но и абсолютно. Съ 548.271 человѣка въ 1870 г. число это понизилось до 483.033—въ 1888 г. [1]). Особенно рельефно выступаетъ значеніе послѣднихъ цифръ, если сравнить въ этомъ отношеніи Швейцарію съ другими странами. Тогда окажется, что если положить въ основаніе число лицъ, занятыхъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности, то Швейцаріи принадлежитъ второе мѣсто въ мірѣ въ области индустріи между тѣмъ какъ въ области земледѣлія она занимаетъ девятое мѣсто.

Помимо климатическихъ и агрономическихъ условій, причины этого знаменательнаго явленія,—быстраго роста промышленности и, главное, указаннаго выше абсолютнаго уменьшенія земледѣльческаго населенія,—заключается въ томъ переворотѣ, который произошелъ въ сельскомъ хозяйствѣ Швейцаріи, благодаря конкуренціи Америки, Россіи и Индіи. Конкуренція эта убила зерновое хозяйство Швейцаріи, которое было вытѣснено болѣе выгодными при этомъ условіи скотоводствомъ и производствомъ молочныхъ продуктовъ. Пастбищное же хозяйство потребовало уменьшенія сельскаго населенія. Такое же дѣйствіе оказала конкуренція иностранныхъ винъ. Наконецъ, абсолютное уменьшеніе населенія въ деревнѣ вызвано еще введеніемъ машинъ въ сельское хозяйство и многими другими причинами, какъ то: задолженностью, исчезновеніемъ нѣкоторыхъ отраслей кустарной промышленности и пр.

Все это въ достаточной мѣрѣ объясняетъ „бѣгство изъ деревни", съ одной стороны, и увеличеніе числа лицъ, занятыхъ въ обрабатывающей промышленности, съ другой.— По даннымъ переписи 1888 г., въ послѣдней было занято 43% всего населенія Швейцаріи, не считая тѣхъ, которые работали на желѣзныхъ дорогахъ; на земледѣліе приходилось лишь 40%. Слѣдующая таблица показываетъ, какъ распредѣлялось населеніе Швейцаріи по роду занятій:

---

[1]) Къ сожалѣнію, результаты переписи 1900 г. далеко еще не разработаны, и намъ приходится оперировать съ данными 1888 г., регистрировавшими лишь главныя занятія, указывавшіяся самими жителями. При этомъ могли быть допущены нѣкоторыя ошибки. Но общая тенденція, несомнѣнно, вырисовывается ими правильно.

Было занято при	Число лицъ.	Въ процентахъ.
добывающей промышленности . . .	491.743	40
обрабатывающей промышленности .	527.792	43
торговлѣ	92.996	8
постройкѣ жел. дор. и въ транспортѣ.	47.996	4
обществ. должн. и своб. профессіи	50.653	4
неопредѣленныя профессіи	14.869	

Наиболѣе яркое представленіе о развитіи швейцарской промышленности и о степени зависимости ея отъ мірового рынка могутъ дать данныя объ участіи Швейцаріи въ міровой торговлѣ и о характерѣ ея обмѣна. Выше мы видѣли, что воздѣлываніе хлѣбныхъ злаковъ въ Швейцаріи было вытѣснено пастбищнымъ и молочнымъ хозяйствомъ. Это означаетъ, что главное количество хлѣба Швейцарія должна ввозить изъ-за-границы. Средній годичный ввозъ хлѣба составлялъ:

1851—1855	1.213.834 кв.
1861—1865	1.516.934 „
1871—1875	2.401.150 „
1897—1900	6.398.810 „

Такимъ образомъ, въ теченіе полустолѣтія ввозъ хлѣба увеличился болѣе, чѣмъ въ пять разъ. Такое же явленіе мы наблюдаемъ относительно ввоза сырыхъ продуктовъ вообще. Съ средины 60-хъ гг. онъ почти утроился по своей стоимости. Главные предметы торговли Швейцаріи, разсматриваемые по тремъ крупнымъ группамъ, составляютъ въ тысячахъ франковъ:

ВВОЗЪ.	1881 г.	1891 г.	1900 г.
Пищевые продукты . .	32,9%	304.159—32,63%	301.420 - 27,13%
Сырые продукты	39,9 „	322.287—34,57 „	448.334—40,35 „
Фабрикаты	26,3 „	305.725—32, 8 „	361.356—30,52 „
ВЫВОЗЪ.	1881 г.	1891 г.	1900 г.
Пищевые продукты . .	11,2%	80.000—11.91%	103.112—12,39%
Сырые продукты	16,6 „	80.432—11,97 „	89.073—10,65 „
Фабрикаты	71,7 „	511.433—76,12 „	643.895—77,01 „

Прежде всего, относительно ввоза и вывоза пищевыхъ продуктовъ надо отмѣтить стремленіе продукты худшаго сорта потреблять внутри страны и, обратно, сельскохозяйственные продукты лучшаго качества вывозить за границу, получая оттуда взамѣнъ болѣе дешевыя продовольственныя средства. Это характерное обстоятельство еще болѣе увеличиваетъ зависимость Швейцаріи отъ міровой торговли, достаточно, впрочемъ, обусловливающуюся ввозомъ сырыхъ матеріаловъ и вывозомъ фабрикатовъ. Какъ всякая страна

съ развитымъ машиннымъ способомъ производства, Швейцарія должна матеріалы для обработки получать изъ-за-границы. Ввозъ сырыхъ матеріаловъ,—почти цѣликомъ поглощающійся текстильной и металлургическими отраслями промышленности, какъ видно изъ таблицъ, поднялся въ 1900 г. до 40,35%, а сравненіе съ предыдущими годами позволяетъ заключить, что здѣсь имѣется тенденція къ увеличенію количества ввозимыхъ сырыхъ матеріаловъ [1]). Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ находится растущій вывозъ обработанныхъ издѣлій, составляющій уже болѣе трехъ четвертей всего вывоза Швейцаріи. Главными предметами вывоза являются продукты текстильной индустріи (61,01%) и издѣлія металлическихъ отраслей промышленности (30,18%). Но если къ фабрикатамъ причислить еще искусственно переработанные продукты сельскаго хозяйства (какъ, напримѣръ, конденсированное молоко, шоколадъ, сыръ и т. п.), то вывозъ швейцарскихъ фабрикатовъ превыситъ 87% всего ея вывоза,—и тогда Швейцарія оказывается во главѣ всѣхъ промышленныхъ странъ, не исключая и Англіи.

Общее количество ввоза и вывоза маленькой Швейцаріи составляетъ около 2 милліардовъ марокъ. Если сравнить ее съ другими промышленными странами по той стоимости ввоза и вывоза, которая падаетъ на каждую голову населенія, то она займетъ первое мѣсто въ первой изъ трехъ указываемыхъ группъ.

I.		II.		III.	
Швейцарія	450	Германія	167	Италія	60
Бельгія	416	Франція	159	Австро-Венгрія	56
Англія	345	Соед. Штаты	102	Испанія и Россія	25

Съ 1865 г. стоимость ввоза, приходящаяся на голову населенія удвоилась, а стоимость вывоза возросла на 68%, стоимость же ввоза и вывоза вмѣстѣ—на 89%.

Итакъ, мы разсмотрѣли три группы данныхъ, относя-

[1]) Что касается значительнаго ввоза фабричныхъ издѣлій, на первый взглядъ непонятнаго, то онъ объясняется потребностью населенія въ издѣліяхъ индустріи,—потребностью, въ свою очередь, свидѣтельствующей о высокой степени индустріализаціи страны. Въ этомъ отношеніи Швейцарія вмѣстѣ съ Англіей и Бельгіей стоитъ во главѣ всѣхъ остальныхъ странъ. Въ Англіи и Бельгіи потребляется фабрикатовъ въ три раза больше, чѣмъ въ Германіи или во Франціи, и въ шесть разъ больше, чѣмъ въ Италіи или Австро-Венгріи. Этимъ растущимъ потребленіемъ издѣлій индустріи и объясняется тотъ фактъ, что въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій ввозъ фабричныхъ издѣлій въ промышленныя страны увеличился, по крайней мѣрѣ, въ два раза.

щихся къ росту и концентраціи населенія страны, къ распредѣленію его по роду занятій и къ участію страны въ міровой торговлѣ. Можно было бы еще привести иллюстраціи изъ той или другой области экономической жизни; однако, разслѣдованныя уже данныя съ полной очевидностью доказали, что имѣется лишь очень мало странъ, народно-хозяйственная жизнь которыхъ была бы такъ тѣсно связана съ міровымъ рынкомъ, какъ экономическая жизнь Швейцаріи. Эти данныя говорятъ намъ, что въ ряду другихъ промышленныхъ странъ Швейцарія занимаетъ если не первое, то одно изъ первыхъ мѣстъ. Однако, какія бы важныя указанія эти заключенія ни давали для изученія политической жизни страны, они слишкомъ недостаточны. Чтобы быть въ состояніи выяснить себѣ значеніе и характеръ политическихъ группировокъ страны, необходимо еще знать тотъ соціально-экономическій укладъ, на основаніи котораго эти группировки вырастаютъ. Для этого же надо познакомиться съ отношеніями собственности какъ въ области земледѣлія, такъ и въ области промышленности. Въ частности, относительно Швейцаріи, кантональная жизнь которой играла и играетъ такую крупную роль, надо еще знать, какъ распредѣляется промышленность и земледѣліе по отдѣльнымъ кантонамъ.

Выше мы видѣли, что за вторую половину XIX вѣка населеніе Швейцаріи возросло на 39%. Эта цифра прироста получаетъ особенное значеніе въ виду неравномѣрнаго распредѣленія его по различнымъ кантонамъ. Въ теченіе 50 лѣтъ населеніе нѣкоторыхъ кантоновъ—въ промежутокъ времени отъ 1880 до 1900 г. ихъ было семь—не только не увеличивалось, но даже уменьшалось. Явленіе это стоитъ въ тѣсной связи съ указаннымъ выше абсолютнымъ уменьшеніемъ сельскаго населенія. Такимъ образомъ, кромѣ общественнаго раздѣленія труда между сельскимъ хозяйствомъ и индустріей и между отдѣльными отраслями производства, устанавливается еще территоріальное раздѣленіе труда въ предѣлахъ самой страны. Это значитъ, что промышленные кантоны дѣлаются еще болѣе промышленными, а сельскохозяйственные—исключительно сельскохозяйственными. Изъ 182 политическихъ округовъ Швейцаріи—89 съ 50% населенія принадлежали сельскому хозяйству. Округа эти расположены, главнымъ образомъ, на Альпахъ и встрѣчаются тѣмъ рѣже, чѣмъ ниже мы спускаемся. Однако, кромѣ этого, еще значительная сѣверная часть Швейцаріи занята земледѣльческимъ населеніемъ. Къ промышленной же части страны принадлежатъ тѣ кантоны, которые покрыты густою сѣтью

желѣзныхъ дорогъ, и нѣкоторыя горныя области—Аппенцель Внѣшняго Родена и Гларусъ. Бернъ, Цугъ, Люцернъ, Золотурнъ и Ваадтъ занимаютъ среднее положеніе между той и другой частью.

Итакъ, чуть-ли не половина площади Швейцаріи занята сельскимъ хозяйствомъ. И тѣмъ не менѣе, передъ нами ярко-выраженная промышленная страна! Этотъ кажущійся экономическій парадоксъ легко разрѣшается съ помощью приведенныхъ уже выше данныхъ. Мы знаемъ, что ввозъ хлѣба въ Швейцаріи непрестанно увеличивается. Лишь около одной трети потребляемаго ею хлѣба она въ состояніи производить собственными силами. Производство хлѣбныхъ злаковъ вытѣсняется пастбищнымъ хозяйствомъ, значительная часть продуктовъ котораго идетъ за-границу. Все это находится въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что сельскіе округа расположены, главнымъ образомъ, въ горныхъ кантонахъ, топографическія условія которыхъ способствуютъ развитію именно пастбищнаго хозяйства.

Каковы же отношенія поземельной собственности въ Швейцаріи? Преобладаетъ ли въ ней крупное или мелкое землевладѣніе?

При обсужденіи и этого вопроса мы должны имѣть въ виду кардинальный фактъ сельскохозяйственной жизни Швейцаріи, именно, что ея горные кантоны являются въ то же время и сельскими. Альпійскіе луга, составляющіе цѣлую треть культивируемой площади, до сихъ поръ находятся еще въ коллективномъ владѣніи сельскихъ общинъ (такъ называемая швейцарская „альменда“) и различныхъ корпорацій. Кромѣ того, пастбищное хозяйство требуетъ большую земельную площадь, чѣмъ земледѣліе. По даннымъ статистики установлено, что если для всей Швейцаріи на каждое самостоятельное хозяйство считается въ среднемъ 15,75 гектаровъ, то въ горныхъ кантонахъ—Граубюнденѣ, Ури, Унтервальденѣ и пр.—площадь земли для отдѣльнаго хозяйства составляетъ въ среднемъ 28,615 гект.

Указанныя условія значительно ограничиваютъ ту среднюю величину земельной площади, которая установлена для каждаго самостоятельнаго хозяйства однимъ изслѣдователемъ экономической жизни Швейцаріи. По сдѣланному имъ въ 1886 г. расчету, на каждые 100 гектаровъ культивируемой земли приходилось, въ среднемъ, 12 самостоятельныхъ сельскохозяйственныхъ предпріятій, т. е. величина отдѣльнаго хозяйства составляла лишь $8^1/_2$ гектаровъ. На самомъ дѣлѣ эта цифра должна быть на много ниже. Такъ, въ бернскомъ кантонѣ, сочетающемъ разнообразнѣйшія куль-

турныя и топографическія условія и являющемся, поэтому, типичнымъ для всей страны, средняя величина сельскохозяйственнаго владѣнія составляетъ только 4,15 гектаровъ. Въ отношеніи распредѣленія поземельной собственности кантонъ даетъ слѣдующую картину:

	Число въ %	Въ гектарахъ %
до 1 гектара . . .	33.320—44,6	11.778,8— 4,8
отъ 1— 5 гектаровъ . .	26.856—36,0	65.951,3—26,9
отъ 5—20 гектаровъ . .	13 219—17,7	121.133,0—49,4
свыше 20 гект.	1.310— 1,7	46.356,0—18,9
	вмѣстѣ 74.705— 100	245.219,1—100.

Хотя, по своему количеству, мелкія и мельчайшія владѣнія являются здѣсь преобладающими, однако, центръ тяжести лежитъ въ среднихъ владѣніяхъ, занимающихъ почти половину всей обрабатываемой площади. Приблизительно то же объ относительномъ значеніи средней и слѣдующей за неій мелкой поземельной собственности говорятъ намъ данныя о цюрихскомъ кантонѣ, которыя мы тутъ же сопоставимъ съ данными о кантонѣ Ааргау:

Кантонъ Цюрихъ. Въ гектарахъ	%	Кантонъ Ааргау. Въ гектарахъ	%
до 1 гект. . .	3.481,2— 3,9	до 1 гект. . .	17.120—20,2
отъ 1— 5 гект. . .	37.258,4—41,3	отъ 1—5 „ . . .	53.988—63,7
„ 5—20 „ . . .	46.151,2—51,1	свыше 5 „ . . .	13.645—16,1
свыше 20 „ . . .	3.327,3 — 3,7		
вмѣстѣ	90.218,1—100	вмѣстѣ	84.753—100.

Обращаетъ на себя вниманіе интересный фактъ, что въ кантонѣ Ааргау раздробленіе поземельной собственности въ 4—5 разъ больше, сравнительно съ бернскимъ и цюрихскимъ кантонами; онъ объясняется соединеніемъ сельскаго хозяйства съ работою на фабрикахъ. Въ общемъ же, мы видимъ, что какъ въ бернскомъ кантонѣ, такъ и въ цюрихскомъ, преобладающимъ является среднее, а затѣмъ мелкое землевладѣніе.

Какъ ни скудны эти свѣдѣнія, однако, и они проливаютъ яркій свѣтъ на экономическія отношенія въ Швейцарской деревнѣ. Мало того, что въ значительной части кантоновъ всецѣло господствуетъ сельское хозяйство,—въ самихъ этихъ кантонахъ главную, если не исключительную роль играетъ среднее и мелкое крестьянство. Значеніе этого крупнаго факта, въ смыслѣ вліянія на политическую жизнь страны, усугубляется еще тѣмъ отношеніемъ между мелкимъ ремесломъ и крупнымъ производствомъ, какое имѣется въ промышленности.

Въ общемъ и цѣломъ, это отношеніе такое же, какъ и въ другихъ капиталистическихъ странахъ: процессъ вытѣсненія ремесла крупнымъ производствомъ изъ промышленнаго поля здѣсь, хотя и медленно, но неудержимо совершается. Такъ, число промышленныхъ предпріятій безъ механическихъ двигателей поднялось съ 1882 г. до 1895 г. отъ 1.170 до 1.630, тогда какъ число предпріятій, пользующихся механическими двигателями, съ 1.472 возросло до 3.303. Въ 1882 г. подъ дѣйствіемъ фабричнаго закона находилось 134.862 рабочихъ, занятыхъ въ предпріятіяхъ съ двигателями отъ 59.505 силъ; въ 1895 году дѣйствіе фабричнаго закона распространяется уже на 200.199 рабочихъ съ двигателями въ 152.718 силъ. Такимъ образомъ, если число фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ увеличилось на 50%, то приростъ употребляемыхъ паровыхъ силъ составляетъ 160%. Этотъ болѣе быстрый ростъ примѣненія машинъ, сравнительно съ ростомъ количества занятыхъ въ производствѣ живыхъ рабочихъ силъ, является, какъ извѣстно, одной изъ специфическихъ чертъ именно капиталистическаго развитія. Объ этомъ же процессѣ свидѣтельствуетъ централизація промышленнаго пролетаріата Швейцаріи въ немногихъ крупныхъ предпріятіяхъ. Если мелкія и самыя мелкія мастерскія составляютъ 58% общаго количества промышленныхъ предпріятій, то, съ другой стороны, по меньшей мѣрѣ, 3-я часть рабочихъ сконцентрирована лишь въ 4% всѣхъ предпріятій, другая треть падаетъ на фабрики съ 50—200 рабочихъ каждая, и лишь $^1/_7$ часть всѣхъ рабочихъ приходится на долю наиболѣе мелкихъ предпріятій въ сравнительно громадномъ количествѣ—2.186.

Здѣсь, несомнѣнно, проявляется—и не можетъ не проявиться—та же роковая для мелкаго ремесла тенденція, которая характеризуетъ развитіе капитализма всѣхъ странъ. „Явленіе это такого рода,—говорится въ отчетѣ фабричной инспекціи за 1895 г.,—что всякій, желающій понять ходъ развитія швейцарской промышленности, не долженъ упускать его изъ виду“. Но, съ другой стороны, роль мелкаго ремесла въ общемъ производствѣ страны настолько еще значительна, что въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ она учитывается, какъ крупный и вліятельный факторъ. По словамъ Гофмана, мелкое ремесло въ цѣломъ рядѣ отраслей производства еще успѣшно конкурируетъ съ крупной промышленностью, въ нѣкоторыхъ же оно нынѣ сію пору имѣетъ подъ собой „золотое дно“. Изъ 527.792 лицъ, дѣйствительно занятыхъ въ промышленности, 213.585, т. е. около $^2/_5$, падаетъ на долю „самостоятельныхъ“ или ра-

ботающихъ въ своемъ „собственномъ дѣлѣ“. Или же, по вычисленіямъ секретаріата „Союза Ремесленниковъ“ (Gewerbeverein),—которыя надо, правда, принимать съ извѣстной осторожностью,—сумма годового производства мелкаго ремесла составляетъ 340 милл. фр., стоимость же производства крупной промышленности оцѣнивается въ 560 милліоновъ фр. въ годъ.

Такимъ образомъ, въ результатѣ нашего обзора экономической жизни Швейцаріи мы приходимъ къ любопытному выводу: если по характеру своего производства и, вообще, всей экономической жизни и степени зависимости отъ мірового рынка, Швейцарія должна считаться первоклассной промышленной страной, то, съ другой стороны, въ ней нѣтъ пока ярко выраженныхъ и обостренныхъ классовыхъ противоположностей, неизбѣжно сопровождающихъ эволюцію всѣхъ капиталистическихъ странъ; говоримъ пока, потому что, какъ мы видѣли, въ ней развивается крупная противоположность между городомъ и деревней, а въ самомъ городѣ идетъ борьба между крупнымъ и мелкимъ производствомъ, борьба, медленно, но неуклонно ведущая къ пролетаризаціи мелкой буржуазіи. Таковъ процессъ развитія капитализма въ Швейцаріи—такой же оригинальный, какъ оригинальна и своеобразна ея природа. Этотъ процессъ и его основные элементы необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ различныхъ факторовъ ея политической жизни.

Развитіе крупной промышленности Швейцаріи и ея полная экономическая зависимость отъ всемірнаго рынка—фактъ такой важности, что имъ вполнѣ объясняется отмѣченная выше огромная перемѣна въ ея соціально-политическихъ отношеніяхъ и государственно-правовыхъ формахъ. Страна, которая по своему географическому положенію, величинѣ ея площади и, вообще, по всѣмъ своимъ природнымъ и историческимъ условіямъ, должна была мало-помалу вступать въ тѣснѣйшую и неразрывную связь со всѣми почти странами міра,—такая страна не могла надолго оставаться едва связаннымъ союзомъ отдѣльныхъ независимыхъ государствъ. Та же причина, которая во второй половинѣ истекшаго столѣтія привела Германію сначала къ образованію таможеннаго союза, потомъ—къ политическому Сѣверо-Германскому союзу и, наконецъ, къ преобразованію ея въ сплоченную германскую имперію, еще съ большей интенсивностью должна была повліять на національную жизнь Швейцаріи. Ибо Швейцарія ранѣе многихъ другихъ странъ вступила на путь промышленнаго развитія. Еще во второй по-

ловинѣ XVIII в. въ ней имѣлись области съ вполнѣ развившейся мануфактурой. „Если мы окинемъ однимъ общимъ взглядомъ территорію Швейцаріи въ 1770 г.,—говоритъ ея историкъ,—то мы увидимъ, что промышленная сѣть раскинулась по всей ея сѣверной половинѣ, отъ Базеля и Невшателя до Сэнъ-Галлена и Тургау. Отсюда ея вѣтви идутъ къ кантону Ваадтъ, къ восточному берегу Арвы, вплоть до сердцевины Швейцаріи. Женева и Гларусъ уже вполнѣ развившіяся промышленныя области“ [1]). Именно развивающаяся промышленность и вызванныя ею новыя общественныя силы явились тѣмъ революціоннымъ факторомъ, который сломилъ всѣ средневѣковыя перегородки, характеризующія жизнь „старой“ офиціальной Швейцаріи.

Внутри дряхлаго феодальнаго міра зарождался новый буржуазный міръ, развитіе котораго требовало совсѣмъ иныхъ порядковъ и отношеній, чѣмъ тѣ, въ которыхъ росъ и укрѣплялся „старый“ міръ. Между этими двумя совершенно различными мірами неминуемо должна была завязаться ожесточенная борьба. То видимое противорѣчіе между стародемократическими и аристократическими кантонами, которое политически отражалось въ объединительномъ союзномъ органѣ—въ сеймѣ,—въ дѣйствительности было лишь кажущимся противорѣчіемъ. И тѣ, и другіе были представителями средневѣковья съ общимъ для нихъ соціально-экономическимъ строемъ, съ той лишь разницей, что въ рамкахъ послѣдняго первые являлись представителями болѣе отсталыхъ, вторые—болѣе развитыхъ экономическихъ формъ и отношеній. Экономическая замкнутость и политическая изолированность, общее этимъ условіямъ отраженіе—сеймъ съ его послами и средневѣковымъ церемоніаломъ,—вотъ царство какъ тѣхъ, такъ и другихъ.

Противъ нихъ возстали общественные элементы, выдвинутые новыми производительными силами. Это были фабриканты, сельскохозяйственные промышленники, купцы—всѣ тѣ, которымъ совершенно невыносимы были торговыя и цеховыя привилегіи, таможенныя преграды и церковная „десятина“. Въ томъ же лагерѣ мы видимъ радикальную интеллигенцію: врачей, адвокатовъ, сельскихъ учителей. Наконецъ, съ ними идутъ бѣднякъ-крестьянинъ, поденщикъ и фабричный рабочій. Это—все новые, дотолѣ невѣдомые общественные классы, начинающіе группироваться въ политическія партіи. Даже священники обоихъ вѣроисповѣданій—протестантскаго и католическаго—до такой степени захва-

[1]) Th. Curti. „Geschichte der Schweiz im XIX J.“, стр. 121.

тываются духомъ времени, что религіозный антагонизмъ отъ-тѣсняется на задній планъ. Религія, вообще, перестаетъ быть тѣмъ знаменемъ, подъ которымъ сталкивались соціальныя противорѣчія. На политическую авансцену выдвигается новаторская партія, стремящаяся все пересоздать по своему образу и подобію. Уничтоженіе феодальныхъ правъ и повинностей и учрежденіе „единой республики" — таковъ былъ лозунгъ этихъ новаторовъ.

Въ извѣстномъ, впрочемъ ограниченномъ, смыслѣ содержаніе борьбы между „унитаріями" и „федералистами" было то же, что и въ борьбѣ между французской „горой" и „жирондой". И здѣсь, какъ и тамъ, боролись на одной сторонѣ за полную государственную централизацію, за „единую и нераздѣльную республику", на другой—отстаивалась такая независимость отдѣльныхъ частей страны, департаментовъ во Франціи, кантоновъ въ Швейцаріи, которая шла въ разрѣзъ съ насущными интересами слагавшагося національнаго организма. Но то, что было во Франціи подготовлено эпохою королевскаго абсолютизма, — централизація политической власти,—и могло поэтому явиться непосредственнымъ и самымъ прочнымъ результатомъ великой французской революціи,—не могло быть сразу завоевано въ Швейцаріи, гдѣ „кантональный духъ" (Kantöneigeist) ко времени Швейцарской революціи 1798 г. былъ еще очень силенъ и имѣлъ питательную почву въ различіи историческихъ и общественныхъ условій разныхъ областей Швейцаріи. Лишь въ 1848 г. удалось окончательно одолѣть ультра-федералистовъ и въ цѣломъ рядѣ учрежденій дать выраженіе политическому единству Швейцаріи.

Но борьба между централистами и федералистами продолжается и въ настоящее время. Она до сихъ поръ еще ведется за расширеніе сферы компетенціи союзныхъ учрежденій, съ одной стороны, и за возможно большую кантональную независимость, съ другой. Такимъ образомъ, на протяженіи всего прошлаго столѣтія тянется этотъ крупнѣйшій антагонизмъ въ политической жизни Швейцаріи.

По мѣрѣ развитія ея соціально-политическихъ отношеній, по мѣрѣ того, какъ отчетливѣе выступали въ ней классовыя противоположности, рядомъ съ этимъ кардинальнымъ политическимъ антагонизмомъ появлялись и другіе. Такъ, опираясь на соотвѣтственное движеніе въ кантонахъ, стали бороться противъ исключительнаго представительства, противъ голаго парламентаризма,—за референдумъ и народную иниціативу, за непосредственное народное законодательство. Это—политическая противоположность между либералами и

демократами. Наконецъ, съ развитіемъ капитализма и его отрицательныхъ и положительныхъ сторонъ на арену общественной борьбы выступаютъ рабочія массы, организующіяся въ самостоятельную политическую партію, ближайшая задача которой заключается въ требованіи полнаго, охватывающаго всѣ сферы общественной жизни, соціальнаго законодательства.

II.

Развитіе конституціонныхъ формъ.

Нынѣ дѣйствующая союзная конституція, вступившая въ силу 29 мая 1874 г., находится въ тѣсной органической связи съ конституціей 1848 г. Начиная съ этого года—момента основанія союзнаго государства, — конституціонный строй Швейцаріи неуклонно и безостановочно развивается въ двухъ направленіяхъ: въ сторону все большей и большей централизаціи политическихъ учрежденій и сплачиванія населяющихъ ее народностей въ единую швейцарскую національность и, во-вторыхъ, въ сторону демократизаціи этихъ учрежденій,—демократизаціи какъ въ области законодательства, такъ и въ области управленія. Однако, и въ конституціи 1848 г. имѣется рядъ сторонъ, связывающихъ ее, если не прямо, то косвенно, съ предыдущимъ періодомъ современной исторіи Швейцаріи. Время гельветической республики 1798 — 1803 г., когда достигшая власти буржуазія впервые получила возможность реализовать свои общественные и политическіе идеалы, разсматривается, какъ исходный пунктъ всей новѣйшей исторіи Швейцаріи. Начавшись бурнымъ и быстрымъ потокомъ, грозившимъ, какъ казалось, разъ навсегда смести средневѣковой строй и все, что съ нимъ связано, теченіе ея, въ эпоху общеевропейской реакціи, было сдавлено, сведено почти на нѣтъ пришедшими въ себя реакціонными силами. Мало-по-малу оно стало пробиваться наружу, пока, наконецъ, подъ вліяніемъ іюльской революціи и послѣдовавшихъ за нею внутреннихъ переворотовъ въ большинствѣ швейцарскихъ кантоновъ, имъ не была сломлена послѣдняя преграда, не были устранены съ пути послѣдніе пережитки феодализма. Чтобы поставить наше изложеніе въ надлежащую историческую перспективу, необходимо хотя-бы въ общихъ чертахъ охарактеризировать этотъ первоначальный періодъ современной Швейцаріи, въ частности, „Гельветику“—тѣ ея истоки, которые, по картинному выраженію Гильти, являются „первымъ стремительнымъ, а потому неудавшимся штурмомъ“ демократіи [1]).

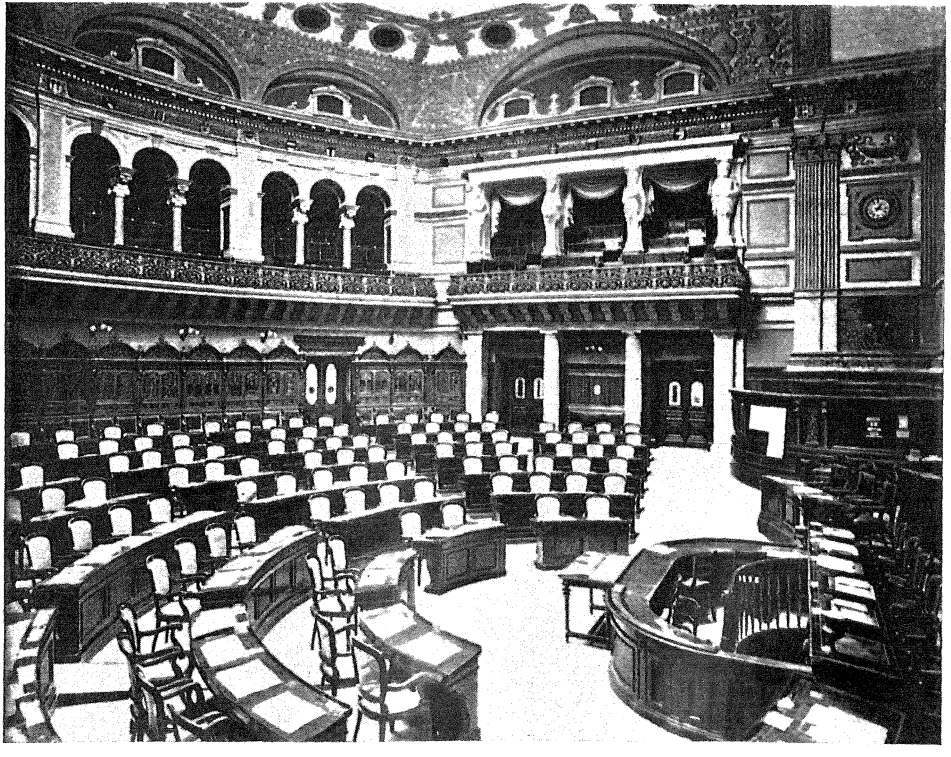
[1]) C. Hilty. „Oeffentliche Vorlesungen über die Helvetik“, 1878.

Какъ всѣмъ крупнымъ перемѣнамъ, происшедшимъ въ XIX столѣтіи въ общественной жизни Швейцаріи, такъ и революціи 1798 года предшествовало глубокое общественное броженіе во многихъ мѣстахъ страны. Рядъ заговоровъ и возстаній въ теченіе XVIII ст.—женевскія смуты, заговоръ маіора Довеля въ Ваадтѣ, Генци въ Бернѣ, Шено въ Фрейбургѣ—имѣлъ цѣлью въ однихъ случаяхъ независимость данной страны, въ другихъ—уничтоженіе феодальныхъ отношеній, освобожденіе крестьянъ, расширеніе народныхъ правъ. Возстанія эти, жестоко подавлявшіяся господствовавшимъ патриціатомъ, постепенно перешли въ сплошное революціонное движеніе, охватившее громадную часть страны въ годы, непосредственно предшествовавшіе революціи. Подчиненныя или „подданныя“ земли стремились къ отдѣленію отъ владѣвшихъ ими кантоновъ, въ самихъ же кантонахъ—Цюрихѣ, Базелѣ и др.—возставшія народныя массы требовали уничтоженія „десятинъ“, равномѣрнаго обложенія всѣхъ гражданъ, свободы промысловъ и передвиженія, улучшеній въ положеніи крестьянства и т. д. Гельветическая конституція 1798 г. должна была безповоротно ликвидировать старыя экономическія полуфеодальныя отношенія. По своему соціальному содержанію, пятилѣтній періодъ Гельветики являлся тѣмъ же, чѣмъ была великая французская революція. Какъ во Франціи, такъ и въ Швейцаріи, буржуазія праздновала медовые дни своего политическаго господства. „Свобода, равенство, братство и собственность!“—таковъ былъ девизъ какъ французской, такъ и швейцарской буржуазіи.

Въ I отдѣлѣ конституціи 1798 г., замѣняющимъ французскую „декларацію правъ человѣка и гражданина“, мы, между прочимъ, читаемъ:

„Не существуетъ никакой наслѣдственной власти, званія или почетнаго титула. Уголовные законы должны воспретить всякій титулъ, всякое установленіе, напоминающее о наслѣдственности. Наслѣдственные почетные титулы порождаютъ высокомѣріе и угнетеніе, приводятъ къ невѣжеству и косности и вводятъ въ заблужденіе относительно людей, событій и вещей“.

Если въ этихъ строкахъ объявляется протестъ всему „историческому“, то другія статьи швейцарской „декларацiи“ узаконяютъ „естественныя права человѣка“. „Естественная свобода человѣка,—гласятъ эти статьи—неотчуждаема. Она не имѣетъ никакихъ границъ, кромѣ свободы ближняго и ограниченій, которыхъ требуетъ общественное благо... Свобода совѣсти не ограничена... Свобода печати есть естественное



Національный Совѣтъ.—Залъ засѣданій.

Академии Наук СССР

слѣдствіе права каждаго человѣка обогащать свои свѣдѣнія". И далѣе: „частная собственность можетъ быть превращена въ собственность государства лишь въ крайнихъ случаяхъ, когда этого требуетъ очевидная общественная необходимость, но и тогда лишь за достаточное вознагражденіе. Существуютъ двѣ основы общественнаго благосостоянія: безопасность и просвѣщеніе. Просвѣщеніе лучше богатства и роскоши".

Итакъ, хотя собственность и священна и подлежитъ отчужденію лишь за „достаточное вознагражденіе", тѣмъ не менѣе, народнымъ массамъ рекомендуется просвѣщеніе, которое должно предпочитать богатству и благосостоянію. Таковы „главные основные принципы" первой швейцарской конституціи, достаточно выразительно говорящіе намъ о ея соціальномъ происхожденіи.

Однако, если по своему содержанію конституція 1798 г. есть продуктъ всего предыдущаго соціально-политическаго развитія Швейцаріи, то, по своей формѣ, она является болѣе или менѣе точнымъ отраженіемъ французскаго конституціоннаго строя временъ директоріи. Установленная ею демократія была строго централистической и покоилась на чисто представительной системѣ. То и другое должно было послужить непосредственными причинами ея крушенія, такъ какъ этимъ путемъ слишкомъ круто порывалась связь со всѣмъ историческимъ прошлымъ. „Не должно существовать,— такъ гласитъ первая статья гельветической конституціи,— никакихъ границъ ни между кантонами и подчиненными землями, ни между самими кантонами. Единство отечества и общіе интересы займутъ мѣсто слабаго союза, который охватывалъ несходныя, не связанныя между собою мелкія территоріи, подчиненныя мѣстнымъ предразсудкамъ, и руководилъ ими наугадъ. Объединенная сила всѣхъ создаетъ общую силу". „Единая и нераздѣльная республика"—этотъ политическій идеалъ равно воодушевлялъ какъ дѣятелей французской, такъ и швейцарской революціи. „Особенно важно, разумѣется,—говорилъ президентъ національнаго собранія Гельветики, Петръ Оксъ, составившій проектъ ея первой конституціи,—что отнынѣ каждый изъ насъ представляетъ не отдѣльный свой кантонъ, а всю гельветическую націю, и что, поэтому, мы постоянно должны руководиться интересами не отдѣльныхъ частей, а всей страны въ цѣломъ".

Двадцать два кантона гельветической республики, составленные изъ разнородныхъ земель швейцарской территоріи, получили одинаковое внутреннее устройство—повсюду была введена представительная система—и были равны между собою и по своей зависимости отъ правительства, вообще—

отъ центральной власти. Каждый кантонъ имѣлъ правительственнаго намѣстника, назначавшагося директоріей и контролировавшаго всѣ учрежденія кантона, его высшій судъ и правительственную камеру. Всѣ законы и постановленія законодательныхъ палатъ республики были обязательны для кантоновъ. Такъ же обязательны были приказы, которые директорія могла отдавать черезъ своихъ намѣстниковъ кантональнымъ властямъ.

Законодательная, исполнительная и судебная власть Гельветики была раздѣлена между большимъ и малымъ совѣтами, директоріей и высшей судебной палатой. Выборы въ законодательныя палаты, какъ и во всѣ другія учрежденія страны, были двухстепенные. Каждые сто гражданъ, достигшіе двадцатилѣтняго возраста, выбирали одного избирателя. Избиратели уже отъ себя назначали депутатовъ и должностныхъ лицъ. Законодательная иниціатива принадлежала большому совѣту; сенатъ же или малый совѣтъ утверждалъ или отвергалъ его законы и постановленія. Директорія, стоявшая во главѣ республики, избиралась обѣими законодательными палатами, въ числѣ пяти человѣкъ, и пользовалась огромной исполнительной властью въ дѣлахъ какъ внѣшняго, такъ и внутренняго управленія. Она представляла республику предъ другими государствами, назначала посольства, въ извѣстныхъ случаяхъ заключала договоры и союзы. Ей принадлежало право командованія арміей, на составъ которой она могла вліять посредствомъ выбора офицеровъ. Во внутреннихъ дѣлахъ она имѣла право контроля надъ кантональными учрежденіями, назначенія намѣстниковъ, право помилованія.

Такова эта единственная въ своемъ родѣ конституція Швейцаріи—единственная, ибо въ первый и до сихъ поръ въ послѣдній разъ учреждался ею строго централизованный государственный строй, который долженъ былъ замѣстить собою союзъ почти ничѣмъ между собою не связанныхъ, разнородныхъ швейцарскихъ земель. Однимъ ударомъ она, по замыслу ея автора и сторонниковъ, должна была превратить Швейцарію въ тотъ цѣльный и неразложимый организмъ, къ которому она успѣла лишь приблизиться за столѣтнюю исторію.

Съ перваго же момента своего существованія эта конституція встрѣтила отчаянное и упорное противодѣйствіе со стороны представителей „стараго порядка“. Лишенные своихъ „мірскихъ сходовъ“ (Landsgemeinde) и всѣхъ старинныхъ правъ, стародемократическіе кантоны, съ швейцарской Вандеей—кантономъ Швицъ—во главѣ, повели неутомимую

и страстную борьбу съ новыми политическими силами. Заодно съ ними дѣйствовала аристократическая эмиграція, принимавшая участіе въ созданіи европейской коалиціи. Это была борьба между феодальнымъ и буржуазнымъ мірами, политически выражавшаяся въ противоположности между кантоналистами и федералистами, съ одной стороны, и централистами или унитаріями—съ другой.

На новую республику ударъ сыпался за ударомъ. Не успѣла еще пришедшая къ власти буржуазія справиться, съ помощью французскихъ войскъ, съ сопротивлявшейся реакціей, какъ швейцарская территорія сдѣлалась ареной европейскихъ войнъ,—войны между революціонной Франціей и 2-й коалиціей. Къ тому же, начались распри въ средѣ самой господствующей партіи, между болѣе умѣренной и крайней ея фракціями.

За короткій періодъ существованія гельветической республики Швейцарія пережила шесть конституцій и претерпѣла четыре государственныхъ переворота. И когда унитаріи пошли на нѣкоторыя уступки и выработали въ 1802 г. новую конституцію, удовлетворявшую до извѣстной степени стремленію кантоновъ къ независимости тѣмъ, что проводила различіе между общегосударственнымъ управленіемъ и управленіями кантональными, то было уже поздно. Междоусобица и война, частыя смѣны конституцій и государственные перевороты утомили швейцарскій народъ. Большое число правоспособныхъ гражданъ—167.172 чел.—воздержалось отъ голосованія. Изъ тѣхъ же, которые подавали свой голосъ, 72.453 гражданина было за и 92.453 противъ конституціи. Тѣмъ не менѣе, унитаріи объявили ее принятой, причисливъ воздержавшіеся голоса къ голосамъ, поданнымъ за конституцію [1]).

Но „счетъ былъ имъ сдѣланъ безъ хозяина“. Централисты не имѣли фактической власти, чтобы провести эту новую конституцію въ жизнь. Пока они поддерживались французскимъ правительствомъ, они еще оставались господами положенія. Во Франціи же за это время директоріальная республика успѣла смѣниться консульствомъ Наполеона. А послѣдній гораздо послѣдовательнѣе и безцеремоннѣе проводилъ свои планы относительно швейцаріи, чѣмъ правительство директоріи. Зорко слѣдя за всѣми перипетіями развернувшейся борьбы, первое время помогая унитаріямъ осуществлять ихъ централистическія стремленія, онъ теперь внезапно отозвалъ свои войска изъ Швейцаріи и этимъ

[1]) Замѣтимъ здѣсь, что это было первое народное голосованіе на всей швейцарской территоріи.

какъ-бы далъ сигналъ къ возстанію федералистовъ. Правительство Гельветики оказалось совершенно безпомощнымъ предъ сомкнувшимися стародемократическими кантонами, перешедшими въ наступленіе. Сначала оно бѣжало изъ Берна въ Лозанну, отуда оно собиралось уже отправиться озеромъ на французскую территорію, какъ явился „спаситель“ въ лицѣ особаго гонца отъ Наполеона. Въ прокламаціи, обращенной къ „населенію Гельветики“, первый консулъ предлагалъ себя „посредникомъ“ между боровшимися партіями и приглашалъ лучшихъ политическихъ дѣятелей Швейцаріи въ Парижъ для выработки конституціи.

Въ выработанномъ такимъ образомъ актѣ посредничества“, Швейцарія является съ сильно урѣзанной территоріей (Валлисъ и Женева были присоединены къ Франціи). Девятнадцать ея кантоновъ составились изъ 13-ти старыхъ „правящихъ“ кантоновъ и 6-ти новыхъ, образованныхъ изъ прежнихъ подданныхъ земель. Для каждаго кантона былъ установленъ особый конституціонный строй: демократическіе—получили свои мірскіе сходы съ нѣкоторыми измѣненіями, городскіе же—представительныя конституціи. Внутри кантоновъ не должно было быть никакихъ политическихъ привилегій. Активное и пассивное избирательное право было поставлено въ зависимость отъ имущественнаго ценза. Отношеніе между кантональной и союзной или центральной властью отбрасывало Швейцарію далеко назадъ отъ завѣтовъ унитаріевъ и дѣлало изъ нея нѣчто промежуточное между государственнымъ союзомъ и союзомъ государствъ. Средневѣковый сеймъ снова появился на исторической сценѣ, хотя и съ нѣсколько болѣе широкими полномочіями. Его депутаты, какъ и въ прежнее время, являлись съ опредѣленными инструкціями отъ своихъ кантоновъ; зато сейму принадлежало верховное начальство надъ союзной арміей, право заключать торговые договоры, обсуждать таможенные тарифы, право установить общешвейцарскую монетную систему и разрѣшать спорные вопросы между кантонами. Связь между кантонами, а слѣдовательно, и общегосударственное единство обезпечивалось еще въ другихъ, чрезвычайно важныхъ для Швейцаріи, отношеніяхъ, а именно: кантонамъ категорически воспрещалось вступать между собою въ частные союзы, затѣмъ выговаривалось право осѣдлости, гарантировавшее каждому швейцарду пользованіе политическими правами того кантона, въ которомъ онъ селился. Съ другой стороны, кантонамъ предоставлялось право взиманія нѣкоторыхъ внутреннихъ пошлинъ; въ ихъ же вѣдѣніе была предоставлена почта.

Постоянной исполнительной власти не было установлено. Руководство общими дѣлами находилось въ рукахъ шести кантоновъ, трехъ протестантскихъ и трехъ католическихъ—Фрейбурга, Берна, Золотурна, Базеля, Цюриха, Люцерна. Эти шесть привилегированныхъ кантоновъ назывались директоріальными. Шультгейссъ (правительственный глава) того директоріальнаго кантона, который въ данномъ году былъ первенствующимъ, носилъ титулъ „ландаманна Швейцаріи". Этотъ ландаманнъ велъ союзныя дѣла и былъ въ сношеніяхъ какъ съ отдѣльными кантонами, такъ и съ иностранными державами. „Реальной власти,—такъ характеризуетъ этотъ институтъ Гильти,—онъ никакой не имѣлъ: онъ представлялъ собою лишь удобное орудіе въ рукахъ Наполеона позволявшее ему избѣгать крайне затруднительныхъ сношеній съ 19 суверенными кантонами въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ пожелалъ бы чего-нибудь отъ нихъ добиться".

Посредническій актъ, вступившій въ силу весною 1803 г., замыкаетъ собою гельветическую республику и открываетъ эпоху „протектората", длившуюся болѣе десяти лѣтъ. Съ нимъ революція сходила со сцены, и реакція вступала въ свои права. Революціонный періодъ въ Швейцаріи, вообще, былъ весьма непродолжителенъ и не имѣлъ той восходящей линіи, которой характеризуется первая половина французской революціи. Начавшись во время упадка послѣдней, гельветическая республика не имѣла благопріятной для своего развитія революціонной атмосферы, и скоро ей пришлось почувствовать на себѣ тяжелую руку всемірнаго завоевателя. Въ громадномъ большинствѣ кантоновъ сторонники стараго режима вышли побѣдителями изъ выборовъ. Почти повсюду большіе и малые совѣты были ими заполнены. Общинныя права, свобода печати, свобода промысловъ сплошь и рядомъ терпѣли ограниченія. Наконецъ, выкупъ „десятинъ" и земельныхъ оброковъ, это самое существенное наслѣдіе Гельветики, не вездѣ совершался одинаково скоро и безпрепятственно. Такимъ образомъ, когда, съ побѣдой союзныхъ войскъ надъ Наполеономъ, началась длинная ночь общеевропейской реакціи, то она нашла себѣ вполнѣ подготовленную почву и въ политическихъ отношеніяхъ Швейцаріи.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о послѣднемъ конституціоннымъ созданіи разсматриваемой исторической полосы, о такъ называемомъ „союзномъ договорѣ" 7-го августа 1815 г.

Съ паденіемъ Наполеона потеряло силу и его твореніе—посредническій актъ. Въ союзѣ начались новыя смуты, про-

должавшіяся почти цѣлыхъ два года. Страна распалась на двѣ части. На одной сторонѣ стояли старые кантоны, которые стремились къ распущенію союза и къ возврату отношеній, царившихъ въ XVIII в. Многіе изъ нихъ—во главѣ ихъ былъ Бернъ—требовали возстановленія своихъ прежнихъ границъ, т.-е. уничтоженія независимости образовавшихся во время революціи кантоновъ и возвращенія ихъ въ состояніе подданства На другой сторонѣ были, главнымъ образомъ, новые кантоны, заключившіе между собою договоръ, по которому „никакія отношенія подданства, не мирящіяся съ правами свободнаго народа, не могли быть возстановлены". Новое чужеземное вмѣшательство, на этотъ разъ союзныхъ иностранныхъ державъ, положило конецъ этимъ распрямъ. Вновь созванный сеймъ, 16-тимѣсячная работа котораго заслужила ему названіе „долгаго", выработалъ „договоръ", возвратившій Швейцарію въ главныхъ вопросахъ политической жизни къ дореволюціоннымъ порядкамъ. Союзный договоръ шелъ по пути, намѣченному актомъ посредничества, и окончательно превращалъ Швейцарію въ союзъ независимыхъ другъ отъ друга государствъ. Союзъ состоялъ изъ 22 кантоновъ вмѣстѣ съ присоединенными къ нему Валлисомъ, Женевою и Нейенбургомъ. Компетенція сейма договоромъ еще болѣе суживалась, сравнительно съ актомъ посредничества. Такъ, у него отнималось право разрѣшать конфликты между кантонами, которые въ этихъ случаяхъ сами назначали себѣ третейскихъ судей. О правѣ осѣдлости въ договорѣ нѣтъ больше и рѣчи. Менѣе отчетливо, чѣмъ въ актѣ посредничества, воспрещаются союзы между отдѣльными кантонами и съ иностранными державами. Кантонамъ же передано почтовое и монетное дѣло и право взиманія таможенныхъ налоговъ. Наконецъ, не былъ возобновленъ институтъ ландаманнства,—отнынѣ союзныя дѣла должны были по-очередно вестись однимъ изъ трехъ первенствующихъ кантоновъ—Цюрихомъ, Берномъ и Люцерномъ.

„Пользованіе политическими правами никогда не должно стать привилегіей одного какого-нибудь класса", гласитъ VII ст. союзнаго договора. На самомъ дѣлѣ эта статья осталась не болѣе, какъ красивой фразой. Право выбора въ законодательныя учрежденія принадлежало въ старыхъ кантонахъ лишь нѣкоторымъ привилегированнымъ фамиліямъ, въ новыхъ же—оно обусловливалось высокимъ имущественнымъ цензомъ. Кромѣ этого, депутатскія полномочія были долгосрочны, выборы производились рѣдко, процедура выборовъ была до-нельзя усложнена. Въ довершеніе всего принимались всевозможныя мѣры, чтобы уменьшить вліяніе

избирателей. Результаты всего этого отражались, разумѣется, на составѣ законодательныхъ и правительственныхъ учрежденій—большихъ и малыхъ совѣтовъ. Повсюду городъ получалъ господство надъ „землею“, т.-е. деревней, а въ самомъ городѣ патриціатъ избирался въ подавляющемъ количествѣ. Феодальная реакція торжествовала полную побѣду.

Однако, революція сдѣлала свое дѣло. Важнѣйшія ея пріобрѣтенія—уничтоженіе феодальныхъ повинностей, равносильное фактическому освобожденію крестьянъ въ области соціальной, и уничтоженіе отношеній подданства или равенство кантоновъ между собою въ области общенаціональной. Какъ ни малы были эти результаты въ сравненіи съ тою цѣлью, которую она себѣ ставила, какъ ни мрачна была реакція,—политическіе идеалы и конституціонные опыты революціонной эпохи не могли исчезнуть—и это самое главное—изъ общественнаго сознанія, какъ не исчезли тѣ общественныя силы, которыя были ихъ носителями. Этими силами устанавливался предѣлъ царству реакціи, и подъ густымъ ея покровомъ зрѣли уже и крѣпли побѣги совершенно иныхъ соціально-политическихъ условій и порядковъ.

Извѣстіе объ іюльской революціи и объ уличныхъ сраженіяхъ въ Парижѣ, точно ударъ грозы, пронеслось по всей Швейцаріи. Долго сдерживаемое народное недовольство прорвало всѣ плотины и громадной волной прокатилось по странѣ. Во многихъ кантонахъ началась конституціонная борьба. Улучшеніе избирательной системы, свобода печати, право петицій, свобода промысловъ, а въ нѣкоторыхъ кантонахъ требованіе участія народа въ законодательствѣ—таковы были лозунги движенія.

Послѣднее открылось громадными народными собраніями, изъ многихъ тысячъ гражданъ каждое. Подъ давленіемъ этихъ массъ, готовыхъ въ каждый моментъ перейти отъ слова къ дѣлу, реакціонныя правительства вынуждались къ пересмотру конституцій, для чего начались выборы конституціонныхъ совѣтовъ. Вскорѣ къ этимъ народнымъ собраніямъ прибавился петиціонный штурмъ. Нерѣдко между собраніями и военными силами происходили столкновенія. Въ Сенъ-Галленѣ нѣсколько сотъ вооруженныхъ гражданъ ворвались въ правительственное зданіе и требовали, чтобы ихъ впустили въ залъ засѣданія конституціоннаго совѣта, желая, такимъ образомъ, оказать давленіе на его работы.

Въ значительной своей части требованія народныхъ массъ были удовлетворены. Ослаблены были до извѣстной степени привилегіи городовъ сравнительно съ селами и деревнями;

избирательное право освобождено отъ ценза и многихъ искусственныхъ осложненій; цензура была устранена; введены были улучшенія въ школьное дѣло; наконецъ, были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія относительно права осѣдлости и свободы промысловъ.

Центральнымъ пунктомъ конституціонныхъ споровъ былъ вопросъ о томъ, должна-ли быть введена двухпалатная система представительства, т.-е. и по кантонамъ, и по количеству населенія, или же должно быть избрано единое національное собраніе всѣмъ швейцарскимъ населеніемъ безъ различія кантональныхъ границъ. Въ первомъ случаѣ Швейцарія получила бы федеративный, а во второмъ—болѣе централизованный государственный строй. Лѣвое крыло либеральной партіи, радикалы, отстаивали единое національное собраніе, хотя и оговаривались при этомъ, что они не имѣютъ въ виду цѣльно-государственнаго устройства Гельветики, въ которой кантоны получили однообразныя политическія учрежденія и никакихъ верховныхъ правъ въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ не сохраняли. Радикалы исходили изъ той точки зрѣнія, что разъ верховная власть принадлежитъ всей швейцарской націи въ цѣломъ, то депутаты должны избираться непосредственно народомъ. Однако, равнодѣйствующая наличныхъ политическихъ силъ прокладывалась не въ сторону радикальной, а умѣренно либеральной части буржуазіи, желавшей двухпалатной системы представительства, къ которой, во избѣжаніе худшаго, присоединились и консервативные католики. Такимъ образомъ, въ Швейцаріи установилось смѣшанное политическое представительство изъ элементовъ общешвейцарскаго и кантональнаго, выражающееся, съ одной стороны, въ національномъ совѣтѣ, а съ другой—въ совѣтѣ кантоновъ,—двухъ учрежденій, изъ которыхъ составляется союзное законодательное собраніе. Этотъ двойственный характеръ централизма и федерализма составляетъ кардинальную черту союзной конституціи 1848 года.

Вся государственная власть Швейцаріи ею раздѣляется между тремя органами. Законодательная власть принадлежитъ союзному собранію, исполнительная—союзному совѣту и судебная—союзному суду.

Выборы въ національный совѣтъ—всеобщіе, равные, тайные и прямые. Каждый швейцарецъ, достигшій двадцатилѣтняго возраста, пользуется правомъ выбора и можетъ быть самъ избранъ (если не принадлежитъ къ духовному званію) въ національный совѣтъ. Каждые 20.000 гражданъ или излишекъ, превышающій 10.000, посылаютъ по одному

депутату. Выборы въ національный совѣтъ производятся въ округахъ, установленныхъ союзными властями; однако, округа не могутъ состоять изъ частей различныхъ кантоновъ. Кантональный совѣтъ состоитъ изъ 44 депутатовъ, по два отъ каждаго цѣлаго и по одному отъ каждаго полукантона. Способъ и срокъ избранія его членовъ опредѣляется самими кантонами. Члены національнаго совѣта избираются на три года и получаютъ вознагражденіе изъ союзной кассы. Члены совѣта кантоновъ вознаграждаются самими кантонами. Члены обоихъ совѣтовъ голосуютъ не по инструкціямъ отъ своихъ избирателей, а по своему усмотрѣнію. Обѣ палаты засѣдаютъ отдѣльно и сходятся для совмѣстнаго обсужденія лишь въ особыхъ случаяхъ: для рѣшенія спорныхъ вопросовъ о компетенціи различныхъ учрежденій страны, для выборовъ союзнаго совѣта и союзнаго суда.

Такимъ образомъ, по способу избранія и характеру функціонированія, въ національномъ совѣтѣ воплощается національное начало, а въ кантональномъ—начало федеральное. Если каждый швейцарецъ, избирая депутата въ національный совѣтъ, чувствуетъ себя гражданиномъ не своего кантона, а всей Швейцаріи, самъ же совѣтъ представляетъ всю націю въ ея совокупности, то въ совѣтѣ кантоновъ, наоборотъ, строго соблюдается кантональная независимость, ибо въ немъ кантоны представлены, какъ таковые, всѣ равно и притомъ независимо отъ количества своего населенія.

Союзный совѣтъ и союзный судъ избираются на три года въ общемъ засѣданіи обѣихъ палатъ изъ среды всѣхъ гражданъ страны, первый—въ числѣ семи, второй—въ числѣ одиннадцати членовъ.

Союзный совѣтъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ исполнительную власть. Всѣ его рѣшенія принимаются на общемъ засѣданіи большинствомъ голосовъ. Одинъ изъ его членовъ законодательнымъ собраніемъ назначается президентомъ швейцарскаго союза срокомъ на одинъ годъ. Президентъ союза предсѣдательствуетъ въ союзномъ совѣтѣ и ведетъ сношенія съ иностранными государствами. Членъ союзнаго совѣта, бывшій президентомъ, не можетъ быть избранъ на слѣдующій годъ ни въ президенты, ни въ вице-президенты. Члены союзнаго совѣта не могутъ быть депутатами въ союзномъ собраніи, но пользуются правомъ совѣщательнаго голоса и правомъ вносить предложенія по поводу стоящаго на очереди вопроса въ обѣихъ законодательныхъ палатахъ.

Судебной компетенціи союзнаго суда подлежатъ вопросы

государственно-правового и гражданскаго характера, входящіе въ рамки союзнаго законодательства. Союзный судъ разбираетъ спорные вопросы между отдѣльными кантонами или между союзомъ и кантонами, между союзомъ и корпораціями и частными лицами. Наконецъ, его вѣдѣнію подлежатъ уголовныя дѣла по преслѣдованію должностныхъ лицъ и судъ надъ государственными преступленіями. Въ качествѣ уголовнаго суда, онъ функціонируетъ при участіи присяжныхъ засѣдателей.

Таковы структура и происхожденіе центральныхъ учрежденій союза, взаимоотношеніе которыхъ юридически не измѣнилось до настоящаго времени. Какъ же разграничивается сфера компетенціи кантоновъ и союзныхъ властей? Каковы политическія права швейцарскаго гражданина въ союзѣ?

„Кантоны суверенны,—гласитъ III ст. союзной конституціи,—и, какъ таковые, пользуются всѣми правами, которыя не переданы союзной власти". Въ этихъ предѣлахъ союзъ гарантируетъ кантонамъ неприкосновенность ихъ территоріи и ихъ верховную власть. Кантоны обязаны испрашивать у союза гарантію для своихъ конституцій, которая дается имъ подъ слѣдующими условіями: 1) кантональныя конституціи не должны противорѣчить союзной конституціи; 2) политическія права должны ими гарантироваться въ республиканскихъ (представительныхъ) или демократическихъ (т.-е. на основѣ непосредственнаго народнаго законодательства) формахъ; 3) они должны быть приняты народомъ и всегда подвергаться пересмотру, если этого требуетъ абсолютное большинство гражданъ даннаго кантона. Частные союзы и договоры политическаго характера между кантонами воспрещаются, но кантоны имѣютъ право заключать между собою соглашенія по вопросамъ законодательства, суда и администраціи, причемъ, однако, эти соглашенія подлежатъ контролю союзныхъ учрежденій. Въ случаѣ конфликтовъ между собою кантоны обязаны воздерживаться отъ самовластныхъ мѣръ и вооруженныхъ столкновеній и передавать эти дѣла на рѣшеніе союза. Официальныя сношенія между кантонами происходятъ черезъ посредство союзнаго совѣта. Въ исключительныхъ случаяхъ, кантоны могутъ входить въ соглашенія съ другими государствами по вопросамъ государственнаго хозяйства, торговли и полиціи, поскольку такими договорами не нарушаются права союза или другихъ кантоновъ.

Дальнѣйшія ограниченія независимость кантоновъ терпитъ въ статьяхъ, формулирующихъ полномочія союзныхъ

учрежденій. Союзное войско состоитъ изъ контигентовъ, рекрутирующихся въ кантонахъ. Кромѣ этого войска, союзъ, въ случаѣ надобности, можетъ распоряжаться и другими военными силами кантоновъ. Все дѣло военнаго обученія централизовано въ союзѣ. Генералъ (главнокомандующій) арміи и начальникъ генеральнаго штаба назначаются союзомъ. На швейцарскихъ границахъ союзъ имѣетъ право взимать ввозныя, вывозныя и провозныя пошлины. Транзитные сборы одновременно отмѣняются на всей швейцарской территоріи. Союзъ принимаетъ на себя веденіе почтоваго дѣла и гарантируетъ неприкосновенность почтовой корреспонденціи. Онъ же регулируетъ монетное дѣло, единицы мѣры и вѣса и пользуется всѣми правами, соединенными съ монетной регаліей. Расходы союза покрываются изъ процентовъ союзнаго военнаго фонда, изъ доходовъ отъ таможенныхъ пошлинъ, почтоваго и таможеннаго управленія, а въ случаѣ надобности, также и изъ кантональныхъ взносовъ.

Наконецъ, важнѣйшія статьи, касающіяся правъ гражданина, слѣдующія:

Всѣ швейцарцы равны передъ закономъ. Всѣмъ швейцарцамъ гарантируется право осѣдлости по всей странѣ. Какъ гражданинъ одного общаго отечества, швейцарецъ пользуется политическими правами въ каждомъ кантонѣ, гдѣ онъ поселится Послѣ продолжительнаго пребыванія,— не болѣе, однако, двухъ лѣтъ,—ему должно быть предоставлено право участія и въ кантональныхъ дѣлахъ. Признанными религіями считаются только христіанскія. Христіанскимъ церквамъ обезпечивается свобода богослуженія. Орденъ іезуитовъ не можетъ быть допущенъ ни въ одну часть Швейцаріи. Гражданамъ обезпечивается право петицій, свобода передвиженія и занятія промыслами. Они пользуются правомъ соединяться въ общества и свободой печати, но съ тѣми оговорками, что въ случаѣ злоупотребленій этими правами могутъ быть изданы соотвѣтственныя постановленія. Къ числу гражданскихъ свободъ слѣдуетъ отнести еще то, что ни союзъ, ни кантоны не должны держать постояннаго войска. Національными языками союза конституція признаетъ три главныхъ языка Швейцаріи: нѣмецкій, французскій и итальянскій.

Изъ изложеннаго явствуетъ, что основнымъ моментомъ въ союзной конституціи 1848 г., политической платформой, на которой происходило размежеваніе боровшихся партій, была совокупность вопросовъ о кантональной независимости, съ одной стороны, и государственно-политической централизаціи Швейцаріи—съ другой. Расширеніе народ-

ныхъ правъ выразилось, главнымъ образомъ, во всеобщемъ избирательномъ правѣ. Непосредственное же народное законодательство, самое оригинальное явленіе швейцарской конституціонной жизни настоящаго времени, нашло себѣ въ этой конституціи еще очень мало мѣста. Единственно лишь народное „veto“ было установлено для пересмотра конституціи. Приводимъ главныя соотвѣтствующія статьи:

„Ст. 113. Если одна часть союзнаго собранія рѣшитъ приступить къ пересмотру (конституціи), а другая не согласится съ нею, или если 5.000 правоспособныхъ швейцарскихъ гражданъ потребуютъ пересмотра союзной конституціи, то въ обоихъ этихъ случаяхъ вопросъ о томъ, производить-ли пересмотръ, долженъ быть переданъ на народное голосованіе.

„Если въ одномъ изъ этихъ случаевъ большинство швейцарскихъ гражданъ, участвующихъ въ голосованіи, отвѣтитъ на этотъ вопросъ утвердительно, то для производства пересмотра оба совѣта должны быть вновь избраны.

„Ст. 114. Пересмотрѣнная союзная конституція вступаетъ въ силу, если она принята большинствомъ швейцарскихъ гражданъ, участвующихъ въ голосованіи, и большинствомъ кантоновъ“.

Это народное veto послужило впослѣдствіи отправной точкой развитія демократіи въ томъ особенномъ смыслѣ этого слова, какое оно имѣетъ въ политической жизни объединенной Швейцаріи. Пока же демократическая партія обоихъ направленій, консервативнаго и радикальнаго, слишкомъ слаба, чтобы добиться большаго. Господствующимъ классомъ становится промышленная буржуазія, и съ перваго же момента своего воцаренія она, по вопросу о томъ, „быть-ли новостроющимся желѣзнымъ дорогамъ собственностью государства или частныхъ обществъ?“—показала, интересы какого цѣлаго ею руководятъ: безъ шума и лишнихъ дебатовъ, слѣдуя манчестерскимъ завѣтамъ буржуазіи, громадное большинство депутатовъ обѣихъ палатъ рѣшило этотъ вопросъ въ пользу частнаго предпринимательства.

Небывалый промышленный расцвѣтъ, наступившій послѣ пріема конституціи, на время примирилъ съ нею недовольные общественные элементы и на первыхъ порахъ упрочилъ ея существованіе. Конституція была принята въ народномъ голосованіи въ $15^1/_2$ кантонахъ съ населеніемъ въ 1.897.887 душъ: Цюрихѣ, Бернѣ, Люцернѣ Гларусѣ, Фрейбургѣ, Золотурнѣ, Базелѣ, Шаффгаузенѣ, Сенъ-Галленѣ, Граубюнденѣ, Ааргау, Тургау, Ваадтѣ, Женевѣ и Аппенцеллѣ Внѣшняго Родена; отвергнута она была въ $6^1/_2$ кантонахъ съ населе-

ніемъ въ 292.371 д.: Ури, Швицѣ, Унтервальденѣ, Цугѣ, Валлисѣ, Тессинѣ и Аппенцеллѣ Внутренняго Родена. 12 декабря 1848 г. сеймъ объявилъ союзную конституцію принятой.

Основнымъ моментомъ въ конституціи 1848 г. является, какъ мы видѣли, централизація государственно-политическихъ отношеній Швейцаріи. Въ конституціи 1874 г., рядомъ съ этимъ моментомъ, выступаетъ еще другой—демократизація ея политическихъ учрежденій, установленіе непосредственнаго народнаго законодательства.

И на этотъ разъ перемѣны въ общесоюзной жизни были отраженнымъ результатомъ тѣхъ измѣненій въ государственно-правовомъ строѣ, которыя произошли почти во всѣхъ швейцарскихъ кантонахъ. А эти измѣненія заключались въ дальнѣйшемъ расширеніи народныхъ правъ, въ введеніи референдума и инициативы, другими словами: права народа принимать или утверждать выработанные въ законодательныхъ учрежденіяхъ законы и постановленія и—въ дополненіе къ этому—права, съ своей стороны, предлагать новые законы или вносить измѣненія въ дѣйствующіе уже законы.

Кто же былъ носителемъ этого движенія? Какіе общественные элементы выдвигали эти требованія?

Дѣло въ томъ, что въ общей массѣ швейцарскаго населенія доминируютъ средніе общественные классы, именно мелкобуржуазное крестьянство и мелкая городская буржуазія. Чуть-ли не половина населенія Швейцаріи живетъ земледѣліемъ, а въ области промышленности на долю мелкаго ремесла приходится очень значительная часть общаго годичнаго производства. Вотъ эти-то общественные классы, очень быстро почувствовавшіе гнетъ крупнаго капитала, пышное царство котораго началось послѣ 1848 г., находили свое политическое представительство въ демократической партіи консервативнаго и радикальнаго лагеря. Оба эти направленія, связанныя одинаковымъ соціальнымъ положеніемъ, расходились по своему историческому происхожденію и своимъ экономическимъ интересамъ. Въ то время, какъ крестьянство, особенно въ католическихъ кантонахъ, требуя расширенія народныхъ правъ, отстаивало при этомъ кантональную обособленность и находилось подъ руководствомъ, главнымъ образомъ, католическаго и протестантскаго духовенства, мелкая городская буржуазія находила своихъ представителей въ рядахъ городской интеллигенціи и часто выступала вмѣстѣ съ либеральной партіей за централизацію государственнаго строя Швейцаріи. Если крестьянство яв-

ляло собою фундаментъ для демократически-федералистическаго направленія, то мелкая городская буржуазія составляла соціальную основу для направленія демократически-централистическаго. Отсюда понятно, что обѣ части демократіи далеко не всегда шли вмѣстѣ, такъ какъ одна боязливо и ощупью, а другая смѣло и послѣдовательно проводили свои требованія народнаго контроля и законодательства въ дѣлахъ государственнаго управленія. Въ 60-хъ гг. старая и новая демократія,—а къ неій въ первое время присоединяются и пробуждающіяся къ политической жизни рабочія массы,—вступаетъ въ борьбу съ либеральной партіей, до этого времени безраздѣльно господствовавшей въ союзѣ и большинствѣ кантоновъ.

Сигналъ къ движенію былъ поданъ маленькимъ полукантономъ Базель-землею. Конституція 1863 г. вводитъ тамъ обязательный референдумъ, происходящій два раза въ годъ, весною и осенью, а также конституціонную и законодательную инціативу [1]), которой могутъ пользоваться 1.500 гражданъ.

Особенно замѣчательно было демократическое движеніе, развернувшееся въ цюрихскомъ кантонѣ въ концѣ 60-хъ гг. Начавшись съ критики извращенныхъ судебныхъ порядковъ, оно, логически развиваясь, пришло къ требованію экономическихъ реформъ (преобразованія налоговой системы), главное же—непосредственнаго участія народа въ законодательствѣ. Въ цѣломъ рядѣ воззваній и памфлетовъ развивается одна основная мысль: не только „все для народа“, но и „все посредствомъ народа“. Какъ ненавистно стало оппозиціоннымъ элементамъ экономическое и политическое хозяйничанье крупной промышленной буржуазіи, можно судить по слѣдующей тирадѣ. „Какова та система, о которой мы говоримъ?—спрашиваетъ авторъ одного полемическаго произведенія и отвѣчаетъ:—это—система, приведшая къ господству въ кантонѣ коалиціи денежныхъ интересовъ, власти кредита и желѣзныхъ дорогъ, котеріи и закулиснаго правленія“...

---

[1]) Референдумъ и инціатива различаются по объему, какъ конституціонные и законодательные: дѣйствіе первыхъ распространяется на общіе и частные „пересмотры“, измѣненія конституціи, т.-е. основныхъ законовъ страны; дѣйствіе же вторыхъ распространяется на отдѣльные законодательные акты. Референдумъ бываетъ обязательный или факультатівный, смотря по условіямъ пользованія. При обязательномъ референдумѣ всѣ рѣшенія, принятыя народными представителями, обязательно передаются на народное голосованіе; при факультативномъ—лишь въ томъ случаѣ, если этого требуетъ опредѣленное число гражданъ, установленное конституціей.

Въ конституціонномъ совѣтѣ, избранномъ для пересмотра конституціи, вопросы народнаго законодательства образовали центральный пунктъ всѣхъ преній. Либеральная партія ожесточенно боролась за сохраненіе правъ большого совѣта, доказывая невозможность и вредъ участія народа въ законодательствѣ, называя желаніе ввести его „мистикой“ и неосуществимыми „мечтаніями“. Но господству ея пришелъ конецъ. „Въ будущемъ,—говорили демократы,—большой совѣтъ уже не будетъ альфой и омегой политической жизни; онъ не будетъ политическимъ опекуномъ, а лишь совѣтникомъ народа, піонеромъ новыхъ идей. Рѣшающую же власть мы всѣми силами будемъ оспаривать у него, такъ какъ находимъ, что каждая уступка въ этомъ отношеніи есть сокращеніе правъ народа“.

Въ конституціи, выработанной совѣтомъ и принятой народомъ въ апрѣлѣ 1869 г., статьи о народномъ законодательствѣ выражены слѣдующимъ образомъ:

„Ст. 29. Право предложенія, принадлежащее правоспособнымъ гражданамъ (инициатива), обнимаетъ собою требованія изданія, отмѣны или измѣненія какого-либо закона или постановленія, не переданнаго конституціей въ исключительное вѣдѣніе совѣта.

„Ст. 30. Два раза въ годъ, весною и осенью, происходитъ народное голосованіе (референдумъ) относительно законодательныхъ актовъ кантональнаго совѣта. Въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, совѣтъ можетъ назначить и экстраординарное голосованіе. На народное голосованіе должны передаваться: 1) всѣ измѣненія конституціи, законовъ и конкордатовъ; 2) тѣ постановленія кантональнаго совѣта, относительно которыхъ ему не предоставлено права окончательнаго рѣшенія; 3) постановленія, которыя кантональный совѣтъ, по собственному желанію, передаетъ на народное голосованіе“.

Вліяніе, вызванное цюрихскимъ демократическимъ движеніемъ, было громадно. Большинство кантоновъ ввело въ свои конституціи институты народнаго законодательства. Въ Тургау, гдѣ пересмотръ конституціи закончился еще на нѣсколько мѣсяцевъ раньше, чѣмъ въ Цюрихѣ, были введены, кромѣ факультативнаго референдума большого совѣта, обязательный референдумъ, производящійся два раза въ годъ, инициатива для 2.500 гражданъ и избраніе правительства народомъ. Въ Бернѣ (въ 1869 г.) часть радикаловъ, соединившись съ консерваторами, завоевала обязательный референдумъ. Золотурнъ, Ааргау (1871 г.) присоединили къ этому и право народной инициативы. Такимъ образомъ, во

всѣхъ кантонахъ, за исключеніемъ Цуга, Фрейбурга, Базеля-города, Тессина и Женевы, было установлено полное или почти полное участіе народа къ законодательствѣ. Между тѣмъ, какъ въ 1860 г. подъ исключительно представительнымъ режимомъ жило еще 1.030.000 швейцарцевъ, въ 1870 г. ихъ было уже только 330.000.

Демократическое движеніе въ кантонахъ выбило либеральную партію изъ занятыхъ ею политическихъ позицій. Вмѣстѣ съ этимъ противорѣчіе между чистой демократіей въ кантонахъ и представительнымъ режимомъ въ союзѣ еще болѣе обострилось; такъ, одни и тѣ же граждане, пользуясь въ кантонахъ правами непосредственнаго законодательства, въ союзѣ этихъ правъ не имѣли. Къ этому присоединились еще моменты иного характера.

Европейскія войны 60-хъ гг. вызвали въ Швеіцаріи опасенія въ возможности сохранить нейтралитетъ при существовавшей военной организаціи. Далѣе, установленная ватиканскимъ соборомъ (1870 г.) догма о папской непогрѣшимости побуждала точнѣе разграничить область отношеній между духовной и свѣтской властью и лучше обезпечить политическія права гражданъ, независимо отъ ихъ вѣроисповѣданія. За послѣднія два десятилѣтія обнаружилась также необходимость въ урегулированіи гражданскаго законодательства, такъ какъ путь частныхъ соглашеній между кантонами оказался малоуспѣшнымъ. Наконецъ, на очереди стояло развитіе народнаго образованія—учрежденіе высшихъ техническихъ и юридическихъ школъ въ союзѣ и введеніе безплатнаго и обязательнаго народнаго образованія въ кантонахъ. Всѣ эти преобразованія сводились къ большему объединенію названныхъ областей общественной и государственной жизни и одновременно съ этимъ къ расширенію народныхъ правъ въ смыслѣ непосредственнаго народнаго законодательства.

12-го мая 1872 г. соотвѣтственный проектъ пересмотра конституціи, разработанный и принятый въ союзномъ собраніи, былъ предложенъ на народное голосованіе. Въ силу своихъ крайнихъ для того времени централистическихъ тенденцій, проектъ возстановилъ противъ себя какъ консервативныхъ демократовъ, такъ и настроенныхъ болѣе федералистически французскихъ радикаловъ, опасавшихся съ усиленіемъ центральной власти союза маіоризаціи со стороны нѣмецкихъ кантоновъ, находящихся въ большинствѣ. Проектъ былъ отвергнутъ 13 кантонами противъ 9,—261.071 голосомъ противъ 255.609.

Но дѣло пересмотра не могло уже остановиться. „Пере-

Карлъ Мооръ.

смотръ убитъ, да здравствуетъ пересмотръ!"—съ этимъ паролемъ побѣжденныя радикально-демократическія партіи снова начали борьбу. Въ массѣ народныхъ собраній, устраивавшихся по всей странѣ, централисты и демократы популяризовали въ народѣ стоящіе на очереди конституціонные вопросы. Въ 1873 г. палаты снова приступили къ пересмотру союзной конституціи. Чтобы привлечь на свою сторону французскихъ радикаловъ, централисты рѣшились ослабить вліяніе союза въ области гражданскаго законодательства сравнительно съ отвергнутымъ проектомъ, и демократы согласились исключить введенную было народную инициативу, уменьшивъ зато количество подписей, необходимыхъ для референдума, съ 50.000 на 30.000. Новый проектъ измѣненій былъ утвержденъ народнымъ голосованіемъ 19-го апрѣля 1874 г. За проектъ высказалось 340.199 гражданъ противъ 198.013.

Ст. 89 конституціи 1874 г., устанавливающая право факультативнаго референдума, гласитъ такъ: „Для принятія союзныхъ законовъ и союзныхъ постановленій необходимо согласіе обоихъ совѣтовъ. Союзные законы, а также общеобязательныя союзныя постановленія, не имѣющіе характера неотложности, должны, сверхъ того, передаваться народу для принятія или отверженія, если этого потребуютъ 30.000 гражданъ или восемь кантоновъ".

Такъ былъ введенъ въ конституціонную жизнь Швейцаріи институтъ непосредственнаго народнаго законодательства.

Въ развитіи швейцарской національности институтъ этотъ долженъ былъ сыграть ту же сплачивающую роль, какую для объединенной Германіи сыграло всеобщее избирательное право и какую послѣднее могло бы сыграть для раздираемой національными распрями Австріи. Вмѣсто различныхъ національностей, искусственно замкнутыхъ въ традиціонныя государственныя рамки и живущихъ своей обособленной политической жизнью, всеобщее избирательное право, примѣняющееся по всей странѣ, проявляетъ созданныя общимъ экономическимъ развитіемъ крупныя классовыя противоположности и группируетъ общественные классы на почвѣ одинаковыхъ политическихъ стремленій. Участіе въ избирательной борьбѣ развиваетъ классовую солидарность пролетаріата и содѣйствуетъ организаціи его въ общую для всей страны политическую партію. Въ рамкахъ же общенаціональныхъ происходитъ политическая группировка господствующихъ классовъ, въ рядахъ которыхъ ослабляется мелкая національная рознь, вслѣдствіе ихъ противопоставленія общему соціальному врагу—сознательному рабочему

классу. Такимъ путемъ, крупной политической мѣрой дополняется работа экономическаго процесса и, вмѣсто нѣсколькихъ враждующихъ между собою національныхъ организмовъ, въ странѣ создается широкая общенаціональная политическая жизнь. Но въ Швейцаріи избирательное право не можетъ явиться сильнымъ политически-централизующимъ факторомъ. Причина этого кроется въ разнообразіи ея соціально-экономическихъ условій и отношеній. Ходомъ экономическаго развитія, Швейцарія раздѣлена территоріально на двѣ половины, изъ которыхъ одна становится все болѣе и болѣе промышленной, другая-же исключительно сельскохозяйственной. Если въ сельскомъ хозяйствѣ мелкое землевладѣніе является господствующей экономической формой, то въ промышленности мелкое ремесло играетъ еще очень значительную роль, рабочія же массы, въ силу долго сохраняющейся связи съ землею, лишь очень медленно дифференцируются въ особую соціальную группу. При такой относительно слабой общественной дифференціаціи всеобщее избирательное право, какъ проявитель имѣющихся въ дѣйствительности классовыхъ противорѣчій, не можетъ имѣть такого значенія, какое оно имѣетъ въ крупныхъ капиталистическихъ странахъ. И вотъ, въ поискахъ соотвѣтствующихъ учрежденій, политическая мысль комбинируетъ готовый историческій матеріалъ—федеративный референдумъ, старинные „опросы народа“ и перенесенный на швейцарскую почву французскій плебисцитъ—въ высшую форму современнаго индивидуалистическаго референдума [1]). Централизующее дѣйствіе этого института громадно. Каждое народное голосованіе, мобилизуя народъ къ общему политическому дѣйствію, фиксируя его вниманіе на вопросахъ общегосударственной важности, развиваетъ въ немъ сознаніе общей связи, принадлежности къ единой швейцарской національности. Референдумъ и инициатива—это та школа политическаго опыта въ которой швейцарецъ научается сознавать себя гражданиномъ не своего кантона, а всего швейцарскаго государства.

Такое значеніе непосредственнаго народнаго законодательства въ союзѣ вполнѣ сознавалось современными поли-

---

[1]) Къ „опросамъ народа“ правительства аристократическихъ кантоновъ прибѣгали въ особо затруднительныхъ случаяхъ, чтобы избавить себя отъ отвѣтственности. При федеративномъ референдумѣ голосованіе производится въ общинахъ, и рѣшенія принимаются большинствомъ общинныхъ голосовъ, при индивидуалистическомъ-же референдумѣ рѣшенія принимаются большинствомъ всѣхъ гражданъ, голосующихъ отдѣльно.

тическими дѣятелями Швейцаріи. Одинъ изъ нихъ, Штемпфли, рекомендовалъ его, какъ средство, способное тѣсно связать всѣ швейцарскія народности отъ „Граубюндена до Женевы". Демократъ и централистъ Г. Циглеръ, говоря о необходимости ослабить вліяніе кантоновъ, развиваетъ ту мысль, что лишь введеніемъ референдума можно получить „одинаковую политическую валюту во всемъ отечествѣ". И недаромъ федералисты-демократы именно по этой причинѣ возставали противъ „абсолютизма демократіи", опасаясь уничтоженія „державности" кантоновъ, и требовали, какъ необходимаго противовѣса къ союзному референдуму, кантональнаго голосованія.

Кромѣ приведенныхъ соображеній, была еще одна важная причина, въ силу которой союзный референдумъ становился ничѣмъ неустранимой необходимостью. И не только теперь, при введеніи референдума,—дѣйствіе этой причины должно сказаться каждый разъ, когда вліяніе союза увеличивается на счетъ кантоновъ.

Помѣрѣ того, какъ расширяется компетенція союза, область кантональнаго законодательства все болѣе и болѣе суживается. Вмѣстѣ съ этимъ, населеніе лишается своихъ законодательныхъ правъ по цѣлому ряду важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Лишенные своихъ правъ, заинтересованные общественные элементы добиваются компенсаціи въ общесоюзной политической жизни Постоянное расширеніе народныхъ правъ въ союзѣ должно, поэтому, итти параллельно съ все усиливающейся централизаціей.

Такимъ образомъ, при данномъ соотношеніи общественныхъ силъ обѣ основныя тенденціи въ конституціонномъ развитіи Швейцаріи—централизація и демократизація—находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи. Два эти фактора, взаимно обусловливаясь и дополняясь, развиваютъ центробѣжныя силы, создаваемыя экономическимъ процессомъ, и содѣйствуютъ сплоченію разноязычныхъ народностей Швейцаріи въ единую сознающую себя національность.

Дальнѣйшему развитію народнаго законодательства былъ данъ толчекъ въ 1880 г., когда въ союзное собраніе было внесено предложеніе, покрытое свыше 50.000 подписей и требовавшее, чтобы право выпуска государственныхъ кредитныхъ билетовъ принадлежало исключительно союзу. По этому поводу поднялся вопросъ, распространяется-ли дѣйствіе ст. 113 союзной конституціи только на общіе или же и на частные пересмотры? Неясная формулировка этой статьи

допускала толкованіе именно въ послѣднемъ смыслѣ. Но союзное собраніе держалось противоположнаго мнѣнія, интерпретируя ст. 113 такимъ образомъ, что только союзное собраніе можетъ предпринять частные пересмотры конституцій, народу же принадлежитъ починъ одного только общаго пересмотра. Но законодательная практика то-и-дѣло требовала частичныхъ измѣненій конституціи, которыя союзное собраніе самолично предпринимало. Этимъ порождалась мысль о необходимости расширенія народнаго законодательства правомъ инициативы, число сторонниковъ которой стало расти съ каждымъ годомъ.

Въ 1884 г. вожди консервативной партіи внесли въ національномъ совѣтѣ рядъ предложеній, между которыми были требованія расширенія народныхъ правъ и устройства выборовъ „по возможности, на принципѣ пропорціональнаго представительства“. Что касается послѣдняго требованія, то оно понятно для партіи, находящейся въ меньшинствѣ. Относительно-же предложенія расширить народныя права, противорѣчащаго позиціи федералистовъ во время кампаніи 1872—1874 г., вожди консерваторовъ откровенно констатировали происшедшую въ ихъ взглядахъ перемѣну. Характерно данное ими объясненіе: опытъ убѣдилъ ихъ, что массы гораздо консервативнѣе своихъ такъ называемыхъ представителей, и потому они намѣрены стоять за расширеніе народныхъ правъ въ союзѣ! Вѣрно-ли это или нѣтъ, но консервативныя партіи вынуждались къ перемѣнѣ позиціи всѣмъ развитіемъ конституціонной жизни Швейцаріи. Чтобы не потерять своего вліянія на массы, онѣ волей-неволей должны были включить въ свою программу требованія народнаго законодательства. Къ этому-же онѣ вынуждались и рабочими массами, которыми отчасти пополняются ряды католической партіи.

Внесенныя въ національный совѣтъ предложенія еще долго оставались бы подъ спудомъ, если-бы не петиціи „союза Грютли“, поданныя въ концѣ 80-хъ гг. Петиціи требовали введенія обязательнаго референдума, избранія членовъ союзнаго совѣта непосредственно народомъ и народной инициативы для частныхъ пересмотровъ союзной конституціи. Это побудило союзное собраніе ускорить дѣло и выбрать въ обѣихъ своихъ частяхъ комиссіи для обсужденія поставленныхъ требованій. Спорнымъ пунктомъ былъ вопросъ о томъ, должна-ли инициатива представляться только въ видѣ общихъ указаній, или же она, кромѣ этого, можетъ быть формулирована въ разработанномъ проектѣ. Радикалы соглашались лишь на первую ограничительную

форму инициативы, но взяла верхъ вторая точка зрѣнія, которую отстаивали демократы.

Въ измѣненномъ видѣ III отдѣлъ союзной конституціи, касающійся ея пересмотровъ, таковъ:

„Ст. 120. Если одна часть союзнаго собранія рѣшитъ приступить къ общему пересмотру союзной конституціи, а другая не согласится съ ея рѣшеніемъ, или если 50.000 правоспособныхъ швейцарскихъ гражданъ потребуютъ общаго пересмотра, то въ обоихъ этихъ случаяхъ вопросъ о томъ, быть-ли пересмотру или нѣтъ, долженъ быть переданъ на голосованіе швейцарскаго народа.

„Если въ какомъ-либо изъ этихъ случаевъ большинство швейцарскихъ гражданъ, участвующихъ въ голосованіи, дастъ на вышеупомянутый вопросъ утвердительный отвѣтъ, то оба совѣта должны быть переизбраны для производства пересмотра.

„Ст. 121. Частный пересмотръ можетъ совершаться или путемъ народной инициативы, или путемъ, установленнымъ для союзнаго законодательства.

„Народная инициатива состоитъ въ требованіи, представленномъ 50.000 швейцарскихъ гражданъ, отмѣны или измѣненія опредѣленныхъ статей союзной конституціи.

„Если путемъ народной инициативы будетъ предложено для пересмотра или внесенія въ союзную конституцію нѣсколько различныхъ пунктовъ, то каждый изъ нихъ долженъ составлять содержаніе особаго требованія.

„Требованіе инициативы можетъ быть представлено или въ видѣ общаго указанія, или въ видѣ подробно разработаннаго проекта.

„Если требованіе инициативы будетъ представлено въ видѣ общаго указанія и союзныя палаты согласны съ нимъ, онѣ должны выработать проектъ частнаго пересмотра въ смыслѣ, указанномъ инициативой, и передать его на голосованіе народа и кантоновъ. Если-же союзныя палаты несогласны съ представленнымъ требованіемъ, вопросъ о томъ, быть-ли пересмотру, долженъ быть переданъ на народное голосованіе, и если большинство швейцарскихъ гражданъ, участвующихъ въ голосованіи, отвѣтитъ на этотъ вопросъ утвердительно, союзное собраніе предпринимаетъ пересмотръ въ смыслѣ народнаго рѣшенія.

„Если-же требованіе представлено въ видѣ разработаннаго проекта и союзное собраніе не согласится съ нимъ, проектъ долженъ быть переданъ народу и кантонамъ для принятія или отверженія. Въ случаѣ несогласія съ представленнымъ проектомъ, союзное собраніе можетъ выработать

свой проектъ или предложить отвергнуть требованіе инициативы—и свой проектъ или измѣненное предложеніе, одновременно съ проектомъ инициативы, передать на голосованіе народа и кантоновъ.

5-го іюля 1891 года пересмотрѣнный отдѣлъ конституціи былъ принятъ въ народномъ голосованіи 183.029 голосовъ противъ 120.599 и 18 кантонами противъ 3 цѣлыхъ и 2 полукантоновъ (Ааргау, Тургау и Ваадтъ, Базель-земля, Аппецелль Внѣшняго Родена).

Намъ необходимо въ немногихъ словахъ разсказать еще о движеніи въ пользу пропорціональнаго представительства въ союзѣ и избранія союзнаго совѣта непосредственно народомъ,—движеніи, закончившемся такъ называемой „двойной“ народной инициативой (Doppelinitiative). Этимъ мы укажемъ ту линію, по которой идетъ эволюція политическихъ учрежденій Швейцаріи послѣ 1891 г.

Съ введеніемъ референдума и инициативы, законодательная власть союза дѣлится между союзнымъ собраніемъ и швейцарскимъ народомъ непосредственно, чѣмъ въ значительной мѣрѣ уменьшается политическое значеніе союзнаго собранія. На ряду же съ законодательствомъ народа безпрерывно увеличиваются и усложняются полномочія и функціи союзнаго совѣта, какъ слѣдствіе прогрессивной централизаціи государственнаго строя. Цифры, относящіяся къ росту союзнаго бюджета и штата чиновничества, даютъ наглядное представленіе о томъ, какъ, вмѣстѣ съ расширеніемъ задачъ, увеличиваются сила и значеніе союзнаго совѣта. Въ 1847 г. бюджетъ союза составлялъ около 500.000 франковъ; въ настоящее же время онъ превышаетъ уже 100.000.000 франковъ. До 1848 г. на службѣ у союза было самое большее 10 чиновниковъ; въ 1888 г. чиновниковъ и разнаго рода государственныхъ служащихъ было уже 8.893. И этотъ бюджетъ, и этотъ растущій штатъ чиновничества, которое постепенно складывается въ своего рода бюрократическое сословіе, находится въ полномъ распоряженіи союзнаго совѣта, какъ исполнительнаго органа союза. Между тѣмъ, союзный совѣтъ, пользующійся такой огромной властью, избирается, какъ мы знаемъ, союзнымъ собраніемъ, а не народомъ непосредственно. Этотъ фактъ пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что существующая въ союзѣ мажоритарная система выборовъ обезпечиваетъ партіи большинства продолжительное господство въ національномъ совѣтѣ, и союзный совѣтъ является косвеннымъ представителемъ лишь одной, можетъ быть, незначительной части населенія. Такимъ образомъ, здѣсь наблюдается крупное противорѣчіе между

характеромъ законодательной и исполнительной власти союза. „Организація союзнаго законодательства,—писала въ 1892 г. „Всеобщая швейцарская газета“,—теперь иная, чѣмъ организація союзнаго управленія. Администрація организована на аристократическихъ началахъ, законодательство—на демократическихъ. Союзное законодательство производится при интенсивномъ содѣйствіи народа, союзная администрація отъ народа независима“. И это противорѣчіе тѣмъ острѣе и ощутительнѣе, чѣмъ болѣе растетъ законодательная власть народа и чѣмъ шире становятся задачи и компетенція союза.

Къ этому присоединяется еще слѣдующее. Почти всѣ кантоны съ теченіемъ времени, нѣкоторые послѣ ожесточенной борьбы, ввели у себя выборы кантональныхъ правительствъ самимъ народомъ А въ союзѣ тотъ же народъ не пользуется правомъ избранія союзнаго правительства, несмотря на то, что компетенція послѣдняго гораздо шире, а функціи важнѣе и что кантональная власть все больше и больше отчуждается народомъ и передается союзу.

Вопросы „пропорціи“ и „народныхъ выборовъ“ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ дѣятельно обсуждались въ прессѣ и народныхъ собраніяхъ. Агитація въ пользу того и другого резюмировалась въ требованіи, выставлявшемся какъ идеалъ народа: „демократизація законодательства и демократизація управленія“. На почвѣ этой агитаціи между всѣми партіями, находящимися въ меньшинствѣ, постепенно произошло сближеніе. Всѣхъ ихъ объединило стремленіе низвергнуть или, по меньшей мѣрѣ, ослабить господствующую либерально-радикальную, или, какъ она сама себя еще именуетъ, „свободомысляще-демократическую“ партію.

Въ концѣ сентября 1898 г., въ Люцернѣ съѣхались 233 делегата изъ 23 кантоновъ и полукантоновъ, посланные соціалъ-демократической партіей, „союзомъ Грютли“, союзомъ профессіональныхъ организацій, демократическими союзами и соціально-политической фракціей союзнаго собранія. На этомъ собраніи были выработаны проекты для двухъ народныхъ инициативъ. Первая требовала выборовъ въ національный совѣтъ по принципу пропорціональности, причемъ каждый кантонъ и полукантонъ должны были, по проекту, составить одинъ избирательный округъ. Вторая, въ нѣсколькихъ положеніяхъ, требовала выбора союзнаго совѣта въ числѣ девяти членовъ всѣми правоспособными швейцарскими гражданами, устройства выборовъ въ одномъ охватывающемъ всю Швейцарію избирательномъ округѣ и предоставленія французской Швейцаріи, по меньшей мѣрѣ, двухъ мѣстъ въ союзномъ совѣтѣ. Оба проекта были приняты въ

повторныхъ совѣщаніяхъ соціалъ-демократическихъ и демократическихъ представителей.

Въ предѣлахъ установленнаго закономъ срока было собрано за пропорціональное представительство свыше 64.000 и за народные выборы свыше 56.000 подписей. Но радикальная партія, господствующая въ союзномъ собраніи и управляющая страной посредствомъ избираемаго ею союзнаго совѣта, вовсе и не думала дѣлиться своей властью съ оппозиціонными партіями. Какъ и слѣдовало ожидать, обѣ палаты, куда эти вопросы поступили на обсужденіе, громаднымъ большинствомъ голосовъ высказались противъ того и другого предмета народной иниціативы. Теперь оставалось подвергнуть проекты народному голосованію, которое союзнымъ совѣтомъ было назначено на 4-е ноября 1900 г. Несмотря на продолжительную агитацію въ пользу обоихъ требованій, большинство народа вотировало въ духѣ союзнаго собранія. Введеніе пропорціональныхъ выборовъ для національнаго совѣта было отклонено 244.666 голосовъ противъ 169.008 и $10^3/_2$ кантоновъ противъ $9^3/_2$, а требованіе выборовъ союзнаго совѣта народомъ—270.522 голоса противъ 145.926 и $12^4/_2$ кантоновъ противъ $7^2/_2$. За требованія, формулированныя въ иниціативахъ, вотировали федералистическіе кантоны, преимущественно французскіе и католическіе земледѣльческіе, причемъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Женева и Люцернъ, высказываясь за пропорціональное представительство въ національномъ совѣтѣ, голосовали противъ избранія союзнаго совѣта непосредственно народомъ, такъ какъ въ такомъ институтѣ они справедливо усматривали новый централизующій рычагъ. Противъ обоихъ требованій высказывались, главнымъ образомъ, крупные промышленные кантоны, имѣющіе за собою верховенство въ союзѣ.

Пораженіе „черно-краснаго альянса“, какъ радикальная партія въ насмѣшку окрестила союзъ соціалъ-демократовъ съ консервативно-демократическими католиками, союзъ „клерикализма съ соціализмомъ“, отчасти приписывается неподготовленности народныхъ массъ къ выдвинутымъ требованіямъ. Изъ всего правоспособнаго населенія Швейцаріи въ голосованіи участвовало лишь 55,4% . И въ то время, какъ въ отвергавшихъ кантонахъ процентъ гражданъ, подавшихъ свой голосъ, доходилъ до 80 и 85, въ принимавшихъ кантонахъ процентъ голосовавшихъ былъ, по большей части, ниже средняго уровня. Объясняется это тѣмъ, что населеніе большихъ въ сущности и понынѣ „правящихъ“ кантоновъ политически болѣе развито и подвижнѣе, чѣмъ населеніе

маленькихъ, исключительно земледѣльческихъ кантоновъ. Главная-же причина той неудачи, которую потерпѣла „двойная“ иниціатива, заключается, съ одной стороны, въ традиціонномъ конфессіональномъ антогонизмѣ между католиками и протестантами, но въ гораздо большей степени въ опасеніяхъ, внушенныхъ буржуазнымъ партіямъ, „краснымъ призракомъ“, ростомъ соціалъ-демократіи. Боязнь растущаго вліянія соціалъ демократической партіи побудила буржуазію различныхъ общественныхъ слоевъ и политическихъ направленій тѣсно сплотиться противъ общаго врага. Подъ вліяніемъ той же боязни консервативно-демократическая масса во многихъ случаяхъ вотировала противъ обѣихъ иниціативъ, тѣмъ нарушая договоръ, заключенный между вождями ихъ и соціалъ-демократической партіи.

Послѣ пораженія „двойной“ иниціативы, партіи меньшинства стремятся укрѣпиться въ кантонахъ, осуществляя тамъ свои требованія и пріобрѣтая такимъ путемъ опорный базисъ для своей дѣятельности въ союзѣ. Съ тѣхъ поръ идеи пропорціональнаго представительства и избранія правительствъ народомъ сдѣлали въ кантонахъ значительныя завоеванія. Въ настоящее время въ бернскомъ кантонѣ поднялась агитація въ пользу выбора народомъ кантональнаго правительства. И если движеніе въ этомъ крупнѣйшемъ кантонѣ Швейцаріи и составляющемъ главный оплотъ „свободомысляще-демократической“ партіи на этотъ разъ увѣнчается успѣхомъ, то недалеко будетъ то время, когда оба требованія „двойной“ иниціативы сдѣлаются дѣйствительностью и въ союзѣ.

Относительно эволюціи швейцарскихъ политическихъ учрежденій мы должны, въ общемъ, сказать, что чѣмъ болѣе Швейцарія втягивается въ міровую торговлю, и чѣмъ болѣе, слѣдовательно, она подвергается дѣйствію общихъ торгово-промышленныхъ кризисовъ, чѣмъ болѣе въ ней развиваются капиталистическія отношенія, тѣмъ быстрѣе происходитъ дифференціація ея населенія въ крупные классы, тѣмъ острѣе и непримиримѣе становится классовая борьба, и тѣмъ труднѣе и медленнѣе, вслѣдствіе всего этого, совершается дальнѣйшая демократизація политической жизни Швейцаріи.

III.

Политическія партіи.

Въ 1848 г., послѣ полувѣковой борьбы съ общественными силами „стараго порядка“, крупная буржуазія закрѣпила за собою политическое господство. Свое представительство въ союзномъ собраніи и въ кантональныхъ законодательныхъ учрежденіяхъ она получила въ лицѣ либеральной партіи праваго и лѣваго фланга. Видимое экономическое благоденствіе, наступившее съ быстрымъ ростомъ средствъ сообщенія, развитіемъ торговли и промышленности, на первыхъ порахъ недовольство оппозиціонныхъ элементовъ, пока гнетъ и конкуренція крупнаго капитала не показали оборотной стороны медали. Съ начала 60-хъ гг. въ кантонахъ развертывается широкое демократическое движеніе, первые проблески котораго относятся къ эпохѣ „возрожденія“ 30-хъ и 40-хъ гг. На этотъ разъ движеніе мелкой буржуазіи, городской и сельской, новой и старой демократіи почти повсемѣстно увѣнчалось успѣхомъ. Послѣдовавшій за этимъ пересмотръ союзной конституціи въ значительной мѣрѣ осуществилъ, какъ мы видѣли, стремленія демократовъ и въ союзѣ. Въ политической жизни Швейцаріи происходитъ при этомъ новая группировка партій и перемѣщеніе центра тяжести политическаго вліянія въ сторону средней и мелкой буржуазіи. Исключительно до этого времени господствовавшая либеральная партія въ большинствѣ своемъ превращается въ консервативную: слишкомъ далеко идутъ для нея и централистическія стремленія радикальныхъ и программы демократическихъ группъ, такъ какъ и тѣмъ и другимъ урѣзывается ея вліяніе въ союзѣ и въ кантонахъ. Отнынѣ она стремится затормозить конституціонное развитіе Швейцаріи, ставя себѣ идеаломъ порядки 1848 г.,—настолько просторные, что манчестерскія вожделѣнія крупной буржуазіи почти никакихъ препятствій для своего осуществленія при нихъ не встрѣчали. Въ то же время сельское населеніе католическихъ кантоновъ, продолжая всѣми силами противиться централистическому ходу развитія Швейцаріи, формируется въ реакціонную политическую партію, которая подъ флагомъ клерикализма отстаиваетъ сепаратистскія стремленія экономически-отсталыхъ кантоновъ.

Такъ комбинировались отношенія политическихъ партій приблизительно до начала 80-хъ гг. Съ этого времени въ политической жизни Швейцаріи начинаютъ играть все болѣе и болѣе крупную роль сознательные элементы рабочаго

класса, двигавшагося до тѣхъ поръ въ фарватерѣ буржуазной политики. Эмансипація его отъ вліянія идеологіи господствующихъ классовъ выразилась въ разрывѣ, происшедшемъ между рабочими организаціями и демократическими группами, въ образованіи преслѣдующей свои собственныя цѣли соціалъ-демократической партіи и въ переходѣ демократическаго „Grütliverein'a“ („Союза Грютли“) въ соціалъ-демократическій лагерь. Это-то выдѣленіе перваго слоя рабочаго класса въ самостоятельную политическую партію произвело новую и рѣшительную мобилизацію въ рядахъ господствующихъ партій. При существующей въ союзѣ широкой демократіи ростъ сознательности рабочаго класса становится для нихъ вполнѣ реальной и осязательной опасностью. Не говоря уже о референдумѣ и иниціативѣ, во многихъ кантонахъ парламенты составляются по системѣ пропорціональнаго представительства; правительства и должностныя лица избираются непосредственно народомъ. Соціалъ-демократы могутъ быть избраны и фактически избираются на должности судей, прокуроровъ, даже министровъ и членовъ кантональныхъ правительствъ. Подъ вліяніемъ усиливающейся роли соціалъ-демократіи, между радикалами и демократами мало-по-малу произошло сближеніе, закончившееся формальнымъ союзомъ и образованіемъ новой „свободомысляще-демократической“ партіи. Цѣлью этого союза было исключеніе нѣкоторыхъ требованій изъ программы демократической партіи, которую появленіе „краснаго призрака“ бросило въ объятія стоящихъ вправо отъ нея радикаловъ. Съ другой стороны, ростъ соціалъ-демократіи точно такъ же, какъ и католическія рабочія массы въ собственныхъ рядахъ принудили клерикальную партію выступить въ защиту многихъ соціально-политическихъ требованій, направленныхъ къ расширенію народнаго законодательства и охранѣ интересовъ труда. Такимъ образомъ, въ союзѣ сложились четыре крупныхъ и основныхъ политическихъ партіи: протестантская-консервативная, ультрамонтанская или клерикальная, свободомысляще-демократическая и рабочая соціалъ-демократическая. Въ общемъ и цѣломъ, эти партіи соотвѣтствуютъ главнымъ общественнымъ классамъ и группамъ Швейцаріи— финансовой аристократіи, промышленной и мелкой буржуазіи, мелкому крестьянству и рабочему классу.

Необходимо, однако, принять во вниманіе, что въ Швейцаріи менѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, можно найти классовыя партіи въ чистомъ ихъ видѣ. Даже въ крупныхъ капиталистическихъ странахъ повседневная общественная борьба создаетъ множество политическихъ оттѣнковъ и ню-

ансовъ, случайныя и временныя политическія комбинаціи,— тѣмъ болѣе въ Швейцаріи съ ея самобытной исторіей и своеобразными соціально-экономическими условіями и отношеніями.

Лишь съ самаго конца XVIII столѣтія различные кантоны и области Швейцаріи начинаютъ жить общенаціональными политическими интересами, развиваясь до этого времени совершенно самостоятельно, проходя свою собственную, отличную отъ другихъ, исторію. Но еще и теперь далеко не всѣ стороны національной жизни централизованы въ союзъ. Такъ, компетенція кантоновъ распространяется на гражданское и уголовное законодательство, на школьное и податное дѣло, на законодательство бѣдныхъ. О большихъ народныхъ партіяхъ, охватывающихъ всю страну, можно поэтому говорить лишь постольку, поскольку различные классовые интересы должны отстаиваться и проводиться не въ рамкахъ кантональныхъ, а общесоюзныхъ учрежденій. И хотя политическія партіи въ союзѣ, въ общемъ, тѣ же, что и въ кантонахъ, но дуализмъ кантональной и союзной политики создаетъ весьма сложныя и запутанныя отношенія, подчасъ удивительныя и совершенно неожиданныя комбинаціи. Такъ, радикалы и демократы кантона Цюриха, выступая на почвѣ кантональной политики, какъ противники, въ союзѣ идутъ рядомъ противъ ультрамонтановъ, съ одной, и соціалъ-демократовъ—съ другой стороны. Въ люцернскомъ кантонѣ свободомыслящая партія, находящаяся здѣсь въ меньшинствѣ, является сторонницей пропорціональнаго представительства, а господствующіе клерикалы—противниками „пропорціи“; въ союзѣ-же, наоборотъ, роли между ними мѣняются, и первая, въ качествѣ правящей партіи, отстаиваетъ мажоритарную систему выборовъ, въ то время, какъ вторые требуютъ представительства, соотвѣтствующаго ихъ численности. Въ Гларусѣ и Сенъ-Галленѣ соціалъ-демократическая партія еще и въ настоящее время находится въ болѣе или менѣе тѣсномъ и постоянномъ союзѣ съ демократами, сообща съ ними выступая противъ свободомыслящей партіи. Этотъ столь долго сохраняющійся союзъ между рабочими массами и мелкой буржуазіей, выступающей въ качествѣ демократической партіи, объясняется крайнимъ радикализмомъ послѣдней, уже не встрѣчающимся въ средѣ демократовъ другихъ кантоновъ Швейцаріи. И о какихъ вообще политическихъ группировкахъ можно говорить въ земледѣльческихъ кантонахъ Ури, Нидвальденѣ или Аппенцеллѣ Внутренняго Родена, все населеніе которыхъ, мужское и женское вмѣстѣ, едва доходитъ до 20.000 душъ въ первомъ и немного больше 13.000

во вторыхъ! Въ такихъ узкихъ границахъ, при такой малочисленности политически правоспособнаго населенія, которое состоитъ лишь изъ нѣсколькихъ тысячъ гражданъ, дѣйствіе экономическихъ противоположностей въ политической жизни не можетъ проявляться во всей силѣ и полнотѣ. Очень часто ихъ вліяніе на группировку партіи перекрещивается и оттѣсняется на задній планъ моментами иного характера— историческими традиціями, личными отношеніями дружбы и вражды и отношеніями зависимости самаго разнообразнаго свойства.

Традиціонная конфессіональная вражда, раздѣляя населеніе Швейцаріи на двѣ крупныя части [1]), сильно сказывается на характерѣ и формахъ общественной борьбы. Облекая въ религіозный покровъ политическія стремленія земледѣльческихъ кантоновъ, клерикализмъ удерживаетъ подъ своимъ вліяніемъ и тѣ рабочія массы, для которыхъ не ихъ классовое положеніе, а принадлежность къ католической церкви является первымъ импульсомъ къ политическому самоопредѣленію. Подъ сѣнью клерикальной партіи объединяются такимъ образомъ столь разнородные по своему общественному положенію элементы, какъ крестьянство и рабочія массы.

Да и господствующая свободомысляще-демократическая партія является представительницей самыхъ разнообразныхъ соціальныхъ группъ съ постепенными и незамѣтными переходами отъ одной къ другой. Защиту своихъ интересовъ находятъ въ ней и крупные капиталисты (цюрихскаго кантона), и зажиточное протестантское крестьянство, а также крупные мастера и мелкіе ремесленники. И одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ этой партіи является стремленіе опекать все населеніе въ цѣломъ, уравновѣшивать противоположность различныхъ классовыхъ интересовъ, сглаживать, гдѣ это удается, существующія соціальныя противорѣчія.

Очертанія различныхъ партій становятся менѣе опредѣленными, граница между ними менѣе ясной и рѣзкой еще въ силу широкой политической свободы и демократическихъ учрежденій Швейцаріи. Отсутствіе какихъ бы то ни было стѣсненій и лишеній въ политической жизни дѣлаетъ экономически эксплоатируемые общественные классы менѣе чувствительными къ глубоко скрытому соціальному первенству. Политическій гнетъ и безправіе, вообще говоря, скорѣе даютъ себя чувствовать, чѣмъ несправедливость исторически

[1]) По переписи 1900 г. въ Швейцаріи 1.916.157 протестантскаго и

болѣе устойчивыхъ экономическихъ формъ, на которыя сами обездоленные классы привыкли смотрѣть, какъ на нѣчто разъ навсегда данное и неизмѣнное.

Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ политическое сотрудничество различныхъ по своимъ интересамъ общественныхъ классовъ и группъ, нигдѣ такъ часто не встрѣчающееся, какъ въ Швейцаріи. Референдумъ и инициатива, дѣлающіе весь народъ въ совокупности своимъ собственнымъ законодателемъ, выдвигаютъ на очередь то тотъ, то другой важный самъ по себѣ вопросъ, но на почвѣ котораго возможны разнообразныя сочетанія интересовъ различныхъ слоевъ населенія. Напримѣръ, по вопросу о пропорціональномъ представительствѣ ультрамонтаны и соціалъ-демократы, эти діаметрально-противоположныя по своимъ общественнымъ идеаламъ партіи, заключили въ 1898 г. формальный договоръ и въ совмѣстной борьбѣ силились ослабить господство свободомысляще-демократической партіи.

Если-же мы, несмотря на всѣ указанныя условія, говоримъ о крупныхъ классовыхъ партіяхъ, то мы при этомъ отвлекаемся отъ частныхъ и случайныхъ явленій, создаваемыхъ особенностями соціально-экономическаго развитія Швейцаріи, и концентрируемъ свое вниманіе на типичномъ и общемъ, на направленіи, на томъ пути, по которому это развитіе идетъ. Разъ Швейцарія всѣми многочисленными и многообразными сторонами своей экономической жизни тѣсными нитями связана съ общеміровымъ хозяйствомъ, то законы, лежащіе въ основѣ послѣдняго, рано или поздно, въ той или иной формѣ, должны проявиться также и въ области ея соціально-политическихъ отношеній. И чѣмъ болѣе увеличивается зависимость Швейцаріи отъ мірового рынка, тѣмъ сильнѣе сказывается на ея классовыхъ отношеніяхъ вліяніе торговопромышленныхъ кризисовъ, тѣмъ больше дѣйствіе законовъ капиталистическаго развитія на ея соціальную структуру. Растетъ задолженность мелкокрестьянской массы. Подъ гнетомъ непосильной конкуренціи крупнаго капитала все болѣе вытѣсняются формы мелкаго производства, и пролетаризируется мелкая буржуазія. Рабочій теряетъ связи съ землею,—явленіе, растущее по мѣрѣ того, какъ швейцарская промышленность, освобождаясь отъ необходимости пользоваться водяными силами, сосредоточивается въ городахъ. Все это ведетъ къ обостренію классовыхъ противорѣчій, къ дифференціаціи населенія на рѣзко обособленныя соціальныя группы. Рабочія массы пробуждаются къ политической жизни, къ пониманію своихъ классовыхъ интересовъ и своей исторической роли. А это оказываетъ отра-

женное и знаменательное вліяніе на господствующіе классы, заставляя ихъ тѣснѣе смыкаться и передвигаться все правѣе и правѣе. Борьба классовъ становится все рѣзче и непримиримѣе, а вмѣстѣ съ этимъ замедляется дальнѣйшая демократизація политической жизни Швейцаріи, такъ какъ ея господствующіе классы имѣютъ полное основаніе опасаться, что каждый шагъ въ этомъ направленіи будетъ использованъ выразительницей интересовъ рабочаго класса—соціалъ-демократической партіей—для того, чтобы подорвать ихъ могущество.

Таковы статика и динамика соціально-политической жизни Швейцаріи—наличность относительно слабо дифференцированной общественной среды и процессъ, неуклонно и неизбѣжно ведущій къ развитію и обостренію классовыхъ противоположностей. Эту двусторонность одной и той же совокупности явленій необходимо имѣть въ виду во всей ея полнотѣ, ибо иначе нельзя постигнуть характера дѣйствующихъ пружинъ, нельзя разобраться въ сложномъ и причудливомъ переплетѣ партійно-политической жизни Швейцаріи.

Убѣдительной иллюстраціей къ только что развитымъ соображеніямъ могутъ послужить большіе экономическіе союзы Швейцаріи и ихъ секретаріаты, оказывающіе значительное давленіе на ходъ законодательства и являющіеся довольно вліятельными факторами въ общественной жизни. Эти союзы даютъ наглядное представленіе о томъ, какъ экономическій процессъ расчленяетъ интересы пролетаріата и буржуазіи и интересы различныхъ классовъ въ средѣ самой буржуазіи, какъ, разоблачаясь отъ всякаго рода „идеологій“, оголяется классовый характеръ экономической политики.

Всѣхъ союзовъ, составляющихъ ядро разсѣянныхъ по всей странѣ экономическихъ организацій, четыре: „Швейцарскій торгово-промышленный союзъ“—органъ капиталистовъ и предпринимателей; „Швейцарскій промысловый союзъ“, представляющій интересы мелкихъ промысловъ и ремесла; „Швейцарскій рабочій союзъ“ и—позже другихъ основавшійся—„Швейцарскій крестьянскій союзъ“. Что наиболѣе характерно для швейцарскихъ отношеній, это—субсидія, отпускаемая союзнымъ правительствомъ для покрытія расходовъ по содержанію секретаріатовъ. Кромѣ рабочаго секретаріата, получающаго ежегодно 25.000 фр., секретаріаты остальныхъ союзовъ получаютъ по 20.000 фр. въ годъ. Взамѣнъ этой субсидіи, каждый секретаріатъ обязанъ давать союзному правительству всякаго рода свѣдѣнія о положеніи дѣлъ, находящихся въ сферѣ его вѣдѣнія, учреждать анкеты

и проч. Въ дѣйствительности, эта обязанность есть скорѣе право, привилегія каждаго союза ходатайствовать предъ союзными властями объ изданіи законовъ и постановленій, направленныхъ къ защитѣ и охранѣ данныхъ экономическихъ интересовъ. И ниже мы увидимъ, что иногда это право-обязанность переходитъ въ настоятельное требованіе, сопровождаемое въ случаѣ нужды хорошо разсчитанными угрозами.

Первымъ былъ основанъ въ 1870 г. торгово-промышленный союзъ. Въ 1878 г. учредился и секретаріатъ. Параграфъ I устава, опредѣляющій цѣль союза, гласитъ такъ: „Подъ именемъ „Швейцарскій торгово-промышленный союзъ“ всѣ органы швейцарскаго торгово-промышленнаго сословія образуютъ союзъ, имѣющій цѣлью обсужденіе и защиту общихъ интересовъ, а также, поскольку возможно, опираясь на собираемый соотвѣтственный матеріалъ и на другія свѣдѣнія, освѣдомлять союзныя учрежденія по вопросамъ торговли, индустріи и путей сообщенія“.

Почти такъ же, съ соотвѣтственными лишь измѣненіями, формулируется цѣль союза ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, организовавшагося въ 1879 г. по образцу торгово-промышленнаго союза: „Защита общихъ интересовъ всего швейцарскаго ремесленнаго и мелко-торговаго сословія и освѣдомленіе съ этой цѣлью союзныхъ учрежденій относительно вопросовъ, касающихся швейцарскихъ промысловъ и ремесла“. Вообще, союзъ дѣятельно занимается обсужденіемъ и предложеніемъ мѣропріятій, пригодныхъ для „спасенія средняго сословія“, для защиты его отъ „ненормальностей и недостатковъ въ торговлѣ и кредитѣ“. Союзъ ведетъ энергичную, но пока малоуспѣшную борьбу съ потребительными обществами, крупными торговыми домами, разносною торговлею и т. д.

Особенно ревностно и съ громаднымъ успѣхомъ выступаетъ молодой крестьянскій союзъ, основавшійся въ 1897 г. Въ союзъ можетъ вступить всякая организація, защищающая аграрные интересы, безъ различія ея вѣроисповѣданія и политическаго направленія. Союзъ хлопочетъ о защитѣ сельскохозяйственныхъ интересовъ въ таможенной политикѣ, объ уменьшеніи желѣзнодорожныхъ тарифовъ для продуктовъ сельскаго хозяйства, о достаточномъ политическомъ представительствѣ въ законодательныхъ учрежденіяхъ и правительствахъ и т. д. Всѣхъ членовъ союза въ настоящее время 80.489.

Благодаря энергичной и умѣлой агитаціи крестьянскаго союза, былъ принятъ въ 1903 г. новый таможенный тарифъ,

Г. Грейлихъ.

Академия Наук СССР

сильно повышающій ставки на сельскохозяйственные продукты, главнымъ образомъ, на скотъ, говядину и вино. Противъ этого искусственнаго повышенія цѣнъ на насущныя средства существованія боролась, главнымъ образомъ, соціалъ-демократическая партія. Но ея противникъ оказался сильнѣе. Союзъ использовалъ всѣ средства, чтобы расшевелить крестьянина и заставить его подать свой голосъ за таможенный тарифъ. Въ прессѣ и воззваніяхъ крестьянамъ доказывалось, что только мѣры, затрудняющія ввозъ пищевыхъ продуктовъ въ страну, могутъ спасти крестьянское хозяйство отъ разоренія. А съ другой стороны, союзъ предостерегалъ крестьянъ отъ самаго злого врага, отъ опасной „интернаціональной соціалъ-демократіи". „Не помогайте,—взывалъ онъ,—соціалъ-демократамъ разорить крестьянъ и проложить этимъ путь къ государству будущаго (Zukunftsstaat) или, правильнѣе, къ гибели общества". Агитація велась такъ интенсивно, что въ нѣкоторыхъ сельскихъ областяхъ всѣ правоспособные крестьяне, какъ одинъ человѣкъ, клали свое „да" въ избирательныя урны. При участіи 75% правоспособныхъ гражданъ въ голосованіи за таможенный тарифъ высказалось 332.001 противъ 225.123 гражданъ.

Свою побѣду крестьянскій союзъ отлично использовалъ. Когда при выборѣ делегатовъ для веденія торговыхъ переговоровъ союзный совѣтъ обошелъ крестьянство, то союзъ немедленно созвалъ чрезвычайный съѣздъ, на которомъ было выставлено требованіе, чтобы и представители сельскаго хозяйства участвовали въ настоящихъ переговорахъ; въ противномъ случаѣ, союзъ угрожалъ поддержать требованіе соціалъ-демократіи избранія союзнаго совѣта непосредственно народомъ. Угроза подѣйствовала, и союзный совѣтъ пригласилъ секретаря крестьянскаго союза въ намѣченную делегацію.

Задача „Рабочаго союза", организованнаго въ 1887 г., заключается въ „защитѣ экономическихъ интересовъ рабочаго класса въ Швейцаріи". Членомъ союза можетъ быть любая рабочая организація, независимо отъ религіозныхъ и политическихъ убѣжденій. Вступленіе, какъ и выступленіе, изъ союза совершается простымъ сообщеніемъ въ его бюро. Органы союза слѣдующіе: съѣздъ делегатовъ, созывающійся разъ въ три года (въ случаѣ надобности могутъ быть созваны и экстраординарные съѣзды); правленіе, избираемое на три года въ числѣ 25 человѣкъ; бюро, ведущее очередныя дѣла и состоящее изъ трехъ членовъ, и секретарь, избираемый съѣздомъ делегатовъ на три года. Секретарь и его помощники занимаются статистическими изслѣдованіями о

положеніи рабочаго класса, подготовляющими основу для рабочаго законодательства. Число членовъ союза сильно колеблется въ виду того, что организація союза несплоченная —„lose“. Въ годъ основанія членовъ союза было 90—100.000, а на экстраординарномъ съѣздѣ 1900 г. было уже представлено 255.000 членовъ.

Вступленіе соціалъ-демократическихъ организацій въ союзъ встрѣтило рѣзкую оппозицію со стороны нѣкоторыхъ членовъ партіи. Особенно ополчался противъ учрежденія „Рабочаго союза“ видный дѣятель ея, Альбертъ Штеккъ. Этотъ союзъ, который долженъ былъ составиться изъ самыхъ разнородныхъ по политическимъ направленіямъ рабочихъ организацій, онъ называлъ „чудовищемъ съ красной соціалъ-демократической головой, бѣлымъ хозяйственно-оппортунистическимъ туловищемъ и длиннымъ чернымъ хвостомъ“. Оппозиціонеры опасались растворенія, затушеванія соціалъ-демократическихъ интересовъ въ „Рабочемъ союзѣ“, большинство котораго составлялось изъ политически-индиферентныхъ больничныхъ кассъ и католическихъ рабочихъ организацій. Всего вѣроятнѣе, что и правительствомъ, охотно субсидировавшимъ секретаріатъ союза, руководила тайная надежда ослабить вліяніе соціалъ-демократической партіи, начавшей въ то время усиливаться. Однако, ни опасенія соціалъ-демократовъ, ни расчеты правительства не оправдались. Господствующее вліяніе въ союзѣ получило соціалъ-демократическое меньшинство, пользующееся предъ остальной массой участниковъ значительнымъ интеллектуальнымъ превосходствомъ, большимъ пониманіемъ соціально-экономическихъ условій страны и, въ частности, классовыхъ интересовъ пролетаріата. Но и подчинить руководству соціалъ-демократіи эту чужую массу, какъ объ этомъ мечтали сторонники „Рабочаго союза“, не удалось вовсе. Болѣе того: въ то время, какъ крестьянскій союзъ, тѣсно сомкнутый и дружно отстаивающій свои интересы, сдѣлался крупнымъ факторомъ въ политической жизни страны, съ которымъ трудно и опасно не считаться, „Рабочій союзъ“, вслѣдствіе разнородности своего состава, не сумѣлъ, какъ это слѣдовало бы ожидать, судя по его численной силѣ, сдѣлаться сильнымъ орудіемъ классовой политики пролетаріата. Слишкомъ велико количество индиферентныхъ кассъ, доходящее до 40% объединенныхъ въ союзѣ организацій, и слишкомъ глубокая пропасть лежитъ между политическими стремленіями католиковъ и интересами соціалъ-демократовъ.

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ каждой изъ отмѣченныхъ выше партій, мы приведемъ нѣкоторыя стати-

стическія данныя о численномъ составѣ парламентскихъ фракцій и о числѣ голосовъ, полученныхъ каждой партіей на выборахъ.

Численный составъ фракцій національнаго совѣта:

ПАРТІИ.	1881	1884	1887	1890	1893	1896	1899	1902
Свободомыслящe-демократическая	83	88	87	92	94	95	87	97
Протестантская консервативная.	26	22	24	19	19	17	17	19
Католическая консервативная.	36	35	34	36	31	32	34	35
„Дикіе“ демократы. . .	—	—	—	—	2	1	1	6
Соціалъ-политики . . .	—	—	—	—	—	—	5	—
Соціалъ-демократическая.	—	—	—	—	1	2	3	7
Всего депутатовъ . .	145	145	145	147	147	147	147	167

Число голосовъ, полученныхъ каждой партіей на выборахъ:

Годы.	Свобод.-демократ.	Протест.-консерват.	Католич.-консерв.	Соціалъ-демократ
1881	169.788	77.687	97.976	—
1884	186.585	79.818	99.319	3.591
1887	173.028	67.747	80.099	2.100
1890	215.948	58.068	89.342	11.952
1893	—	—	—	30.000
1896	—	—	—	31.147
1899	—	—	—	42.973
1902	—	—	—	74.319

Послѣ народной переписи 1888 г. число депутатовъ національнаго совѣта было увеличено на 2, послѣ переписи 1900 г.—на 20 чел.

Въ національномъ совѣтѣ соціалъ-демократическая партія располагаетъ 4,2% голосовъ. Болѣе благопріятно складываются для нея условія въ кантональныхъ парламентахъ и особенно въ коммунахъ. Партія представлена въ 17 кантональныхъ парламентахъ. Сильнѣе всего въ Базелѣ-городѣ, гдѣ на 130 депутатовъ приходится 22 соц.-дем., т. е. 17%; затѣмъ въ Цюрихѣ и Невшателѣ съ 16%; въ Женевѣ съ 14%; въ Золотурнѣ съ 8%; въ Бернѣ съ 7%. Изъ коммунъ партія сильнѣе всего представлена въ Винтертурѣ: на 45 депутатовъ—16 соц.-дем. или 35,5%; въ Бернѣ съ 31,3%; въ Цюрихѣ съ 25%.—Въ кантональныхъ правительствахъ партія имѣетъ трехъ представителей: по одному въ Цюрихѣ, Базелѣ-городѣ и Сенъ-Галленѣ. Въ коммунальныхъ правительствахъ участіе партіи гораздо больше: въ Цюрихѣ ей принадлежатъ 3 мѣста изъ 9, въ Винтертурѣ—2 изъ 7; а въ

нѣкоторыхъ другихъ городскихъ правительствахъ партія располагаетъ по одному голосу.

Свободомысляще-демократическая партія. Какъ видно изъ приведенныхъ таблицъ, свободомысляще-демократическая—самая сильная въ странѣ. Въ этой партіи представлены разнообразнѣйшіе общественные элементы, часто совершенно противоположные по своимъ классовымъ интересамъ и политическимъ задачамъ. Главное мѣсто занимаютъ въ ней фабриканты, купцы, владѣльцы крупныхъ ремесленныхъ мастерскихъ, приближающихся по числу занятыхъ рабочихъ къ фабричнымъ заведеніямъ. Но рядомъ съ ними мы видимъ и мелкую буржуазію, складывающуюся изъ мелкихъ ремесленниковъ, лавочниковъ, растущаго съ каждымъ годомъ чиновничества, учителей и, вообще, городской интеллигенціи. Далѣе тянутся крѣпкіе кадры зажиточного протестантскаго крестьянства аграрныхъ протестантскихъ и горныхъ католическихъ кантоновъ: во первыхъ, это—крестьяне, производящіе на вывозъ разнаго рода сельско-хозяйственные продукты, сыръ, масло, конденсированное молоко и проч.; во-вторыхъ, это, главнымъ образомъ, собственники всевозможныхъ отелей и пансіоновъ, составляющихъ въ Швейцаріи съ ея многочисленными курортами цѣлую крупную отрасль промышленности, которой питается значительная часть населенія [1]).

Возможность столь непонятнаго, на первый взглядъ, союза всѣхъ этихъ общественныхъ группъ, часто находящихся на почвѣ кантональной политики въ рѣзкомъ и постоянномъ взаимномъ антагонизмѣ, объясняется общностью интересовъ, связывающей ихъ въ общесоюзной политической жизни. Всѣ они кровно заинтересованы въ сохраненіи и въ дальнѣйшемъ развитіи достигнутаго въ 1848 г. государственно-правового единства въ развитіи торговли и промышленности и въ расширеніи желѣзнодорожной сѣти, въ опредѣленной таможенной политикѣ и т. д. Въ сущности, свободомысляще-демократическая партія представляетъ собою цѣльный политическій „bloc“, сознательно сплотившійся для одновременной борьбы на два фронта: противъ реакціонной католической партіи, упорно стремящейся, поскольку это еще возможно, ослабить союзъ и отстоять для горныхъ земледѣльческихъ кантоновъ ихъ федералистическія права, и противъ стоящей влѣво соціалъ-демократической партіи. И этотъ bloc, пользуясь двойной опасностью,

[1]) Ежегодный оборотъ этой отрасли промышленности составляетъ свыше 110.000.000 фр.; чистый доходъ достигаетъ 35.000.000 фр. въ годъ.

вытекающей для господствующихъ классовъ отъ усиленія „клерикализма и соціализма“, умѣло отстаиваетъ свое существованіе.

Подъ знакомъ самоотмежеванія на двѣ противоположныя стороны стоитъ вся политическая практика этой партіи, ея агитація, разсужденія ея вождей и литераторовъ, въ которыхъ она, подъ вліяніемъ соціалъ-демократической критики, приближается къ познанію своей классовой сущности. Такое же отмежеваніе проходитъ красной нитью чрезъ программы партіи, причемъ разграниченіе съ соціалъ-демократіей проводится рѣзче и рѣшительнѣе, чѣмъ съ консервативными группами.

Въ качествѣ „общихъ принциповъ“ въ программѣ, принятой въ началѣ 1904 г., красуются слѣдующія, въ одномъ отношеніи совершенно безсодержательныя, а въ другомъ— полныя соціальнаго смысла, положенія.

„1. Свободомысляще-демократическая партія Швейцаріи ставитъ себѣ цѣлью развитіе народнаго благосостоянія на основѣ свободы, равенства и демократіи (Volksherrschaft).

„Она придерживается основныхъ принциповъ свободы мысли, свободнаго научнаго изслѣдованія, свободнаго выраженія мнѣній, свободы вѣроисповѣданія и совѣсти. Она борется со всѣми стремленіями, направленными къ обостренію конфессіональныхъ и классовыхъ противорѣчій“.

„2. Свободомысляще-демократическая партія есть партія соціальной и экономической реформы. Она стремится къ мирному разрѣшенію соціальныхъ противорѣчій посредствомъ основательной, соотвѣтствующей швейцарскимъ отношеніямъ, соціальной реформы на почвѣ солидарности интересовъ всего народа“.

Какъ ни мало программы буржуазныхъ партій даютъ правильное о нихъ представленіе, соотвѣтствующее реальной дѣйствительности, однако, и въ приведенныхъ строкахъ можно видѣть, какъ ничего не говорящія фразы о „свободѣ мысли и научнаго изслѣдованія“ сплетаются съ частью явными и сознательными, частью инстинктивными—въ силу пестроты и сложности своего состава—стремленіями затушевать свою классовую физіономію. Эта же тенденція сквозитъ и въ „программѣ-минимумъ“, формулирующей требованія, осуществленіе которыхъ ставится какъ задача ближайшаго будущаго.

Эти „ближайшія цѣли“ партіи поражаютъ своей неопредѣленностью и безсодержательностью. Разнородный и даже противорѣчивый характеръ элементовъ, изъ которыхъ она слагается, парализуетъ ея иниціативу и осуждаетъ ее почти

исключительно на роль охранителя существующаго. Возьмемъ, для примѣра, ея отношеніе къ вопросу объ обязательномъ страхованіи, при помощи союза, отъ болѣзни, старости и инвалидности. Въ 1894 г. „Швейцарскій рабочій союзъ“ возбудилъ народную инициативу, требовавшую безплатности больничнаго лѣченія и, какъ средства для осуществленія этой реформы, монополіи союза на производства и продажу табака. На своемъ конгрессѣ того же года свободомыслящедемократическая партія въ особой резолюціи высказалась противъ табачной монополіи, а вмѣстѣ съ этимъ фактически и противъ безплатнаго лѣченія неимущихъ, такъ какъ только эксплуатаціей этой отрасли производства союзъ могъ бы покрыть расходы по приведенію указанной реформы. Между тѣмъ, выступить за монополизацію табачнаго производства партія не могла и не можетъ до сихъ поръ, потому что это значило бы оттолкнуть отъ себя большую часть французскаго крестьянства (занимающагося воздѣлываніемъ табака), представители котораго входятъ составной частью въ партію. Такимъ образомъ, хотя партія и включила въ свою программу пунктъ о страхованіи, но, на самомъ дѣлѣ, безъ указанія необходимаго денежнаго источника, это требованіе остается мертвой буквой. То же самое можно сказать и объ отношеніи партіи къ рабочему законодательству. Ея демократическое крыло, напримѣръ, цюрихскіе демократы, въ своей программѣ ясно и категорически требуютъ десятичасоваго рабочаго дня и дальнѣйшаго ограниченія женскаго и дѣтскаго труда. Вся же партія въ цѣломъ искренно этого желать не можетъ, ибо это значило бы итти противъ задающихъ въ ней тонъ фабрикантовъ и капиталистовъ, иначе говоря, противъ самой себя. И программа вынуждена отдѣлаться двумя туманными фразами, гласящими буквально такъ: „развитіе рабочаго законодательства, пересмотръ фабричнаго закона; мѣры для упрежденія и смягченія безработицы“. Совершенно неясно звучитъ также пунктъ, касающійся „законодательства о бѣдныхъ“ и требующій „прежде всего регулированія интернаціональнаго и интеркантональнаго вопроса о бѣдныхъ“. Трудно понять, что это должно означать. Изъ остальныхъ пунктовъ „программы-минимумъ“ упомянемъ еще о поставленныхъ во главу угла требованіяхъ установленія единства гражданскаго и уголовнаго права и военной реформы, т. е. расширенія военнаго дѣла. И, наконецъ, укажемъ на требованіе „развитія сельскохозяйственнаго, ремесленнаго, промышленнаго и коммерческаго образованія швейцарской молодежи, особенно принимая при этомъ во вниманіе бѣднѣйшіе классы народа“.

Такова программа свободомысляще-демократической партіи. Одинъ цюрихскій демократъ, членъ партіи, самъ вынужденъ былъ сдѣлать косвенное признаніе о ея неполнотѣ, недостаточности и указаніе на то, что „здѣсь, т. е. при формулированіи требованій, неясность болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, вызываетъ подозрѣніе, что дѣло скорѣе въ декоративной обстановкѣ, чѣмъ въ опредѣленномъ желаніи".

Протестантская консервативная партія.—Какъ сказано было выше, протестантская консервативная партія является въ общемъ представительницей швейцарской финансовой аристократіи. Партія эта исключительно городская. Ея центрами служатъ торговый Базель, промышленный Цюрихъ, кальвинистская Женева и нѣкоторые другіе крупные города Швейцаріи. Но въ рядахъ этой партіи находятся также нѣкоторыя старинныя ортодоксальныя фамиліи. Такимъ образомъ, въ ней своеобразно сочетается представительство банократіи и библіи. Вообще, эта партія представляетъ „благородное сословіе" Швейцаріи, ея знать, не одобряющую политическаго братанія свободомыслящихъ съ демократами.

Но даже аристократія Швейцаріи не любитъ говорить о своемъ консерватизмѣ и носитъ офиціальное названіе „либерально-демократической партіи". И хотя всѣ ея политическія стремленія, подъ видомъ борьбы за кантональныя права, сводятся къ возможно большему ограниченію государственнаго вмѣшательства въ экономическую и политическую жизнь страны и къ задержанію дальнѣйшаго расширенія народныхъ правъ, тѣмъ не менѣе и эта по существу манчестерская партія позволила себѣ роскошь обзавестись „демократической" программой, которая, если не знать фактической дѣятельности партіи, даетъ весьма ложное о ней представленіе.

Солидарно съ свободомысляще-демократической партіей, консерваторы требуютъ единства гражданскаго и уголовнаго права и усиленія милитаризма для „защиты" страны. Далѣе консерваторы желаютъ „практической и народной" реформы въ управленіи, объявляютъ войну „бюрократическимъ тенденціямъ"- и въ то же время высказываются за сохраненіе выбора союзнаго совѣта союзнымъ собраніемъ. Между тѣмъ избраніе союзнаго совѣта непосредственно народомъ является единственной дѣйствительной мѣрой для успѣшной борьбы съ все усиливающейся бюрократіей. Въ консервативной партіи борются двѣ души: одна хочетъ ограниченія власти господствующей партіи и уменьшенія государственнаго централизма, другая боится расширенія народнаго контроля. И въ концѣ

концовъ „аристократическая“ душа партіи одерживаетъ верхъ. Программа требуетъ также развитія общаго и профессіональнаго образованія при поддержкѣ со стороны союза. Особенно сильно подчеркивается пунктъ объ охранѣ свободы совѣсти и вѣроисповѣданія. Въ экономической части программы консерваторы требуютъ: государственнаго страхованія рабочихъ на случай болѣзни, старости и инвалидности и введенія для этой цѣли табачной монополіи; союзнаго банка съ монопольнымъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ; принятія мѣръ для превращенія въ государственную собственность желѣзныхъ дорогъ и т. д.

Въ дѣйствительности, главное и самое упорное сопротивленіе при отчужденіи желѣзныхъ дорогъ въ 1897 г. въ собственность государства оказала какъ разъ консервативная партія. И это вполнѣ естественно, такъ какъ главнымъ оплотомъ ея были магнаты сѣверо-восточной и другихъ желѣзнодорожныхъ компаній. Эксплуатація желѣзныхъ дорогъ доставляла компаніямъ неисчислимые доходы. Пассажирское сообщеніе и перевозка грузовъ стоили въ Швейцаріи дороже, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ. Недовольство этимъ хищническимъ хозяйничаньемъ накоплялось годами, пока, наконецъ, стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ и служащихъ весною 1897 г., обнаружившая также размѣръ и характеръ внутренней эксплуатаціи, не дала сильнаго толчка движенію въ пользу „выкупа“ желѣзныхъ дорогъ. По поводу закона, принятаго въ союзномъ собраніи и опредѣлявшаго цѣну „выкупного вознагражденія“ приблизительно въ одинъ милліардъ франковъ, противники выкупа потребовали на основаніи собранныхъ 86.000 подписей народнаго референдума. Послѣднему предшествовала весьма интенсивная агитація. „Швейцарскому народу—швейцарскія дороги“—таковъ былъ лозунгъ сторонниковъ выкупа; „швейцарскому народу—швейцарскіе долги“—лицемѣрно кричали противники проекта, указывая этимъ на милліардный долгъ, который брало на себя государство выкупной операціей, какъ будто частное хозяйство желѣзнодорожныхъ компаній не обходилось народу гораздо дороже. Народное голосованіе приняло проектъ союзнаго собранія 385.792 гол. противъ 181.721. Противъ выкупа голосовало также католическое крестьянство горныхъ кантоновъ, мало пользующееся желѣзными дорогами и не желавшее усиленія союзной власти, которое должно было сопутствовать превращенію желѣзныхъ дорогъ въ собственность государства.

Такими-же ярыми противниками явились консерваторы и коренной банковой реформы, поставленной на очередь еще

въ 1879 г. Учрежденіе государственнаго банка они допускаютъ лишь при участіи въ прибыляхъ этого банка частныхъ капиталовъ. Въ программѣ же это требованіе замаскировано фразой объ „участіи кантоновъ“ въ прибыляхъ банка. Въ такой же формѣ либеральная партія, утвердившаяся у власти въ 1848 г., провела свое требованіе отдачи желѣзнодорожнаго строительства въ руки частныхъ предпринимателей.

Поскольку консервативная партія искренно выступаетъ въ своей программѣ за „расширеніе народныхъ правъ“, за „справедливое представительство партіи меньшинства въ союзныхъ учрежденіяхъ“, это подтверждаетъ только лишній разъ, что въ демократической Швейцаріи каждая партія, желающая успѣха, должна снискать себѣ расположеніе „народа-строителя“ (Bauherrn), что каждая, даже самая реакціонная, партія усматриваетъ въ такъ называемыхъ народныхъ правахъ лучшее орудіе для защиты своихъ классовыхъ интересовъ.

Католическая народная партія.—Зондербундская война [1]) съ ея знаменательными послѣдствіями — учрежденіемъ союзнаго государства, урѣзавшаго политическія прерогативы католическихъ кантоновъ въ пользу протестантскаго большинства—надолго обострила вѣроисповѣдныя отношенія въ Швейцаріи. А „культурная борьба“ (Kulturkampf), возгорѣвшаяся, какъ и въ Германіи, послѣ провозглашенія (въ 1870 г.) догмы о папской непогрѣшимости, только подлила масла въ огонь. Усиленіе римской куріи, ставшей духовнымъ центромъ клерикальнаго движенія въ Европѣ, заставляло опасаться оживленія партикуляристическихъ тенденцій. Подъ вліяніемъ образовавшейся въ оппозицію къ непогрѣшимому и космополитическому папству старокатолической національной церкви, во многихъ кантонахъ были приняты респрессивныя мѣры по отношенію къ римско-католическому духовенству. Такъ, запрещалось чтеніе епископскихъ посланій, въ которыхъ заявлялось о непогрѣшимости папы, духовенство назначалось по народному выбору, студентамъ-богословамъ не дозволялось посѣщеніе монастырскихъ школъ и іезуитскихъ коллегій и т. д. Церковно-политическая борьба

[1]) Война въ ноябрѣ 1847 г. между сеймомъ (см главу II) и католиками, требовавшими самостоятельности въ церковныхъ дѣлахъ и, вообще, суверенитета кантоновъ. Побѣда осталась за сеймомъ, и это облегчило дѣло государственнаго переустройства Швейцаріи въ 1848 году.

нашла себѣ выраженіе и въ союзной конституціи 1874 г. Въ ней проводится точное и рѣзкое разграниченіе духовной и свѣтской власти наряду съ рѣшительной нейтрализаціей церковнаго вліянія въ школѣ. Всѣ эти явленія „культурной борьбы“ дали новую и обильную пищу для религіозной вражды, проведшей рѣзкую и глубокую борозду между протестантскимъ и католическимъ населеніемъ Швейцаріи.

Вотъ въ этомъ-то антагонизмѣ, клерикальная или, какъ она себя наименовала, „католическая народная партія“ черпаетъ свою силу, изъ этого матеріала она плететъ тѣ „идеологическія“ узы, которыя связываютъ ея основное соціальное ядро—мелкое крестьянство—съ горстью католиковъ-фабрикантовъ и значительной массой католическихъ рабочихъ въ единый религіозно политическій союзъ.

Условія историческаго образованія, общая политическая позиція и отношеніе къ римской куріи позволяютъ провести нѣкоторую параллель между швейцарскими клерикалами и германскимъ „центромъ“. Но параллель эта находитъ свою границу въ разницѣ экономическихъ и политическихъ условій Германіи и Швейцаріи, отражающейся въ политической практикѣ обѣихъ партій. Радикально-оппозиціонные аллюры католическаго центра въ полу-абсолютистской, полуконституціонной Германіи исчезаютъ по мѣрѣ роста его вліянія и значенія въ рейхстагѣ. Дѣятельность же швейцарской католической партіи, развивающаяся въ рамкахъ широкой демократіи и на почвѣ относительно мало дифференцированной общественной среды, сохраняетъ демократическій, и по любимому выраженію партійныхъ вождей, и „соціальный“ оттѣнокъ.

Примитивное содержаніе неписаннаго програмнаго credo клерикальной партіи сводится къ постоянной оппозиціи прогрессирующей государственной централизаціи, къ стремленію сохранить за капиталами на возможно болѣе продолжительное время ихъ федералистическія права. Такая политика вполнѣ соотвѣтствуетъ интересамъ горныхъ сельскихъ капиталовъ, для которыхъ поступательный ходъ капиталистическаго развитія означаетъ медленное, но вѣрное разрушеніе ихъ вѣковыхъ устоевъ, а ростъ государственно-правового единства — результатъ этого развитія — лишеніе остатковъ ихъ политической самостоятельности. Само собою разумѣется, что при данномъ соотношеніи общественныхъ силъ позиція партіи чисто оборонительная. Лишь однажды, вскорѣ послѣ введенія въ союзную конституцію народной инициативы, клерикалы сдѣлали попытку использовать этотъ демократическій институтъ для своихъ реакціонныхъ цѣлей.

Мы имѣемъ въ виду такъ называемый „хищническій набѣгъ“ („Beutezug“), предпринятый партіей въ 1894 г. Инициатива, формулированная ею, требовала, чтобы „изъ общаго дохода отъ таможенныхъ пошлинъ союзъ выдавалъ кантонамъ по два франка на каждую душу ихъ населенія, соотвѣтственно даннымъ послѣдней союзной переписи“. Такъ какъ главный источникъ доходовъ союза состоитъ именно въ таможенныхъ пошлинахъ, то успѣхъ этой инициативы былъ бы равносиленъ значительному финансовому ослабленію союзнаго государства. Но народное голосованіе, отвергнувшее инициативу уничтожающимъ большинствомъ голосовъ — 350.639 противъ 145.462. показало, какъ прочно консолидированъ существующій общественно-политическій строй, и отбило охоту отъ атакъ, подобныхъ „хищническому набѣгу“.

Что касается отношенія католической партіи къ вопросамъ народнаго законодательства, къ демократическимъ правамъ вообще, то изъ непослѣдовательнаго и даже отрицательнаго въ 1872—74 г.г. оно стало положительнымъ въ 1884 г., съ того момента, какъ вождь партіи Цемпъ внесъ въ національный совѣтъ предложеніе о расширеніи народныхъ правъ. Общій подъемъ демократическаго движенія и демократизація соціальнаго состава партіи, въ результатѣ увеличившагося вліянія на рабочія массы, принудили ее къ этой перемѣнѣ позиціи. Однако, за развитіе демократіи партія выступаетъ лишь постольку, поскольку оно не приводитъ къ прочному расширенію союзной компетенціи; такъ, напримѣръ, въ вопросѣ объ избраніи союзнаго совѣта непосредственно народомъ въ одномъ общемъ для всей Швейцаріи избирательномъ округѣ партія несмотря на договоръ съ соціалъ-демократами, далеко не была едина, что видно изъ неодинаковаго отношенія нѣкоторыхъ католическихъ кантоновъ къ „пропорціи“ съ одной стороны и къ „народнымъ выборамъ“—съ другой. И это совершенно понятно, такъ какъ превращеніе Швейцаріи въ единый избирательный округъ было бы новымъ крупнымъ шагомъ по пути къ національному сліянію.

Въ области экономической партія ведетъ двойную политику: аграрную для крестьянъ и рабочую для пролетаріевъ. Отсутствіе рѣзко выраженной противоположности экономическихъ интересовъ между горнымъ крестьянствомъ, ведущимъ, главнымъ образомъ, пастбищное хозяйство, и промышленными рабочими позволяетъ партіи, не впадая во внутреннее противорѣчіе, вести до извѣстнаго предѣла эту двойную игру, если не считать противодѣйствія, идущаго со стороны ея небольшой кучки капиталистовъ. Фабричный законъ

1877 г., ограничивающій рабочій день 11 часами, запрещающій ночную и воскресную работу женщинъ и работу дѣтей моложе 14 лѣтъ, былъ принятъ только благодаря поддержкѣ католическихъ кантоновъ Люцерна, Ури, Швица и др. На упомянутыя выше возраженія нѣкоторыхъ соціалъ-демократовъ противъ учрежденія „Рабочаго союза", Декуртинсъ, глава партіи и самый крайній представитель соціальнаго направленія внутри ея, отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ: „Что можетъ намъ въ этомъ препятствовать? Не наше-ли разномысліе въ конфессіональныхъ вопросахъ? Ни въ какомъ случаѣ! Я—ультрамонтанъ съ головы до ногъ, но въ соціальныхъ, во всѣхъ хлѣбныхъ вопросахъ я готовъ итти съ вами. А со мной и католическіе рабочіе". По иниціативѣ Грейлиха, вождя соціалъ-демократической партіи, и Декуртинса, былъ, между прочимъ, устроенъ въ 1897 г. извѣстный международный конгрессъ по охранѣ труда. Но все это только до извѣстной границы, до поры до времени. Выдающаяся роль клерикаловъ въ агитаціи по поводу таможеннаго тарифа, принятаго въ 1903 г., показала, гдѣ эта граница лежитъ, чьими классовыми интересами партія въ первую линію руководится: этотъ тарифъ, почти совершенно преграждающій ввозъ скота и говядины, направлялся прежде всего къ защитѣ горныхъ пастбищныхъ кантоновъ отъ непосильной иностранной конкуренціи.

Католическая партія ведетъ очень энергичную агитаціонную и организаціонную дѣятельность. Помимо цѣлаго ряда филантропическихъ, экономическихъ и религіозныхъ организацій, главнымъ остовомъ ея партійно-политической организаціи является „Швейцарскій союзъ Пія", переименованный въ 1899 г. въ „Швейцарскій католическій союзъ", и „Союзъ католическихъ мужскихъ и рабочихъ организацій Швейцаріи". Первый—преимущественно мелкокрестьянскій союзъ — въ 1903 г. имѣлъ 224 мѣстныхъ секціи съ 35.141 членомъ; второй объединяетъ рабочихъ и въ томъ же году насчитывалъ 72 секціи съ 7.023 членами.

Соціально-политическая группа въ парламентѣ, „Школа Курти", какъ ее назвали, ставила себѣ цѣлью осуществленіе широкихъ соціальныхъ реформъ и по своей практической дѣятельности тѣсно примыкала къ соціалъ-демократической партіи. Съ образованіемъ соціалъ-демократической парламентской фракціи эта группа потеряла самостоятельное значеніе.

Соціалъ-демократическая партія. — Помимо указанныхъ выше условій, препятствующихъ образованію

большихъ классовыхъ партій вообще, развитіе соціалъ-демократіи тормозится еще многими спеціальными причинами. Мы выдвинемъ нѣкоторыя, главнѣйшія изъ нихъ.

Прежде всего ея поле дѣятельности ограничивается райономъ Швейцаріи. Горные кантоны: Ури, Швицъ, Унтервальденъ, Валлисъ, Граубюнденъ и нѣкоторыя области съ исключительно земледѣльческимъ населеніемъ стоятъ, естественно, внѣ ея вліянія, но и въ данныхъ территоріальныхъ рамкахъ соціалъ-демократическая партія борется съ громадными трудностями. Отсутствіе большихъ городовъ, возбуждающихъ своей нервно-кипучей жизнью умственные интересы рабочаго: медленно исчезающая связь, создающая промежуточный типъ не то рабочаго, не то крестьянина и иллюзію земельной собственности; преобладающая во многихъ мѣстахъ форма домашней промышленности и мелкаго производства, что, въ противоположность крупнымъ фабричнымъ центрамъ, воспитываетъ рабочія массы въ условіяхъ узко-патріархальныхъ отношеній и представленій,—все это сильно мѣшаетъ соціалъ-демократической пропагандѣ и агитаціи.

Дѣйствіе этихъ неблагопріятныхъ экономическихъ условій усугубляется еще характеромъ соціально-политическихъ отношеній Швейцаріи. Исторически соціалъ-демократическая партія сложилась уже послѣ того, какъ радикальная демократія добилась въ 60-хъ и 70-хъ гг., въ борьбѣ съ сторонниками представительной системы, введенія демократическихъ институтовъ. Во время этой борьбы рабочія массы, поскольку онѣ вообще участвовали въ политической жизни шли въ рядахъ демократической буржуазіи. Очнувшись же къ самостоятельной политической роли, рабочій классъ нашелъ уже готовый демократическій строй.

Съ самаго начала вступившее въ колею спокойнаго роста и развитія, соціалъ-демократическое движеніе Швейцаріи незнакомо съ тѣмъ политическимъ давленіемъ, которое испытываетъ, напримѣръ, германская соціалъ-демократія и которое создаетъ вокругъ нея атмосферу страстности и напряженности. Кромѣ этого, частые компромиссы, на которые партія вынуждается итти условіями общественной борьбы—отсутствіемъ твердыхъ классовыхъ границъ и особенностями непосредственнаго народнаго законодательства, въ значительной степени стираютъ грань, лежащую между сферами политическаго вліянія соціалъ-демократіи и буржуазной демократіи. И въ этомъ заключается для соціалъ-демократіи оборотная сторона референдума и инициативы. Или народныя массы приводятся въ движеніе не во имя цѣлыхъ по-

литическихъ программъ, а во имя частныхъ явленій общественной жизни, которыя, хотя сами по себѣ очень важныя, допускаютъ сліяніе различныхъ классовыхъ интересовъ, часто діаметрально противоположныхъ.

Таковы особенности развитія швейцарской соціалъ-демократической партіи. Теперь мы самымъ краткимъ образомъ прослѣдимъ ея исторію: во-первыхъ, со стороны внѣшней, организаціонной и, во-вторыхъ, со стороны внутренней, роста ея вліянія на рабочія массы, т. е. развитія классоваго самосознанія швейцарскаго пролетаріата.

Первый толчекъ развитію рабочаго движенія въ Швейцаріи былъ данъ международнымъ товариществомъ рабочихъ. Подъ его вліяніемъ во многихъ крупныхъ городахъ учредились секціи и были вызваны къ жизни различныя профессіональныя организаціи. Пробуждавшееся сознаніе рабочихъ массъ выразилось въ многочисленныхъ стачкахъ, характеризирующихъ первые этапы рабочаго движенія въ Швейцаріи. Въ первой половинѣ 60-хъ гг. на каждый годъ приходилось въ среднемъ 3—4 стачки, въ 1868 г. стачекъ было уже 13, а въ 1869 г.—26. Большое значеніе имѣла стачка 3.000 строительныхъ рабочихъ, проведенная при матеріальномъ содѣйствіи Интернаціонала. Успѣхъ стачки, окончившейся пониженіемъ рабочаго дня съ 12 часовъ на 11, и помощь, оказанная ей Интернаціоналомъ, давшая наглядный урокъ международной солидарности рабочихъ, пріобрѣли движенію массу сторонниковъ въ рабочей средѣ. Движеніе разрасталось. Рядомъ съ организаціями возникали рабочія газеты. Назрѣвала потребность въ объединенной организаціи. Съ этой цѣлью былъ основанъ въ 1873 г. „Швейцарскій Рабочій союзъ“ [1]). Задача его, какъ она опредѣлялась статутами, состояла „въ изысканіи средствъ для временнаго улучшенія участи рабочихъ и въ устройствѣ производительныхъ ассоціацій, посредствомъ которыхъ сдѣлается возможнымъ уничтоженіе всякаго классового господства и окончательная замѣна заработной платы полнымъ продуктомъ труда“. Союзъ былъ открытъ и для профессіональныхъ, и для политическихъ рабочихъ организацій и, такимъ образомъ, одновременно защищалъ интересы тѣхъ и другихъ.

Опытъ вскорѣ показалъ, что такое совмѣщеніе вредно отражается на развитіи рабочаго движенія. Участіе въ немъ

---

[1]) Обращаемъ вниманіе, что этотъ союзъ ничего общаго не имѣетъ съ „Рабочимъ Союзомъ“, учрежденнымъ въ 1887 г. и о которомъ говорилось выше.

относительно большого контингента иностранцевъ-рабочихъ которые, какъ таковые, въ политической жизни страны никакой роли играть не могутъ, не допускало объединенія экономическихъ и политическихъ интересовъ пролетаріата въ одной общей организаціи. Попытка выдѣлить въ рамкахъ „Рабочаго союза“ швейцарцевъ въ отдѣльную отъ иностранцевъ группу, которая преслѣдовала бы свои собственныя политическія задачи, не увѣнчалась успѣхомъ. Пришлось, въ виду этихъ условій, создать особую организацію для профессіональнаго и спеціальную—для политическаго движенія. Въ 1880 г. „Рабочій союзъ“ былъ распущенъ. Его мѣсто заняли швейцарскій „Профессіональный союзъ“ и швейцарская соціалъ-демократическая партія. Съ этого момента организаціонная исторія швейцарской соціалъ-демократіи раздвигается.

Первые статуты „Профессіональнаго союза“ такъ опредѣляютъ его цѣль: „поддержка соціально-экономическихъ интересовъ трудящагося народа и конечное завоеваніе всеобщаго и равнаго пользованія землею и средствами производства“. При пересмотрѣ статутовъ въ 1891 г. этотъ пунктъ получилъ слѣдующую формулировку: „развитіе профессіональныхъ организацій, защита соціально-экономическихъ интересовъ рабочаго класса, освобожденіе его отъ системы наемнаго труда и обобществленіе орудій и средствъ производства, сообразно программѣ соціалъ-демократіи“.

Статуты оставались неизмѣнными вплоть до 1900 г., когда „Профессіональный союзъ“ былъ „нейтрализованъ“, т. е. лишенъ своего политическаго характера и направленія. Пунктъ первый принятаго въ этомъ году устава не говоритъ больше ни слова объ обобществленіи средствъ и орудій производства,—говорится лишь о созданіи сильной рабочей организаціи на всю Швейцарію для борьбы съ мастерами и крупными фабрикантами. Это было сдѣлано въ расчетѣ привлечь въ ряды союза католическія рабочія организаціи; расчетъ, однако, совершенно не оправдался. Въ настоящее время въ „Профессіональномъ союзѣ“ числится около 28.000 членовъ, не считая организацій, стоящихъ внѣ его. Органъ союза „Голосъ рабочихъ“ („Arbeiterstimme“) выходитъ два раза въ недѣлю и имѣетъ 4.000 подписчиковъ. Въ 1899 г. союзъ учредилъ собственный постоянный секретаріатъ, много способствовавшій его усиленію.

Распаденіе „Рабочаго союза“ и его раздѣленіе на двѣ части ослабило соціалъ-демократическую партію. Формально въ ней объединялась лишь незначительная часть рабочихъ соціалъ-демократовъ. Въ массѣ своей они фактически оста-

вались въ „Профессіональномъ союзѣ“. Много соціалистовъ было уже въ то время въ „Союзѣ Грютли“. Благодаря этимъ причинамъ, партія не могла пріобрѣсти самостоятельнаго политическаго значенія. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше ощущалась необходимость въ единомъ политическомъ руководствѣ. Въ 1883 г. три организаціи: „Союзъ Грютли“, соціалъ-демократическая партія и профессіональный союзъ составили одинъ общій „Комитетъ дѣйствія“ (Actionskomitet). Но эта палліативная мѣра никого не удовлетворила, и въ 1888 г., по иниціативѣ „Комитета“, партія была организована на новыхъ началахъ. Шагъ впередъ, сдѣланный въ этомъ году по сравненію съ предыдущимъ, выразился въ болѣе точномъ формулированіи соціалъ-демократическихъ идей. Организаціонное же сплачиваніе далеко еще тогда не закончилось. Лишь на всеобщемъ соціалъ-демократическомъ конгрессѣ 21 сентября 1901 г. дѣло партійнаго строительства было приведено къ концу. По статутамъ партіи, принятымъ на этомъ конгрессѣ, партія составляется: 1) изъ швейцарскаго „Союза Грютли“; 2) изъ кантональныхъ рабочихъ и партійныхъ союзовъ; 3) изъ мѣстныхъ рабочихъ „уній“ [1]) и партійныхъ союзовъ, если они не принадлежатъ уже къ партіи, въ качествѣ членовъ кантональныхъ организацій; 4) изъ отдѣльныхъ организацій, если въ данномъ кантонѣ или данной мѣстности нѣтъ соотвѣтствующихъ партійныхъ кантональныхъ или мѣстныхъ союзовъ, куда бы эти организаціи могли вступить, какъ члены. Всѣ эти союзы и организаціи объединяются въ одну партію лишь на почвѣ общесоюзной политики; въ дѣлахъ же кантональныхъ и мѣстныхъ они пользуются неограниченной самостоятельностью.

Классовое развитіе швейцарскаго пролетаріата лучше всего отразилось въ духовной исторіи „Союза Грютли“. Какъ чисто національный союзъ, онъ находился внѣ всякаго вліянія со стороны болѣе революціонныхъ, политически болѣе развитыхъ нѣмецкихъ рабочихъ-эмигрантовъ и на всемъ протяженіи своей исторіи сохранялъ свою самобытную физіономію.

Основаніе „Союза Грютли“ было заложено еще въ 1836 г. Это не былъ чисто рабочій союзъ ни по своему составу, ни по своимъ задачамъ. Большинство его членовъ рекрутировалось, правда, изъ рабочаго класса, но въ немъ было много и мелкобуржуазныхъ элементовъ: ремесленниковъ, торговцевъ и проч. „Союзу Грютли“ не только не были чужды интересы рабочаго класса,—онъ вообще былъ поли-

[1]) Въ нѣкоторыхъ городахъ Швейцаріи всѣ соціалъ-демократическія организаціи объединены въ одинъ мѣстный союзъ, который называется „уніей“.

тически индиферентенъ и эту индиферентность сохранялъ даже въ бурную эпоху „возрожденія“ 30-хъ и 40-хъ г.г. Онъ охотно называлъ себя „моральнымъ народнымъ союзомъ“, а высшее свое назначеніе усматривалъ въ нравственномъ воспитаніи всѣхъ гражданъ и въ скрѣпленіи ихъ узами симпатіи и дружбы. Борьбу партій „Союзъ Грютли“ не признавалъ, считалъ ее крайне вредной, такъ какъ только поученіями и убѣжденіями можно достигнуть взаимнаго пониманія,—борьба же лишь отчуждаетъ людей другъ отъ друга. Физіономія союза ярко обрисовывается изъ слѣдующаго очень характернаго факта временъ Зондербундскаго конфликта. Внѣшнимъ поводомъ къ нему послужило призваніе іезуитовъ въ Люцернъ. Послѣ неудачнаго волонтерскаго похода, предпринятаго въ протестантскихъ кантонахъ (въ 1846 г.) съ цѣлью оказать давленіе на католическое люцернское правительство, послѣднее распустило мѣстную грютліанскую организацію. И въ то время, когда революціонная буржуазія съ оружіемъ въ рукахъ старалась низвергнуть реакціонный режимъ, центральное правленіе „Союза Грютли“ пыталось добиться отмѣны правительственнаго распоряженія увѣреніями, что „никто изъ членовъ союза въ томъ насиліи участія не принималъ и вообще не можетъ быть заподозрѣнъ въ революціонномъ образѣ мысли“...

Поворотъ въ воззрѣніяхъ союза наступилъ послѣ Зондербундской войны и послѣдовавшихъ за ней событій, растолкавшихъ наиболѣе индиферентные элементы Швейцаріи и заставившихъ ихъ занять то или иное отношеніе къ вопросамъ, волновавшимъ въ то время ея политическій міръ. Но и въ новой фазѣ своего развитія „Союзъ Грютли“, состоявшій уже въ подавляющемъ большинствѣ изъ рабочихъ, далекъ былъ отъ классовой пролетарской политики. Прогрессъ выразился въ томъ, что онъ вообще пробудился отъ своего долгаго политическаго сна, отъ сентиментальныхъ фразъ къ политической дѣятельности. Сама-же эта дѣятельность заключалась въ „устной и печатной поддержкѣ свободомыслящихъ стремленій отечества“. Союзъ, слѣдовательно, цѣликомъ шелъ за либерально-радикальными партіями. Въ политическомъ отношеніи онъ защищалъ требованія буржуазной демократіи. Экономическая программа исходила изъ возможности примиренія интересовъ капитала и труда. Мирнымъ разрѣшеніемъ, а не борьбой можно устранить соціальныя противорѣчія. А лучшимъ средствомъ для этого служитъ основательная профессіональная выучка рабочаго.

Дѣятельность Интернаціонала и соціалъ-демократическихъ профессіональныхъ организацій поставила „Союзъ Грютли“

предъ совершенно новыми вопросами. Первое ихъ рѣшеніе было принято еще въ духѣ доброй старины. Предложеніе присоединиться къ Интернаціоналу было отклонено, точно такъ же, какъ пять лѣтъ спустя (въ 1873 г.) „Союзъ Грютли“ отказался вступить въ „Швейцарскій Рабочій союзъ“. Но умственное броженіе и идейная борьба между умѣренной и болѣе крайней частями союза уже начались. Отдѣльныя секціи, несмотря на отказъ союза, присоединились къ Интернаціоналу. Рѣшительный переломъ произошелъ при борьбѣ за фабричный законъ 1877 г. Законъ былъ принятъ въ союзномъ собраніи, но 54.844 подписи потребовали народнаго референдума. Понадобилась упорная и ожесточенная борьба, чтобы спасти законъ отъ посягательствъ капиталистовъ. И въ этой борьбѣ весь пролетаріатъ Швейцаріи былъ впервые въ практикѣ политической жизни поставленъ лицомъ къ лицу съ своими общественными врагами. Одинъ этотъ крупный политическій опытъ сдѣлалъ больше, чѣмъ много лѣтъ агитаціи, и тысячи рабочихъ, получившихъ этотъ урокъ, поняли свое классовое положеніе. Начиная съ этого времени, соціалистическіе элементы въ „Союзѣ Грютли“ получаютъ перевѣсъ надъ мелкобуржуазными, и весь союзъ въ цѣломъ постепенно подвигается въ сторону соціалъ-демократіи. Первое внѣшнее выраженіе этой внутренней эволюціи было дано въ 1892 г., когда союзъ офиціально заявилъ о своей солидарности съ соціалъ-демократіей. Формальный и окончательный переходъ его въ лагерь соціалъ-демократической партіи, вступленіе въ общепартійную организацію совершилось только въ концѣ 1901 года.

Всѣ эти постепенныя приближенія „Союза Грютли“ къ пониманію своихъ классовыхъ интересовъ сопровождались каждый разъ уменьшеніемъ числа его членовъ. Въ 1890 г. въ союзѣ было 16.391 чел., въ 1895 г. — уже только 12.439 чел., а послѣ 1901 г. число членовъ понизилось еще до 10.000. Чуждые соціалъ-демократіи элементы оставляли становившуюся имъ чужой организаціонную храмину.

Однако, долголѣтнее организаціонно-политическое сожительство съ мелкобуржуазными элементами не прошло безслѣдно для рабочихъ „Союза Грютли“. Если соціалъ-демократическая партія въ цѣломъ отличается отъ германской соціалъ-демократіи меньшей принципіальной выдержанностью своей классовой позиціи, то внутри самой партіи „Союзъ Грютли“ составляетъ ея правое оппортунистическое крыло. Болѣе революціонное направленіе опирается на хотя и „нейтрализованныя“, но фактически находящіяся въ рядахъ соціалъ-демократіи профессіональныя организаціи. Тра-

диціи Интернаціонала, иное прошлое, сильная примѣсь иностранныхъ рабочихъ объясняютъ это явленіе.

Послѣдній конгрессъ партіи, состоявшійся въ ноябрѣ 1904 г., далъ поводъ заговорить о „двухъ методахъ, направленіяхъ“ въ швейцарской соціалъ-демократіи. Во время нѣкоторыхъ лѣтнихъ стачекъ этого года правительство вызвало войска „для поддержанія порядка“. Штурмъ негодованія и рѣзкое порицаніе правительства — таковъ былъ отвѣтъ соціалъ-демократической прессы и массы рабочихъ собраній. „Грютліанеръ“ же, прежде органъ „Союза Грютли“, съ 1901 г.—центральный органъ партіи, нашелъ возможнымъ оправдать правительственное мѣропріятіе. На самомъ конгрессѣ многіе делегаты выражали свое недовольство по поводу слишкомъ примирительной политики парламентской фракціи. „Мы желаемъ въ парламентѣ,—говорилъ одинъ изъ нихъ,—борцовъ, а не дипломатовъ“.

Не подлежитъ сомнѣнію, что процессъ идейнаго сплоченія швейцарской соціалъ-демократіи не завершился еще и до настоящаго времени. Мы видѣли, какъ отражается на дѣятельности и политическихъ группировкахъ господствующихъ классовъ ростъ рабочаго движенія. Но нужно отмѣтить и обратное явленіе. По мѣрѣ того, какъ обнажается классовый характеръ буржуазной политики, какъ все чаще акты классовой политики опровергаютъ фразы о единеніи классовъ,—въ средѣ соціалъ-демократіи происходитъ болѣе интенсивная организаціонная концентрація, и замѣчается болѣе ясное и отчетливое пониманіе своихъ классовыхъ интересовъ.

Конгрессъ 1904 г. далъ объединенной партіи новую программу. За „декларацією принциповъ“ слѣдуетъ характеристика буржуазнаго общества и основъ того будущаго строя, къ которому партія стремится. Далѣе указывается „путь къ соціализму“. Въ этомъ III отдѣлѣ общей части программы оригинальна аграрная политика партіи. Въ отличіе отъ программъ соціалъ-демократическихъ партій другихъ странъ, швейцарская соціалъ-демократія добивается обобществленія не всѣхъ орудій и средствъ производства, оставляя землю въ частной собственности крестьянъ. Особенности соціально-экономическихъ отношеній Швейцаріи здѣсь снова проявляются. Въ ея сельскомъ хозяйствѣ, съ преобладающей формой мелкаго землевладѣнія, не создались еще, говоритъ программа, тѣ „предварительныя условія“, которыя позволили бы перейти къ „общественному производству“. Въ виду

этого, партія требуетъ государственной помощи мелкокрестьянскому хозяйству, которая доставила бы ему всѣ преимущества крупнаго производства, а именно: лучшее раздѣленіе полей, артельное скотоводство, примѣненіе машинъ и т. д. Постепенный переходъ къ земледѣльческимъ производительнымъ ассоціаціямъ создастъ необходимыя экономическія предпосылки для превращенія земли въ общественную собственность.

Практическая часть программы состоитъ изъ 20 пунктовъ, относящихся къ самымъ разнообразнымъ сторонамъ общественно-политической жизни Швейцаріи. Мы изложимъ основное содержаніе важнѣйшихъ изъ этихъ пунктовъ. Партія требуетъ:

Для дальнѣйшаго развитія демократіи: пропорціональнаго представительства; избранія законодательныхъ, административныхъ и судебныхъ учрежденій народомъ, обязательнаго референдума; законодательной инициативы; децентрализаціи союзнаго управленія; автономіи коммунъ; облегченія натурализаціи иностранцевъ; отдѣленіе церкви отъ государства.

Уравненія мужчины и женщины въ публичномъ и частномъ правѣ и, какъ начала для этого: распространенія активнаго и пассивнаго избирательнаго права женщины на школьныя и церковныя власти, на учрежденія, заботящіяся о бѣдныхъ.

Для защиты свободныхъ правъ личности: отмѣны союзной прокуратуры и политической полиціи; дѣйствительной охраны, гарантированной уголовнымъ законодательствомъ, свободы мнѣнія, прессы, собраній, союзовъ и стачекъ.

Демократизаціи военнаго дѣла, а съ этой цѣлью: избранія офицеровъ солдатами, одинаковаго содержанія тѣхъ и другихъ; отмѣны военнаго судебнаго производства въ мирное время; поддержки семействъ во время службы корпильца.

Въ области налогового законодательства партія будетъ бороться съ косвенными налогами и съ покровительственной таможенной политикой и требуетъ: прогрессивнаго обложенія имуществъ и доходовъ въ государствѣ и коммунѣ; налога на наслѣдства.

Далѣе въ рядѣ пунктовъ говорится о школьномъ и профессіональномъ образованіи, о средствахъ къ поднятію духовнаго и нравственнаго уровня народа, о реформѣ уголовнаго и гражданскаго права и судопроизводства, объ общественной гигіенѣ и жилищномъ вопросѣ (квартирная инспекція, устройство коммунами дешевыхъ жилищъ), о государ-

ственномъ страхованіи на случай болѣзни, старости и инвалидности и о регулированіи законодательства о бѣдныхъ.

Въ области рабочаго законодательства партія добивается: ограниченія рабочаго дня сначала 10, а потомъ постепенно до 8 часовъ; запрещенія труда дѣтей моложе 15 лѣтъ; отмѣны штрафовъ; привлеченія рабочихъ и работницъ къ участію въ фабричной инспекціи; всеобщаго запрещенія воскресной работы; ограниченія и регулированія работы на дому; поддержки безработныхъ и т. д.

Наконецъ, партія выступаетъ за монополизацію табачнаго производства, водяныхъ силъ страны, хлѣбной торговли и мукомольнаго дѣла; за муниципализацію городскихъ трамваевъ, газовыхъ, водяныхъ и электрическихъ мастерскихъ, за учрежденіе коммунальныхъ скотобоенъ, молочныхъ и булочныхъ.

Такова въ самомъ бѣгломъ изложеніи программа, которая, по выраженію швейцарцевъ—соціалъ-демократовъ, какъ бы „изъ одного куска отлита“ и удивительно приспособлена къ швейцарскимъ отношеніямъ.

М. Панинъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ОСНОВЫ ИЗБИРАТЕЛЬНАГО ПРАВА ВЪ ЕВРОПѢ И АМЕРИКѢ.

I.

Происхожденіе и основанія избирательнаго права.

Въ древнихъ демократіяхъ дѣлами государства завѣдывало народное собраніе, на которое сходились всѣ свободные граждане государства, только рабы не имѣли туда доступа. Такъ было въ древнихъ Аѳинахъ, такъ было въ Римѣ, и такъ было и у насъ въ Новгородской, Псковской, Вятской, Кіевской и другихъ первоначальныхъ республикахъ. Но такое непосредственное пользованіе своими политическими правами совершенно не соотвѣтствуетъ ни громаднымъ размѣрамъ современныхъ государствъ, ни другимъ условіямъ ихъ жизни. Непосредственно всенароднымъ собраніемъ обсуждаются законы и избираются должностныя лица въ настоящее время лишь въ четырехъ кантонахъ Швейцаріи (Ури, Гларусѣ, Аппенцелѣ, Унтервальденѣ), которые по численности своего населенія и по своей географической протяженности не превосходятъ нашу волость. Во всѣхъ остальныхъ современныхъ государствахъ Зап. Европы и Америки, не исключая и другихъ швейцарскихъ кантоновъ и всего Швейцарскаго Союза въ цѣломъ, на смѣну непосредственности явилось представительство. Не имѣя практической возможности сходиться вмѣстѣ для обсужденія общихъ дѣлъ, граждане выбираютъ изъ своей среды особыхъ лицъ,—делегатовъ или депутатовъ,—которые, являясь представителями ихъ интересовъ и убѣжденій, вмѣсто нихъ обсуждаютъ и рѣшаютъ общественныя дѣла.

Представительство явилось на смѣну непосредственнаго обсужденія общественнаго дѣла, но развилось оно прямо изъ народныхъ собраній только въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи. Въ другихъ государствахъ оно появилось позднѣе, послѣ того, какъ эти государства пережили болѣе или менѣе продолжительную эпоху феодализма, совершенно не признававшаго правъ народа на участіе въ управленіи государствомъ, и эпоху болѣе или менѣе сильной царской

власти. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ короли сами созывали народныхъ представителей, чтобы добиться у нихъ согласія на новые налоги или для какихъ-нибудь другихъ цѣлей; такъ было, напримѣръ, во Франціи, гдѣ Филиппъ Красивый въ 1302 г. созвалъ генеральные штаты, состоявшіе изъ выборныхъ представителей отъ различныхъ сословій государства; такъ было въ Россіи, гдѣ цари стали созывать земскіе соборы; эти земскіе соборы не имѣли прямой связи съ первоначальными народными вѣчами, какъ генеральные штаты во Франціи не имѣли связи съ первоначальными народными собраніями. Но и эти сословно-представительныя учрежденія въ большинствѣ случаевъ исчезали, лишь только окрѣпшая королевская власть оказывалась въ силахъ окончательно узурпировать народныя права. Въ другихъ случаяхъ народъ добивался созыва народныхъ представителей посредствомъ возстанія или войны; такъ было въ Англіи.

Какъ бы то ни было, но уже средніе вѣка знаютъ широко развитое народное представительство, созываемое для законодательства или для участія въ управленіи государствомъ. Средніе вѣка признавали какія бы то ни было права за человѣкомъ только постольку, поскольку этотъ человѣкъ былъ членомъ сословія, и въ соотвѣтствіи съ этимъ выработалось представительство сословное. Въ сеймахъ того времени, какъ-то: польскомъ сеймѣ, французскихъ генеральныхъ штатахъ, германскихъ ландтагахъ засѣдали исключительно представители сословій, какъ таковыхъ. Такіе сословные сеймы процвѣтали вплоть до великой революціи, и послѣдніе французскіе генеральные штаты, избранные въ 1789 г. и скоро обратившіеся въ учредительное собраніе, совершившее революцію, были выбраны на той же сословной основѣ.

Только въ Англіи народное представительство съ самаго начала не имѣло сословнаго характера—и то благодаря тому, что сословное начало нашло свое выраженіе въ раздѣленіи англійскаго парламента на двѣ палаты. Когда въ XIII вѣкѣ правительство принуждено было обратиться къ народу для совѣщанія объ общихъ государственныхъ дѣлахъ, то были призваны по два рыцаря (т. е. землевладѣльца не изъ самыхъ крупныхъ) отъ каждаго графства и по два горожанина отъ каждаго города. Рыцари и горожане совѣщались сообща. Высшее же дворянство собиралось и совѣщалось особо въ верхней палатѣ или палатѣ лордовъ, которая развилась постепенно изъ издавна существовавшаго королевскаго совѣта; она пережила вѣка и сохранилась донынѣ, никогда не сливаясь съ нижней палатой или палатой общинъ. Для выборовъ членовъ палаты общинъ отъ графствъ созывались такъ

называемые съѣзды графствъ. На нихъ имѣли право являться всѣ мѣстные жители, не исключая и мелкаго крестьянства, зависимаго отъ крупныхъ владѣльцевъ, не исключая даже женщинъ и дѣтей; послѣднія, правда, безъ права голоса. Сколько-нибудь правильнаго голосованія не происходило и, слѣдовательно, даже тѣ изъ присутствующихъ, кто не имѣлъ голоса, въ дѣйствительности своими криками могли содѣйствовать избранію или неизбранію того или иного лица. Кто-нибудь, знатный или сильный, предлагалъ своего кандидата. Собраніе громко выражало свое одобреніе или неодобреніе. Если протестъ исходилъ отъ людей вліятельныхъ или отъ какой-нибудь сплоченной группы, или выражался слишкомъ громко, внушительно и грозно, то предложенную кандидатуру брали назадъ и замѣняли другой; если напротивъ, протестъ исходилъ отъ людей не вліятельныхъ, то кандидатура проводилась, несмотря даже на то, что при правильномъ голосованіи кандидатъ, можетъ быть, не смогъ бы собрать большинства голосовъ. Совершенно естественно, что подобная система избранія нерѣдко оканчивалась дракой или настоящимъ сраженіемъ, почти всегда открывала просторъ различнымъ злоупотребленіямъ и признавая въ теоріи всенародность избранія, въ дѣйствительности давала перевѣсъ людямъ сильнымъ, т. е. мѣстнымъ баронамъ и шерифамъ (мѣстной полицейской власти). Короли стремились обезпечить нѣкоторыя права низшимъ классамъ народа, на которые они опирались въ ихъ борьбѣ съ аристократіей. По закону 1406 г., проведенному черезъ парламентъ по настоянію короля, было запрещено при выборахъ прибѣгать къ угрозамъ или просьбамъ; имена избранныхъ должны были заноситься въ протоколъ немедленно послѣ избранія, протоколъ долженъ былъ удостовѣряться приложеніемъ печати присутствовавшихъ избирателей. Черезъ 4 года была введена особенная провѣрка отчетовъ о выборахъ посредствомъ присяжныхъ судей, которымъ предоставлялось привлекать къ отвѣтственности виновныхъ въ злоупотребленіяхъ. Но подобныя мѣропріятія очень мало достигали своей цѣли.

Закономъ 1429 г., изданнымъ англійскимъ парламентомъ съ согласія короля, былъ опредѣленъ составъ избирателей. Было установлено, что избирателями могутъ быть только лица, владѣющія недвижимымъ имуществомъ, дающимъ чистый доходъ (за вычетомъ податей) не менѣе 40 шиллинговъ въ годъ. Это ограниченіе избирательнаго права касалось только выборовъ въ графствахъ, т. е. въ деревняхъ; на города оно не распространялось, и только для нихъ вообще до

самаго послѣдняго времени (1832 г.) не было какихъ-либо общихъ постановленій; каждый городъ самъ установлялъ свои правила выборовъ, но въ дѣйствительности постановленіе о 40-шиллинговомъ цензѣ постепенно распространилось и на большую часть городовъ. Ограничивъ очень значительно избирательное право, лишивъ его массу бѣдняковъ, въ дѣйствительности законъ 1429 г. не былъ уже такимъ крупнымъ шагомъ назадъ, какъ это можетъ показаться: онъ лишилъ права голоса лишь тѣхъ, кто имъ и безъ того почти не пользовался. Этимъ закономъ было установлено, что избраніе должно производиться по большинству поданныхъ и правильно сосчитанныхъ голосовъ, хотя-бы большинство было относительное (если голоса разбивались между тремя, четырьмя или болѣе лицами, что случалось рѣдко, то абсолютнаго большинства не требовалось; этотъ порядокъ въ Англіи сохранился и понынѣ). Голосованіе производилось сначала поднятіемъ рукъ, что допускало всевозможныя злоупотребленія при подсчетѣ; позднѣе вошло въ обычай правильное веденіе протоколовъ особыми лицами, которые заносили въ нихъ каждый поданный голосъ, голоса же подавались устно и, слѣдовательно, открыто. Законъ 1429 г. установилъ, такимъ образомъ, порядокъ и значительную правильность при подачѣ голосовъ, создалъ понятіе, что участіе въ голосованіи есть право на участіе въ управленіи государствомъ, которое связывается съ опредѣленнымъ имуществомъ, и что право это очень цѣнно. Изъ этого сравнительно нетрудно было сдѣлать выводъ, что его могутъ добиваться и другіе слои народа. Выводъ этотъ, однако, былъ сдѣланъ не раньше, чѣмъ черезъ два вѣка.

Такимъ образомъ, средніе вѣка создали двѣ системы народнаго представительства: систему сословную и систему цензовую (основанную на имущественномъ цензѣ). Всеобщее голосованіе, существовавшее въ первоначальныхъ демократіяхъ, сохранявшееся въ Англіи, какъ мы видѣли (по крайней мѣрѣ въ теоріи), вплоть до 1429 г., исчезло въ средніе вѣка и вновь появилось только на рубежѣ новаго времени (въ XVII в.), первоначально въ той же Англіи и въ ея колоніяхъ въ Америкѣ.

Въ настоящее время сословное представительство доживаетъ свои послѣдніе дни. Оно еще сохраняется во многихъ верхнихъ палатахъ западно-европейскихъ парламентовъ (напр., въ англійской палатѣ лордовъ), но въ нижнихъ палатахъ или въ парламентахъ однопалатныхъ оно почти совершенно исчезло, и только финляндскій сеймъ, да ландтаги нѣкоторыхъ германскихъ государствъ являются донынѣ въ боль-

шей или меньшей степени сословными. Такъ, напр., ландтагъ Мекленбурга состоитъ изъ старшихъ членовъ всѣхъ дворянскихъ семействъ страны, каковыхъ въ ней числится около 1.000; они засѣдаютъ въ немъ не по праву избранія, а исключительно по праву рожденія; только 48 депутатовъ, избранныхъ нѣкоторыми привилегированными городами, пробиваютъ слабую, едва замѣтную брешь въ этой архаической организаціи.

Система имущественнаго ценза, возникшая первоначально въ Англіи, оттуда перешла въ Америку, въ концѣ XVIII вѣка привилась во Франціи, изъ нея въ теченіе XIX вѣка распространилась по всей Европѣ, гдѣ и въ настоящее время играетъ весьма значительную роль. Палаты депутатовъ англійскаго, итальянскаго, шведскаго и многихъ другихъ парламентовъ избираются на основѣ имущественнаго ценза.

Въ XVII вѣкѣ во время междоусобной войны въ Англіи возродилась идея всеобщаго голосованія. На военномъ совѣтѣ въ арміи Кромвеля въ 1647 г., когда обсуждался вопросъ о реорганизаціи государства, были рѣшительные сторонники всеобщаго голосованія. Уже тогда его сторонники выставили тѣ аргументы въ защиту всеобщаго избирательнаго права, которые и въ настоящее время являются рѣшающими. Люди равны, говорилось тогда; всѣ люди служатъ государству, платятъ въ его пользу повинности; жертвуютъ для него своею жизнью; необходимо, чтобы человѣкъ чувствовалъ свою связь съ государствомъ: для этого онъ долженъ не только нести повинности, но имѣть свою долю участія въ управленіи государствомъ и въ расходованіи тѣхъ средствъ, которыя собираются съ него.

Тогда же на томъ же совѣтѣ противники всеобщаго избирательнаго права выставили свои лучшіе аргументы въ защиту цензового избирательнаго права. Только обладающіе какимъ-нибудь имуществомъ дѣйствительно связаны съ государствомъ; только они дѣйствительно заинтересованы въ хорошемъ его управленіи, и только они могутъ серьезно относиться къ нуждамъ и интересамъ государства; дать право голоса всѣмъ — это значитъ передать власть въ руки черни, завистливой и жадной, которой нечего сохранять, которой нечего оберегать, у которой нѣтъ никакихъ интересовъ, связывающихъ ее со свободой, независимостью и благосостояніемъ государства, которая не нуждается въ сохраненіи порядка; равенство голоса для всѣхъ неизбѣжно ведетъ къ отрицанію права собственности.

Конституція, выработанная Кромвелевскимъ военнымъ совѣтомъ, признала въ концѣ концовъ почти всеобщее изби-

рательное право; но эта конституція не осуществилась, и послѣ окончанія междоусобной войны въ Англіи возстановилась система выборовъ, установленная закономъ 1429 г., и просуществовала лишь съ частичными измѣненіями вплоть до перваго билля о парламентской реформѣ 1832 г.

Правильное всеобщее голосованіе было впервые осуществлено въ сѣверо-американской колоніи (нынѣ штатѣ) Пенсильваніи въ 1681 г., гдѣ оно съ тѣхъ поръ существуетъ и понынѣ, въ то время, когда въ сосѣднихъ съ нею американскихъ колоніяхъ господствовала система цензовыхъ выборовъ, лишь впослѣдствіи уступившая мѣсто всеобщему голосованію. Всеобщность голосованія, впрочемъ, нарушалась рабствомъ, которое хотя въ Пенсильваніи и не было особенно распространено, однако, все же существовало; рабы, конечно, правомъ голоса не пользовались.

Въ концѣ XVIII вѣка въ эпоху великой революціи во Франціи идея всеобщаго голосованія пустила глубокіе корни. Она тамъ была связана съ идеей правъ человѣка и гражданина. Права принадлежали уже человѣку не какъ члену опредѣленнаго сословія, а просто какъ человѣку, и въ число этихъ правъ входило право участія въ управленіи тою общественной организаціей, къ которой онъ принадлежитъ, т. е. государствомъ. Однако, изъ этой демократической идеи логическій выводъ о всеобщемъ голосованіи, какъ единственной нормальной основѣ избирательной системы, былъ сдѣланъ не сразу. Напротивъ, законодательное собраніе, смѣнившее учредительное, было избрано на основѣ имущественнаго ценза, хотя и невысокаго: активными гражданами, имѣющими право голоса, были плательщики податей не ниже стоимости трехдневнаго заработка рабочаго. Лишены права голоса, такимъ образомъ, лишь круглые бѣдняки, но все-таки, слѣдовательно, не личность человѣка, а лишь доходъ или платежи податей признанъ основаніемъ для участія въ управленіи государства.

Конституція 1793 г. установила всеобщее голосованіе, но конституція 1793 г. не успѣла вступить въ силу, какъ была замѣнена конституціей 1795 г. или такъ называемой конституціей III-го года республики, которая опять возстановила имущественный цензъ. Цензъ измѣнялся, послѣ реставраціи королевской власти Бурбоновъ (1815—30) онъ достигалъ громадныхъ размѣровъ: избирателями признавались только лица, платящія не менѣе 300 франковъ прямыхъ податей, такъ что избирателей оказывалось только 80.000 человѣкъ на всю страну, насчитывавшую почти 30 милл. жителей. Революція 1830 г. понизила этотъ цензъ до 200 фран-

ковъ, чѣмъ удвоила число избирателей, и, наконецъ, революція 1848 г. отмѣнила его вовсе, возстановивъ всеобщее голосованіе. Всеобщее голосованіе принято и нынѣшней французской конституціей 1875 года.

Такимъ образомъ, въ настоящее время при выборахъ въ парламентъ дѣйствуютъ три избирательныхъ системы. Одна основывается на принципѣ равенства всѣхъ людей и на правѣ всѣхъ людей участвовать въ управленіи тѣмъ государствомъ, къ которому они принадлежатъ: другая связываетъ право на участіе въ управленіи государствомъ съ обладаніемъ извѣстнымъ имуществомъ (система имущественнаго ценза), третья, наконецъ, доживающая свои послѣдніе дни, связываетъ это право съ принадлежностью человѣка къ опредѣленному сословію.

Въ наукѣ государственнаго права ведется довольно оживленный споръ на тему, является-ли участіе въ выборахъ правомъ или общественной функціей, подобной функціи присяжнаго засѣдателя. Большинство нѣмецкихъ консервативныхъ и умѣренно-либеральныхъ ученыхъ опредѣляетъ участіе въ выборахъ, какъ общественную функцію, тогда какъ писатели соціалистическаго направленія обыкновенно видятъ въ немъ право. Споръ этотъ имѣетъ, въ сущности, мало значенія и по большей части носитъ характеръ совершенно схоластическій. Назовемъ-ли мы участіе въ выборахъ правомъ или общественною функціею, характеръ его отъ этого нисколько не измѣнится до тѣхъ поръ, пока участіе въ выборахъ не сдѣлано обязательнымъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что участіе въ выборахъ имѣетъ мало сходства съ личнымъ (субъективнымъ) правомъ въ смыслѣ гражданскомъ: это не есть право, которое преслѣдуетъ личную цѣль и защищается государствомъ или закономъ въ личныхъ интересахъ; если это право, то право политическое, принадлежащее скорѣе человѣку только какъ гражданину государства и непосредственно преслѣдующее интересы государства, а не даннаго лица; лица-же лишь постольку, поскольку оно связано съ государствомъ и заинтересовано въ его благосостояніи. Въ этомъ смыслѣ участіе въ выборахъ можетъ быть разсматриваемо, какъ общественная функція гражданина. Но въ смыслѣ практическомъ оно есть право. Почти нигдѣ оно не является обязанностью, налагаемою на лицо государствомъ, чѣмъ является функція присяжнаго засѣдателя; почти нигдѣ за отказъ явиться къ избирательной урнѣ человѣка не ждетъ ни штрафъ, ни тюрьма. Напротивъ, всегда и всюду, гдѣ какая-нибудь часть

народа лишена участія въ выборахъ. она страстно борется за него, какъ за самое драгоцѣнное право.

Почти во всѣхъ нынѣшнихъ государствахъ избирательная система конструирована, какъ избирательное право, а не какъ избирательная обязанность. Въ древности участіе въ народныхъ собраніяхъ, вообще участіе въ государственныхъ дѣлахъ почти всегда было обязанностью, налагаемою обычаемъ, если не закономъ, а иногда и послѣднимъ; систематическое манкированіе этой обязанностью влекло для гражданина болѣе или менѣе непріятныя послѣдствія въ видѣ-ли каръ закона или въ видѣ презрительнаго отношенія къ нему со стороны согражданъ. Съ тѣхъ поръ, какъ непосредственное участіе въ государственныхъ дѣлахъ замѣнилось системой представительства, съ тѣхъ поръ всякія кары исчезли. Исключенія бывали въ средніе вѣка, существуютъ кое-гдѣ и нынѣ, но рѣдко. Французская революція признала участіе въ выборахъ однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ человѣка, выводя свой взглядъ на него изъ теоріи естественнаго права, и ей не приходило въ голову возлагать на гражданъ обязанность въ видѣ явки къ избирательной урнѣ. Граждане, которымъ закономъ дано право голоса, могутъ участвовать въ выборахъ или не участвовать по своему усмотрѣнію, и на практикѣ абсентеизмъ на выборахъ является всегда довольно значительнымъ. Такъ, въ Германіи на выборахъ въ рейхстагъ въ 1871 г. голосовало всего 51% избирателей, 49%, слѣдовательно, отказались отъ участія въ выборахъ; въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ округахъ процентъ участвующихъ въ выборахъ избирателей спускался еще ниже, доходя иногда до 19 и даже до 18%. Съ 1874 г. интересъ избирателей къ выборамъ сталъ подыматься, и на выборахъ 1903 г. число избирателей, принявшихъ участіе въ выборахъ, равнялось 76%, но 24% все-таки не сочли нужнымъ явиться къ избирательнымъ урнамъ. Въ Австріи участіе въ выборахъ еще гораздо ниже, въ особенности въ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ двухстепенная подача голосовъ; такъ напр., въ Далмаціи оно въ 1898 г. спустилось ниже 10%. Въ Англіи избиратели горячѣе относятся къ своимъ правамъ: на выборахъ въ палату общинъ въ 1906 г. въ Лондонѣ явились 77% избирателей, а въ остальной собственно Англіи даже 84%; въ графствахъ Вельса 78%, а въ городахъ Вельса 86%; въ графствахъ Ирландіи 85%, въ городахъ 76%; въ графствахъ и городахъ Шотландіи 80 и 82% [1]).

[1]) Высчитывались цифры, конечно, только для тѣхъ округовъ, въ которыхъ, дѣйствительно, происходили выборы (въ весьма большомъ числѣ

Однако, среди нѣкоторыхъ (немногихъ) изъ писателей, конструирующихъ участіе въ выборахъ, какъ общественную функцію, существуетъ наклонность рекомендовать введеніе обязательнаго вотума. Участіе въ выборахъ, разсуждаютъ они, есть общественная функція, отправляемая въ интересахъ не лица, а государства; совершенно естественно, что государство имѣетъ право требовать такого отправленія подъ страхомъ извѣстной кары за уклоненіе, какъ онъ это дѣлаетъ по отношенію къ функціи присяжныхъ засѣдателей. Вслѣдъ за этимъ теоретическимъ соображеніемъ слѣдуетъ обыкновенно и практическое соображеніе. Соціалъ-демократы или соціалисты вообще, какъ люди, борющіеся съ существующимъ строемъ, отличаются по общему правилу значительной энергіей. То же самое можно сказать о революціонерахъ или радикалахъ всѣхъ оттѣнковъ. Напротивъ, элементы консервативные бываютъ обыкновенно сравнительно индиферентны и инертны; имъ нѣтъ охоты мѣшаться въ страстную избирательную борьбу и тратить на нее время и душевную энергію, пока къ этому не побуждаетъ ихъ какая-либо близкая, грозящая имъ опасность. Поэтому представительство радикальныхъ элементовъ въ парламентахъ далеко превышаетъ дѣйствительное значеніе этихъ элементовъ въ странѣ. Если-бы было введено обязательное голосованіе, то эти элементы перестали бы пользоваться такимъ преимуществомъ.

Въ исторіи германскихъ выборовъ сторонники обязательнаго голосованія находятъ подтвержденіе своихъ взглядовъ въ томъ фактѣ, что въ моменты, когда подъ вліяніемъ какого-нибудь общественнаго возбужденія особенно увеличивается число голосующихъ, обыкновенно значительно усиливаются консервативныя или умѣренныя партіи. Такъ было, напр., въ 1887 г., когда число участвующихъ въ выборахъ поднялось съ 5.660.000 сразу до 7.540.000, и это оказалось особенно выгоднымъ консерваторамъ и національ-либераламъ. Однако, на слѣдующихъ выборахъ, имѣвшихъ мѣсто въ 1890 г., число участниковъ въ нихъ осталось почти неизмѣннымъ (уменьшилось до 7.228.000), а между тѣмъ, число консервативныхъ голосовъ пало, число соціалъ-демократи-

округовъ Англіи выставляется только одинъ кандидатъ, который, въ такомъ случаѣ признается избраннымъ „безъ оппозиціи“ и, слѣдовательно, безъ процедуры выборовъ); точно также здѣсь не приняты въ расчетъ тѣ округа, которые выбираютъ не одного, а сразу двухъ депутатовъ, такъ какъ расчетъ участія избирателей въ этихъ округахъ, основаніи публикуемыхъ данныхъ представляется особенно затруднительнымъ, даже невозможнымъ.

ческихъ, напротивъ, увеличилось почти вдвое: значительные кадры избирателей, впервые явившихся къ избирательнымъ урнамъ за три года передъ тѣмъ, передвинулись, такимъ образомъ, налѣво. Оказывается, слѣдовательно, что индиферентны были по преимуществу, дѣйствительно, консервативныя массы, но участіе въ выборахъ само по себѣ дало толчекъ ихъ политическому развитію налѣво. Вмѣстѣ съ тѣмъ такъ бываетъ не всегда: въ 1903 г. къ избирательнымъ урнамъ явилось тоже почти 2 милліона новыхъ избирателей, и цѣлая половина ихъ очутилась сразу въ лагерѣ соціалъ-демократіи.

Такимъ образомъ стремленіе къ введенію обязательнаго голосованія обыкновенно связывается съ опредѣленнымъ политическимъ стремленіемъ къ ослабленію радикальныхъ партій. Однако, изрѣдка подобные голоса раздаются и изъ крайняго лѣваго лагеря. Такъ, напр., нѣмецкіе молодые соціалъ-демократы, въ началѣ 90-хъ годовъ отдѣлившіеся отъ соціалъ-демократической партіи и сблизившіеся съ анархистами, очень охотно выставляли требованіе обязательнаго голосованія въ своей программѣ.

Въ настоящее время обязательное участіе въ выборахъ существуетъ въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи и въ Бельгіи. Въ послѣдней по закону 28 іюня 1894 г. избиратель, который по какимъ-либо причинамъ не можетъ принять участія въ выборахъ (болѣзнь или обязательное отсутствіе изъ мѣста жительства), долженъ въ извѣстный срокъ довести объ этомъ до свѣдѣнія мирового судьи, которому онъ обязанъ представить соотвѣтственныя доказательства. Въ случаѣ, если онъ этого не исполнитъ, или въ случаѣ, если мировой судья признаетъ его отговорки не заслуживающими вниманія, то индиферентный избиратель подвергается въ первый разъ штрафу въ размѣрѣ отъ 1—3 франковъ; при повтореніи этого проступка штрафу отъ 3—25 франковъ; ежели тотъ же избиратель провинится въ индиферентизмѣ по отношенію къ выборамъ въ третій разъ въ теченіе 10 лѣтъ, то онъ подвергается такому же штрафу, причемъ, сверхъ того, имя его вписывается на особенную доску, вывѣшиваемую въ публичныхъ мѣстахъ, а въ четвертый разъ онъ, сверхъ того, лишается избирательныхъ правъ на 10-лѣтній срокъ и права получить должность на государственной или общественной службѣ. Въ трехъ швейцарскихъ кантонахъ, въ которыхъ существуетъ такая же обязанность участвовать въ выборахъ, кары нѣсколько мягче. Во всѣхъ этихъ государствахъ избиратель обязанъ только заявить о своемъ желаніи участвовать въ выборахъ

посредствомъ явки къ избирательнымъ урнамъ, но имѣетъ полное право посредствомъ опусканія въ избирательную урну бѣлой (пустой) избирательной записки заявить, что онъ воздерживается отъ подачи голоса сознательно и намѣренно; въ этомъ законъ не видитъ ничего преступнаго.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напр., въ Цюрихскомъ кантонѣ нѣтъ обязанности голосовать, но тѣмъ не менѣе государство принимаетъ извѣстныя мѣры къ тому, чтобы уменьшить абсентеизмъ избирателей: тамъ каждый избиратель получаетъ заранѣе особенный бюллетень, напечатанный официальнымъ образомъ, который онъ долженъ заполнить, написавъ имена своихъ кандидатовъ, и опустить въ избирательную урну. Онъ можетъ этого не сдѣлать, но онъ во всякомъ случаѣ обязанъ возвратить избирательный бюллетень, правда, не непремѣнно въ самый день выборовъ, а хотя бы въ опредѣленный срокъ послѣ нихъ. На практикѣ это, впрочемъ, почти сводится къ тому же самому.

На практикѣ обязанность голосованія ведетъ къ тому, что возникаетъ довольно значительное число судебныхъ процессовъ. За неисполненіе этой обязанности довольно большое число людей подвергается карамъ, хотя и легкимъ, но еще большая освобождается отъ нихъ подъ разными, иногда весьма сомнительными предлогами, такъ какъ судьи обыкновенно признаютъ совершенную невозможность карать людей политически индиферентныхъ за ихъ индиферентизмъ, тѣмъ болѣе, что эти люди по большей части являются круглыми бѣдняками.

Нѣсколько иначе ставится вопросъ въ томъ случаѣ, когда выборы происходятъ двухстепеннымъ способомъ, т. е. когда выбираютъ депутатовъ парламента не непосредственно избиратели, а особые, ими выбранные, выборщики. Въ такомъ случаѣ участіе въ выборахъ для выборщика является уже обязанностью, взятою имъ на себя и притомъ взятою добровольно (такъ какъ онъ всегда имѣлъ право отказаться отъ возлагаемаго на него полномочія), и потому уклоненіе отъ явки къ избирательной урнѣ есть отказъ исполнить взятое на себя обязательство. Въ виду этого члены французскихъ муниципальныхъ совѣтовъ, не явившіеся къ выборамъ французскихъ сенаторовъ безъ достаточныхъ причинъ, подвергаются штрафу до 50 франковъ.

Что касается такъ называемаго пассивнаго избирательнаго права, т. е. права быть выбраннымъ, то здѣсь вопросъ стоитъ нѣсколько иначе. Въ средніе вѣка обязанность появленія въ парламентѣ для депутата была очень тяжелою повинностью, возлагавшейся на человѣка въ общественныхъ

интересахъ; тогда существовало постановленіе, въ силу котораго депутата, уклоняющагося отъ явки въ палату общинъ, приводили въ нее насильно. Такимъ образомъ, принятіе на себя званія депутата было обязанностью, за исполненіемъ которой слѣдила государственная власть. Подобный же взглядъ существуетъ въ настоящее время въ русской деревнѣ, гдѣ участіе въ волостномъ сходѣ точно такъ же, какъ функціи сельскаго старосты и волостного старшины, является иногда очень часто тяжелою повинностью, возлагаемою почти всегда *противъ воли* избраннаго лица. Но въ парламентарномъ правѣ существующихъ государствъ объ уклоненіи отъ принятія званія депутата не можетъ быть и рѣчи, потому что число людей, добивающихся этого званія, всегда слишкомъ велико.

Такимъ образомъ нѣтъ основаній думать, чтобы идея избирательной повинности, въ примѣненіи какъ къ активному, такъ и къ пассивному избирательному праву, сдѣлала бы какія-нибудь завоеванія на счетъ избирательнаго права.

Чтобы уяснить себѣ всякую избирательную систему, слѣдуетъ выяснить слѣдующіе главные вопросы:

1) Кто имѣетъ избирательное право, активное — право выбирать и пассивное — право быть избираемымъ. Другими словами, изъ кого состоитъ корпусъ избирателей. Въ тѣсной связи съ этимъ вопросомъ стоитъ вопросъ:

2) Какъ организовано избирательное право со стороны внутренней, т. е. пользуются-ли избиратели равными правами, или они организованы въ сословія, куріи или иныя группы и выборы происходятъ по этимъ группамъ; пользуются-ли также избиратели правами равными или неравными.

3) Какъ организовано избирательное право со стороны внѣшней, технической, и обезпечиваетъ-ли эта система дѣйствительное выраженіе воли избирателей, или она даетъ возможность какой-либо силѣ, посторонней избирателямъ (правительству или какому-нибудь общественному классу) вліять на исходъ выборовъ.

4) При какихъ внѣшнихъ условіяхъ происходятъ выборы (свобода агитаціи или ея отсутствіе).

Непосредственно избирательной системы не касается, хотя находится съ ней въ связи, объемъ правъ и предѣлы той свободы, которой пользуются въ представительныхъ собраніяхъ (парламентахъ) избранные депутаты или делегаты (неприкосновенность депутата, свобода его слова, а также и гласность парламентскихъ преній и т. д.)

II.

Избиратели.

Сословное избирательное право, какъ мы уже сказали, не играетъ сколько-нибудь замѣтной роли въ современномъ избирательномъ правѣ; оно сохранилось лишь въ финляндскомъ сеймѣ и въ верхнихъ палатахъ многихъ государствъ и несомнѣнно доживаетъ свои послѣдніе дни, хотя возможно, что въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, напр., въ Англіи, эти послѣдніе дни протянутся еще въ теченіе многихъ лѣтъ [1]).

Сословная избирательная система можетъ въ извѣстномъ смыслѣ слова быть въ то же время и всеобщей или, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе близкой къ ней; но при формальной всеобщности она всегда является не равной, такъ какъ нѣкоторыя общественныя группы по необходимости пользуются преимущественнымъ правомъ; избирательное же право другихъ сводится къ чистой фикціи. Когда въ государствѣ существуютъ сословія, то обыкновенно всѣ жители страны принадлежатъ къ тому или иному изъ нихъ, и законъ о выборахъ можетъ привлечь всѣхъ жителей страны (разумѣется, удовлетворяющихъ извѣстнымъ условіямъ, пола, возраста и т. п., о которыхъ рѣчь будетъ ниже) къ избирательнымъ урнамъ. Такъ, напр., знаменитые Генеральные Штаты, созванные во Франціи въ 1789 г., изъ которыхъ выросло революціонное учредительное собраніе, были выбраны на сословной почвѣ. Въ нихъ имѣли своихъ представителей во 1-хъ, дворянство, во 2-хъ, духовенство и въ 3-хъ, третье сословіе, къ которому принадлежалъ весь народъ, не входившій ни въ одно изъ первыхъ сословій. Правда, понятіе третьяго сословія не отличалось въ то время опредѣленностью, но регламентъ о выборахъ 1784 г. постановилъ, чтобы на первичныя избранія третьяго сословія „были призваны всѣ жители, принадлежащіе къ третьему сословію, прирожденные или натурализованные французы, достигшіе 25-лѣтняго возраста, имѣющіе законное мѣстожительство и включенные въ списокъ платящихъ налоговъ,

---

[1]) Въ настоящей статьѣ мы говоримъ преимущественно объ избирательной системѣ, какъ она организуется для выборовъ въ нижнія палаты парламентовъ (тамъ, гдѣ парламенты состоятъ изъ двухъ палатъ); однако, намъ нерѣдко придется касаться и избирательной системы въ верхнія палаты. Системы выборовъ въ органы мѣстнаго самоуправленія мы касаться не будемъ. Точно также въ настоящей статьѣ мы вовсе не намѣрены оцѣнить преимуществъ или недостатковъ и вообще значенія двухпалатной системы сравнительно съ системой однопалатной, точно также какъ роли верхнихъ палатъ въ системѣ парламентаризма.

для того, чтобы способствовать составленію наказовъ и назначенію депутатовъ". Выраженіе „всѣ жители, принадлежащіе къ третьему сословію" означало всѣ, не принадлежащіе къ сословіямъ духовенства или дворянства. Кромѣ ценза осѣдлости и ценза возрастного и также подразумѣвшаго ценза пола, здѣсь имѣлся также цензъ имущественный: „включенные въ списокъ платящихъ налоги". Но при тогдашнихъ условіяхъ это было именно почти всеобщее избирательное право, съ однимъ, впрочемъ, довольно существеннымъ ограниченіемъ: имъ призывались въ избирательныя собранія только главы семей, а не отдѣленные члены семей, живущіе вмѣстѣ съ домохозяевами, по большей части таковымъ правомъ не пользовались. Сверхъ того, исключенными оказывались немногіе бездомные люди, которые при тогдашнихъ условіяхъ, все равно, вѣроятно, не воспользовались бы своими правами. Только для Парижа спеціальнымъ регламентомъ было сдѣлано довольно серьезное ограниченіе, установившее платежъ подушной подати въ размѣрѣ не менѣе 6 ливровъ, какъ основаніе для избирательнаго права.

Итакъ, избирательное право было почти всеобщимъ, но первыя два сословія, вмѣстѣ къ которымъ принадлежало ничтожное количество людей, избирали половину членовъ Генеральныхъ Штатовъ, тогда какъ третье сословіе, т. е. вся масса народа избирала другую половину, а по первоначальнымъ предположеніямъ (которыя, благодаря революціонному настроенію третьяго сословія, не осуществились) слѣдовало ожидать, что въ Генеральныхъ Штатахъ голосованіе будетъ происходить по сословіямъ и не каждый депутатъ будетъ пользоваться отдѣльнымъ голосомъ, а каждое сословіе. Такимъ образомъ, духовенство и дворянство всегда имѣло бы перевѣсъ надъ представительствомъ народной массы [1]). Но такъ бываетъ далеко не всегда; обыкновенно сословное представительство не бываетъ всеобщимъ даже въ формальномъ смыслѣ слова.

Сеймъ Великаго Княжества Финляндскаго на основаніи сеймового устава 1869 г. состоитъ изъ представителей отъ четырехъ сословій: 1) рыцарства и дворянства, 2) духовенства, 3) горожанъ 4) и крестьянъ. Въ дворянскомъ сословіи выборовъ не производится. Старшій членъ старшей линіи каждаго дворянскаго рода пользуется правомъ засѣдать въ сеймѣ. Такихъ дворянскихъ родовъ имѣется въ Финляндіи

---

[1]) Оларъ. „Исторія французской революціи". Москва, 1902, стр. 37 и сл. А. Ону. „Наказы третьяго сословія во Франціи въ 1879 г.". „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія", № 8, стр. 5.

251; въ духовномъ сословіи архіепископъ и епископы засѣдаютъ по праву своего званія, остальные, числомъ 28, избираются по епархіямъ мѣстными духовными лицами. Кромѣ того, участіе въ выборахъ распространено на Гельсингфорскій университетъ (т. е. на его профессоровъ) и на преподавателей средне-учебныхъ заведеній: первые выбираютъ одного или, если сами пожелаютъ, двухъ депутатовъ, вторые выбираютъ по одному или, если сами пожелаютъ, по два отъ каждой изъ 4 епархій, на которыя дѣлится Финляндія. Эти 5—10 депутатовъ причисляются къ депутатамъ духовенства. Въ городскомъ сословіи избирательныя права принадлежатъ всѣмъ плательщикамъ городскихъ налоговъ. Каждый городъ отъ 1.500—6.000 жителей выбираетъ 1 депутата, отъ 6.000—12.000 2-хъ и т. д. Города до 1.500 жителей соединяются съ другими для избранія депутата. При этомъ каждый горожанинъ пользуется правомъ голоса въ зависимости отъ платежа налоговъ; нѣкоторые имѣютъ 1 голосъ, другіе 2, 3 и до 25 голосовъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ даже и больше; вообще организація и сами принципы избирательнаго права въ городскомъ сословіи отличаются особеннымъ разнообразіемъ. Въ крестьянскомъ сословіи избирательное право принадлежитъ всѣмъ землевладѣльцамъ, кромѣ тѣхъ, изъ нихъ, которые могутъ принадлежать и, слѣдовательно, участвовать въ выборахъ въ какомъ-нибудь изъ остальныхъ трехъ сословій.

Такимъ образомъ, сравнительно небольшая часть финскаго народа пользуется избирательными правами: не пользуются ими чиновники, если они не принадлежатъ къ дворянскому сословію, народные учителя, ремесленники, мелкіе торговцы, живущіе въ деревняхъ, арендаторы, бобыли, рыбаки, лица, состоящія въ услуженіи, и весь классъ фабричныхъ рабочихъ. Вообще, двѣ трети финскаго народа лишены права голоса, и только одна треть или точнѣе около 30% принадлежитъ къ классамъ, пользующимся правомъ политическаго представительства, — и эти 30% пользуются къ тому же правомъ голоса далеко не равнымъ. Дворянство, къ которому принадлежитъ около 3.000 человѣкъ, считая съ женщинами и дѣтьми, все духовенство вмѣстѣ съ профессорами и учителями средне-учебныхъ заведеній, къ которому принадлежитъ около 6.000 человѣкъ, горожане, изъ которыхъ только 74 000 человѣкъ принадлежитъ къ семьямъ, у которыхъ нѣкоторые члены пользуются правомъ голоса, и крестьяне, численность которыхъ достигаетъ 622.000,—эти общественныя группы въ дѣйствительности пользуются равнымъ участіемъ въ государственномъ управленіи. Правда, дворяне

фактически посылаютъ (въ 1897 г.) 145 своихъ представителей, духовенство 44, горожане 64, крестьяне 62, но это не имѣетъ значенія, такъ какъ въ сеймѣ голосованіе происходитъ по сословіямъ, и для принятія всякаго проекта требуется, чтобы онъ былъ принятъ тремя сословіями изъ четырехъ; въ случаѣ согласія только двухъ проектъ считается отклоненнымъ; для изданія же измѣненія или отмѣны основного закона или для установленія чрезвычайной подати требуется согласіе всѣхъ четырехъ сословій [1]). Въ настоящее время, однако, въ Финляндіи усилилось теченіе въ пользу всеобщаго избирательнаго права, и весьма вѣроятно, что въ недалекомъ будущемъ оно будетъ осуществлено.

Какъ мы видѣли на примѣрѣ дворянства въ Финляндіи, сословное представительство не всегда даже бываетъ представительствомъ въ точномъ смыслѣ этого слова: дворяне засѣдаютъ не по праву избранія, а по праву рожденія,—и это явленіе не исключительное. Верхняя палата англійскаго парламента, такъ называемая палата лордовъ или палата пэровъ, въ большинствѣ своемъ состоитъ изъ лицъ, засѣдающихъ по праву рожденія. Каждый глава каждой титулованной семьи съ достиженіемъ совершеннолѣтія вступаетъ въ палату лордовъ, являясь въ ней такимъ образомъ законодателемъ по праву рожденія. Этимъ правомъ пользуется не каждый членъ дворянской семьи, а только каждый глава; такимъ образомъ, напр., маркизъ Гартингтонъ не пользовался правомъ засѣданія въ палатѣ лордовъ, пока былъ живъ его отецъ, герцогъ Девонширскій; но со смертью этого послѣдняго къ маркизу Гартингтону переходитъ титулъ герцога Девонширскаго, и вмѣстѣ съ титуломъ онъ получаетъ доступъ въ палату лордовъ, тогда какъ титулъ маркиза Гартингтона, который онъ носилъ до того времени, переходитъ къ его сыну. Кромѣ пэровъ англійскихъ, въ палатѣ лордовъ засѣдаютъ пэры шотландскіе и пэры ирландскіе, но эти послѣдніе уже на началѣизбранія. Всѣ шотландскіе пэры, т. е. опять-таки старшіе члены каждой титулованной семьи, въ то время, когда производятся выборы въ палату общинъ, собираются вмѣстѣ и избираютъ изъ своей среды 16 пэровъ для засѣданія въ палатѣ лордовъ на семилѣтній срокъ. Ирландскіе пэры точно также избираютъ изъ своей среды 28 пэровъ для представительства въ палатѣ лордовъ, но съ тѣмъ отличіемъ, что они избираются не на опредѣленный срокъ, пожизненно, по мѣрѣ открытія вакансій. Сверхъ того, въ палатѣ лордовъ засѣдаютъ духовные

[1]) Д. Протопоповъ. „Финляндія". Спб. 1898, стр. 82—92.

пэры, каковыми являются оба архіепископа англиканской церкви, и 24 старшихъ по времени назначенія епископа англиканской церкви; они засѣдаютъ ex officio по праву должности и, слѣдовательно, пока они занимаютъ эту должность. Наконецъ, имѣются судебные пэры, числомъ 4; королю предоставлено жаловать право засѣдать въ палатѣ лордовъ 4 членамъ высшихъ судебныхъ мѣстъ; они засѣдаютъ въ верхней палатѣ съ титуломъ бароновъ, но, какъ и пэры духовные, засѣдаютъ только въ теченіе времени своей службы. Общее число членовъ палаты лордовъ въ настоящее время (1906) 592; изъ нихъ 522 англійскихъ (31 герцогъ 35 маркизовъ, 163 графа, 42 виконта, 251 баронъ), 16 шотландскихъ пэровъ, 28 пэровъ ирландскихъ и 26 духовныхъ пэровъ—архіепископовъ и епископовъ. Тутъ, слѣдовательно, мы имѣемъ сочетаніе четырехъ принциповъ: представительство по избранію одного сословія, участіе въ законодательномъ учрежденіи по праву рожденія, участіе по праву должности (ex officio) и наконецъ засѣданіе по праву назначенія королемъ.

Большинство верхнихъ палатъ составляется посредствомъ той или иной комбинаціи этихъ же принциповъ или же по какому-нибудь одному изъ нихъ.

Такъ, напр., прусская палата господъ состоитъ изъ лицъ, назначенныхъ королемъ пожизненно или засѣдающихъ по праву рожденія. Въ австрійской палатѣ господъ засѣдаютъ лица, какъ по праву рожденія, такъ и по назначенію императора, а также и ex officio, т. е. въ силу занимаемой ими должности. Въ этихъ случаяхъ начало представительства отсутствуетъ вовсе. Въ другихъ оно имѣетъ мѣсто, такъ-же, какъ и при выборахъ въ англійскую палату лордовъ, въ болѣе или менѣе ограниченномъ видѣ.

Любопытный осколокъ сословнаго избранія представляютъ выборы въ англійскую палату общинъ отъ университетовъ. Кромѣ 661 депутата [1]), избираемаго народомъ по округамъ, въ палатѣ общинъ засѣдаютъ 9 избранниковъ отъ 6 университетовъ: по 2 отъ Кэмбриджскаго, Оксфордскаго и Дублинскаго и по 1 отъ Лондонскаго, Эдинбургскаго и Глазговскаго. Система выборовъ производится на основаніи статутовъ, признаваемыхъ только въ данномъ университетѣ: въ однихъ, какъ въ Кэмбриджѣ и Оксфордѣ, правомъ голоса пользуются только магистры даннаго университета; въ другихъ университетахъ въ подачѣ голосовъ участвуютъ также ассистенты и даже студенты.

Такимъ образомъ, система выборовъ по сословіямъ въ своемъ первоначальномъ видѣ имѣла глубокій смыслъ: пре-

жде человѣкъ имѣлъ цѣну лишь постольку, поскольку онъ принадлежалъ къ извѣстному сословію; государство знало сословія, а эти уже вѣдались съ отдѣльными членами; интересы каждаго сословія представляли изъ себя нѣчто вполнѣ опредѣленное и обособленное, политическіе интересы лица сливались съ интересами его сословія. Въ настоящее время сословные выборы представляютъ очевидный осколокъ старины, который нигдѣ, даже въ Финляндіи, не сохранился во вполнѣ чистомъ видѣ и не могъ сохраниться, потому что обособленность сословій исчезла; но этотъ обломокъ старины даетъ возможность нѣкоторымъ общественнымъ группамъ властвовать надъ народными массами или, по крайней мѣрѣ, налагать на нихъ до нѣкоторой степени свою руку.

Сословное избирательное право прямо противоположно избирательному праву всеобщему, а также цензовому; эти двѣ послѣднія системы, очень сильно отличаясь другъ отъ друга по существу, по внѣшней формѣ отличаются другъ отъ друга очень мало, и переходныя ступени между ними иногда почти неуловимы. Въ самомъ дѣлѣ, подъ всеобщимъ избирательнымъ правомъ нельзя разумѣть, — и это видно съ перваго взгляда, — права на участіе всѣхъ и каждаго, включая сюда и новорожденныхъ младенцевъ, и сумасшедшихъ, и людей, совершившихъ уголовное преступленіе и лишенныхъ за него гражданскихъ правъ. Таковые нигдѣ избирательными правами не пользуются и пользоваться не могутъ, и всеобщее голосованіе распространяется лишь на лицъ, граждански правоспособныхъ. Но категоріи лицъ, лишенныхъ, такимъ образомъ, права голоса, различны въ различныхъ государствахъ, и иногда расширеніе ихъ круга даетъ возможность противникамъ демократіи фактически отмѣнять или по крайней мѣрѣ искажать всеобщее избирательное право или же обращать его въ право цензовое.

Прежде всего не можетъ быть рѣчи о признаніи права голоса за лицами несовершеннолѣтними; естественно, что лицо, участвующее въ политической жизни страны и законно вліяющее на ея законодательство, должно быть зрѣлымъ.

Но какой возрастъ долженъ быть указанъ, какъ естественная граница? — Если мы опредѣлимъ возрастную границу въ 21 годъ или въ 25, или въ 30 лѣтъ—все равно, то

---

[1]) На англійскомъ политическомъ языкѣ члены палаты общинъ неназываются депутатами; они называются членами парламента, членами палаты или просто общинами. Въ Европѣ, однако, имъ часто даютъ наименованіе депутатовъ.

почему человѣкъ, которому завтра исполнится 21 годъ, не будетъ имѣть права голоса, а человѣкъ, которому вчера окончился 21 годъ, право голоса имѣетъ? Эта трудность, впрочемъ, существуетъ во всѣхъ сферахъ общественной жизни.

Почему человѣкъ, которому завтра исполнится 21 годъ, подлежитъ одному наказанію за совершенное имъ преступленіе, а человѣкъ, которому оно исполнилось вчера, другому, гораздо болѣе суровому? Почему вексель, подписанный наканунѣ совершеннолѣтія, недѣйствителенъ, а такой же вексель, подписанный на слѣдующій день, дѣйствителенъ? Тѣмъ не менѣе, необходимость условной возрастной границы не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; съ ней примирилось гражданское и уголовное право, опредѣливъ ее въ большей части странъ въ 21 годъ (въ Швейцаріи и Венгріи въ 20 лѣтъ); съ нею примиряется и право конституціонное.

Въ странахъ съ болѣе демократическимъ избирательнымъ правомъ въ настоящее время общепринято надѣлять избирательнымъ правомъ всѣхъ лицъ, достигшихъ гражданскаго совершеннолѣтія, а такъ какъ въ большинствѣ странъ гражданское совершеннолѣтіе опредѣляется въ 21 годъ, то, слѣдовательно,—достигшихъ этого возраста. Эта норма установлена во Франціи, въ Англіи, въ Соединенныхъ Штатахъ. Швейцарія и Венгрія занимаютъ въ этомъ отношеніи нѣсколько особое мѣсто, такъ какъ гражданское совершеннолѣтіе признается у нихъ уже въ 20 лѣтъ, и съ нимъ у нихъ совпадаетъ совершеннолѣтіе политическое, а Швейцарія представляетъ въ этомъ отношеніи еще одну замѣчательную особенность. Въ ней въ XVIII вѣкѣ совершеннолѣтіе падало въ разныхъ кантонахъ на возрастъ отъ 14-ти до 16-ти лѣтъ; въ Ури уже 14-ти-лѣтніе мальчики признавались граждански и политически полноправными членами общины и принимали участіе въ народныхъ собраніяхъ. Въ теченіе XIX вѣка возрастъ совершеннолѣтія обнаружилъ въ Швейцаріи тенденцію къ повышенію, и въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи о совершеннолѣтіи въ 14 или 16 лѣтъ. Конституція 1848 г., которая обратила прежній союзъ отдѣльныхъ кантоновъ въ организованное союзное государство (федерацію), опредѣлила возрастъ политическаго совершеннолѣтія въ 20 лѣтъ. Этотъ возрастъ даетъ право участія въ выборахъ въ общешвейцарскій національный совѣтъ. Но въ отдѣльныхъ кантонахъ сохранились нормы болѣе древнія и, слѣдовательно, болѣе низкія; такъ, въ Швицѣ до 1876 г. совершеннолѣтіе, политическое и гражданское, признавалось въ 16 лѣтъ, и только швицкая конституція этого года (ст. 78)

повысила его до 18-ти лѣтъ; въ Нижнемъ Унтервальденѣ по конституціи 1877 года признается тотъ же возрастъ; эта норма является въ настоящее время самой низкой не только въ Швейцаріи, но гдѣ бы то ни было. Въ Швицѣ и Унтервальденѣ граждане, такимъ образомъ, участвуютъ въ кантональныхъ, а также въ общинныхъ выборахъ, начиная съ 18-ти лѣтъ, и съ того же возраста могутъ быть избираемы.

Напротивъ, въ странахъ съ менѣе демократической государственной системой существуетъ наклонность повышать возрастной цензъ до 24, до 25 или даже до 30 лѣтъ. Въ Пруссіи политическое совершеннолѣтіе признается въ 24 года и, начиная съ этого возраста, гражданинъ имѣетъ право участвовать въ выборахъ въ прусскій ландтагъ. То же самое имѣетъ мѣсто въ Австріи; въ Германіи, Бельгіи, Испаніи возрастомъ политическаго совершеннолѣтія признаются 25 лѣтъ, а для выборовъ въ верхнюю палату нѣкоторыя изъ конституцій этихъ странъ повышаютъ возрастъ еще значительнѣе; конституція датская опредѣляетъ политическое совершеннолѣтіе въ 30 лѣтъ

Стремленіе сократить число избирателей, чтобы тѣмъ властвовать надъ другими и направлять ихъ въ опредѣленную сторону, и мысль, что зрѣлому возрасту болѣе свойственна умѣренность, осторожность, боязнь всякихъ новшествъ, — все это, вмѣстѣ взятое, заставляетъ элементы консервативные, а иногда и умѣренно-либеральные стремиться къ возможному повышенію возрастного ценза. Напротивъ, элементы демократическіе вездѣ стремятся къ его пониженію. Низшіе классы народа по общему правилу въ среднемъ менѣе долговѣчны, чѣмъ классы зажиточные и богатые, и потому повышеніе возрастного ценза даетъ на выборахъ нѣкоторое преобладаніе этимъ послѣднимъ и, слѣдовательно, имѣетъ явно антидемократическій характеръ. Такимъ образомъ, повышеніе возрастного ценза до 25, тѣмъ болѣе до 30 лѣтъ, имѣетъ до нѣкоторой степени характеръ классовой и, какъ будто не уничтожая основного принципа всеобщности избирательнаго права, въ дѣйствительности вводитъ цензъ не только возрастной, но какъ-бы также имущественный.

Совершенно иначе ставится вопросъ о связи права голоса съ поломъ. До сихъ поръ лишь нѣкоторые штаты Сѣверной Америки и Австраліи, а также Новая Зеландія признали право политическаго голоса за женщинами. Во всѣхъ остальныхъ государствахъ Европы и Америки, не исключая и значительнаго большинства сѣверо-американскихъ и австра-

лійскихъ штатовъ, право голоса при выборахъ въ законодательныя собранія признается исключительно за мужчинами. Около полустолѣтія тому назадъ среди женщинъ появилось движеніе въ пользу завоеванія избирательнаго права. Въ лицѣ Дж. Ст. Милля это теченіе нашло себѣ сильнаго защитника. Въ послѣднія десятилѣтія требованія равноправія мужчины и женщины какъ въ гражданской, такъ и въ политической сферѣ, а слѣдовательно признаніе права женщины на участіе въ голосованіяхъ является однимъ изъ главныхъ требованій соціалъ-демократической программы, по крайней мѣрѣ, въ Германіи и въ Австро-Венгріи, отчасти во Франціи. Но это требованіе встрѣчаетъ рѣшительное противодѣйствіе среди большинства общественныхъ группъ, которыя нынѣ господствуютъ въ современныхъ государствахъ Западной Европы и Америки; благодаря имъ, женское голосованіе до сихъ поръ не осуществлено нигдѣ или почти нигдѣ и такимъ образомъ еще цѣлая половина страны права голоса лишена.

Во всѣхъ конституціяхъ или во всѣхъ избирательныхъ законахъ существуютъ еще нѣкоторыя опредѣленныя ограниченія, въ силу которыхъ права голоса лишаются нѣкоторыя категоріи лицъ. Прежде всего, правомъ голоса не пользуются:

1) Лица, лишенныя или ограниченныя въ правахъ состоянія судебнымъ приговоромъ на все время, пока они не будутъ возстановлены въ этихъ правахъ.

2) Лица, состоящія подъ опекою или попечительствомъ.

3) Лица, признанныя по суду банкротами.

Наконецъ, нѣкоторыя конституціи лишаютъ права голоса лицъ, живущихъ или жившихъ въ послѣдній передъ выборами годъ на счетъ общественной благотворительности и лицъ, состоящихъ въ услуженіи. Если первыя три ограниченія должны быть признаны безусловно необходимыми и не противорѣчащими принципу всеобщности избирательнаго права, то послѣднее ограниченіе есть уже несомнѣнный переходъ къ цензовой системѣ, однако, очень тонкій, съ перваго взгляда какъ будто незамѣтный и, однако, въ дѣйствительности лишающій избирательнаго права наиболѣе бѣдныхъ людей.

Еще болѣе грубое по существу и тонкое по формѣ ограниченіе всеобщности представляется требованіемъ признанія грамотности или извѣстнаго образованія, какъ избирательнаго ценза. Въ Италіи правомъ голоса пользуются только грамотные, и 60% населенія такимъ образомъ лишены избирательнаго права. Это ограниченіе основывается на томъ,

что люди совершенно невѣжественные не могутъ возвыситься до пониманія политическихъ вопросовъ. Въ дѣйствительности, однако, въ той же Италіи однимъ цензомъ грамотности не довольствуются, и для права голоса требуется либо кончить курсъ въ народной школѣ, либо уплачивать прямыхъ налоговъ въ пользу государства не менѣе 90 фр. 80 с. ежегодно. Такимъ образомъ законъ признаетъ, что извѣстный достатокъ вполнѣ замѣняетъ образованіе. Въ дѣйствительности, нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣйствительное политическое образованіе получается гораздо болѣе въ постоянной борьбѣ за свои права на народныхъ сходкахъ и собраніяхъ, чѣмъ въ школѣ, и человѣкъ неграмотный можетъ по уровню своего политическаго развитія стоять выше иного грамотнаго. Въ той же Италіи мы видимъ, что передача государственной власти въ руки исключительно грамотныхъ ведетъ къ тому, что государственная власть чрезвычайно мало заботится о дѣйствительномъ образованіи народа и только закрѣпляетъ его приниженное положеніе.

Всеобщее избирательное право въ его чистомъ видѣ никоимъ образомъ не можетъ допустить установленія особеннаго срока осѣдлости, дающаго избирательное право. Въ Германіи,—и въ этомъ отношеніи германское избирательное право по исключенію оказывается наиболѣе демократичнымъ,—составленіе списковъ избирателей заканчивается за нѣсколько дней до выборовъ, и въ нихъ включаются всѣ живущіе въ моментъ составленія избирательнаго списка въ данной мѣстности. Такимъ образомъ, только тотъ, кто перемѣнитъ мѣсто жительства въ нѣсколько дней, остающіеся отъ момента заключенія избирательнаго списка до момента выборовъ, только тотъ лишается права голоса вслѣдствіе своей неосѣдлости и то не всегда: если въ день выборовъ онъ вернется въ свой округъ, то можетъ спокойно подавать голосъ.

Въ другихъ странахъ, даже въ такихъ, какъ Франція, въ теоріи признающихъ всеобщность избирательнаго права, существуетъ извѣстный срокъ или цензъ осѣдлости. Во Франціи нужно прожить, по крайней мѣрѣ, 6 мѣсяцевъ въ одномъ мѣстѣ, чтобы быть внесеннымъ въ избирательный списокъ. Въ Швейцаріи для выборовъ въ общешвейцарскій парламентъ нѣтъ срока осѣдлости, но для выборовъ въ кантональные парламенты установленъ трехмѣсячный срокъ пребыванія въ кантонѣ. Въ Англіи срокъ осѣдлости опредѣляется въ 1 годъ, причемъ этотъ срокъ фактически увеличивается еще на нѣсколько мѣсяцевъ, иногда почти на цѣлый годъ, временемъ составленія избирательныхъ списковъ, и это лишаетъ избира-

тельныхъ правъ не одну сотню тысячъ человѣкъ, и притомъ почти исключительно рабочихъ. Лицо принадлежащее къ среднимъ и высшимъ классамъ общества, этому ограниченію подвергается очень рѣдко, такъ какъ даже въ томъ случаѣ, когда оно всю жизнь путешествуетъ по Англіи или за-границею, оно обыкновенно сохраняетъ за собой свою квартиру, наличность которой и опредѣляетъ его осѣдлость. Рабочій, гоняемый нуждою изъ одного конца страны въ другой, или даже изъ одного участка Лондона въ другой, квартиры за собой, конечно, не оставляетъ, и потому не имѣетъ возможности попасть въ избирательный списокъ какого бы то ни было избирательнаго круга.

Срокъ осѣдлости, такимъ образомъ, имѣетъ характеръ уже настоящаго ценза, стремящагося вычеркнуть изъ числа избирателей значительные кадры бѣднаго и въ особенности рабочаго люда.

Но все-таки все это является цензомъ какъ бы замаскированнымъ. Откровеннѣе поступаютъ тѣ конституціи, которыя прямо устанавливаютъ: правомъ голоса на выборахъ пользуются только лица, удовлетворяющія опредѣленному имущественному цензу. Имущественный цензъ опредѣляется въ различныхъ конституціяхъ и избирательныхъ законахъ троякимъ способомъ. Чаще всего указывается опредѣленная норма податей, которую долженъ уплачивать человѣкъ, чтобы получить право на активное участіе въ государственно жизни. Такъ это было установлено, какъ мы уже видѣли, во Франціи конституціей 1791 г. и всѣми слѣдующими конституціями, дѣйствовавшими вплоть до революціи 1848 г. Въ Бельгіи до 1893 г. требовался ежегодный платежъ 42 франковъ прямыхъ налоговъ, и только онъ давалъ право на участіе въ выборахъ. Въ Италіи право голоса даетъ платежъ 19 франковъ 80 сант. въ годъ, но окончаніе курса школы даетъ его независимо отъ платежа налоговъ; такимъ образомъ, по мнѣнію законодателя опредѣленная зажиточность какъ бы замѣняетъ собою и соотвѣтствуетъ образованію.

Другая форма имущественнаго ценза, на которой основывается избирательное право, есть форма опредѣленнаго недвижимаго или движимаго имущества. Такъ напр., въ Швеціи право выборовъ во вторую палату риксдага дается собственникамъ недвижимаго имущества стоимостью, по меньшей мѣрѣ, въ 1.000 кронъ (крона около 50 коп.) или арендаторамъ недвижимаго имущества, по меньшей мѣрѣ, въ 6.000 кронъ, или же человѣку, имѣющему годового дохода не менѣе 800 кронъ.

Наконецъ, третья существующая система избирательнаго ценза основываетъ избирательное право не на налогѣ, не на опредѣленномъ имуществѣ или доходѣ, а на одномъ изъ косвенныхъ признаковъ извѣстнаго дохода, какъ, напр., на наймѣ квартиры опредѣленной стоимости. Такъ, англійское избирательное право, отличающееся, впрочемъ, чрезвычайной сложностью, даетъ право голоса, во 1-хъ, всѣмъ собственникамъ недвижимаго имущества, во 2-хъ, всѣмъ арендаторамъ такового имущества, въ 3-хъ лицамъ, занимающимъ опредѣленныя должности, а въ 4-хъ, всѣмъ квартиронанимателямъ, платящимъ за свою квартиру не менѣе 10 фунт. ст. въ годъ. Эта сложность объясняется тѣмъ, что англійское избирательное право создавалось съ чрезвычайною медленностью; въ теченіе многихъ лѣтъ одна реформа за другой надѣляла избирательными правами новые и новые кадры избирателей, не рѣшаясь сдѣлать послѣдній шагъ въ пользу всеобщаго избирательнаго права, которое устранило бы надобность въ перечисленіи различныхъ признаковъ, дающихъ право на участіе въ выборахъ [1]). Въ настоящее время около 16% населенія Англіи имѣетъ право голоса, тогда какъ при возрастной границѣ, опредѣленной въ Англіи въ 21 годъ имъ пользовались бы 25% населенія, если-бы было введено всеобщее, хотя-бы только мужское избирательное право. Такимъ образомъ, около трети взрослаго мужского населенія

---

[1]) Въ первой половинѣ XIX в. въ Англіи существовало сильное общественное движеніе, извѣстное подъ именемъ чартизма, въ пользу всеобщаго избирательнаго права. Идея всеобщаго избирательнаго права выражалась тогда въ формулѣ: one man—one vote, одинъ человѣкъ, одинъ голосъ, что отняло сразу какъ протестъ противъ господствующихъ въ Англіи множественныхъ вотумовъ (о которыхъ ниже), такъ и противъ лишенія права голоса значительной части населенія, тогда, во время движенія чартистовъ, слѣдовательно, въ періодѣ послѣ первой парламентарской реформы (1832), но задолго до второй (1867) еще гораздо болѣе значительной, чѣмъ теперь, когда вторая (1867) и третья (1884) реформа надѣлила избирательными правами значительные новые кадры избирателей. Около 1850 г. движеніе чартистовъ затихло, не принеся непосредственныхъ практическихъ результатовъ, и даже не оставя явственныхъ слѣдовъ въ міросозерцаніи англійскаго пролетаріата, не говоря уже о другихъ классахъ населенія. Съ тѣхъ поръ шла борьба, нѣсколько разъ обостряв шаяся и увѣнчивавшаяся успѣхомъ, за расширеніе избирательныхъ правъ или за ту или иную реформу въ избирательной системѣ, но всеобщее голосованіе предметомъ живой общественной борьбы не дѣлалось; тѣмъ болѣе эта идея не проникала въ парламентъ. Только послѣ новыхъ выборовъ въ палату общинъ въ 1906 г., когда въ нее проникло 29 членовъ рабочей партіи, эта идея получила шансы, если не побѣды въ близкомъ будущемъ, то, по крайней мѣрѣ, шансы сдѣлаться объектомъ живой парламентарской борьбы. Рабочіе обѣщали въ недалекомъ будущемъ внести въ парламентъ соотвѣтственный проектъ.

страны не принадлежитъ ни къ одной изъ категорій, перечисленныхъ въ избирательныхъ законахъ различныхъ историческихъ періодовъ, но дѣйствующихъ понынѣ. (На основаніи этихъ законовъ избирается 661 членъ палаты общинъ изъ общаго числа 670; остальные, какъ было уже сказано, избираются университетами).

Такимъ образомъ, съ внѣшней стороны всеобщая избирательная система и система, основанная на цензѣ, отличаются другъ отъ друга очень мало; стоитъ ввести въ избирательный законъ статью, что въ избирательные списки заносятся лица, прожившія въ данномъ округѣ не менѣе 6 или 12 мѣсяцевъ,—и созданъ цензъ осѣдлости, являющійся замаскированнымъ имущественнымъ цензомъ въ то время, когда общее построеніе закона осталось затронутымъ очень мало. Такимъ способомъ въ 1850 г. французское законодательное собраніе, избранное (послѣ революціи 1848 г.) на основѣ всеобщаго избирательнаго права, ввело трехлѣтній срокъ осѣдлости и этимъ сократило число избирателей въ полтора раза и подготовило переворотъ, произведенный Наполеономъ III, подъ знаменемъ защиты всеобщаго избирательнаго права. Внѣшнее сходство такъ велико, что даже говоря о дѣйствительно всеобщемъ избирательномъ правѣ, намъ трудно обойтись безъ выраженія: возрастной цензъ въ 21, 24, 25, или наконецъ, въ 20 лѣтъ, который неизбѣжно въ томъ или иномъ видѣ признается и всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Между тѣмъ, различіе между нимъ и избирательнымъ правомъ, основаннымъ на имущественномъ цензѣ, дѣйствительно, громадное. Всеобщее избирательное право признаетъ, что каждый человѣкъ въ силу того только, что онъ живетъ въ государствѣ, имѣетъ право на жизнь, на свободу и, слѣдовательно, на ту долю участія въ государственной жизни, которая только и можетъ обезпечить ему дѣйствительную свободу, дѣйствительныя права и нѣкоторое благосостояніе. Напротивъ того, имущественный цензъ видитъ въ государствѣ не союзъ людей, существующій или сохраняющійся для достиженія возможнаго благосостоянія всѣхъ людей, а союзъ, заключенный для защиты собственности или дохода людей, таковою собственностью или доходомъ обладающихъ, и отдающій всю остальную массу народа въ распоряженіе этихъ счастливцевъ. Послѣднимъ всѣ права, а первымъ только тяготы.

Тамъ, гдѣ существуетъ всеобщее избирательное право—тамъ пассивное избирательное право обыкновенно не отличается отъ активнаго, и это совершенно понятно. Конечно,

по общему правилу избираемый долженъ обладать большею умственною и политическою зрѣлостью и большею самостоятельностью, чѣмъ избиратель: вѣдь, онъ въ парламентѣ долженъ рѣшать судьбы государства, что, конечно, гораздо труднѣе, чѣмъ выбрать лицо, которое можетъ это сдѣлать. Поэтому естественно, что въ парламентъ рѣдко попадаютъ очень молодые люди. Однако, нѣтъ никакой надобности, чтобы законодатель ставилъ въ этомъ отношеніи какія-либо рамки. Запретить вступать въ парламентъ, напр., людямъ слишкомъ молодымъ, это значитъ посягать не только на право людей, желающихъ или могущихъ быть избранными, но въ гораздо большей степени на права избирателей, такъ какъ сами избиратели должны умѣть различать людей и выбирать болѣе подходящихъ, не нуждаясь для этого въ какой-либо указкѣ. Въ виду этого принципъ всеобщаго избирательнаго права въ своемъ послѣдовательномъ проведеніи требуетъ, чтобы никакихъ ограниченій въ этомъ смыслѣ не налагалось.

Во многихъ государствахъ, однако, такія ограниченія существуютъ. По большей части они касаются возраста. Такъ, напр., въ Нидерландахъ, гдѣ участвовать въ выборахъ могутъ люди въ 25 лѣтъ, депутатами могутъ быть люди не моложе 30 лѣтъ; въ Италіи активное право голоса существуетъ для всѣхъ лицъ, достигшихъ совершеннолѣтія, а пассивное принадлежитъ имъ только съ 30 лѣтъ; въ Швеціи возрастъ активнаго избирательнаго права 21 годъ, пассивнаго 25 лѣтъ. Во Франціи то же самое: активный возрастъ въ 21 годъ, пассивный въ 25 лѣтъ. Въ иныхъ случаяхъ въ государствахъ, въ которыхъ существуетъ имущественный цензъ для выборовъ, иногда для права быть избираемымъ назначается цензъ еще болѣе высокій. Такъ во Франціи въ періодъ между 1815—1830 г. при цензѣ для активнаго избирательнаго права въ 300 франковъ налоговъ существовалъ пассивный цензъ въ 1.000 фр., а въ той же Франціи между 1830—1848 г. цензу активнаго избирательнаго права въ 200 фр. соотвѣтствовалъ цензъ пассивнаго избирательнаго права въ 500 фр.; иногда въ странахъ, гдѣ активное право голоса вовсе не обставлено имущественнымъ цензомъ, пассивное имъ обусловлено; такъ въ Аргентинѣ избирателями какъ въ палату депутатовъ, такъ и въ сенатъ являются всѣ, а чтобы быть выбраннымъ сенаторомъ, нужно имѣть доходъ, по крайней мѣрѣ, къ 2.000 долларовъ.

Напротивъ, Бельгія, въ которой издавна существовалъ довольно высокій имущественный цензъ для активнаго избирательнаго права, съ самаго начала своего существованія, т. е. съ 1831 года, пошла по совершенно обратному пути и

установила, что избираемымъ можетъ быть всякій, независимо отъ ценза; точно также въ Англіи съ 1853 г. не существуетъ никакого ценза для пассивнаго избирательнаго права, и лицо, которое не пользуется правомъ выбирать, можетъ быть тѣмъ не менѣе выбрано. При такомъ рѣшеніи законодатель, очевидно, не считаетъ нужнымъ связывать волю избирателей. Въ Даніи, при возрастѣ избирателей въ 30 лѣтъ, избраннымъ можетъ быть уже человѣкъ въ 25 лѣтъ и т. д.

III.

Организація избирательнаго права.

То же самое стремленіе, которое привело къ созданію цензового избирательнаго права, можетъ выражаться и въ другой формѣ. Возможно такое избирательное право, которое, будучи всеобщимъ по формѣ, въ дѣйствительности благопріятствуетъ опредѣленнымъ группамъ населенія и дѣлаетъ право голоса для другихъ совершенно призрачнымъ, и, слѣдовательно, въ дѣйствительности не является всеобщимъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ дать однимъ лицамъ 1 голосъ, другимъ двойной, тройной или болѣе голосъ, и привилегированныя группы совершенно подавятъ группы непривилегированныя. Такое неравенство голосованія, какъ мы это видѣли уже ранѣе, неизбѣжно существуетъ при системѣ голосованія сословной, когда каждое сословіе имѣетъ опредѣленное число голосовъ, независимо отъ числа его членовъ или имѣетъ число голосовъ, не соотвѣтствующее числу его членовъ. Такое неравенство голосовъ можетъ существовать въ дополненіе къ системѣ цензового голосованія, преслѣдуя ту же самую цѣль, что и само цензовое голосованіе, т. е. цѣль предоставленія законодательной власти привилегированнымъ группамъ, и содѣйствуетъ такимъ образомъ лучшему ея достиженію. Оно-же можетъ существовать и при системѣ всеобщаго голосованія, являясь въ такомъ случаѣ замаскированнымъ цензомъ.

Достигается оно обыкновенно двумя способами. Первый способъ—прямо надѣленіе опредѣленныхъ лицъ двойнымъ, тройнымъ или болѣе голосомъ. Это всего удобнѣе связывается съ системой имущественнаго ценза. Такъ, напр., въ Англіи, гдѣ право голоса дается человѣку за обладаніе имуществомъ или за наемъ квартиры, человѣкъ пользуется правомъ голоса въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ онъ удовлетворяетъ имущественному цензу: если онъ имѣетъ нѣсколько помѣстій,

нѣсколько фабрикъ, нѣсколько домовъ или занимаетъ нѣсколько квартиръ для жилья, для торговли или для чего-нибудь другого въ различныхъ избирательныхъокругахъ, то въ каждомъ такомъ избирательномъ округѣ онъ пользуется правомъ голоса, а такъ какъ выборы назначаются въ Англіи не на одинъ день, а растягиваются на 2—3 недѣли, то онъ можетъ и дѣйствительно воспользоваться всѣми своими голосами. Къ сожалѣнію, не существуетъ точныхъ статистическихъ данныхъ, которыя дали бы точную цифру числа людей, пользующихся нѣсколькими голосами, но несомнѣнно, что число такихъ людей опредѣляется многими тысячами. Естественно, что эта система даетъ добавочные голоса людямъ зажиточнымъ или богатымъ. Въ Бельгіи съ 1893 г., когда было завоевано всеобщее избирательное право, каждый бельгіецъ, достигшій 25-лѣтняго возраста, не лишенный гражданскихъ избирательныхъ правъ, пользуется правомъ голоса; но каждый бельгіецъ, достигшій 35-лѣтняго возраста, женатый или вдовый, платящій прямыхъ податей не меньше 5 фр. въ годъ, а также каждый бельгіецъ не старше 25-лѣтняго возраста, владѣющій недвижимой собственностью стоимостью не ниже 2.000 фр., либо сбереженіями въ государственной кассѣ, приносящими не менѣе 100 фр. ежегоднаго дохода, пользуется 2-мя голосами. Наконецъ, 3-мя голосами пользуются лица, окончившія курсъ высшаго учебнаго заведенія, и лица, занимавшія или занимающія опредѣленныя общественныя должности Каждый избиратель при выборахъ опускаетъ въ избирательную урну 1, 2 или 3 бюллетеня, сообразно со своими избирательными правами.

Другой способъ создать неравенство голосованія есть система курій, сходная до нѣкоторой степени, по крайней мѣрѣ, со стороны организаціи, съ системой сословнаго голосованія. Система эта существуетъ въ Австріи и состоитъ въ слѣдующемъ: всѣ избиратели дѣлятся на 5 классовъ или курій. Къ одной принадлежатъ всѣ крупные землевладѣльцы, обладающіе недвижимымъ имуществомъ опредѣленныхъ размѣровъ. Къ другой принадлежатъ торговыя палаты, въ которыхъ засѣдаютъ избранники торгово-промышленнаго класса. Къ третьей принадлежатъ горожане (за исключеніемъ тѣхъ, которые входятъ въ составъ одной изъ первыхъ курій), платящіе прямые налоги въ опредѣленномъ размѣрѣ; къ четвертой принадлежатъ жители деревень, платящіе налоги тоже въ опредѣленномъ размѣрѣ. Каждая изъ этихъ курій избираетъ депутатовъ отдѣльно, и именно первая курія 85 депутатовъ, курія торговыхъ палатъ 21 депутата, города—118, и села 129; всего 353 депутата. Голосованіе происходило въ

Австріи по этимъ, и только по этимъ, четыремъ куріямъ до 1896 г.; тогда, слѣдовательно, въ ней существовала система цензового голосованія, значеніе которой усиливалось еще крайнимъ неравенствомъ, господствовавшимъ среди самихъ цензитовъ. Борьба за всеобщее избирательное право увѣнчалась въ 1896 году частичнымъ успѣхомъ, и такое право было создано въ Австріи, но оно не уничтожило старой системы куріи, а появилось рядомъ съ нею: была прибавлена пятая курія или курія всеобщаго голосованія: въ ней голосуютъ всѣ австрійцы мужского пола достигшіе 24-лѣтняго возраста и не лишенные гражданскихъ и политическихъ правъ, какъ тѣ, которые принадлежатъ къ одной изъ первыхъ четырехъ куріи, такъ и тѣ, которые къ нимъ не принадлежатъ. Курія всеобщаго голосованія посылаетъ въ рейхсратъ 72 депутатовъ, добавочныхъ къ 353, посылаемымъ первыми четырьмя куріями. Такимъ образомъ, каждый австріецъ имѣетъ право голоса, и, слѣдовательно, въ Австріи существуетъ всеобщее голосованіе. Но курія всеобщаго голосованія избираетъ $^1/_6$ часть членовъ парламента, а $^5/_6$ избирается привилегированными группами въ четырехъ куріяхъ, причемъ особенными правами пользуется немногочисленный классъ землевладѣльцевъ, значительно меньшими правами пользуются горожане и еще меньшими (если брать пропорціонально числу жителей) жители деревень.

Обыкновенно (хотя не вездѣ) система куріи связывается съ двухъ или трехстепеннымъ избраніемъ. Въ Австріи курія крупнаго землевладѣнія голосуетъ прямо за депутатовъ, курія торговыхъ палатъ тоже, городская курія тоже а курія сельская въ нѣкоторыхъ частяхъ Австріи голосуетъ прямо, а въ большей части выбираетъ новыхъ выборщиковъ, которые уже набираютъ депутатовъ. Такой способъ избранія можетъ иногда связываться съ голосованіемъ всеобщимъ по формѣ, являясь однимъ изъ многихъ способовъ обратить его въ дѣйствительности въ невсеобщее или не въ равное. Такъ въ Пруссіи для выборовъ въ ландтагъ мы имѣемъ систему всеобщихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ двухстепенныхъ выборовъ. Каждый округъ, избирающій депутата или двухъ депутатовъ въ прусскій лантдагъ, дѣлится на избирательные участки отъ 750—1750 жителей каждый. Въ каждомъ участкѣ составляется списокъ избирателей, но располагается онъ не по алфавиту, а по зажиточности или богатству,—точнѣе говоря, по размѣру платимыхъ каждымъ избирателемъ податей. Въ первую голову ставится избиратель, платящій большую сумму податей, затѣмъ второй по размѣру платимыхъ

податей, затѣмъ третій, четвертый и т. д. Въ концѣ списка помѣщаются лица, не платящія никакихъ налоговъ. Затѣмъ подводится общій итогъ платимыхъ въ этомъ участкѣ налоговъ, причемъ дѣлается предположеніе, что лица, въ дѣйствительности не платящія никакихъ налоговъ, платятъ ихъ по 3 марки въ годъ. Полученная сумма дѣлится на 3, и въ первый классъ избирателей зачисляются тѣ, которые платятъ первую треть налоговъ, во второй классъ избирателей тѣ, которые платятъ вторую треть налоговъ, и въ третій тѣ, кто платитъ третью треть или вовсе никакихъ налоговъ не платитъ. Каждый участокъ избираетъ отъ 3—6 выборщиковъ, въ зависимости отъ числа жителей. Если участокъ избираетъ 3 выборщиковъ, то каждый классъ избирателей избираетъ по одному; если шестерыхъ, то по два; если четырехъ, то второй добавочный выборщикъ приходится на второй классъ избирателей; если пятерыхъ, то добавочные выборщики падаютъ на первый и на третій классъ. Затѣмъ всѣ выборщики изъ всѣхъ трехъ классовъ изъ всѣхъ участковъ даннаго округа собираются вмѣстѣ и выбираютъ депутата или депутатовъ. На сотню избирателей прусскаго королевства 3,5% приходится на долю перваго класса, 12% на долю второго класса и 84% приходится на долю третьяго класса. Между тѣмъ на вѣсахъ прусской избирательной системы первый классъ вѣситъ столько-же, сколько второй и третій, а первые два класса вмѣстѣ, къ которымъ принадлежитъ $^5/_6$ часть народа, вѣситъ въ два раза больше, чѣмъ третій классъ, къ которому принадлежитъ $^5/_6$ народа, и выбираютъ вдвое больше выборщиковъ, чѣмъ этотъ третій классъ. Слѣдовательно, въ окончательномъ итогѣ именно они, именно эти 15% населенія проводятъ въ прусскій парламентъ своихъ депутатовъ, а 84% населенія, хотя въ теоріи правомъ голоса и пользуются, въ дѣйствительности не имѣютъ никакого значенія на избирательныхъ вѣсахъ. И дѣйствительно, въ той же самой Пруссіи народъ выбираетъ членовъ общегерманскаго парламента по системѣ всеобщей, равной и прямой, и въ германскомъ рейхстагѣ засѣдаетъ 31 соціалъ-демократъ изъ общаго числа 236 депутатовъ, посылаемыхъ туда Пруссіей, а въ прусскомъ ландтагѣ нѣтъ ни одного соціалъ-демократа изъ общаго числа 433 депутатовъ. Тутъ двухстепенность есть именно явственный способъ создать неравенство голосованія и лишить непривилегированную часть избирателей принадлежащаго имъ по буквѣ закона голоса. Но двухстепенность можетъ существовать и при всеобщности и даже при равенствѣ голосованія. Такъ въ Австріи въ 5-ой куріи, т. е. куріи всеобщаго голосованія,

избиратели выбираютъ депутатовъ. Въ Норвегіи съ 1898 до 1905 г., когда введены прямые выборы, существовало всеобщее и равное, но двухстепенное голосованіе. Всѣ избиратели даннаго округа выбирали выборщиковъ, а выборщики уже выбирали депутатовъ.

Въ защиту двухстепенной избирательной системы приводятъ то, что избиратели недостаточно развиты, чтобы рѣшать политическіе вопросы; но, говорятъ, они могутъ намѣтить болѣе развитыхъ людей въ своей средѣ, а небольшое число выбранныхъ такимъ образомъ выдающихся мѣстныхъ людей съ большимъ политическимъ развитіемъ, чѣмъ народная масса, можетъ уже съ большимъ благоразуміемъ остановить свой выборъ на той или иной политической программѣ, на томъ или иномъ ея представителѣ.

Система двухстепенныхъ выборовъ рѣдко остается таковою въ дѣйствительности; обыкновенно она очень скоро теряетъ свой истинный характеръ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ двухстепенные выборы примѣняются для избранія президента республики, избиратели уже въ 1789 г., когда они впервые были призваны съ этою цѣлью къ избирательнымъ урнамъ, голосовали только за тѣхъ выборщиковъ, которые заранѣе дали обѣщаніе голосовать за опредѣленныхъ лицъ; а послѣ отказа Вашингтона отъ новой кандидатуры (1796), система двухстепеннаго голосованія окончательно обратилась въ фикцію, и выборщики окончательно перестали быть лицами, играющими какую бы то ни было самостоятельную роль. Съ тѣхъ поръ и донынѣ они попадаютъ въ выборную коллегію исключительно потому, что дали заранѣе обязательство вотировать за то или иное лицо,—Клевеленда или Гаррисона, Брайана или Макъ-Кинлея, Паркера или Рузвельта; вслѣдствіе этого они являются какъ-бы подставными лицами вмѣсто настоящихъ избирателей. Политическія партіи, выставляющія своихъ кандидатовъ на президентскій постъ, во всѣхъ своихъ обращеніяхъ къ избирателямъ говорятъ: вотируйте за Рузвельта, потому что онъ сдѣлаетъ то-то и то-то, потому что за нимъ есть такія-то заслуги; вотируйте за Паркера, потому что онъ уничтожитъ такія-то злоупотребленія, облегчитъ такія-то бѣдствія; для того же, чтобы былъ выбранъ Паркеръ или Рузвельтъ, вы должны подать голосъ за такихъ-то выборщиковъ, — за симъ слѣдуетъ списокъ выборщиковъ—въ каждомъ штатѣ свой, — обязавшихся подать голосъ за желательнаго кандидата. Ни одна партія не обращается къ избирателямъ съ призывомъ такого рода: вотируйте за Джонса, Смита или Вилліамса, потому что они умные и свѣдущіе

люди, знакомые съ задачами политики, и они уже сумѣютъ выбрать для васъ достойнаго президента.

Такимъ образомъ, двухстепенные выборы обратились въ фикцію, въ формальность, а разъ система обратилась въ формальность, то она вредна уже, какъ всякая ненужная формальность, замедляющая и затрудняющая ходъ государственной машины. Но вредъ ея болѣе значителенъ. Не достигая своей цѣли, она иногда въ то же время прямо искажаетъ народное голосованіе, внося въ него элементъ случайности. Передъ нами выборщикъ, избранный 99 голосами противъ 1, и другой, избранный 51 противъ 49. На чашки вѣсовъ, рѣшающихъ окончательную судьбу выборовъ, одинъ бросаетъ 99 голосовъ, другой 51, и 99 вѣсятъ столько же, сколько 51. Въ результатѣ случается иногда избраніе президента большинствомъ голосовъ выборщиковъ, но меньшинствомъ народныхъ голосовъ. Если-бы тутъ сказывалась хоть какая-нибудь закономѣрность, если-бы тутъ проявлялось хотя-бы преобладаніе какого-нибудь класса, то эту форму избранія можно было бы защищать хоть съ какой-нибудь точки зрѣнія. Но тутъ мы видимъ дѣйствіе простой, безсмысленной случайности. Въ Америкѣ ее оправдываетъ теперь столѣтіе существованія,—и только.

Въ Пруссіи двухстепенные выборы обратились почти въ такую же фикцію, притомъ совершенно одинаково въ политически развитыхъ городскихъ центрахъ и въ самыхъ отсталыхъ деревняхъ. Вездѣ агитація ведется за кандидата на депутатское мѣсто, и вездѣ списки выборщиковъ составляются соотвѣтственно съ тѣмъ, за кого они обѣщались вотировать. Въ Пруссіи, правда, выборщикамъ представляется иногда задача, нѣсколько болѣе сложная, чѣмъ задача явиться въ избирательное бюро и громко произнести имя своего кандидата. Когда голоса выборщиковъ раздѣлились между нѣсколькими кандидатами и вслѣдствіе этого предстоитъ перебаллотировка, то выборщикамъ нужно рѣшить за избирателей, кого изъ не вполнѣ симпатичныхъ имъ кандидатовъ они считаютъ болѣе подходящимъ или, по крайней мѣрѣ, „меньшимъ зломъ“. Здѣсь уже начинается до нѣкоторой степени самостоятельная роль выборщиковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь особенно явственнымъ дѣлается вся искусственность двухстепенной выборной системы. Избиратели были признаны способными (фактически) намѣтить своего кандидата въ парламентъ; они поэтому нисколько въ сущности не интересовались личностью посредника между ними и своимъ кандидатомъ и выбирали безъ особеннаго разбора. И вотъ этому случайному человѣку предстоитъ рѣ-

шать сложный вопросъ за своихъ довѣрителей, не имѣя возможности получить отъ нихъ инструкціи. Предположимъ, что онъ выбранъ, какъ свободомыслящій; но его кандидатъ провалился, и ему надо рѣшить вопросъ, кто изъ двухъ непріятныхъ кандидатовъ, соціалъ-демократъ или антисемитъ менѣе непріятенъ для его избирателей. Рѣшитъ этотъ вопросъ онъ, конечно, на основаніи своего убѣжденія, которое можетъ не совпадать съ убѣжденіемъ его избирателей.

И вотъ тогда, когда двухстепенная система оказывается вполнѣ или отчасти не фикціей, тогда депутатъ оказывается избранникомъ не избирателей, а особенной коллегіи, убѣжденія которой не тождественны съ убѣжденіями избирателей. Они и не могутъ быть тождественны. Я могу вотировать за А, В или С, убѣжденный, что эти лица понимаютъ политическіе вопросы и сумѣютъ правильно исполнять депутатскія обязанности; изъ этого, однако, никоимъ образомъ не слѣдуетъ, чтобы я былъ вполнѣ солидаренъ со всѣми мнѣніями этихъ лицъ А, В или С, въ особенности въ томъ, что касается оцѣнки личностей, и чтобы лица, намѣченныя этими А, В или С, были бы и для меня излюбленными людьми.

Но въ этомъ-то и задача,—отвѣчаютъ сторонники двухстепенныхъ выборовъ:—конечно, лицо, избранное коллегіей выборщиковъ, будетъ не то же самое лицо, которое было бы избрано непосредственно избирателями, если только выборщики остановятъ свой выборъ на немъ послѣ серьезнаго обдумыванія и обсужденія, а не обратятъ второй стадіи выборовъ въ пустую формальность, какъ это, къ сожалѣнію, случилось въ Соединенныхъ Штатахъ и отчасти въ Пруссіи; но это-то и желательно. Мы не довѣряемъ здравому политическому смыслу избирателей и потому переносимъ избраніе въ другую коллегію, состоящую изъ людей болѣе развитыхъ; однако, эта коллегія не чужда народу; нѣтъ, она находится съ ними въ живомъ общеніи. Каждая деревня имѣетъ своихъ грамотѣевъ, своихъ интеллигентовъ. Они-то и должны быть выборщиками и, конечно, ихъ выборъ будетъ сдѣланъ благоразумнѣе, чѣмъ выборъ, произведенный сѣрою мужицкою массою. Гдѣ гарантія, что она не поддастся на удочку красивыхъ фразъ и широкихъ обѣщаній? Развѣ она знаетъ біографіи тѣхъ дѣятелей, которые добиваются ея голосовъ? Развѣ она, никогда не жившая сознательной политической жизнью, сумѣетъ разобраться въ политическихъ задачахъ и оцѣнить политическія программы? Не лучше-ли избавить ее отъ непосильной задачи и возложить ее на болѣе способныхъ для ея разрѣшенія? И если не навсегда, то на пер-

вое время. Потомъ она обучится въ школѣ политической жизни, — и тогда, конечно, не будетъ болѣе надобности водить ее на помочахъ.

Подобное разсужденіе указываетъ на истинный мотивъ сторонниковъ двухстепенныхъ выборовъ: они исходятъ изъ недовѣрія къ народнымъ массамъ и изъ желанія перенести политическое вліяніе съ народныхъ массъ на опредѣленныя группы населенія. Другими словами, двухстепенная система выборовъ есть замаскированное отрицаніе всеобщаго голосованія или, по крайней мѣрѣ, стремленіе внести къ нему нѣкоторый коррективъ.

Оставимъ теперь въ сторонѣ значеніе двухстепенности избранія тамъ, гдѣ она есть только форма, маскирующая избирательный цензъ, и обратимся къ двухстепенности въ ея чистомъ видѣ, когда она сопровождаетъ выборы всеобщіе и равные. При этомъ, какъ мы видѣли, она почти неизбѣжно обращается въ фикцію и, слѣдовательно, оказывается недостигающей цѣли, ради которой она создается и неподтверждающей тѣхъ соображеній, на которыхъ она основывается, о необходимости передать центръ тяжести въ руки болѣе развитой части населенія. Помимо, однако, практической ненужности ея, создаваемой этимъ ея обращеніемъ въ фикцію, помимо ея, вредности, поскольку она подчиняетъ выборы случайности, помимо, наконецъ, ея противорѣчія принципу демократизма, поскольку она переноситъ центръ политической тяжести съ народа въ особую коллегію, не вовсе лишенную классоваго характера, помимо всего этого она имѣетъ два печальныхъ послѣдствія, къ которымъ она можетъ приводить.

1) Прежде всего избиратели, зная, что депутатъ явится не ихъ избранникомъ, чувствуютъ сравнительно мало охоты участвовать въ выборахъ. Если въ Соединенныхъ Штатахъ двухстепенная система не препятствуетъ страстности и оживленности борьбы, то это объясняется только исключительной важностью борьбы (президентскіе, не парламентскіе выборы). Въ Пруссіи двухстепенность на ряду съ системою открытаго голосованія уменьшаетъ степень участія избирателей въ выборахъ. Въ Австріи это ея вліяніе еще сильнѣе.

Въ тѣхъ земляхъ и городахъ Австріи, гдѣ выборы (въ куріи всеобщаго голосованія) производятся прямымъ способомъ (Нижняя Австрія и города; Прага, Краковъ, и др.), въ парламентскихъ выборахъ 1897 г. участвовало 72% избирателей, въ 1900 г. — 57%; въ земляхъ, въ которыхъ выборы происходили двухстепеннымъ способомъ (Верхняя Австрія, Богемія, Моравія и др.), въ 1897 г. участвовало въ выборѣ

35% избирателей, въ 1900 г. — 29%, т. е. оба раза вдвое меньше, чѣтъ при прямыхъ выборахъ. Можетъ быть, это объясняется сравнительною отсталостью земель, въ которыхъ производятся выборы по двухстепенной системѣ? Нѣтъ. Въ Нижней Австріи въ куріи сельскаго землевладѣнія на выборахъ 1891 г., происходившихъ по двухстепенной системѣ, голосовали лишь 28% избирателей, а на выборахъ 1897 г., происходившихъ на основаніи новаго закона, установившаго для той же Нижней Австріи прямые выборы, уже 68%.

Такимъ образомъ, двухстепенная система явно ослабляетъ энергію избирателей и ведетъ за собою усиленный абсентеизмъ.

Но есть еще одинъ не менѣе, если не болѣе, важный результатъ этой системы. Двухстепенная система чрезвычайно облегчаетъ и подкупъ, и застращиваніе, и иные способы давленія на избирателей. Крайне трудно подкупить 10-тысячную армію избирателей. Гораздо легче подкупить нѣсколькихъ выборщиковъ, тѣмъ болѣе, что относительно выборщиковъ всегда бываетъ заранѣе извѣстно, какъ они намѣрены голосовать. Въ Австріи, въ особенности въ Галиціи, на всѣхъ выборахъ практикуется еще одинъ пріемъ. Выборщики избраны, политическія убѣжденія ихъ извѣстны; нетрудно опредѣлить, что, напр., въ такомъ-то избирательномъ округѣ 300 выборщиковъ будутъ вотировать за оппозиціоннаго кандидата, а 250 за кандидата желательнаго. И вотъ за нѣсколько дней до окончательныхъ выборовъ противъ 50 оппозиціонныхъ выборщиковъ возбуждается обвиненіе въ какомъ-нибудь уголовномъ преступленіи: въ поджогѣ, вызвавшемъ недавно случившійся въ этой мѣстности пожаръ, въ конокрадствѣ и т. д. Выборщики подвергаются аресту или объявляются состоящими подъ слѣдствіемъ и лишаются права участвовать въ выборахъ. Вслѣдствіе этого на выборахъ торжествуетъ желательный кандидатъ, и дѣло кончено. Черезъ два дня арестованные освобождаются, слѣдствіе прекращается, и полиція или слѣдователь даже извиняются передъ ними. Вчерашніе обвиняемые счастливы, что дѣло обошлось такъ легко; полиція, доставившая торжество правительственному кандидату, тоже счастлива; дѣло, слѣдовательно, окончилось къ общему удовольствію,—и въ рейхсратѣ засѣдаетъ лишній благонамѣренный депутатъ. При помощи подобнаго пріема, совершенно невозможнаго при системѣ прямыхъ выборовъ, на выборахъ въ рейхсратѣ въ 1897 г. было достигнуто забаллотированіе русинскаго кандидата Ивана Франко и торжество его консервативно-польскаго противника.

Съ двухстепенной системой подачи голосовъ въ точномъ смыслѣ этого слова не слѣдутъ смѣшивать избраніе депутатовъ какими-либо законодательными собраніями. Въ Соед. Штатахъ палата депутатовъ избирается прямо народомъ, сенатъ же избирается законадательными собраніями (парламентами) отдѣльныхъ штатовъ. При двухстепенной подачѣ голосовъ избиратели выбираютъ выборщиковъ для того только, чтобы они выбрали депутатовъ. Въ Соед. Штатахъ они выбираютъ мѣстныя законодательныя собранія для того, чтобы они исполняли работу законодательныхъ собраній, и м е ж д у п р о ч и м ъ избирали членовъ сената Соединенныхъ Штатовъ. При такихъ условіяхъ избраніе сенаторовъ не можетъ обратиться въ фикцію; каждый членъ законодательнаго собранія имѣетъ для народа значеніе самъ по себѣ, а не какъ выборщикъ сенатора. И онъ, какъ всякій членъ парламента, находится подъ постояннымъ фактическимъ контролемъ народа. Всѣ соображенія, слѣдовательно, о вліяніи двухстепенности выборовъ на увеличеніе абсентизма избирателей, на большую легкость подкупа, застращиваній и т. д., здѣсь не примѣнимы. Но при этомъ способѣ избранія не народъ выбираетъ сенатора двухстепеннымъ способомъ, а законодательныя собранія отдѣльныхъ штатовъ выбираютъ его прямымъ способомъ.

Голоса могутъ подаваться избирателями либо открыто, явно, либо закрыто, тайно, посредствомъ-ли записокъ, опускаемыхъ въ избирательную урну или посредствомъ шаровъ, бросаемыхъ въ избирательный ящикъ. Первая система благопріятствуетъ, очевидно, тѣмъ общественнымъ группамъ, которыя могутъ не бояться подавать голосъ, за кого они хотятъ. Для тѣхъ же общественныхъ группъ, какъ напримѣръ, чиновниковъ и вообще служащихъ на государственной, общественной или частной службѣ, включая сюда и рабочихъ, наконецъ, для крестьянъ, которые всегда очень сильно зависятъ отъ мѣстныхъ властей, отъ священника, отъ своего хозяина,—для нихъ эта система оказывается чрезвычайно неблагопріятной. По большей части они оказываются не въ состояніи подавать свой голосъ такъ, какъ хотятъ, и либо оказываются вынужденными голосовать противъ своего убѣжденія, либо вовсе не являться къ избирательнымъ урнамъ. Открытый способъ подачи голосовъ чрезвычайно благопріятствуетъ также подкупу избирателей, такъ какъ только въ такомъ случаѣ лицо, подкупающее избирателя, можетъ слѣдить, чтобы подкупленный исполнилъ свое обѣщаніе, и только при ней можно серьезно грозить избира-

телю извѣстными послѣдствіями (удаленіемъ съ мѣста и т. п.), если онъ подастъ голосъ не такъ, какъ это желательно сильному человѣку. Такимъ образомъ, открытая или явная подача голосовъ есть одинъ изъ способовъ дать на выборахъ перевѣсъ опредѣленнымъ общественнымъ группамъ, располагающимъ либо деньгами, либо общественнымъ вѣсомъ. До 1872 г. въ Англіи существовала система открытой подачи голосовъ, но съ 1872 г. она замѣнена системой закрытой. Въ Пруссіи при двухстепенной системѣ подача голосовъ производится открытымъ способомъ. Въ Австріи тамъ, гдѣ выборы прямые, тамъ они производятся закрытымъ способомъ, но тамъ, гдѣ они двухстепенные, выборы выборщиковъ производятся открыто, и только выборщики выбираютъ депутатовъ закрытымъ способомъ. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ совершеннымъ извращеніемъ демократическаго требованія. Интересъ широкихъ народныхъ массъ состоитъ въ томъ, чтобы голосованіе было закрытое и прямое. Но если уже существуютъ двухстепенные выборы, то ясно, что въ интересахъ соотвѣтствія исхода выборовъ съ желаніями избирателей скорѣе вторая ихъ степень должна происходить открыто, а первая закрыто, чѣмъ обратно. Въ самомъ дѣлѣ, выборщиками являются люди, въ томъ или иномъ отношеніи выдающіеся изъ массы. По большей части выборщиками должны быть люди, заранѣе открыто заявляющіе, къ какой они партіи принадлежатъ, за кого они намѣрены вотпровать. Выборщикъ является уполномоченнымъ лицомъ, пользующимся довѣріемъ избирателей, и избиратели имѣютъ право требовать отчета, какъ онъ воспользовался своими полномочіями; для этого необходимо, чтобы выборщикъ подавалъ голосъ открыто. Закрытая же подача голосовъ выборщиками имѣетъ цѣлью освободить выборщиковъ отъ всякаго давленія и вліянія со стороны избирателей и поставить ихъ подъ вліяніе другихъ лицъ, другихъ общественныхъ группъ, всего чаще правительства, полиціи или сильныхъ мѣстныхъ людей.

Въ Германіи, во Франціи, въ Швеціи, въ Италіи, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Швейцаріи, Норвегіи и другихъ государствахъ въ настоящее время существуетъ система закрытой баллотировки.

Но эта послѣдняя можетъ быть организована такъ, что являясь закрытой въ теоріи, она даетъ возможность тѣмъ не менѣе нарушать тайну голосованія; въ другомъ случаѣ, напротивъ, тайна голосованія гарантируется хорошо. Закрытое голосованіе производится однимъ изъ двухъ способовъ: либо шарами, опускаемыми въ баллотировочный ящикъ, либо записками, опускаемыми въ избирательную урну. Первая

система существуетъ только въ Греціи и Сербіи. Вторая во всѣхъ остальныхъ государствахъ, гдѣ существуетъ система тайной подачи голосовъ. Баллотированіе при посредствѣ шаровъ отличается большою медлительностью, крайнею сложностью, часто приводитъ къ нелѣпымъ результатамъ (вродѣ того, что выбранными оказываются два лица, когда нужно выбрать одного, или, напротивъ, ни одно лицо, несмотря на повторныя голосованія, не получаетъ большинства), облегчаетъ всевозможныя мошенничества (вродѣ опусканія однимъ лицомъ 2, 3 или болѣе шаровъ въ одинъ ящикъ) и почти всегда даетъ возможность по движенію руки, по звуку скатывающагося шарика догадываться, какъ голосуетъ тотъ или другой избиратель. Напротивъ, система избирательныхъ записокъ освобождаетъ отъ всѣхъ этихъ неудобствъ. Правда, урна представляетъ нѣкоторыя затрудненія тамъ, гдѣ населеніе въ значительной своей части безграмотно, но затрудненіе это не такъ уже велико: отъ избирателя не требуется, чтобы онъ лично писалъ свою записку. Записка можетъ быть написана дома лицомъ, близкимъ избирателю, пользующимся его довѣріемъ, или даже напечатана и вручена избирателю агентомъ политической партіи.

Но и подача голосовъ записками не всегда въ достаточной мѣрѣ гарантируетъ сохраненіе тайны. Нерѣдко хозяинъ или вообще лицо, почему либо могущее приказывать избирателю, вручаетъ ему записку передъ самымъ входомъ въ избирательное бюро и требуетъ, чтобы онъ несъ ее все время держа въ рукѣ и опустилъ въ урну. Чтобы предупредить это, создаются особыя огороженныя ширмами изоляціонныя помѣщенія въ мѣстахъ выборовъ; отъ избирателя требуютъ, чтобы онъ, передъ тѣмъ, какъ подойти къ урнѣ, обязательно зашелъ за ширмы и тамъ положилъ свой бюллетень въ особый официальный конвертъ со штемпелемъ, данный ему при входѣ въ комнату выборовъ. Это гарантируетъ дѣйствительную тайну выборовъ. Такая система существуетъ въ Германіи (съ 1903), въ кантонѣ Во (въ Швейцаріи) и нѣкоторыхъ др.

IV.

Внѣшняя организація выборовъ.

Мы выяснили такимъ образомъ, что такое всеобщее избирательное право, къ которому стремится общественное развитіе нашего времени, и почему съ требованіемъ все-

общаго избирательнаго права связывается всегда требованіе равенства, непосредственности (прямоты) и тайны голосованія. Сказавъ, однако, „всеобщее, равное, прямое и тайное“ голосованіе, мы сказали далеко не все. При господствѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія результатъ выборовъ можетъ быть очень различенъ, въ зависимости отъ того, какъ организована подача голосовъ. Въ самомъ дѣлѣ передъ нами округъ въ 50.000 жителей и, слѣдовательно (при системѣ всеобщаго мужского избирательнаго права и при возрастѣ въ 21 годъ, дающемъ право голоса), приблизительно въ 12.500 лицъ, имѣющихъ право участвовать въ выборахъ. Предположимъ, что изъ нихъ

за кандидата А подали голосъ 5.100 человѣкъ.
„ „ Б „ „ 4.900 „

Итого . . . . . 10.000 человѣкъ;

остальные 2.500. по той или иной причинѣ, по индиферентности или по недовольству выставленными кандидатами воздержались отъ подачи голоса. Выбранъ депутатомъ А, и онъ говоритъ отъ имени округа въ 50.000 человѣкъ, хотя чуть не цѣлая половина ихъ предпочитаетъ ему кандидата Б. Передъ нами сотня такихъ избирательныхъ округовъ, составляющая цѣлую страну, и при такомъ же или приблизительно такомъ же распредѣленіи партій въ странѣ мы имѣемъ парламентъ, выражающій желанія лишь совершенно ничтожнаго большинства страны, тогда какъ почти равное ему по численности меньшинство не имѣетъ въ немъ своего голоса. Въ составъ такого меньшинства могутъ входить иногда весьма многочисленныя группы населенія съ совершенно своеобразными интересами, которыя, не составляя большинства ни въ одномъ изъ избирательныхъ округовъ, окажутся совершенно лишенными всякаго политическаго значенія.

Пойдемъ дальше и возьмемъ для примѣра гипотетическую страну съ населеніемъ въ 400.000 жителей; при правѣ голоса всѣхъ мужчинъ старше 21 года, въ ней будетъ приблизительно 100.000 избирателей. Предположимъ, что они живутъ въ ста городахъ или поселеніяхъ въ 4.000 жителей или въ 1.000 избирателей каждое. Предположимъ далѣе, что въ 40 изъ этихъ городовъ незначительное большинство избирателей, въ среднемъ человѣкъ по 600, принадлежитъ къ консервативной партіи, въ 30 другихъ городахъ—къ либеральной, въ 30 послѣднихъ—къ клерикальной; но во всѣхъ ста городахъ меньшинство, въ среднемъ избирателей по 400, исповѣдуетъ ученіе соціализма. Предположимъ далѣе,

что каждый городъ избираетъ одного депутата. Въ такомъ случаѣ въ парламентѣ, состоящемъ изъ ста депутатовъ, мы будемъ имѣть 40 консерваторовъ, 30 либераловъ, 30 клерикаловъ и ни одного соціалиста; а между тѣмъ соціалистическая партія является наиболѣе многочисленной, насчитывая среди избирателей 40.000 сторонниковъ, тогда какъ консерваторовъ у насъ имѣется всего 24.000, либераловъ и клерикаловъ по 18.000. Мы видимъ, такимъ образомъ, въ нашемъ примѣрѣ полнѣйшее несоотвѣтствіе между партійной группировкой избирателей и составомъ парламента.

И вотъ въ избранномъ такимъ образомъ парламентѣ происходитъ голосованіе по какому-либо важному вопросу. Небольшое большинство депутатовъ высказалось за; значительное меньшинство, почти равное половинѣ, высказалось противъ. Вопросъ, тѣмъ не менѣе, рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, и законопроектъ обратился въ законъ. А между тѣмъ за него стоитъ лишь небольшое большинство парламента, который самъ выражаетъ интересы и стремленія лишь небольшого большинства страны. Если мы представимъ, что за него высказалось 60 депутатовъ изъ 100 (напр. либералы и клерикалы), то мы получимъ законопроектъ, принятый благодаря поддержкѣ 36.000 избирателей изъ общаго числа 100.000. Если же въ парламентѣ на лицо было всего 75 депутатовъ, за проектъ высказались изъ нихъ 40 (явленіе довольно обычное), то значитъ, принятъ проектъ желательный 24.000 избирателей изъ 100.000. Строя свою систему на признаніи права большинства, мы такимъ образомъ пришли къ торжеству меньшинства надъ большинствомъ.

Подобныя соображенія были приведены княземъ Бисмаркомъ въ одномъ изъ засѣданій германскаго рейхстага 1887 г., когда рейхстагъ отвергъ предложенный имъ проектъ увеличенія германской арміи. Теоретически кн. Бисмаркъ былъ совершенно правъ: возможность голосованія, при которомъ, несмотря на теоретическое признаніе правъ большинства, въ дѣйствительности торжествуетъ меньшинство населенія, не подлежитъ сомнѣнію. Конечно, подобная возможность является довольно исключительной. Обыкновенно на практикѣ бываетъ иначе. Въ однихъ округахъ торжествуютъ консерваторы, а либералы, находящіеся въ меньшинствѣ, оказываются не представленными; въ другихъ торжествуютъ либералы, а въ меньшинствѣ оказывается консерваторы, въ третьихъ торжествуютъ соціалъ-демократы и т. д. Меньшинство либераловъ, оказавшееся непредставленнымъ въ одномъ округѣ, компенсируется таковымъ же меньшинствомъ

консерваторовъ, непредставленнымъ въ другомъ округѣ, и въ окончательномъ итогѣ парламентъ, избранный всеобщимъ голосованіемъ по принципу большинства, въ отдѣльныхъ округахъ, если не вполнѣ, то приблизительно соотвѣтствуетъ настроенію страны. Такъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ.

Степень приближенія, однако, можетъ быть разная. Такъ, напр., въ Германіи въ 1896 г. возникла національ-соціальная партія съ самостоятельной и довольно характерной программой (радикальныя реформы въ пользу рабочихъ и рядомъ съ этимъ націонализмъ, шовинизмъ и аггрессивная иностранная политика); она вербовала своихъ сторонниковъ преимущественно среди профессоровъ, литераторовъ, врачей, адвокатовъ, пасторовъ—вообще, интеллигенціи. На выборахъ 1898 г. она собрала въ 11 округахъ 27.000 голосовъ,—число, при условіи скученности въ опредѣленныхъ мѣстахъ, достаточное для проведенія 2, даже 3 депутатовъ, но въ дѣйствительности не давшее ей ни одного полномочія. На выборахъ 1903 г. она же собрала 30.000 голосовъ и провела только 1 депутата, причемъ этимъ депутатомъ случайно оказался второстепенный дѣятель партіи Герлахъ. тогда какъ ея истинный и признанный вождь, пасторъ Науманъ, былъ забаллотированъ. Вообще интеллегенція, если она имѣетъ интересы и стремленія, отдѣльныя отъ интересовъ и стремленій другихъ общественныхъ группъ, имѣетъ очень много шансовъ быть совершенно задавленной при мажоритарной системѣ выборовъ, т. е. при выборахъ по большинству голосовъ въ округахъ.

Въ сходномъ положеніи долгое время находились соціалъ-демократы Германіи; разбросанные по всей странѣ, они до 1890 г. находили лишь небольшое количество округовъ, далеко не соотвѣтствовавшее ихъ дѣйствительной численности, въ которыхъ они могли проводить своихъ кандидатовъ, и то, по большей части, на перебаллотировкахъ, при поддержкѣ другихъ партій. Не много улучшилось ихъ положеніе и впослѣдствіи. На послѣднихъ выборахъ (1903) они собрали 31% всѣхъ поданныхъ въ странѣ голосовъ и провели въ рейхстагъ (число всѣхъ депутатовъ котораго равняется 397) только 81 депутата (вмѣсто 120 какъ слѣдовало бы), т. е. 21% всѣхъ депутатовъ рейхстага; напротивъ, клерикалы собрали лишь 19% голосовъ и провели въ рейхстагъ 102 депутата вмѣсто 77, какъ слѣдовало бы пропорціонально ихъ численности въ странѣ. Одна партія получила, такимъ образомъ, въ полтора раза меньше представителей, другая въ разъ съ третью больше, чѣмъ онѣ

могли бы разсчитывать по численности своихъ сторонниковъ въ странѣ. При такихъ условіяхъ торжество въ парламентской борьбѣ меньшинства избирателей, представленныхъ, однако, большинствомъ депутатовъ, дѣйствительно иногда имѣетъ мѣсто. Бисмаркъ въ доказательство этой мысли ссылался на провалъ предложеннаго имъ увеличенія арміи; фактически тогда онъ не былъ правъ, потому что за провалившими его проектъ партіями стояло несомнѣнное большинство избирателей. Но въ 1893 г. его наслѣдникъ, второй канцлеръ Германской имперіи, гр. Каприви внесъ проектъ новаго увеличенія арміи; для его проведенія онъ распустилъ парламентъ, и на іюньскихъ выборахъ 1893 г., во время которыхъ партіи боролись какъ разъ за и противъ этого проекта, за его сторонниковъ (консерваторовъ, національ-либераловъ, поляковъ и др.) было подано 3.268.000 голосовъ, тогда какъ за его противниковъ (свободомыслящая народная партія, соціалъ-демократы и др.) цѣлыхъ 4.312.000 гол. И тѣмъ не менѣе, въ парламентѣ первые оказались въ большинствѣ, и проектъ гр. Каприви восторжествовалъ большинствомъ 11 голосовъ (при 385 участвовавшихъ въ голосованіи депутатовъ).

Иногда непропорціональность представительства является совершенно случайной, гарантируя временное преобладаніе той или иной партіи совершенно независимо отъ желаній законодателя; чаще, однако, какъ это мы видѣли на примѣрѣ Германіи, она является благопріятной интересамъ правящихъ партій. Но въ одной части Германіи, именно въ Саксоніи, на тѣхъ же выборахъ 1903 г. за соціалъ-демократовъ подано 58% всѣхъ голосовъ, а между тѣмъ въ рейхстагъ Саксонія послала 22 соц.-дем. изъ своихъ 23 депутатовъ, т. е. чуть не всѣхъ поголовно, почти вдвое болѣе, чѣмъ слѣдовало-бы пропорціонально числу поданныхъ голосовъ. Непропорціональность здѣсь является нежелательной съ точки зрѣнія законодателя и правящихъ классовъ, и если они мирятся съ нею, то только потому, что она вполнѣ и даже съ избыткомъ компенсируется для нихъ непропорціональностью въ обратную сторону въ другихъ частяхъ имперіи.

Если задача демократіи сводится къ тому, чтобы выработать избирательную систему, сводящую указанное явленіе до возможнаго минимума, гарантирующую результатъ выборовъ, возможно болѣе соотвѣтствующій желаніямъ избирателей (абсолютное соотвѣтствіе едва-ли находится въ области достижимаго), то задача господствующихъ классовъ нерѣдко лежитъ какъ разъ въ противоположномъ, именно въ

охранѣ существующей, благопріятствующей системы или даже въ ея дальнѣйшемъ приспособленіи къ требованіямъ ихъ интересовъ. Въ этихъ видахъ въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы и въ особенности въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ выработалась даже своеобразная наука, именуемая избирательной геометріей, которая учитъ такъ опредѣлять границы избирательныхъ округовъ, такъ дробить ихъ или сливать воедино, чтобы это могло доставить или сохранить преобладаніе господствующихъ партій. Къ этой наукѣ довольно охотно прибѣгаютъ муниципалитеты или законодательныя собранія отдѣльныхъ американскихъ штатовъ, когда господствующему большинству грозитъ опасность на слѣдующихъ выборахъ остаться въ меньшинствѣ и когда эту опасность можно предотвратить, проѣхавъ нѣкоторые городскіе кварталы къ сельскимъ округамъ или обратно.

Но избирательная система вліяетъ на исходъ выборовъ не только такимъ, такъ сказать, статистическимъ способомъ. Она вліяетъ на нихъ еще и психологическимъ путемъ. Одна система содѣйствуетъ образованію большихъ политическихъ партій съ прочнымъ существованіемъ; другая благопріятствуетъ партіямъ многочисленнымъ и дробнымъ, съ существованіемъ эфемернымъ; одна облегчаетъ злоупотребленія на выборахъ, другая ихъ затрудняетъ.

Во всякомъ случаѣ задача выработки избирательной системы, которая при наличности опредѣленнаго избирательнаго корпуса давала-бы въ парламентѣ наиболѣе правильное отраженіе его воли, принадлежитъ къ числу весьма трудныхъ и сложныхъ, не имѣющихъ одного общаго рѣшенія, вѣрнаго во всѣхъ странахъ и въ различные моменты исторической жизни.

Въ большинствѣ странъ, гдѣ существуетъ всеобщее или умѣренно-цензовое голосованіе, какъ-то въ Германіи, въ Англіи (за исключеніемъ немногихъ округовъ), во Франціи, въ Австріи (въ куріи всеобщаго голосованія), въ Норвегіи съ 1905 г. и т. д., для цѣлей выборовъ вся страна дѣлится на избирательные округа, и каждый округъ выбираетъ большинствомъ голосовъ 1-го депутата. Это называется мажоритарная система.

Въ Швейцаріи страна дѣлится на сравнительно небольшое число округовъ, изъ которыхъ каждый, за немногими исключеніями, выбираетъ не 1, а 2, 3 и болѣе депутатовъ сразу. Та же самая система, система избранія по спискамъ (scrutin de liste) была примѣнена во Франціи въ 1885 г., нѣкоторое время примѣнялась въ Италіи, примѣняется и

теперь въ нѣсколькихъ округахъ Англіи, избирающихъ по 2 депутата, примѣнялась до 1905 г. въ Норвегіи и т. д. Вообще, однако, она мало-по-малу исчезаетъ отовсюду, хотя во многихъ странахъ, напр., во Франціи, и до сихъ поръ имѣетъ большое число сторонниковъ. При системѣ избранія по спискамъ каждый избиратель пишетъ на своемъ бюллетенѣ не 1 имя, а 2, 3, 4 или болѣе,—вообще столько, сколько слѣдуетъ избрать депутатовъ. Имена подсчитываются, и побѣдившими считаются тѣ, которые сосредоточили на своемъ имени большинство голосовъ.

Если при системѣ избранія мажоритарной, какъ мы видѣли, большое число избирателей остается въ парламентѣ не представленнымъ, то при системѣ избранія по спискамъ это число оказывается еще больше, и такимъ образомъ система избранія по спискамъ содѣйствуетъ подавленію меньшинства большинствомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ всякая иная система. Но зато—и это то достоинство системы избранія по спискамъ, на которое напираютъ ея сторонники,—она не даетъ возможности проходить въ парламентъ лицамъ, имена которыхъ извѣстны только въ ихъ деревнѣ и въ ея ближайшихъ окрестностяхъ; она не даетъ простора патріотизму и интересамъ мѣстной церковной колокольни, замѣняя ихъ патріотизмомъ и интересами страны. Чтобы быть избраннымъ по списку въ цѣлой провинціи, нужно пользоваться извѣстностью въ этой провинціи, нужно, слѣдовательно, имѣть громкое имя; обращаясь къ избирателямъ цѣлой провинціи, кандидатъ не можетъ говорить о какой-нибудь проселочной дорогѣ, за которую онъ будетъ ратовать въ парламентѣ, или въ лучшемъ случаѣ о какомъ-нибудь подъѣздномъ желѣзнодорожномъ пути или о чемъ-нибудь подобномъ; онъ непремѣнно долженъ говорить объ интересахъ всей страны.

Въ дѣйствительности, однако, это соображеніе на практикѣ подтверждается очень мало. Когда во Франціи система единоличнаго избранія передъ выборами 1885 г. была замѣнена системой избранія по спискамъ, то отъ этого избирательная борьба вовсе не стала болѣе принципіальной. Въ свою очередь, когда передъ выборами 1889 г. Франція опять вернулась къ системѣ единоличнаго избранія, то уровень выборной борьбы отъ этого не понизился сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ. Если мѣстные интересы сколько-нибудь замѣтно сказываются при выборахъ, то именно въ Швейцаріи, гдѣ донынѣ существуетъ избраніе по спискамъ; правда, впрочемъ, тамъ даже при этой системѣ округа, въ которыхъ происходитъ избраніе депутатовъ по спискамъ, значительно

меньше, чѣмъ округа, выбирающіе 1 депутата въ Германіи или Франціи.

Чтобы сохранить дѣйствительное или призрачное достоинство системы избранія по спискамъ (т. е. именно избранія въ большихъ округахъ по преимуществу въ провинціяхъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы избавить ихъ отъ крупнаго недостатка—подавленія меньшинства—предлагаютъ систему пропорціональныхъ выборовъ. До сихъ поръ эта система примѣняется въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ; она существуетъ въ нѣсколькихъ кантонахъ Швейцаріи для выборовъ въ мѣстные кантональные парламенты, да еще въ Бельгіи; но она имѣетъ значительное число сторонниковъ повсюду. Сущность ея состоитъ въ томъ, что выборы происходятъ по спискамъ, но въ окончательномъ результатѣ торжествуетъ не цѣлый списокъ, а только нѣкоторая его часть.

Предположимъ, что въ округѣ, въ которомъ нужно выбрать 10 депутатовъ, подано 100.000 голосовъ; изъ нихъ 60.000 подано за консервативный списокъ, 20.000 за либеральный и 20.000 за соціалъ-демократическій. При системѣ избранія по спискамъ прошли-бы всѣ 10 депутатовъ консервативнаго списка, получившіе большинство, и 40.000 избирателей оказались-бы въ парламентѣ не представленными. При пропорціональной системѣ изъ консервативнаго списка берется 6, изъ либеральнаго 2 и изъ соціальнаго тоже 2; ни одинъ голосъ не пропадаетъ безплодно [1]). Система эта, впрочемъ, явилась не какъ поправка къ системѣ избранія по спискамъ, а совершенно самостоятельно, какъ поправка къ избранію по округамъ. Первоначальною цѣлью, которую преслѣдовали ея первые сторонники (въ особенности Джонъ Стюартъ Милль), было не столько создать пропорціональность представительства, сколько дать представительство тому интеллигентному меньшинству, которое имѣетъ мало шансовъ попадать въ парламенты при господствѣ народныхъ массъ; такимъ образомъ, эта система отстаивала представительство меньшинства и имѣла до нѣкоторой степени аристократическій характеръ. Впослѣдствіи она, напротивъ, стала лозунгомъ демократическихъ и радикальныхъ партій, въ особенности соціалъ-демократическихъ, которыя во многихъ странахъ оказываются въ чрезвычайно неблагопріятномъ положеніи при господствѣ мажоритарной системы.

[1]) Эта система изложена подробнѣе въ статьѣ Е. Смирнова, напечатанной во 2-мъ томѣ „Гос. строя и политич. партій“. О ней см. также мою брошюру „Пропорціональные выборы или представительство меньшинства“ (Спб., 1905 г.).

Практика, однако, доказываетъ, что при этой системѣ пропорціональность достигается такъ-же плохо, какъ и при системѣ мажоритарной, и вообще, она оказывается примѣнимой только въ странахъ небольшихъ, гдѣ округи, даже избирающіе по нѣсколько депутатовъ, могутъ быть не очень значительными [1]).

Мы нѣсколько разъ говорили, что выбраннымъ является лицо, получившее большинство голосовъ въ избирательномъ округѣ, или избирательный списокъ, за который подано большинство голосовъ въ цѣлой провинціи. Но что значитъ большинство голосовъ? Предположимъ, что въ округѣ подано 10.050 избирательныхъ записокъ или бюллетеней; изъ нихъ 50 недѣйствительныхъ [2]). Итого 10 бюллетеней дѣйствительныхъ.

Абсолютное большинство составляютъ 5.001 голосовъ; между тѣмъ подано:

за А	3.600
„ Б	3.500
„ В	1.800
„ Г	600
„ Д	400
раздробившихся голосовъ	100 [3])
Итого	10.000

Кто избранъ? Англійское выборное право издавна и донынѣ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ признаніемъ права относительнаго большинства; кандидатъ, получившій наибольшее число голосовъ, хотя-бы это число не достигало половины (въ данномъ случаѣ кандидатъ А), признается избраннымъ; германское, французское и др. избирательное право назначаетъ въ такихъ случаяхъ перебаллотировку.

Англійская система приноровлена къ англійскимъ политическимъ партіямъ. Въ Англіи въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ борются между собою двѣ большія политическія партіи;

---

[1]) Подробное развитіе этихъ мыслей см. въ моей вышеназванной брошюрѣ.

[2]) Т. е. такихъ, что на нихъ нельзя разобрать имени или вовсе его нѣтъ (бюллетень поданъ бѣлымъ, что иногда случается), или бюллетень не соотвѣтствуетъ требованіямъ закона. Бюллетени, недѣйствительные для опредѣленія большинства, не считаются.

[3]) Раздробившимися признаются голоса, разбившіеся между многими кандидатами, изъ коихъ ни одинъ не получилъ болѣе опредѣленной невысокой нормы, напримѣръ 25.

каждая третья, случайно возникающая, оказывается эфемерной и очень скоро сходитъ съ политической арены. Но именно англійская избирательная система является главной причиной этого явленія. Всякая третья партія имѣетъ способность наносить непоправимый вредъ партіи наиболѣе ей близкой и вмѣстѣ съ тѣмъ выигрывать сама очень мало. Въ 1886 г., когда либеральная партія раздробилась на либераловъ-гомрулеровъ и на либераловъ-уніонистовъ, то въ округахъ искони-либеральныхъ и оставшихся таковыми-же и на выборахъ 1886 г., она съѣла сама себя, доставивъ блестящее торжество консерваторамъ, прошедшимъ относительнымъ большинствомъ голосовъ даже тамъ, гдѣ на нихъ сторонѣ было лишь меньшинство.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что результатъ выборовъ можетъ считаться правильнымъ только тогда, когда выбранное лицо имѣетъ за себя дѣйствительно большинство поданныхъ голосовъ. При раздробленіи голосовъ между нѣсколькими кандидатами, необходимо произвести дѣйствительный и окончательный выборъ, не предоставляя его случаю; а это возможно только тогда, когда само населеніе рѣшаетъ, кто изъ кандидатовъ, получившихъ значительное число голосовъ, не составляющее, однако, абсолютнаго большинства, другими словами, кто изъ двухъ кандидатовъ, не вполнѣ ему близкихъ, все-таки ближе другого.

Итакъ, слѣдуетъ назначать перебаллотировки. По отношенію къ перебаллотировкамъ существуютъ тоже различные взгляды. Германское выборное право признаетъ именно перебаллотировку въ точномъ смыслѣ этого слова (engere Wahl, т. е. перебаллотировку между двумя первыми кандидатами, получившими наибольшее число голосовъ. Бюллетени, поданные за какого нибудь третьяго кандидата, считаются на перебаллотировкѣ недѣйствительными.

Въ приведенномъ примѣрѣ оно ставитъ на перебаллотировку кандидатовъ А и Б. Предположимъ, что на перебаллотировкѣ подается 9.000 голосовъ.

Изъ нихъ за

канд. А.	4.400
„ Б.	4.000
„ В. все-таки подается . . .	300
„ Г.	100
раздробившихся	100
бѣлыхъ, неразборчивыхъ и т. д. .	100
	9.000

Недѣйствительными на этотъ разъ признаются не только послѣдніе, но и раздробившіеся (которые ранѣе все-таки принимались въ соображеніе), и даже поданные за В и Г; ихъ въ общей сложности оказывается, слѣдовательно, 600, на долю законныхъ бюллетеней остается 8.400, абсолютное большинство, слѣдовательно, составляетъ 4.201, избранъ А [1]).

Напротивъ, французское избирательное право не знаетъ перебаллотировокъ; взамѣнъ ихъ оно назначаетъ вторичные выборы (élections au deuxième tour), т. е. выборы, представляющіе формально повтореніе первыхъ выборовъ. Кандидатамъ и поддерживающимъ ихъ партіямъ предоставляется самимъ войти въ соглашеніе между собою, снять безнадежныя кандидатуры и вести агитацію за того или иного изъ кандидатовъ, имѣющихъ шансы пройти. Но если такое соглашеніе не состоится, или если избиратели не согласятся съ рѣшеніемъ политическихъ партій, ведущихъ агитацію въ данномъ округѣ, и изъ избирательныхъ урнъ будутъ вынуты бюллетени опять-таки за трехъ, четырехъ или болѣе кандидатовъ, то всѣ эти бюллетени считаются дѣйствительными и въ случаѣ отсутствія абсолютнаго большинства вопросъ на этотъ разъ рѣшается большинствомъ относительнымъ.

Баллотироваться на выборахъ въ парламентъ въ Англіи могутъ только люди, кандидатура которыхъ выставлена, по крайней мѣрѣ, десятью избирателями. Эта кандидатура должна быть заявлена избирательному бюро и офиціально распубликована. Если какой-либо избиратель тѣмъ не менѣе подастъ голосъ за кандидата, въ округѣ не выставленнаго, то его голосъ признается недѣйствительнымъ и никакого вліянія на исходъ выборовъ не имѣетъ. Если въ округѣ предложена только одна кандидатура, то выборы не производятся, и кандидатъ признается избраннымъ безъ нихъ.

Въ Германіи, напротивъ, такихъ (легальныхъ) кандидатуръ не существуетъ. Кандидаты на выборахъ, конечно,

---

[1]) Раздробившіеся голоса ранѣе принимались въ соображеніе. Это значитъ, что если подано 10.000 голосовъ, изъ нихъ 100 раздробилось, за А подано ровно 5.000, за всѣхъ другихъ кандидатовъ вмѣстѣ 4.900, то А избраннымъ не признается, такъ какъ абсолютное большинство—5.001, и А въ такомъ случаѣ ставится на перебаллотировку со слѣдующимъ по числу полученныхъ голосовъ кандидатомъ.—Если же раздробившіеся голоса признать недѣйствительными, то дѣйствительныхъ голосовъ подано 9.900, абсолютное большинство составляетъ 4.951, А, получившій 5.000, избранъ.—Приведенныя выше цифры 300 голосовъ за В, 100 за Г и т. д., поданныхъ на перебаллотировкѣ, приведены лишь для уясненія мысли, но онѣ совершенно фантастичны. Обыкновенно населеніе очень хорошо понимаетъ значеніе перебаллотировки между двумя кандидатами, и такихъ ошибочныхъ бюллетеней бываетъ 5, 10—не больше.

тоже выставляются политическими партіями, но законъ и избирательныя бюро этихъ кандидатуръ не признаютъ. Каждый избиратель воленъ подавать голосъ за кого ему угодно, какъ за кандидата выставленнаго, такъ и за кандидата невыставленнаго, и всѣ голоса считаются одинаково.

Система легальныхъ кандидатуръ вноситъ болѣе строгую систему въ избирательную процедуру и уменьшаетъ, почти уничтожаетъ число такъ называемыхъ раздробившихся голосовъ, т. е. голосовъ, поданныхъ за лицъ, не выступившихъ въ данномъ округѣ.

Зато въ нѣкоторыхъ случаяхъ она можетъ излишне стѣснять свободу избирателей. Кандидатомъ офиціально не можетъ быть выставлено лицо, напр., сидящее въ тюрьмѣ за тяжелое (съ точки зрѣнія закона) преступленіе. Между тѣмъ, иногда населеніе бываетъ заинтересовано въ томъ, чтобы посредствомъ подачи за него голосовъ выразить протестъ противъ ареста и осужденія политическаго дѣятеля. Конечно, если такое лицо будетъ избрано, то выборы будутъ признаны несостоявшимися и будутъ назначены новые. Но тѣмъ не менѣе протестъ состоялся и иногда даже достигъ своей ближайшей цѣли.

Выборы, если къ нимъ привлекается вся масса населенія, не могутъ происходить сразу не только въ цѣлой провинціи, но даже и въ значительномъ округѣ. Въ Германіи, напр., въ избирательномъ округѣ, избирающемъ депутата, приходится въ среднемъ по 125.000 жителей. На 125.000 жителей приходится при голосованіи только мужскомъ, при возрастномъ цензѣ въ 25 лѣтъ около 25.000 избирателей. 25.000 избирателей не могутъ сойтись въ одно мѣсто и въ сколько-нибудь короткое время подать свои голоса. Въ виду этого избирательный округъ обыкновенно дѣлится на избирательные участки, и подача голосовъ производится въ каждомъ такомъ участкѣ. Выборами завѣдуетъ избирательная комиссія или избирательное бюро, члены котораго либо назначаются правительствомъ, либо органами мѣстнаго самоуправленія, либо состоятъ изъ опредѣленныхъ должностныхъ лицъ, либо, наконецъ, избираются самими избирателями упрощеннымъ способомъ. Такъ, напр., въ Болгаріи выборы открываются мѣстнымъ головой или старостой (по болгарски кметомъ) или замѣняющимъ его лицомъ. Староста обращается къ избирателямъ, находящимся въ моментъ выборовъ въ избирательномъ помѣщеніи, и приглашаетъ ихъ избрать избирательное бюро; тѣ это и дѣлаютъ посредствомъ криковъ и поднятія рукъ. Фактически такой способъ избранія

избирательнаго бюро открываетъ просторъ всевозможнымъ злоупотребленіямъ и фальсификаціямъ и безусловно является совершенно случайнымъ: въ моментъ открытія выборовъ находятся въ избирательномъ помѣщеніи не всѣ избиратели, а только небольшая ихъ часть, которая не можетъ говорить за всѣхъ избирателей округа. Сверхъ того, эта система раздѣляетъ заботу о производствѣ выборовъ между двумя органами. Выборная процедура не ограничивается самой подачей голосовъ. Для нея нужно составить списокъ избирателей даннаго округа, для нея нужно выбрать помѣщеніе, гдѣ будутъ происходить выборы, заготовить избирательныя урны и т. д.

При послѣдней системѣ первая часть избирательной процедуры и притомъ самая главная, всего легче допускающая всевозможныя фальсификаціи, возлагается на одну комиссіи, состоящія изъ лицъ, избранныхъ органами мѣстнаго самоуправленія, а другая часть, наименѣе важная, на лицъ, избранныхъ такимъ неорганизованнымъ способомъ— случайной толпой.

На задачѣ избирательной комиссіи до момента выборовъ лежитъ прежде всего составить списокъ избирателей, въ который должны быть включены всѣ лица, имѣющія право голоса въ данномъ округѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ только они. Именно при составленіи избирательныхъ списковъ возможны самыя грубыя злоупотребленія. Нерѣдко бываетъ, что въ избирательные списки не включаются люди, имѣющіе права голоса,—и затѣмъ, когда эти люди являются подавать свой голосъ, то ихъ къ избирательнымъ урнамъ не допускаютъ. Не рѣже того, въ избирательные списки включаютъ людей, права голоса не имѣющихъ (несовершеннолѣтнихъ или лишенныхъ права голоса по какой-нибудь другой причинѣ), но такихъ, которые завѣдомо для избирательной комиссіи будутъ голосовать именно такъ, какъ это ей желательно. Бывали случаи, что въ избирательные списки заносились лица умершія или вовсе не существующія, и затѣмъ за нихъ голосовали подставные люди. Чтобы предупредить всѣ эти злоупотребленія, помимо правильнаго состава избирательной комиссіи, необходимо, чтобы избирательные списки въ теченіе нѣсколькихъ дней или даже нѣсколькихъ недѣль были бы выставлены въ публичныхъ мѣстахъ и сдѣланы доступными для всеобщаго осмотра, чтобы каждый могъ дѣлать свои замѣчанія, указывать на невключеніе кого-нибудь и настаивать на исправленіи ошибки невольной или вольной, допущенной комиссіей.

Въ большинствѣ государствъ съ всеобщей или близкой

къ всеобщей системѣ выборовъ выборы производятся въ одинъ день во всемъ государствѣ. Въ Англіи, напротивъ, они растягиваются недѣли на 2, на 3, точно также въ Австріи. Производство выборовъ въ одинъ день имѣетъ то значеніе, что въ такомъ случаѣ выборы происходятъ повсемѣстно въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Напротивъ, когда они растягиваются на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, то въ нѣкоторыхъ округахъ выборы происходятъ уже тогда, когда извѣстенъ результатъ выборовъ въ другихъ, и этотъ результатъ выборовъ производитъ свое давленіе на массы избирателей. Такимъ образомъ, право назначить выборы на разные дни даетъ правительству возможность извѣстнымъ образомъ вліять на ихъ исходъ.

Демократическое избирательное право требуетъ, чтобы выборы были назначены непремѣнно на воскресный и праздничный день, и это признается во Франціи и Швейцаріи. Въ Германіи, напротивъ, правительство всегда назначаетъ ихъ на будній день, а иногда даже на субботу, когда большинство рабочихъ получаетъ вознагражденіе, чтобы затруднить рабочимъ подачу голоса. Въ Нидерландахъ правительство и правящіе круги противятся назначенію выборовъ на воскресный день по соображеніямъ религіознымъ.

Избирательная процедура, какъ мы видѣли, во всякомъ случаѣ отличается значительной сложностью; во время нея возможны и невольныя ошибки, и сознательныя злоупотребленія. Необходимо, слѣдовательно, чтобы какой-нибудь авторитетный органъ контролировалъ всю эту выборную процедуру и кассировалъ выборы тамъ, гдѣ они произведены неправильно, назначая взамѣнъ ихъ новые выборы. Въ большинствѣ странъ обязанность провѣрки выборовъ и право ихъ кассаціи лежитъ на самихъ парламентахъ.

По большей части парламентъ вскорѣ послѣ открытія своей сессіи, послѣ исполненія первыхъ формальностей распредѣляетъ по очереди провѣрку выборовъ всѣхъ своихъ членовъ. Самъ парламентъ дѣлится на нѣсколько отдѣленій, изъ которыхъ каждое получаетъ въ свое завѣдываніе провѣрку извѣстнаго числа полномочій. Провѣрка производится на основаніи протоколовъ выборовъ, жалобъ заинтересованныхъ лицъ, показаній свидѣтелей и самихъ выбранныхъ депутатовъ; затѣмъ комиссія дѣлаетъ свое постановленіе, которое разсматривается въ общемъ засѣданіи всей соотвѣтственной палаты парламента, который уже окончательно рѣшаетъ вопросъ: признать-ли выборы правильными, или въ виду какихъ-либо нарушеній закона, въ

виду того, что въ избирательные списки не были включены лица, имѣющія право голоса, или, напротивъ, въ нихъ были включены лица, права голоса не имѣющія, въ виду того, что не были соблюдены постановленія закона относительно тайны голосованія, въ виду того, что при подсчетѣ бюллетеней допущены какія-нибудь неправильности, въ виду всего этого признать выборы неправильными, ихъ кассировать и назначить новые выборы.

Провѣрка выборовъ требуетъ всего доступнаго человѣку и человѣческому учрежденію безпристрастія и безпартійности. Таковыхъ отъ парламента мы ожидать не можемъ; не они составляютъ его достоинство. И дѣйствительно, парламентъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ оказывается на желательной высотѣ для этой функціи. Гдѣ бы мы ни просматривали исторію провѣрокъ и кассацій выборовъ, мы вездѣ наталкиваемся на крайнее пристрастіе и узкую партійность, даже въ парламентахъ государствъ, стоящихъ на высокой ступени политическаго развитія.

Если-же взглянуть на исторію провѣрки выборовъ въ парламентахъ государствъ, не привыкшихъ къ политической жизни, то она сплошь представляетъ исторію грубыхъ насилій, нарушеній справедливости и является какъ-бы окончательнымъ апоѳеозомъ тѣхъ злоупотребленій, которыя въ широкихъ размѣрахъ совершаются при самыхъ выборахъ. Необходимо замѣтить еще, что провѣрка полномочій членовъ парламента самимъ парламентомъ представляетъ изъ себя ту явную несообразность, что депутаты, полномочія которыхъ еще не провѣрены и могутъ оказаться незаконными, принимаютъ участіе въ провѣркѣ полномочій другихъ депутатовъ.

Въ виду неудобствъ и неправильностей, связанныхъ съ провѣркой полномочій депутатовъ самимъ парламентомъ, въ Англіи не такъ давно эти функціи изъяты изъ вѣдѣнія парламента и возложены на судъ. Это сдѣлано закономъ, который былъ принятъ обѣими палатами англійскаго парламента. Конечно, всѣ человѣческія учрежденія страдаютъ недостатками, и совершенныхъ между ними нѣтъ. Тамъ, гдѣ весь государственный строй основанъ на злоупотребленіяхъ и насиліи, тамъ, конечно, и судъ не въ состояніи правильно исполнять такой важной функціи. Но въ странахъ, привыкшихъ къ политической жизни, судъ во всякомъ случаѣ является учрежденіемъ болѣе пригоднымъ для провѣрки полномочій депутатовъ, такъ какъ при этой провѣркѣ дѣло идетъ не о созданіи новаго закона, а о наблюденіи за исполненіемъ законовъ и даже не о наблюденіи за ихъ исполне-

ніемъ, а о выясненіи того, нарушено-ли въ данномъ случаѣ право или нѣтъ, т. е. какъ разъ о томъ, что по общему правилу возлагается именно на судъ.

Мы видѣли такимъ образомъ, что избирательное право можетъ быть организовано самымъ разнообразнымъ образомъ. Только непосредственность и тайна голосованія даютъ гарантію того, что въ результатѣ выборовъ въ парламентѣ явятся дѣйствительные избранники избирателей, дѣйствительно люди, которые соотвѣтствуютъ желаніямъ избирателей.

Но непосредственности и тайны голосованія мало. Нужно еще, чтобы всѣ условія выборной процедуры были таковы, чтобы дѣйствительно была обезпечена подача голосовъ всѣми избирателями, или, по крайней мѣрѣ, тѣми изъ нихъ, кто самъ желаетъ подавать голосъ. Для этого необходимо, чтобы соотвѣтственнымъ образомъ былъ назначенъ день выборовъ, чтобы были выбраны удобныя для избирателей помѣщенія и т. д. и т. д. Но, главное, чтобы ни въ какой формѣ не было допущено давленіе на избирателей, чтобы избирателей нельзя было подкупать, чтобы избирателей нельзя было запугивать и т. д Извѣстной гарантіей этого является правильный составъ избирательныхъ комиссій, завѣдывающихъ выборами. Когда въ нихъ входятъ чиновники правительства, народомъ неизбраннаго, то много шансовъ, что выборы будутъ итти неправильно; когда въ избирательныя комиссіи входятъ лица, прямо или косвенно выбранныя народомъ (т. е. по большей части лица, избранныя органами мѣстнаго самоуправленія, въ свою очередь избранными народомъ), то правильность выборовъ гарантируется въ большей степени. Наконецъ, для гарантіи правильности выборовъ нужно, чтобы провѣрка выборовъ и право ихъ кассаціи были организованы правильнымъ образомъ.

V.

Агитація при выборахъ.

Есть еще одно важное условіе, чтобы выборы могли дать правильный результатъ. Народъ, выбирающій депутатовъ, долженъ имѣть возможность столковаться между собою. Необходимо, чтобы кандидаты въ парламентѣ имѣли возможность свободно излагать свои программы и критиковать другъ друга, чтобы они могли это дѣлать и въ печати, и

на собраніяхъ, чтобы каждый избиратель могъ получить возможность выслушать всѣхъ кандидатовъ и задавать имъ вопросы. Другими словами, нужна полная свобода избирательной агитаціи.

Въ большей или меньшей степени такая свобода существуетъ вездѣ, гдѣ только существуетъ парламентъ, по крайней мѣрѣ, существуетъ она въ теоріи. Право свободной агитаціи во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ красуется въ законахъ. Въ Англіи, Франціи, въ Германіи, въ Бельгіи, Швейцаріи, Соедин. Штатахъ она дѣйствительно существуетъ и если иногда нарушается, то нарушеніе это имѣетъ робкій характеръ. Иногда полиція подъ предлогомъ нарушенія тишины разгоняетъ какое-нибудь избирательное собраніе иногда на избирательное собраніе посылаются провокаторы, которые его срываютъ. Иногда полиція достигаетъ того, что ни одинъ хозяинъ большой залы, въ которой могли-бы быть устраиваемы публичныя собранія въ данной мѣстности, не даетъ своихъ залъ подъ собранія той или иной непріятной правительству партіи. Такъ въ Германіи въ небольшихъ и даже среднихъ городахъ, вродѣ Кельна или Кенигсберга, а тѣмъ болѣе въ деревняхъ, соціалъ-демократамъ очень трудно устраивать собранія: залы большинства ресторановъ, театровъ и т. п. учрежденій для нихъ по большей части закрыты, такъ какъ ихъ хозяева не желаютъ ссориться съ полиціей, которая всегда впослѣдствіи сумѣетъ отомстить имъ, придравшись къ какому-нибудь, совершенно иному поводу. Въ другихъ же странахъ, какъ, напримѣръ, въ Австріи (въ особенности въ нѣкоторыхъ ея частяхъ, вродѣ Галиціи), а также въ Болгаріи, Сербіи, Греціи, Румыніи, свобода избирательной агитаціи нарушается гораздо грубѣе. Тамъ иногда подъ какимъ-нибудь предлогомъ или даже безъ предлога, передъ самыми выборами арестуютъ кандидата или наиболѣе вліятельныхъ агитаторовъ; тамъ грубо разгоняютъ собранія или ихъ не допускаютъ и т. д., но вездѣ и всегда это нарушеніе закона, и борьба съ нимъ возможна на почвѣ закона же; она ведется, и постепенно въ этомъ отношеніи дѣлаются все большія и большія завоеванія. Но только при полной свободѣ выборной агитаціи выборы дѣйствительно даютъ правильный результатъ, т. е. правильный не съ точки зрѣнія того или иного правительствующаго лица, не съ точки зрѣнія той или иной партіи, а съ точки зрѣнія дѣйствительнаго соотвѣтствія состава парламента волѣ избирателей.

Библіотека ООН

В. Водовозовъ.